

РАССКАЗЫ
О РУССКОМ ПОДВИГЕ

Сергей
Алексеев

РАССКАЗЫ
О РУССКОМ
ПОДВИГЕ

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

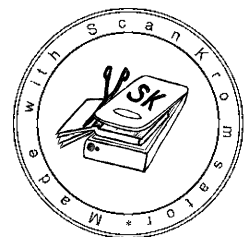
РАССКАЗЫ
О РУССКОМ
ПОДВИГЕ

Издательство
• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •
Москва — 1979

Художник В. Макеев

Scan AAW

А 70803—234.175—78 4803010102
М-105(03)79

©Издательство «Советская Россия», 1979 г., иллюстрации.

Часть первая

**РАССКАЗЫ
ПРОШЛОМ**

ИЗДАВНА РУССКИЕ СЧИТАЛИСЬ
ХОРОШИМИ МОРЕХОДАМИ.
ОНИ СОВЕРШАЛИ ДАЛЕКИЕ ПЛАВАНИЯ
И ТОРГОВАЛИ С ДРУГИМИ НАРОДАМИ.
НО ВРАГИ СТРЕМИЛИСЬ
ОТНЯТЬ У РОССИИ ВЫХОДЫ К МОРЮ.
СЕВЕРНЫМИ БЕРЕГАМИ ЧЕРНОГО МОРЯ
ЗАВЛАДЕЛИ ТУРЕЦКИЕ ЗАХВАТЧИКИ.
БЕРЕГА БАЛТИЙСКОГО МОРЯ
И ПРИЛЕГАЮЩИЕ К НИМ ЗЕМЛИ
ЛАТЫШЕЙ И ЭСТОНЦЕВ
ЗАХВАТИЛИ ШВЕДЫ.
В ТО ВРЕМЯ ШВЕЦИЯ
БЫЛА ОЧЕНЬ СИЛЬНЫМ ГОСУДАРСТВОМ.
ЕЕ АРМИЯ СЧИТАЛАСЬ
ОДНОЙ ИЗ ЛУЧШИХ В МИРЕ.
КРОМЕ ТОГО, ШВЕЦИЯ ИМЕЛА
БОЛЬШОЙ, ХОРОШО ВООРУЖЕННЫЙ ФЛОТ.
В 1700 ГОДУ УМНЫЙ И ДЕЯТЕЛЬНЫЙ
РУССКИЙ ЦАРЬ ПЕТР I
ОБЪЯВИЛ ВОЙНУ ШВЕЦИИ.
ВОЙНА СО ШВЕДАМИ ДЛИЛАСЬ
ДВАДЦАТЬ ОДИН ГОД
И ЗАКОНЧИЛАСЬ
ПОЛНОЙ ПОБЕДОЙ РУССКИХ.
В ИСТОРИИ ОНА ПОЛУЧИЛА
НАЗВАНИЕ СЕВЕРНОЙ.
ДЛЯ РОССИИ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
НАЧАЛАСЬ НЕУДАЧНО.
ПОД ШВЕДСКОЙ КРЕПОСТЬЮ НАРВОЙ
РУССКИЕ ПОТЕРПЕЛИ ПОРАЖЕНИЕ.
О ТОМ, КАК И ПОЧЕМУ ЭТО СЛУЧИЛОСЬ,
А ТАКЖЕ О ТОМ,
ЧТО ПОНАДОБИЛОСЬ ПРЕДПРИНЯТЬ
ДЛЯ БУДУЩИХ ПОБЕД
И О САМЫХ ПЕРВЫХ ПОБЕДАХ,
ВЫ И УЗНАЕТЕ ИЗ КНИГИ
РАССКАЗОВ «НЕБЫВАЛОЕ БЫВАЕТ».

НЕБЫВАЛОЕ
БЫВАЕТ

Глава первая НА РЕКЕ НАРВЕ

ПОХОД

усская армия шла к Нарве.

Тра-та-та, тра-та-та! — выбивали походную дробь полковые барабаны.

Шли войска через старинные русские города Новгород и Псков, шли с барабанным боем, с песнями.

Стояла сухая осень. И вдруг хлынули дожди. Пооблетали листья с деревьев. Размыло дороги. Начались холода. Идут солдаты по размытым дождем дорогам, тонут по колени солдатские ноги в грязи.

Устанут, промокнут солдаты за день, а обогреться негде. Села попадались редко. Ночевали все больше под открытым небом. Разведут солдаты костры, жмутся к огню, ложатся на мокрую землю.

Вместе со всеми шел к Нарве и Иван Брыкин, тихий, неприметный солдат. Как и все, месил Брыкин непролазную грязь, нес тяжелое кремневое ружье — фузею, тащил большую солдатскую сумку, как и все, ложился спать на сырую землю.

Только робок был Брыкин. Кто посмелее, тот ближе к костру пристроится, а Брыкин все в стороне лежит, до самого утра от холода ворочается.

Найдется добрый солдат, скажет:

— Ты что, Иван? Жизнь тебе недорого?

— Что жизнь! — ответит Брыкин. — Жизнь наша — копейка. Кому солдатская жизнь надобна!

Исхудали солдаты, оборвались в пути, болели, отставали от войска, помирали на дальних дорогах и в чужих селах.

Не вынес похода и Иван Брыкин. Дошел до Новгорода и слег. Начался у Брыкина жар, заломило в костях. Уложили солдаты товарища на обозную телегу. Так и добрался Иван до Ильмень-озера. Остановились телеги у самого берега. Распрягли солдаты лошадей, напоили водой, легли спать.

Дремал и Брыкин. Среди ночи больной очнулся. Почувствовал страшный холод, открыл глаза, подобрался к краю телеги, смотрит — кругом вода. Дует ветер, несет волны. Слышит Брыкин далекие солдатские голоса. А произошло вот что. Разыгралось ночью Ильмень-озеро. Вздунулась от ветра вода, разбушевалась, хлынула на берег. Бросились солдаты к телегам, да поздно. Пришлось им оставить обоз на берегу.

— Спасите! — закричал Брыкин.

Но в это время набежала волна, телегу повалило набок.

— Спаси-ите! — вновь закричал Брыкин и захлебнулся.

Накрыла солдата вода с головой, подхватила, поволокла в озеро.

К утру вода схлынула. Собрали солдаты уцелевшее добро, пошли дальше.

А об Иване никто и не вспомнил. Не он первый, не он последний — много тогда по пути к Нарве солдат погибло.

КАПИТАН БОМБАРДИРСКОЙ РОТЫ

Трудно солдатам в походе. На мосту при переправе через небольшой ручей застряла пушка. Продавило одно из колес гнилое бревно, провалилось по самую ступицу.

Кричат солдаты на лошадей, бьют сыромятными кнутами. Кони за долгую дорогу отощали — кожа да кости.

Напрягаются лошаденки изо всех сил, а пользы никакой — пушка ни с места.

Сгрудились у моста солдаты, обступили пушку, пытаются на руках вытащить.

— Вперед! — кричит один.

— Назад! — команду подает другой.

Шумят солдаты, спорят, а дело вперед не движется. Бегают вокруг пушки сержант. Что бы придумать, не знает.

Вдруг смотрят солдаты — несется по дороге резной возок.

Подскакали сытые кони к мосту, остановились. Вылез из возка офицер. Взглянули солдаты — капитан бомбардирской роты. Рост у капитана громадный, метра два, лицо круглое, глаза большие, на губе, словно наклеенные, черные как смоль усы.

Испугались солдаты, вытянули руки по швам, замерли.

— Плохи дела, братцы, — произнес капитан.

— Так точно, бомбардир-капитан! — гаркнули в ответ солдаты.

Ну, думают, сейчас капитан ругаться начнет.

Так и есть. Подошел капитан к пушке, осмотрел мост.

— Кто старший? — спросил.

— Я, господин бомбардир-капитан, — проговорил сержант.

— Так-то воинское добро бережешь! — набросился капитан на сержанта. — Дорогу не смотришь, коней не жалеешь!

— Да я... да мы... — заговорил было сержант.

Но капитан не стал слушать, развернулся — и хлоп сержанта по шее! Потом подошел опять к пушке, снял нарядный с красными отворотами кафтан и полез под колеса. Поднатужился капитан, подхватил богатырским плечом пушку. Солдаты аж крикнули от удивления. Подбежали, поднавалились. Дрогнула пушка, вышло колесо из пролома, стало на ровное место.

Расправил капитан плечи, улыбнулся, крикнул солдатам: «Благодарствую, братцы!» — похлопал сержанта по плечу, сел в возок и поскакал дальше.

Разинули солдаты рты, смотрят капитану вслед.

— Ну и дела! — произнес сержант.

А вскоре солдат догнал генерал с офицерами.

— Эй, служивые, — закричал генерал, — тут государев возок не проезжал?

— Нет, ваше высочество, — ответили солдаты, — тут только и проезжал бомбардирский капитан.

— Бомбардирский капитан? — переспросил генерал.

— Так точно! — отвечали солдаты.

— Дурни, да какой же это капитан? Это сам государь Петр Алексеевич!

«БЕЗ НАРВЫ НЕ ВИДАТЬ МОРЯ»

Весело бегут сытые кони. Обгоняет царский возок растянувшиеся на многие версты полки, объезжает застрявшие в грязи обозы.

Рядом с Петром сидит человек. Ростом — как царь, только в плечах шире. Это Меншиков.

Меншикова Петр знал с детства.

Служил в ту пору Алексашка Меншиков у пирожника мальчиком. Ходил по московским базарам и площадям, торговал пирогами.

— Пироги подóвые, пироги подóвые! — кричал, надрывая глотку, Меншиков.

Однажды Алексашка ловил рыбу на реке Яузе, напротив села Преображенского. Вдруг смотрит Меншиков — идет мальчик. По одежде догадался — молодой царь.

— Хочешь, фокус покажу? — обратился Алексашка к Петру.

— Хочу.

Схватил Меншиков иглу с ниткой и проткнул себе щеку, да так ловко, что нитку протянул, а на щеке ни кровинки.

Петр от неожиданности даже вскрикнул.

Более десяти лет прошло с того времени. Не узнать теперь Меншикова. У царя первый друг и советчик. «Александр Данилович», — почтительно величают сейчас прежнего Алексашку.

— Эй, эй! — кричит сидящий на козлах солдат.

Кони несутся во весь опор. Подбрасывают на выбоинах царский возок. Разлетается в стороны грязь.

Петр сидит молча, смотрит на спину солдата, вспоминает детство свое, игры и потешное войско.

Жил тогда Петр под Москвой, в селе Преображенском. Больше всего любил военные игры. Набрали для него ребят, привезли ружья и пушки. Только ядер настоящих не было. Стреляли пареной репой. Соберет Петр свое войско, разделит на две половины, и начинается бой. Потом считают потери: одному руку сломало, другому бок отшибло, а третьего и вовсе на тот свет отправили.

Приедут, бывало, из Москвы бояре, начнут Петра за потешные игры бранить, а он наведет на них пушку — бух! — и летит пареная репа в толстые животы

и бородатые лица. Подхватят бояре полы расшитых кафтанов — и наутек. А Петр выхватит шпагу и кричит:

— Виктория!¹ Виктория! Победа! Неприятель спину показал!

Теперь потешное войско выросло. Это два настоящих полка — Преображенский и Семеновский. Царь величает их гвардией. Вместе со всеми полки идут к Нарве, вместе месят непролазную грязь. «Как-то себя покажут старые дружки-приятели? — думает Петр. — Это тебе не с боярами воевать».

— Государь! — выводит Меншиков царя из раздумья. — Государь, Нарва видна.

Смотрит Петр. На левом крутом берегу реки Нарóвы стоит крепость. Кругом крепости — каменная стена. У самой реки виднеется Нарвский замок — крепость в крепости. Высоко в небо вытянулась главная башня замка — Длинный Герман.

А против Нарвы, на правом берегу Нарóвы, — другая крепость: Иван-город. И Иван-город обнесен неприступной стеной.

— Нелегко, государь, такую крепость воевать, — говорит Меншиков.

— Нелегко, — отвечает Петр. — А надобно. Без Нарвы нам нельзя. Без Нарвы не видать моря.

«ПОГОВОРИ, ГОСУДАРЬ, С СОЛДАТАМИ»

Приехал Петр к Нарве, собрал генералов, стал спрашивать о состоянии войска.

Неловко генералам говорить царю правду. Боятся царского гнева. Докладывают генералы, что все хорошо, что войска дошли без потерь. И пушек достаточно, и ядра есть, и порох хороший.

— А как с провиантом? — спрашивает Петр.

— И провиант есть, — отвечают генералы.

— Так, — говорит Петр, а сам наклонился к Меншикову, шепчет на ухо: — Не верится мне что-то, Данилыч, иное в пути видел.

— Врут. Ей-богу, врут! — отвечает Меншиков. — Пойди поговори, государь, с солдатами.

Пошел Петр. Смотрит — солдаты стоят, ружья чистят.

— Как дела, служивые? — спрашивает Петр.

— Оно ничего, государь, бог милостив, — отвечают солдаты.

— Ну, а народу в пути много полегло? — спрашивает Петр.

— Полегли, государь. Так ведь на то и дорога дальняя; дожди, государь, непогода.

Взглянул на солдат Петр, ничего не сказал, только дернулся тонкий, словно шило, петровский ус.

Пошел Петр дальше. Смотрит — бомбардиры возятся у пушек.

— Как дела, бомбардиры? — спрашивает Петр.

— Оно ничего, государь, бог милостив, — отвечают бомбардиры.

— Ну, а как пушки, как порох?

Молчат пушкари, переминаются с ноги на ногу.

— Так как же порох? — переспрашивает Петр.

— Оно ничего, государь, — отвечают бомбардиры.

И снова молчат, снова переминаются с ноги на ногу.

— Что — ничего? Где обозы, где порох? — не вытерпев, закричал Петр.

---

¹ Виктория — победа (франц.).

— Поотстали, государь, обозы, — отвечают солдаты. — Так ведь дорога дальняя, грязь непролазная. А порох есть, государь. Как же без пороха на войну идти? Подвезут, чай, порох.

И снова дернулся петровский ус, сжались в кулаки огромные руки.

Пошел царь дальше. Смотрит — драгуны коней чистят.

— Как дела, молодцы? — спрашивает Петр.

— Оно ничего, государь, бог милостив, — отвечают драгуны.

— А как с харчами?

— Вот с харчами разве что худо. Да оно ничего, государь, — отвечают драгуны, — народ терпит. Коней жалко.

Перекосилось от злобы петровское лицо. Понял царь, что генералы говорили неправду. Вернулся Петр в генеральскую избу, снова собрал совет.

— Как же шведа воевать будем? — заговорил царь. — Где порох, где обозы? Чего солдат в пути загубили, чем живых кормить будем? Чего брехали, правду не сказывали?!

Молчат генералы, смотрят на царя исподлобья, заговорить боятся.

Наконец встал старший по чину, Автамон Головин:

— Петр Алексеевич, не гневайся. Русский мужик вынослив. Бог милостив, уж как-нибудь.

— Дурак! — рявкнул Петр. — На божьей милости далеко не уедешь! Пушки нужны, ядра, корм лошадям и людям. Дело оно не шутейное. Шкуру спущу, коли порядка не будет! Поняли?

И вышел, да так хватил дверью, что у генералов мурашки по спине пробежали.

«КТО ТРУСИТ — СТУПАЙ В ОБОЗ»

Следить за осадой Нарвской крепости Петр поручил генерал-инженеру барону Галларту. В России в то время было мало знающих людей, вот и приходилось приглашать иностранцев.

Однако, приехав под Нарву, барон неохотно занимался своим делом. Галларта все раздражало: и пушек у русских мало, и кони тощи, и солдаты плохо обучены. Ходил Галларт всем недовольный и только злил Петра.

Несколько раз царь приглашал иностранного генерала пройтись вокруг крепости, осмотреть самому шведские укрепления, но Галларт все отказывался.

Тогда Петр взял лист бумаги, карандаш и пошел сам.

Шведы увидели царя, стали стрелять. Ударяются рядом с Петром шведские пули, а он ходит, чертит что-то на бумаге, делает вид, что ничего не замечает. Стыдно стало Галларту. Нехотя пошел догонять Петра.

Однако Петр ходит у самой крепости, а подойти к крепости Галларт боится. Остановился барон в безопасном месте, кричит:

— Ваше величество!

Хочет Галларт, чтобы царь обратил на него внимание, машет Петру рукой.

Петр молчит.

— Ваше величество! — еще громче кричит Галларт.

И вновь никакого ответа.

Понял Галларт, что Петр нарочно не отзывается: ждет, когда барон подойдет ближе. Набрался генерал храбрости, сделал несколько шагов вперед. А в это время грянула с крепостной стены шведская пушка, просвистала в осеннем воздухе неприятельская бомба, шлепнулась в лужу недалеко от Галларта. Бросился барон на землю ни жив ни мертв. Лежит, ждет, когда бомба разорвется.

Однако бомба не разорвалась. Приоткрыл тогда Галларт глаза, приподнял голову, смотрит — рядом стоит Петр. Улыбается Петр, подает генерал-инженеру руку.

Покраснел Галларт, поднялся с грязной земли, говорит царю:

— Ваше величество, да царское ли это дело под пулями ходить!

— Царское не царское, — отвечает Петр, — а приходится. Видать, помощники у меня плохи. Не те помощники. А дело — оно военное. Тут кто трусит — ступай в обоз.

Смутился генерал Галларт, обиделся на царя, поднял с земли свою шляпу и пошел к русскому лагерю. А Петр посмотрел ему вслед и только головой покачал.

О ДВУХ МУЖИКАХ

Осада Нарвы затянулась. Вначале ждали поотставшие в дороге полки. Потом, когда начали обстрел вражеской крепости, оказалось, что русские пушки плохи. При стрельбе отваливались у пушек лафеты, ломались колеса, разрывались некрепкие пушечные стволы.

В русском лагере поползли слухи, что шведов не одолеть, что на помощь крепости спешит сам шведский король.

Приближалась зима. Пошли длинные, холодные ночи. Свистел колючий ветер. Почти над самой землей двигались черные, зловещие тучи.

В одну из таких ночей Петр шел по лагерю, спустился к Нарове. Вдоль берега реки, ежась от холода, расхаживал часовой.

— Эй, служивый! — закричал Петр.

Часовой вздрогнул. Обернулся. Узнал Петра. Вытянул руки по швам.

— Ну как, побьем шведов? — обратился Петр к солдату.

— Бог, государь, он милостив. Может, и побьем, — ответил часовой.

— Что — бог! А ты как мыслишь?

— Что — я? Я как все, — произнес солдат.

— А как все? — допытывает Петр.

— Да разное говорят, государь. Побьют нас шведы, говорят.

— Дурак! — выругался Петр, сплюнул с досады и пошел дальше.

— Государь, — услышал он тихий оклик.

— Ну что? — спросил недовольно Петр и вернулся к солдату.

— Государь, дозвожь притчу рассказать.

— Притчу? — переспросил Петр. Усмехнулся. — Рассказывай.

— В давние времена, — начал солдат, — жили на селе два мужика. Пахали мужики землю, рожь сеяли. Да только жили мужики по-разному. У одного к осени все закрома полны хлебом, а другой соберет чуть более того, что посеял. Стало обидно второму мужику. В чем дело, какой такой секрет у товарища? Лежит мужик всю зиму на печи, думу свою думает. Наконец не вытерпел, пошел к соседу.

«Почему это, — говорит, — у тебя такое везение?»

«А у меня на то особый секрет есть», — слышит в ответ.

«Какой секрет?» — спрашивает неудачливый мужик.

«А вот, — отвечает сосед и показывает ладони. — Вот тут, — говорит, — мой секрет и есть».

Обрадовался мужик, смотрит на ладони, а там пусто.

«Да тут ничего нет!» — говорит он с обидой.

«Как — нет? Есть, — отвечает сосед. — Смотри лучше», — и показывает на мозоли.

«Да какой же это секрет? — еще больше обиделся мужик. — Мозоли и у меня есть!» — и смотрит на свои руки.

Смотрит, а никаких мозолей на них и нет. Прележал всю зиму мужик на печи, вот и сошли мозоли.

— Э-э, — проговорил Петр, — да, я смотрю, ты неглуп!

— Так точно, господин бомбардир-капитан.

— Что — так точно? — переспросил Петр.

Солдат смутился.

Петр рассмеялся.

А через несколько дней, забрав Меншикова, Петр уехал в Новгород. Помчался Петр собирать новые полки да подгонять поотставшие в пути обозы.

Всю дорогу Петр ехал молча, все о солдатской притче думал.

«СТРАХ — ОН ХУЖЕ СМЕРТИ!»

Солдат Федор Грач сидел в окопе. Держал Грач в руке фузею, ждал, когда подойдут шведы. Отродясь еще не приходилось Федору стрелять из ружья. Не обучив ружейным приемам, так и послали на войну.

— Боязно? — спрашивает Федора сосед по окопу, уса́тый, уже немолодой солдат.

— Боязно, — отвечает, краснея, Грач.

— Оно и понятно, — говорит солдат. — А ты не думай о страхе. От него, от страха, немало зла на войне бывает. Страх он еще хуже смерти.

В ночь перед приходом шведов выпал туман. К рассвету пошел снег. Начался ветер, погнал в сторону русских снежные вихри. Холодный ветер леденил солдат. Вьюжило. В двадцати шагах нельзя было различить друг друга.

Уса́тый солдат то и дело прикладывал к земле ухо — слушал, не идут ли шведы.

Шведы появились неожиданно, словно из-под земли выросли. Обрушились шведские стрелки на русские окопы.

Поднял Грач ружье, выстрелил. А что дальше произошло, уже и понять не мог. Перемешались в окопах русские и шведские мундиры. И рад бы стрелять Федор, а куда, не знает. Разыгралась вьюга, слепит глаза, где свой, где швед — разобрать трудно.

И вдруг прошел слух: «Немцы предали». Оказывается, барон Галларт и другие иностранные офицеры перешли на сторону шведов. Оставшись без командиров, русские дрогнули, началась паника. Полки устремились к Нарóве. Солдаты бежали к единственному мосту через реку. Вместе со всеми бежал и Федор Грач. Бежал, не видя ничего, бежал, спотыкался, падал, поднимался и снова бежал. Мост был временный, легкий. Поравнялся Грач с мостом и вдруг вспомнил слова бывалого солдата. Остановился Федор, повернулся к товарищам.

— Стой! — кричит. — Стой, братцы! Страх — он хуже смерти!

Кричит Грач, но никто не обращает на него внимания. Хватает Грач товарищей за руки, хочет остановить, да где уж. Оттолкнули солдаты Федора в сторону, побежали по шатким, прогибающимся доскам моста. Мост прогнулся. Деревянный настил осел, коснулся воды. Забурлила вода, заклокотала. И вдруг мост не выдержал. Оборвались непрочные пеньковые канаты. Скрипнул мост, развалился. Смотрит Грач на Нарóву — несет река свои воды, тащит в пучину русских солдат.

Отвернулся Федор, сел на камень, схватился за голову. Вдруг слышит — кто-то положил ему на плечо руку.

Поднял Грач голову, смотрит — перед ним бывалый солдат.

— Видишь, что страх делает? — обращается солдат к Федору.

— Вижу.

— То-то, — говорит солдат. — Знай. А сейчас бери фузею. Слышишь — справа пальба идет. То царевы гвардейские полки — Преображенский и Семеновский — бьются. Пошли на помощь. А что народ гибнет, на то и война. Тут кто страх поборол, тот и есть настоящий солдат.

«ПУСТЬ САМ ЧЕРТ ВОЮЕТ С ТАКИМИ СОЛДАТАМИ!»

Подходя к Нарве, шведский король Карл говорил: «Московские мужики разбегутся при одном виде моих солдат».

Однако вскоре королю пришлось изменить свое мнение. Не хотел, а все же пришлось. Произошло это вот как.

Услышав сильную пальбу близ Наровы — а там бились преображенцы и семеновцы, — Карл бросился к своим войскам.

Король подоспел вовремя: гвардейцы оттеснили, отбили шведов. Того и гляди, обратятся шведы в позорное бегство.

— Шведы, шведы! — закричал Карл. — С вами бог и ваш король! За мной, шведы!

Солдаты воспрянули духом и с новой силой бросились в битву.

Слева, с невысокого холма, била русская пушка. С кипением врезались ядра в шведские ряды, валили по несколько человек сразу.

— Пушки, подать сюда пушки! — закричал Карл.

Несколько солдат бросились выполнять приказ. Вскоре появилась шведская батарея.

— Огонь!

Ядра легли с недолетом, метрах в тридцати от русской пушки.

— Огонь! — закричал Карл.

Опять недолет.

С третьего выстрела легли шведские ядра рядом с пушкой. Поднялась снежная пыль. словно игрушечных, подкинуло в воздух и разбросало в разные стороны русских солдат.

— Ура! — закричал Карл. — Ура! — и замахал шляпой.

Однако, когда улеглась пыль, король увидел: у пушки, словно вовсе и не было залпа, стоит солдат. Карл посмотрел — у солдата нет правой руки. Весь бок пушкаря залит кровью. словно надломленный сук, торчит из плеча оголенная кость. Солдат держит в левой руке запал, что-то кричит, наводит пушку прямо на шведского короля.

— Безумец! — закричал король.

В это время грянул новый выстрел, и Карл упал с лошади.

Когда король вылез из-под убитого коня и осмотрелся, на прежнем месте солдата уже не было. Прихрамывая на ушибленную ногу, Карл поднялся на холм. Рядом с русской пушкой, истекая кровью, лежал солдат. Глаза героя были полужакрыты, губы произносили какие-то слова. Карл наклонился к умирающему. «Русский шведа и одной левой бьет», — повторял упрямо солдат.

Уже потом, когда кончился бой, Карл пытался узнать, как звали героя. Однако никто ответить королю на его вопрос не мог. Тогда Карл вызвал барона Галларта.

— Что за солдат, не знаю, — ответил Галларт, — однако, ваше величество, могу вас заверить, что таких у русских немало. Не люди — безумцы. Пусть сам черт воюет с такими солдатами!

Посмотрел Карл на Галларта, вспомнил свои слова, сказанные при подходе к Нарве, задумался, ничего не ответил.

КАК МАЙОР ПИЛЬ СМЕРТЬ ПРИНЯЛ

Еще в Москве нагадала старая цыганка майору Пилю, что примет он смерть от руки русского солдата. (Немец майор Пиль состоял на службе у русских.)

Нрав у Пили был веселый, легкий. Посмеялся он над словами цыганки, рассказал товарищам да и забыл. Вспомнил о них уже под Нарвой, в самый разгар боя.

Узнав, что барон Галларт и другие иноземные офицеры изменили русским, майор Пиль тоже хотел перейти на сторону шведов. Однако майору не повезло. Перехватил Пили русский солдат. Лицо у солдата здоровое, глаза злые. Майор едва ноги унес. Хорошо, помогла вьюга.

— Фу ты, вредная! — помянул в эту минуту майор цыганку.

Отбежал Пиль в глубь лагеря, забился в офицерскую землянку, просидел там до самого вечера. Все боялся майор, что вот-вот ворвется в землянку солдат со злыми глазами. Потом успокоился. Мол, беда миновала, стал ждать, когда в русском лагере наконец появятся шведы.

Однако шведы не шли. Не одержав победы над преображенцами и семеновцами, шведы прекратили бой.

А вечером к землянке подбежал русский солдат, стукнул в дверь, закричал:

— Господ офицеров на военный совет!

Пришел Пиль в генеральскую избу, а там все решено. Договорились генералы послать к шведам своих послов просить о перемирии. Выделили князя Козловского и майора Пили.

Вышли послы на улицу. Кругом солдаты. Собираются солдаты группами, о чем-то спорят, шумят, перебивают друг друга. Несутся в ночном воздухе солдатские голоса.

— Не сдадимся шведам!

— Не отступим!

— Животы положим, а со стыдом не уйдем!

Обошли князь Козловский и майор Пиль солдат стороной. На всякий случай обходили осторожно, крадучись. Двинулись к шведским позициям. Однако у границы русского лагеря послов окликнули часовые.

— Стой! Кто такие? Откуда? — раздались звонкие голоса.

И сразу к послам из темноты подступило несколько человек.

— Да, никак, свои, — заговорили солдаты. — Да чего их сюда понесло?

Послы растерялись. Захлопал выпученными глазами Пиль. Ради осторожности сделал шаг назад, стал за широкую спину князя Козловского.

Повысил князь голос, пытался прикрикнуть на солдат, да ничего не получилось. Пришлось рассказать, в чем дело.

— Ироды! — закричал кто-то. — Шкуру свою спасаете!

— Что вы, братцы, что вы! — вмешался Пиль. — Ради вас стараемся... — и осекся: показалось Пилю, что стоит перед ним тот самый солдат со злыми глазами.

— Предатели! Бей предателей! — понеслись солдатские возгласы.

— Стой, стой, братцы! — только и успел сказать князь Козловский.

Навалились солдаты, бросили послов на землю, стали бить сапогами и прикладами.

Вспомнил еще раз Пиль старую цыганку, дернулся и замер. Охал и стонал, хватаясь за пробитую голову, князь Козловский.

А кругом разносилось:

— Не сдадимся шведам!

— Не отступим!

— Животы положим, а со стыдом не уйдем!

«УЧЕНИКИ ВЫУЧАТСЯ И ОТБЛАГОДАРЯТ СВОИХ УЧИТЕЛЕЙ»

Солдаты готовились к новому бою. Однако генералы решили по-своему. В новый бой русская армия не вступила. Генералы договорились с королем Карлом о почетном отступлении.

Ночью через Нарóву стали наводиться мосты. Затем рота за ротой русские войска принялись переходить на правый ее берег. Переправу охраняли Преображенский и Семеновский полки. С барабанным боем, с распущенными знаменами они последними перешли Нарóву.

Весть о поражении русских войск застала Петра в Новгороде. Загнав лошадь, к царю примчался всадник.

— Что там? — спросил Петр.

— Конфузия, государь! — только и ответил прибывший.

Подошел Меншиков. Узнав о поражении русской армии, побледнел, стал причитать:

— Что же теперь? Как же оно будет!

— Цыц! — огрызнулся Петр.

— Святая богородица, да за что же ты нас, — не унимался Меншиков.

— Да умолкни ты, дурья башка! — закричал Петр. — От битья железо крепнет, человек мужает. Радуйся, дурак, науке. Чай, не первый раз со шведами бьемся. Дел-то посмотри сколько. Малому ли война научила? Эхма, только работай! Заводы строй, пушки лей, армия, поди, регулярная нужна, офицеры свои, генералы. Отстала Русь. Страна большая, а порядку мало. Попомни: ученики выучатся и отблагодарят своих учителей.

Глава вторая

РАДУЙСЯ МАЛОМУ, ТОГДА И БОЛЬШОЕ ПРИДЕТ

«ГОСУДАРЬ, ДОЗВОЛЬ МОЛВИТЬ»

Зима. Мороз. Ветер. По завьюженной дороге несется резной возок. Подбрасывает седока на ухабах. Разлетается из-под лошадиных копыт белыми лепешками снег. Петр мчится в Тулу, едет на оружейный завод к Никите Демидову.

Демидова Петр знал давно, еще с той поры, когда Никита был простым кузнецом. Бывало, приведут дела Петра в Тулу, зайдет он к Демидову, скажет: «Поучи-ка, Демидыч, железному ремеслу».

Наденет Никита фартук, вытащит клещами из горна кусок раскаленного железа. Стучит Демидов по железу молотком, указывает Петру, куда бить. У Петра в руках молот. Развернется Петр, по указанному месту — бух! Только искры летят в стороны.

— Так его, так! — приговаривает Демидов.

А чуть царь оплошает, закричит Никита:

— У, косорукий!

Потом уже скажет:

— Ты, государь, не гневайся. Ремесло — оно крик любит. Тут без крику — что без рук.

— Ладно уж, — ответит Петр.

И вот царь опять в Туле. «Неспроста, — думает Демидов. — Ой, неспроста царь пожаловал».

Так и есть.

— Никита Демидович, — говорит Петр, — про Нарву слышал?

Не знает, что и сказать Демидов. Скажешь еще не так, только прогневаешь царя. А как же про Нарву не слышать, когда все кругом шепчутся: мол, нало-мали нашему шведы бока.

Молчит Демидов, соображает, что бы ответить.

— Да ты не хитри, не хитри, — говорит Петр.

— Слышал, — произносит Демидов.

— Вот так-то, — отвечает Петр. — Пушки нужны, Демидыч. Понимаешь, пушки.

— Как же не понять, государь.

— Да ведь много пушек надобно, — говорит Петр.

— Понятно, Петр Алексеевич. Только заводы-то наши, тульские, хилы. Железа нет. Леса нет. Слезы, а не заводы.

Петр и Демидов молчат. Петр сидит на резной лавке, смотрит в окно на заводской двор. Там в рваных армяках и стоптанных лаптях двое мужиков тащат осиновое бревно.

— Вот оно, наше тульское раздолье, — говорит Демидов. — По бревнышку, по бревнышку, как нищие побираемся. — А потом наклонился к Петру и заговорил тихо, вкрадчиво: — Государь, дозволю молвить.

Петр восторжен, посмотрел на Демидова, произнес:

— Сказывай.

— Тут ездили мои людишки, — проговорил Демидов, — на Урал. И я, государь, ездил. Вот где железа! А леса, леса-то — что тебе море-океан, конца-краю не видно. Вот где, государь, заводы ставить. Оно сразу тебе и пушки, и бомбы, и ружья, и всякая другая надобность.

— Урал, говоришь? — переспросил Петр.

— Он самый, — ответил Демидов.

— Слышал про Урал, да ведь далеко, Демидыч, на краю земли. Пока заводы построишь, ого-го сколько времени пройдет!

— Ничего, государь, ничего, — убежденно заговорил Демидов. — Дороги проложим, реки есть. Что там даль — желание было бы. А что долго, так, чай, не один день живем. Глядишь, годка через два и уральский чугуны, и уральские пушки — все будет.

Смотрит Петр на Демидова, понимает, что у Никиты думка давно об Урале. Не сводит глаз и Демидов с Петра, ждет царского слова.

— Ладно, Никита Демидович, — наконец произносит Петр, — быть по-твоему, отпущу указ, поедешь на Урал. Получишь денег из казны, людишек получишь — и с богом. Да смотри у меня. Знай, нет сейчас в государстве иных дел, чтоб важнее горнорудных были. Памятуй. Подведешь — не пожалую.

Через месяц, забрав лучших рудокопных и оружейных мастеров, Демидов уехал на Урал.

А Петр за это время успел послать людей и в Брянск, и в Липецк, и в другие города. Во многих местах на Руси Петр наказал добывать железо и строить заводы.

КОЛОКОЛА

— Данилыч, — вскоре после Нарвы сказал Петр Меншикову, — с церковей колокола снимать будем.

У Меншикова от удивления глаза на лоб.

— Что уставился? — крикнул на него Петр. — Медь нужна, чугун надобен, колокола на пушки лить будем. На пушки, понял?

— Правильно, государь, правильно, — стал поддакивать Меншиков, а сам понять не может, шутит царь или говорит правду.

Петр не шутил. Вскоре по разным местам разъехались солдаты выполнять царский приказ.

Прибыли солдаты и в большое село Лопасню, в Успенский собор. Приехали солдаты в село к темноте, въезжали под вечерний звон. Гудели в зимнем воздухе колокола, переливались разными голосами. Сосчитал по пальцам сержант колокола — восемь.

Пока солдаты распрягали прозябших коней, сержант пошел в дом к настоятелю. Узнав, в чем дело, настоятель насупился, сморщил лоб. Однако встретил солдат приветливо, заговорил:

— Захаживай, служивый, захаживай, зови своих солдатушек. Чай, замаялись в пути, продрогли.

Солдаты входили в дом осторожно, долго очищали снег с валенок, крестились.

Настоятель солдат накормил, принес вина.

— Пейте, служивые, ешьте, — приговаривает.

Охмелели солдаты, уснули. А утром вышел сержант на улицу, посмотрел на звонницу, а там всего один колокол и болтается.

Кинулся сержант к настоятелю.

— Где колокола? — закричал. — Куда колокола девали?

А настоятель руками разводит и говорит:

— Приход у нас бедный, всего и есть один колокол на весь приход.

— Как — один? — возмутился сержант. — Вчера сам видел восемь штук, да и перезвон слышал.

— Что ты, служивый, что ты! — Настоятель замахал руками. — Что ты выдумал! Это разве с пьяных глаз тебе показалось.

Понял сержант, что неспроста их вином поили. Собрал солдат, весь собор осмотрели, подвалы излазили. Нет колоколов, словно в воду канули.

Пригрозил сержант донести в Москву.

— Доноси, — ответил настоятель.

Однако писать сержант не стал. Понял, что и ему быть в ответе. Решил остаться в Лопасне, вести розыск.

Живут солдаты неделю, вторую. По улицам ходят, в дома наведываются. Только про колокола никто ничего не знает. «Были, — говорят, — а где сейчас, не ведаем».

Привязался за это время к сержанту мальчик — Федькой звали. Ходит за сержантом, фузею рассматривает, про войну спрашивает. Шустрый такой — все норовит у сержанта патрон стащить.

— Не балуй! — говорит сержант. — Найди, где попы колокола спрятали, — патрон твой.

— А дашь?

— Дам.

Два дня Федьки не было видно. На третий прибегает к сержанту, шепчет на ухо:

— Нашел.

- Да ну! — не поверил сержант.
- Ей-богу, нашел! Давай патрон.
- Нет, — говорит сержант, — это мы еще посмотрим.

Вывел Федька сержанта за село, бежит на лыжах-самоделках берегом реки, сержант едва за ним поспевает. Крутит поземка, перекачивается по насту снег. Федьке хорошо, он на лыжах, а сержант спотыкается, проваливается в снег по самый пояс.

- Давай, дяденька, давай, — подбадривает Федька, — уже скоро!
- Отбежали от села версты три. За береговой кручей спустились на лед.
- Вот тут, — говорит Федька.

Посмотрел сержант — прорубь. А рядом — еще одна, а чуть дальше — еще и еще. Сосчитал — семь. От каждой проруби тянутся примерзшие ко льду канаты. Понял сержант, куда настоятель колокола спрятал: под лед, в воду. Обрадовался сержант, дал Федьке патрон и кинулся быстрее в деревню.

Приказал сержант солдатам лошадей запрягать, а сам зашел к настоятелю, говорит:

— Прости, батюшка: видать, и впрямь с пьяных глаз я тогда перепутал. Покидаем мы ноне Лопасню. Уж ты не гневайся, помолись за нас богу.

— В добрый путь! — заулыбался настоятель. — В добрый путь, служивый. Уж помолюсь, обязательно помолюсь.

На следующий день настоятель собрал прихожан.

— Ну, миновало, — сказал он, — пронесло беду стороной.

Пошли прихожане к реке колокола вытаскивать, сунулись в прорубь, а там пусто.

— Ироды, богохульники! — закричал настоятель. — Уехали, увезли. Пропали колокола!

А над рекой гулял ветер, залезал под поповские рясы, трепал мужицкие бороды и бежал дальше, рассыпаясь крупой по косогору.

«СЕНО, СОЛОМА!»

Поняли русские после Нарвы, что с необученным войском против шведа не повоюешь. Решил Петр завести регулярную, постоянную армию. Пока нет войны, пусть солдаты занимаются ружейными приемами, привыкают к дисциплине и порядку.

Однажды Петр ехал мимо солдатских казарм. Смотрит — солдаты построены, ходить строем учатся. Рядом с солдатами идет молодой поручик, подает команды. Петр прислушался: команды какие-то необычные.

— Сено, солома! — кричит поручик. — Сено, солома!

«Что такое?» — подумал Петр. Остановил коня, присмотрелся: на ногах у солдат что-то навязано. Разглядел царь: на левой ноге сено, на правой — солома.

Офицер увидел Петра, закричал:

— Смирно!

Солдаты замерли. Подбежал поручик к царю, отдал рапорт:

— Господин бомбардир-капитан, рота поручика Вяземского хождению обучается!

— Вольно! — подал команду Петр.

Поручик царю понравился. Хотел Петр за «сено, солома» разгневаться, но теперь передумал. Спрашивает поручика Вяземского:

— Что это ты солдатам на ноги всякую дрянь навязал?

— Никак не дрянь, бомбардир-капитан, — отвечает поручик.

— Как так — не дрянь! — возражает Петр. — Солдат позоришь. Устав не знаешь.

А поручик все свое.

— Никак нет, — говорит. — Это чтобы солдатам легче учиться было. Темнота, бомбардир-капитан, никак не могут различить, где левая нога, где правая. А вот сено с соломой не путают: деревенские.

Подивился царь выдумке, усмехнулся.

А вскоре Петр принимал парад. Лучше всех шла последняя рота.

— Кто командир? — спросил Петр у генерала.

— Поручик Вяземский, — ответил генерал.

ПРО БОЯРСКИЕ БОРОДЫ

Жили в Москве бояре Буйносов и Курносов. И род имели давний, и дома от богатства ломились, и мужиков крепостных у каждого не одна тысяча.

Но больше всего бояре гордились своими бородами. А бороды у них были большие, пушистые. У Буйносова — широкая, словно лопата, у Курносова — длинная, как лошадиный хвост.

И вдруг вышел царский указ: брить бороды. При Петре заводили на Руси новые порядки: и бороды брить приказывали, и платье иноземного образца заводить, и кофе пить, и табак курить, и многое другое.

Узнав про новый указ, Буйносов и Курносов вздыхали, охали. Бороды договорились не стричь, а чтобы царю на глаза не попадаться, решили притвориться больными. Однако вскоре сам царь о боярах вспомнил, вызвал к себе.

Стали бояре спорить, кому идти первым.

— Тебе идти, — говорит Буйносов.

— Нет, тебе, — отвечает Курносов.

Кинули жребий, досталось Буйносову.

Пришел боярин к царю, бросился в ноги.

— Не губи, государь, — просит, — не срами на старости лет!

Ползает Буйносов по полу, хватает царскую руку, пытается поцеловать.

— Встань! — крикнул Петр. — Не в бороде, боярин, ум — в голове.

А Буйносов стоит на четвереньках и все свое твердит:

— Не срами, государь.

Разозлился тогда Петр, кликнул слуг и приказал силой боярскую бороду резать.

Вернулся Буйносов к Курносову весь в слезах, держится рукой за голый подбородок, толком рассказать ничего не может.

Страшно стало Курносову идти к царю. Решил боярин бежать к Меншикову, просить совета и помощи.

— Помоги, Александр Данилыч, поговори с царем, — просит Курносов.

Долго думал Меншиков, как начать разговор с Петром. Наконец пришел, говорит:

— Государь, а что, если с бояр за бороды брать выкуп? Хоть казне польза будет.

А денег в казне как раз было мало. Подумал Петр, согласился.

Обрадовался Курносов, побежал, уплатил деньги, получил медную бляху с надписью: «Деньги взяты». Надел Курносов бляху на шею, словно крест. Кто остановит, привяжется, почему бороду не остриг, он бороду приподымает и бляху показывает.

Еще больше теперь загордился Курносов, да зря. Прошел год, явились к Курносову сборщики налогов, потребовали новой уплаты.

— Как так! — возмутился Курносов. — Деньги мной уже плачены! — и показывает медную бляху.

— Э, да этой бляхе, — говорят сборщики, — срок кончился. Плати давай за новую.

Пришлось Курносову опять платить. А через год и еще раз. Приздумался тогда Курносов, прикинул умом. Выходит, что скоро от всех курносовских богатств ничего не останется. Только одна борода и будет.

А когда пришли сборщики в третий раз, смотрят — сидит Курносов свежее выбрит, злыми глазами на сборщиков смотрит.

На следующий день Меншиков рассказал царю про курносовскую бороду. Петр рассмеялся.

— Так им, дуракам, и нужно, — сказал, — пусть к новым порядкам привыкают. А насчет денег это ты, Данилыч, умно придумал. С одной курносовской бороды, поди, мундиров на целую дивизию нашили.

ЧЕМУ МОЛОДЫЕ БОЯРЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ УЧИЛИСЬ

Не успели Буйносов и Курносов забыть старые царские обиды, как тут новая. Приказал Петр собрать пятьдесят самых знатных боярских сынков и послать за границу учиться. Пришлось Буйносову и Курносову отправлять и своих сыновей.

Поднялся в боярских домах крик, плач. Бегают мамки, суетится дворня, словно и не проводы, а драка какая.

Расходилась буйносовская жена.

— Единого сына — и бог знает куда, в иноземщину, черту в зубы, немцу в пасть! Не пущу! — кричит. — Не отдам!

— Цыш! — закричал Буйносов на жену. — Государев приказ, дура! В Сибирь захотела, на дыбу?

И в доме Курносова крику не меньше. И Курносову пришлось закричать на жену:

— Дура! Плетью обуха не перешибешь, от царя-супостата не уйдешь! Терпи, старая.

Через год молодые бояре вернулись. Вызвали их к царю определять на государственную службу.

— Ну, рассказывай, Буйносов, сын боярский, — потребовал Петр, — как тебе жилось за границей.

— Хорошо, государь, жилось, — отвечает Буйносов. — Народ они ласковый, дружный, не то что наши мужики — рады другу другу в бороду вцепиться.

— Ну, а чему научился?

— Многому, государь. Вместо «батюшка» — «фатер» говорить научился, вместо «матушка» — «муттер».

— Ну, а еще чему? — допытывался Петр.

— Кланяться еще, государь, научился и двойным и тройным поклоном, танцевать научился, в заморские игры играть умею.

— Да, — сказал Петр, — многому тебя научили. Ну, а как тебе за границей понравилось?

— Ух, как понравилось, государь! Хочу в Посольский приказ: уж больно мне любо за границей жить.

— Ну, а ты что скажешь? — спросил Петр молодого Курносова.

— Да что сказать, государь... Спрашивай.

— Ладно, — говорит Петр. — А скажи мне, Курносов, сын боярский, что такое есть фортификация?

— Фортификация, государь, — отвечает Курносов, — есть военная наука, имеющая целью прикрыть войска от противника. Фортификацию надобно знать каждому военному начальнику, аки свои пять пальцев.

— Дельно, — говорит Петр. — Дельно. А что такое есть лоция?

— Лоция, государь, — отвечает Курносов, — есть описание моря или реки, с указанием на оном отмелей и глубин, ветров и течений, всего того, что помехой на пути корабля может стать. Лоция, государь, первейшее, что надобно знать, берясь за дела мореходные.

— Дельно, дельно, — опять говорит Петр. — А еще чему научился?

— Да ко всему делу, государь, присматривался, — отвечает Курносов, — и как корабли строить, и как там рудное дело поставлено, и чем от болезней лечат. Ничего, спасибо голландцам и немцам. Народ они знающий, хороший народ. Только, думаю, государь, не пристало нам свое, российское, хаять. Не хуже у нас страна, и люди у нас не хуже, и добра не меньше.

— Молодец! — сказал Петр. — Оправдал, утешил. — И Петр поцеловал молодого Курносова. — А ты, — сказал Петр, обращаясь к Буйносову, — видать, как дураком был, так и остался. За границу захотел! Ишь, тебе Россия не дорога. Пошел прочь с моих глаз!

Так и остался молодой Буйносов в безызвестности. А Курносов в скором времени стал видным человеком в государстве.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ...

На Руси в то время было мало грамотных людей. Учили ребят кое-где при церквях да иногда в богатых домах имели приглашенных учителей.

При Петре в городах и посадах стали открываться школы.

Назывались школы цифирными. Изучали в них грамматику, арифметику и географию.

Открыли школу и в городе Серпухове, что на полпути между Москвой и Тулой. Приехал учитель.

Явился учитель в школу, ждет учеников. Ждет день, второй, третий — никто не идет.

Собрался тогда учитель, стал ходить по домам, выяснять, в чем дело. Зашел в один дом, вызвал хозяина, местного купца.

— Почему, — спрашивает, — сын в школу не ходит?

— Нечего ему там делать! — отвечает купец. — Мы без грамоты жили, и он проживет. Бесовское это занятие — школа.

Зашел учитель в дом к сапожных дел мастеру.

— Да разве это нашего ума дело — школа! — отвечает мастер. — Наше дело — сапоги тачать. Нечего понапрасну время изводить, всякую брехню слушать!

Пошел тогда учитель к серпуховскому воеводе, рассказывает, в чем дело. А воевода только руками разводит.

— А что я могу поделывать? — говорит. — Дело оно отцовское. Тут кому что: одному — грамота, а другому, поди, грамота и не нужна.

Смотрит учитель на воеводу, понимает, что проку от него не будет, обозлился, говорит:

— Раз так, я самому государю отпишу.

Посмотрел воевода на учителя. Вид у него решительный. Понял: сдержит свою угрозу учитель.

— Ладно, не торопись, — говорит, — ступай в школу.

Вернулся учитель в школу, стал ждать. Вскоре слышит за окном топот. Посмотрел, видит — идут солдаты, под ружьем ведут ребят.

Целую неделю ребят сопровождали солдаты. А потом ничего, видать, отцы смирились, привыкли. Ученики сами стали в школу бегать.

Стал учитель обучать ребят грамматике. Начали с букв.

— Аз, — говорит учитель. (Это означает буква «а».)

— Аз, — хором повторяют ученики.

— Буки, — говорит учитель. (Это значит буква «б».)

— Буки, — повторяют в классе.

— Вédi...

Потом пошла арифметика.

— Един и един, — говорит учитель, — будет два.

— Един и един — два, — повторяют ученики.

Вскоре научились ребята и буквы писать, и цифры складывать. Узнали, где есть Каспийское, где Черное и где Балтийское море. Много чему научились ребята.

А как-то раз через Серпухов в Тулу ехал Петр. Заночевал царь в Серпухове, а утром решил зайти в школу. Прослышал Петр, что отцы неохотно отдают детей учиться. Решил проверить. Входит Петр в класс, а там полным-полно ребят. Удивился Петр, спрашивает учителя, как он столько учеников собрал.

Учитель и рассказал все, как было.

— Вот здорово! — засмеялся Петр. — Молодец воевода. Это по-нашему. Верно. Накажу-ка, чтобы и в других местах в школу ребят силой тащили. Людишки-то у нас хилы умом, не понимают своей выгоды, о делах государства не заботятся. А грамотные люди нам ой как нужны! Смерть России без знающих людей.

ПУСТЬ ВСЕ ЗНАЮТ

Петр стоял около зеркала, примерял новый кафтан. Кафтан был красного цвета, а борта и полы обшиты золотой каймой. Одиннадцать блестящих пуговиц, словно жуки-светлячки, тянулись ровным рядом сверху до самого низа. С боков отвисали два больших, как мешки, кармана и тоже с пуговицами — по три на каждом.

Около Петра крутился Меншиков.

— Ай да мундир! — приговаривал Александр Данилович. — Вот это мундир! А сукно-то, сукно-то, государь! Где ты видывал такое сукно?

Кафтан подарил Петру Меншиков. Вслед за оружейными заводами стали строить на Руси и другие — суконные, прядильные, кожевенные. Строить заводы было выгодно. Царь дал купцам и промышленникам всякие льготы. Вместе с одним из купцов построил суконный завод и Меншиков. И вот теперь, хвастая сшитым кафтаном, Меншиков надеялся получить заказ для всей армии.

— Где ты видывал такое сукно? — приговаривал Меншиков. — А ведь наше, российское, наше. Говорил я тебе — Меншиков все может, всех солдат в такие кафтаны оденет.

— Не хвастай, не хвастай, — говорит Петр.

А самому приятно. Добротный кафтан, ничего не скажешь. Напряг Петр спину, согнул локти — крепкий кафтан, не рвется. Отдал Петр приказ закупить у Меншикова сукно для целой армии.

А вскоре Петр был на ученье. Солдаты рыли рвы, ползали на брюхе, ходили в штыковую атаку. Ученье прошло хорошо. Однако, когда солдаты построились, Петр посмотрел и ахнул. Оборвались совсем солдаты. У одного пола отвалилась, у другого дыра через всю спину, у третьего вместе с пуговицей клоч выдран. Подбежал Петр к солдатам, схватил первого попавшегося за мундир, дернул — сукно, словно вата, так и поползло. Подбежал к другому — то же самое. Сукно на мундирах оказалось гнилое.

Налились кровью Петровы глаза, забегали по рядам. Содрал Петр с одного из солдат кафтан, подбежал к генералу, в нос тычет, кричит:

— Кто сукно поставлял?..

Растерялся генерал, захлопал глазами, еле проговорил:

— Александр Данилович Меншиков.

А в это время Меншиков принимал иностранных послов. Ходил Александр Данилович важный, как попугай наряженный: в кафтане желтого цвета, в белых чулках, в башмаках с золотыми пряжками, в парике, словно львиная грива.

Ходит Меншиков по залу, беседует с послами, а сам нет-нет да и в зеркало взглянет. Нравился себе Меншиков.

Послы интересовались хозяином дома, спрашивали, древнего ли рода Меншиков, кто его предки. Меншиков врал, что еще при Александре Невском его род на всю Русь славился.

И вдруг слышит Меншиков на лестнице страшный грохот. Потом удар в дверь, словно ядром из пушки, и в комнату влетает Петр. Посмотрел Меншиков — в руках у Петра солдатский мундир. Понял Александр Данилович — недоброе, прикусил губу.

— Такое твое суконце? — еще с порога комнаты закричал Петр. — Гниль подсунул, обманул!

Подлетел Петр к Меншикову — и со всего размаха по лицу кулаком. Раз, два — слева, справа.

— Заелся, — кричит, — зажирел! Вором у государства стал! Прогоню, сгною, пирогами вновь торговать заставлю!

Укрывается от увесистых ударов Меншиков рукой, размазывает шелковым кафтаном кровь по лицу, а сам причитает:

— За что, государь, за что? Видит бог, вины моей тут нет!

— И бога еще приплел! — кричит Петр. — Вины, говоришь, нет? Вот я те покажу «вины нет»! — и снова бьет Меншикова наотмашь, во всю силу.

Выбрал Меншиков удобный момент, глазами Петру на послов показывает: мол, неудобно.

— Пусть смотрят, — говорит Петр, — пусть знают, какой ты есть вор! — и продолжает бить.

— Прости, государь! — наконец взмолился Меншиков. — Видать, дьявол попутал, недоглядел.

Петр бросил бить Меншикова, отошел в угол, сел на лавку, тяжело дышит. Меншиков между тем поднялся и куда-то исчез. Выскользнули из комнаты потихоньку и послы. А через несколько минут Меншиков вернулся. Смотрит Петр — на голове у Меншикова мужицкая шапка, в руках — лоток с пирогами.

— Пирог подóвые, пироги подóвые! — закричал Меншиков. — Кому подóвые, кому подóвые!

Посмотрел Петр, рассмеялся. Прошел царский гнев.

— Садись, ладно, — сказал Меншикову.

— Это ты зря, — стал опять оправдываться Александр Данилыч, — ни за что.

— Но, но! — повысил голос Петр.

Меншиков замолчал.

— Государь, — наконец заговорил он, — а как же с послами быть? Теперь ведь по всему свету разнесут. Престижу моего не будет.

— Ну и пусть разнесут, — ответил Петр. — Пусть и в других странах знают, что есть на Руси такой вор Алексашка Меншиков. Да за такие дела на дыбу тебя, на Лобное место! Коли прока бы от тебя государству в других делах не было, не сносить бы тебе головы. А сукно смотри поставь другое. Проверю.

«РАДУЙСЯ МАЛОМУ, ТОГДА И БОЛЬШОЕ ПРИДЕТ»

— Пора бы нам и свою газету иметь, — не раз говорил Петр своим приближенным. — От газеты и купцу, и боярину, и горожанину — всем польза.

И вот Петр как-то исчез из дворца. Не появлялся до самого вечера, и многие уже подумали, не случилось ли с царем чего дурного.

А Петр был на Печатном дворе, вместе с печатным мастером Федором Поликарповым отбирал материалы к первому номеру русской газеты.

Поликарпов, высокий, худой как жердь, с очками на самом конце носа, стоит перед царем навытяжку, словно солдат, читает:

— Государь, с Урала, из Верхотурска, сообщают, что тамошними мастерами отлито немало пушек.

— Пиши, — говорит Петр, — пусть все знают, что потеря под Нарвой есть ничто с тем, что желаячи можно сделать.

— А еще, государь, сообщают, — продолжал Поликарпов, — что в Москве отлито из колокольного чугуна четыреста пушек.

— И это пиши, — говорит Петр, — пусть знают, что Петр снимал колокола не зря.

— А с Невьянского завода, от Никиты Демидова, пишут, — сообщает Поликарпов, — что заводские мужики бунт учинили, убежали в леса и теперь боярам и купцам от них житья нет.

— А сие не пиши, — говорит Петр. — Распорядись лучше послать солдат да за такие дела мужикам всыпать.

— А из Казани, государь, пишут, — продолжает Поликарпов, — что нашли там немало нефти и медной руды.

— А сие пиши, — говорит Петр, — пусть знают, что на Руси богатств край непочатый, не считаны те богатства, не мерыны.

Сидит Петр, слушает. Потом берет бумаги. На том, что печатать, ставит красный крест, ненужное откладывает в сторону.

А Поликарпов докладывает все новое и новое. И о том, что индийский царь послал московскому царю слона, и что в Москве за месяц родилось триста восемьдесят шесть человек мужского и женского полу, и многое другое.

— А еще, — говорит Петр, — напиши, Федор, про школы, да здорово — так, чтобы все прок от этого дела видели.

Через несколько дней газету напечатали. Назвали ее «Ведомости». Газета получилась маленькая, шрифт мелкий, читать трудно, полей нет, бумага серая. Газета так себе. Но Петр доволен: первая. Схватил «Ведомости», побежал во дворец. Кого ни встретит, газету показывает.

— Смотри, — говорит, — газета, своя, российская, первая!

Встретил Петр и графа Головина. А Головин слыл знающим человеком, бывал за границей, знал языки чужие.

Посмотрел Головин на газету, скривил рот и говорит:

— Ну и газета, государь! Вот я был в немецком городе Гамбурге, вот там газета так газета!

Радость с лица Петра как рукой сняло. Помрачнел, насупился.

— Эх, ты! — проговорил. — Не тем местом, граф, мыслишь. А еще Головин! А еще граф! Нашел чем удивить — в немецком городе Гамбурге. Сам знаю: лучше, да чужое. Чай, и у них не сразу все хорошо было. Дай срок. Радуйся малому, тогда и большое придет.

Митька никогда не говорил правду. Вот и прозвали его на селе «Митька-лгун». Быть бы Митьке часто битым, если б не дружил он с Варькой Глебовой. Характер у Варьки был задиристый, смелый. Все мальчишки от нее плакали. А Митька при Варьке вроде как адъютант. Вот и боялись ребята его трогать: знали, что Варька заступится. Зато от самой Варьки Митьке попадало часто. Только начнет врать — Варька на него с кулаками.

— Я тебя от вранья, — говорит, — отучу! И сам не ври и другим не давай.

И отучила. Да, видать, зря.

На всю деревню не было более бедного мужика, чем Варькин отец. Покосившаяся изба да безрогая коза — вот и все богатство Кузьмы Глебова. Ждал Кузьма козлят, обещал Варьке купить пряник. Но и тут судьба обошла мужика. Козлята, правда, родились, но коза сдохла.

Забыла теперь Варька про ребячьи игры, про друзей и товарищей, целый день с козлятами возится. Козлят двое. Маленькие, как комки ваты, белые и пушистые.

Стало Митьке одному скучно. Забежит он за Варькой, играть зовет, а она — не могу, делами, мол, занята. Злился Митька. Калачом Варьку заманивал, сдобные ватрушки приносил, да все напрасно. Варька от козлят ни на шаг. Да и козлята к Варьке, как к матери, привязались. Пойдет Варька в лес — козлята за ней. Сидит дома — и козлята тут, стучат по полу копытцами, жмутся, словно котята, к Варькиным ногам.

Однажды Варька выглянула в окно. Видит — идут солдаты. Блестят на солнце ружья. «Лева нога, права нога!» — подает команду сержант. Выбежала Варька на улицу, смотрит.

Солдаты в деревню пришли неспроста. Обложили после Нарвы крестьян большими налогами, а платить нечем. Вот и послал Петр по деревням солдат, наказал отбирать у крестьян последнее.

Стали солдаты ходить по избам. Сержант зачитывает, кто сколько казне должен. Солдаты тут же отбирают у кого что: у одного лошадь, у другого корову, у третьего сбрую. Поднялся в деревне крик, шум. Замычали коровы, заблеяли овцы, заголосили девки и бабы.

Сообразила тут Варька, в чем дело. Схватила козлят и спряталась в огороде за банькой.

Вошли солдаты в Варькину избу, смотрят, а взять нечего: в избе всего стол да лавка. Осмотрели солдаты двор, в сарай зашли — всюду пусто. Сплюнул сержант от досады, двинул Варькиного отца по затылку и повел солдат к соседнему дому. Да только пошли они не дорогой, а через огороды! Идут солдаты, слышат чей-то голос:

— Сидите, маленькие, сидите, не заберут вас враги.

Подошли солдаты к баньке, видят — девчонка, а на руках у нее козлята.

— Ты чья? — спрашивает Варьку сержант.

Поняла Варька беду, говорит:

— А я старостина дочка.

Только сказала — смотрит, а рядом с солдатами Митька. Вышел Митька вперед, говорит:

— А вот и неправда. Какая же ты старостина? Ты Глебова.

Повернулся сержант к Митьке, спрашивает:

— Это какого Глебова? Не того, у которого мы сейчас были?

— Того самого, — отвечает Митька.

Ну и отнял сержант у Варьки козлят.

Набросилась Варька на Митьку.

— Ты что, — говорит, — дурак, сделал!

И давай Митьку лупить. А Митька глазами хлопает, понять не может. Первый раз правду сказал — и опять бьют. Мал был Митька, глуп.

ПРО ДАНИЛУ

Данила на всю округу умным мужиком слыл. О всяком деле имел свое понятие.

После Нарвы на селе только и разговоров было, что про шведов, короля Карла, царя Петра и дела воинские.

— Силен швед, силен, — говорили мужики, — не нам чета. И на кой ляд нам море нужно! Жили и проживем без моря.

— Вот и неправда, — говорил Данила. — Не швед силен, а мы слабы. И про море неверно. Нельзя России без моря. И рыбу ловить, и торговлю водить, для многого море надобно.

А когда колокола снимали, в деревне опять несколько дней стоял шум.

— Конец света приходит! — кричал дьякон и рвал на себе волосы.

Бабы плакали, крестились, мужики ходили угрюмые. Все ждали беды. А Данила и здесь не как все. Опять по-своему.

— Так и надо, — говорил. — Тут интерес для государства дороже, чем колокола. Господь бог за такие дела не осудит.

— Богоотступник! Богохульник! — назвал тогда Данилу батюшка и с той поры затаил на него великую злобу.

А вскоре Петр ввел новые налоги. Застонали мужики, потащили в казну последние крохи, затянули еще туже ремни на штанах.

— Ну, как тебе, — спрашивали они Данилу, — новые царевы порядки? Опять верно? Снова по-твоему?

— Нет, — отвечал Данила, — у меня с царем не во всем согласие общее.

— Ишь ты! — огрызнулись мужики. — У него с царем! Нашел дружка-приятеля. Царь на тебя и смотреть не станет.

— Мало что не станет, а думать по-своему не запретит, — отвечал Данила. — Что славу государству добывает, за то Петру спасибо, а что с мужика три шкуры дерет — придет время, быть ему в ответе.

Соглашаются мужики с Данилой, кивают головой. А один возьми и выкрикни:

— А ты самому царю про то скажи!

— И скажу, — ответил Данила.

И сказал. Только произошло это не сразу и вот как.

Кто-то донес — может, поп, а может, и кто другой — про Даниловы речи властям. Приехали в село солдаты, связали Данилу, повезли в Москву к начальнику Тайного приказа, к самому князю Ромодановскому.

Скрутили Даниле руки, вздернули на дыбу, стали пытаться.

— Что про государя говорил, кто надоумил? — спрашивает князь Ромодановский.

— А что говорил, то ветер унес, — отвечает Данила.

— Что? — закричал Ромодановский. — Да за такие речи на кол тебя, смутьяна поганого!

— Сажай, — отвечает Данила. — Мужiku все едино, где быть. Может, на колу еще лучше, чем гнуть на бояр спину.

Разозлился князь Ромодановский, схватил железный, раскаленный в огне прут и давай к голому телу Данилы прикладывать. Обессилел Данила, повис, словно мочало.

А в это время в избу вошел Петр.

— За что человек на дыбе? — спросил царь у Ромодановского.

— Смутьян, — говорит князь. — Супротив власти, государь, худое молвит.

Подошел Петр к Даниле. Приоткрыл тот глаза, смотрит — перед ним царь. Набрался тогда Данила сил и произнес:

— Эх, государь, великое ты дело затеял, да только простому люду житья не стало. Выбили все из народа, словно грабители на большой дороге. Не забудет, государь, народ про такие дела, не помянет добрым словом.

И снова закрыл Данила глаза, уронил на волосатую грудь голову. А Петра словно что изнутри обожгло. Дернул головой влево, вправо, метнул гневный взор на Данилу.

— Вешай! — закричал словно ужаленный и пошел из избы прочь.

Глава третья

НА РЕКЕ НЕВЕ

ЛОДКИ ИДУТ ПО СУШЕ

Русские подошли к Нотебургу осенью. Задули холодные северные ветры. Разыгралось беспокойное Ладожское озеро. Побежали высокие волны, забили о берег шумным прибоем.

По Ладожскому озеру пригнали русские более полусотни ладей — больших лодок, — стали готовиться к штурму. Штурмовать крепость лучше со стороны реки Невы: тут и берег ближе и волны не такие сильные. Но как провести лодки мимо крепости? Шведы начнут стрелять. Потопят меткие шведские стрелки русские лодки.

Как быть?

Весь день русские разбивали лагерь. Ставили большие солдатские палатки, разводили костры, чистили ружья.

Вечером, когда все легли спать, Петр вышел к озеру. Тихо. Горят на берегу костры. Над озером поднимается луна. Засмотрелся Петр на луну, задумался.

Вдруг до царя долетели громкие голоса. Петр оглянулся, смотрит — на берегу у костра собрались солдаты. Солдаты о чем-то спорят. Петр прислушался.

— Братцы, а я так думаю, что шведа обхитрить можно, — говорит чей-то голос.

Петр подошел ближе, рассмотрел говорившего. Был он щупл и мал ростом. Петра даже смех взял — тоже герой!

— Как же ты, куриная твоя душа, — обратился Петр к солдату, — обхитришь шведа?

Солдат узнал царя и замер от страха.

— Ну-ка, рассказывай, — потребовал Петр.

— Да я так думаю, государь, — запинаясь, проговорил солдат, — стало быть, надо рубить просеку да просекой волоком, в обход крепости, и тащить лодки.

— «Просекой, волоком»! — усмехнулся Петр. — Да как ты их тащить будешь? Ведра тебе это, что ли?

— Да будь твоя воля, государь, — хором заговорили солдаты, — а мы их хоть голыми руками до Невы дотянем!

Солдатская выдумка царю понравилась. На следующий день Петр приказал рубить просеку. Рубили просеку умно, так, чтобы верхушки деревьев падали к центру: по ветвям тащить легче. Впрягались в ладью человек по пятьдесят. Тащить тяжелые лодки — работа трудная. Облепят солдаты лодку со всех сторон, подхватят руками, еле сдвигают.

— Раз — взяли, два — взяли! — раздается голос Петра.

— Еще раз, еще два! — вторят ему ротные командиры.

Устали солдаты. Выбились из сил. Надорвал свой богатырский голос Петр. Разгневался царь, подозвал щуплого солдата.

— Что ж ты, куриная твоя душа! — закричал Петр. — Видал, каково лодки тащить?

Молчит солдат. А Петр ругается еще шибче.

Обиделся тогда солдат, говорит:

— Так какое же дело без труда получается?

Подивился Петр на солдата, промолчал. Потом подошел, похлопал по плечу и сказал:

— Молодец, правду говоришь! Выиграем баталию — не забуду. Быть тебе при государевой награде.

Только не дожил солдат до награды. Замешкался щуплый солдат, подвернулся под нос тяжелой ладьи. Бросились товарищи на помощь, да поздно. Придавила ладья солдата. Прикусил от боли солдат губы, да так и умер без крика и стога.

И вновь подивился Петр: откуда сила такая берется? С таким солдатом не страшно и против шведа идти. Снял Петр шляпу, поклонился, приказал похоронить погибшего с офицерскими почестями.

До позднего вечера русские рубили просеку. А утром в крепости началась тревога. Забегали на стенах караульные. Поднялся на высокую башню комендант. Шведы смотрели на Неву. Там, словно утиные выводки, на легкой волне качались русские лодки. Не сразу поняли шведы, в чем дело. А когда разобрались, было поздно: русские начали штурм.

«ГОСУДАРЬ ПЕТР АЛЕКСЕИЧ ОТСТУПЛЕНИЕ ПОВЕЛЕЛ!»

Две недели днем и ночью громыхали русские пушки. От частых команд охрипли артиллерийские офицеры. Усталые бомбардиры валились с ног. Нотебург горел.

Но шведы не сдавались.

— Эка орех каков! — говорил Петр. — Не раскусишь.

Наконец, на четырнадцатый день, одна из стен треснула. С шумом повалились камни. А когда утихло и улеглась пыль, увидели русские: в стене широкий пролом.

Бросились солдаты к лодкам, поплыли к острову. Командовать штурмом Петр поручил храброму полковнику князю Голицыну. Высадились солдаты на берег, кинулись к пролому.

— Сдавайтесь! — кричат русские.

Шведы молчат, бросают с крепостных стен камни и раскаленные ядра, льют на головы наступающим горячую воду. Трудно русским. Видно, рано начали штурм.

Понял Петр, что войска поторопились, отдал приказ отступить.

С царским приказом послали к Голицыну молодого, необстрелянного солдата. Прибыл солдат на остров, стал разыскивать Голицына. Да разве найдешь! Кругом дым, огонь, в двух шагах ничего не видно. Подбежит солдат к одному месту — говорят, Голицын в другом; бросится туда — его посылают в третье.

Измучился солдат, отошел в сторону.

И вдруг напал на солдата страх. Страшно ему послушаться и не передать Голицыну царский приказ. Но еще страшнее вновь подойти к крепости. И рад бы пойти, да ноги сами несут в обратную сторону, к берегу, туда, где стоят лодки.

Подошел солдат к берегу. Видит — у лодок кто-то толпится. Посмотрел на форму — преображенцы. «Ну, не один я струсил!» — обрадовался молодой солдат.

Смотрит новичок: преображенцы сталкивают лодки в воду. Лодки сталкивают, а сами не садятся. «Что такое? — не может понять молодой солдат. — В чем дело?» И вдруг понял: решили преображенцы биться до последнего. А раз так — не нужны им лодки. Нечего лодкам стоять у берега, незачем дразнить солдат.

— Стой, братцы, стой! Что вы, братцы! — закричал молодой солдат.

Посмотрели преображенцы на новичка, подивились, что за крикун такой, и стали продолжать свое дело.

— Стой, стой! — вновь закричал молодой солдат, подбежал к лодкам, вцепился в одну из них руками. — Не пущу! — кричит. — Государь Петр Алексеич отступление повелел. На чем плыть будем?

«Ну и трус! — подумали преображенцы. — Самого царя приплел!» Подошли к солдату, стали оттаскивать от лодки. А он упирается и все твердит:

— Государь Петр Алексеич отступление повелел!

Но никто ему не поверил. Какая же вера может быть трусу? Разозлились преображенцы, решили поступить с молодым солдатом, как с предателем. Схватили, раскачали и бросили в воду.

Однако солдат не утонул. Хоть и трус был, да, видать, силу имел немалую, выплыл. Вылез весь мокрый, вода ручьями стекает с кафтана. Посмотрел молодой солдат в сторону крепости. То ли страх у него прошел, то ли стыдно перед товарищами стало, только скинул солдат кафтан и побежал к пролому.

А у самого пролома столкнулся солдат с князем Голицыным. Хотел солдат передать царский приказ, да понял — поздно. Смолчал.

Русские продолжали штурм.

ШВЕДЫ ВЫБРОСИЛИ БЕЛЫЙ ФЛАГ

Не раз Петр бивал Меншикова, любую провинность не прощал. Изведал Меншиков и увесистый петровский кулак, и ловкую в руках Петра тяжелую дубовую палку. Но зато и любил Петр Меншикова больше всех на свете. Знал: скажи — пойдет Меншиков в огонь и в воду.

Вот и сейчас не отступает Меншиков от царя ни на шаг. Стоят Петр и Меншиков у русских батарей, смотрят на крепость. Плохи дела у русских. Отбили шведы штурм, приободрились. Того и гляди, сами начнут атаку.

— Государь, — обращается Меншиков к царю, — не устоят наши, пусть на подмогу. Пусть, а, государь! — умоляет Меншиков.

Петр молчит. Дергается тонкий петровский ус. Царь нервничает.

— Государь... — вновь начинает Меншиков.

А дела у пролома совсем плохи. Шведы вышли из крепости, теснят русских к реке. На рослого преображенца навалились сразу трое, схватили шпаги, прокололи, словно бабочку.

— Государь, — не отстаёт Меншиков, — пусть! А, государь!

— Ладно, ступай, — сдается наконец Петр.

Собрав двенадцать лодок, Меншиков отплыл к крепости. Что есть силы солдаты налегли на весла. Против течения по быстрине плыть трудно. Взмахнут солдаты

веслами, нажмут, бурлит по сторонам вода, пенится, а лодки почти ни с места.

— Давай, братцы, нажмем, братцы! — подбадривает Меншиков солдат, а сам с тревогой смотрит на берег.

Не отводит глаз от крепости и Петр. Совсем мало русских осталось на острове. Понимает царь: не подоспеет подмога. Отвернулся Петр, безнадежно махнул рукой.

А когда посмотрел вновь, не поверил своим глазам: лодки — у острова.

Первым выскочил Меншиков. Взмахнул шпагой, врезался в толпу шведов. Только теперь Петр заметил: Меншиков без кафтана, в одной розовой шелковой рубахе. Меншиков пробился к стене. Ловко, как кошка, полез по штурмовой лестнице, ухватился за край пролома, подтянулся, вскочил на ноги и радостно замахал шляпой.

— Хвастун, ой хвастун! — не сдержался Петр.

Неожиданно в пролом повалил дым, злыми языками пробилося пламя. Озаренная огнем, метнулась розовая рубаха Меншикова. Что было дальше, Петр не видел, мешал дым. В судороге, словно кто-то дергал его за нитку, зашевелился петровский ус.

Прошла минута, вторая, третья. И вдруг...

— Видишь? — закричал Петр прямо в ухо стоящему рядом солдату.

— Никак нет, ничего не вижу, бомбардир-капитан! — ответил солдат.

— Дурак! Куда смотришь? Вон куда гляди! — И Петр показал на стену.

Там, на самом верху, среди огня и дыма, меж острых зубцов стены, словно победное знамя, развевалась розовая, из шелка шитая рубаха бомбардир-поручика Александра Меншикова. Обезумев от боя, со страшно перекосившимся лицом, Меншиков метался у самого обрыва. А рядом с ним, слева и справа, мелькали зеленые кафтаны русских солдат. Вот их все больше и больше. Вот уже почти не видно шведов. Вот...

Петр посмотрел в подзорную трубу. В стекле встрепенулось что-то белое. Флаг, белый флаг! Шведы выбросили белый флаг. Шведы сдаются!

Отбросив в сторону трубу, Петр закричал:

— Виктория! Виктория! Орех-то разгрызли. Вон оно как!

Старой русской крепости Петр дал новое название — Шлиссельбург. Сейчас в память о царе Петре Шлиссельбург называется Петрокрепостью.

НЕБЫВАЛОЕ БЫВАЕТ

Измученный дальней дорогой, в столицу Швеции прибыл гонец. Принес он тревожную весть: русские идут к Финскому заливу, к крепости Ниеншанц.

Крепость Ниеншанц стояла на берегу Невы, недалеко от впадения Невы в Финский залив. Потерять шведам Ниеншанц — значит, пустить русских к морю. Заволновались шведы, снарядили военные корабли, послали помощь.

На всех парусах мчатся шведские корабли к Неве. Подгоняет попутный ветер шведские фрегаты. Носятся над палубами чайки, обещают недалекий берег. А тем временем русские штурмуют крепость. Не выдержали шведы штурма, не понадеялись на помощь — пробили шведские барабаны сигнал к сдаче. Пришли корабли к Неве, а уже поздно: русские в крепости.

Однако на кораблях о падении Ниеншанца ничего не знали. Остановились шведские корабли в Финском заливе, а два фрегата, «Гедан» и «Астрильд», пошли к крепости. Хотели шведы засветло подойти к Ниеншанцу, но не успели. Пришлось им опустить паруса, заночевать на Неве. Поставили шведы на кораблях часовых, легли спать.

Ходят шведские часовые, не думают об опасности. Ночь наступила темная, небо беззвездное. Кругом тихо. Стоят корабли, словно впаянные в Неву, не качнутся. Ходят часовые, перекликаются.

— Эй, на «Астрильде»! — кричит часовой с «Гедана».

— Эй, на «Гедане»! — отвечают ему с «Астрильда».

Вначале часовые перекликались часто, потом все реже и реже. Вскоре на «Астрильде» часовой замолк. Усыпила шведа тихая ночь.

Походил, походил часовой на «Гедане». Скучно одному. Прислонился к мачте и тоже заснул.

К утру сквозь сон почудился часовому с «Гедана» скрип уключин. Швед вздрогнул, приоткрыл глаза. Кругом туман. Дует легкий утренний ветер. Трепещет на мачте шведский флаг. Прислушался швед, скрип повторился.

«Что бы это?» — подумал часовой, подошел к борту.

И вдруг — швед даже не поверил своим глазам, подумал, не сон ли, — увидел часовой вначале одну, потом вторую, потом сразу много лодок.

Швед кинулся к другому борту — и там лодки. В лодках солдаты. И тут швед понял.

— Русские! — надрывая голос, закричал шведский часовой.

— Русские! — эхом пронеслось над Невой.

— Русские! — тревожно отозвалось в трюме.

И сразу корабль ожил. Выбежали на палубу перепуганные офицеры. Заметались, не понимая, в чем дело, заспанные солдаты.

А русские лодки тем временем подошли к фрегату. Облепили лодки фрегат со всех сторон. словно муравьи на сахарную голову, стали карабкаться по крутым бортам «Гедана» русские солдаты.

Первым на палубу ворвался Меншиков. Блеснул в руках Меншикова дымящийся пистолет, ловко заиграла острая шпага.

— Эка какой ты, швед, глупый! — приговаривал Меншиков и колот направо. — Не ходил бы ты, швед, в чужие земли! — и колот налево.

Между тем над Невой поднялось солнце. Туман рассеялся. Стал виден и второй шведский корабль, «Астрильд». И на «Астрильде» идет бой. На «Астрильде» — сам Петр. Хорошо заметна высокая фигура Петра. Петр улыбается Меншикову: понимает, что шведам не отбиться.

Однако нелегко далась русским победа. Геройски сражались шведские корабли. Стыдно им было русским лодкам сдаваться в плен. А все же пришлось.

В честь победы русские отлили медаль. «Небывалое бывает», — говорил Петр про эту победу.

НА БЕРЕГУ НЕВЫ

Пустынны берега реки Невы: леса, топи да непролазные чащи. И проехать трудно, и жить негде. А место важное — море.

Через несколько дней после взятия Ниеншанца Петр забрал Меншикова, сел в лодку и поехал к устью Невы. При самом впадении Невы в море — остров. Вылез Петр из лодки, стал ходить по острову. Остров длинный, плоский, словно ладошка. Хохолками торчат хилые кусты, под ногами мох, сырость.

— Ну и место, государь! — проговорил Меншиков.

— Что — место? Место как место, — ответил Петр. — Знатное место: море.

Пошли дальше. Вдруг Меншиков провалился по колени в болото. Рванул ноги, стал на четвереньки, пополз на сухое место. Поднялся весь в грязи, посмотрел на ноги — одного ботфорта нет. Остался в грязи ботфорт.

— Ай да Алексашка, ай да вид! — рассмеялся Петр.

— Ну и места проклятушие! — с обидой проговорил Меншиков. — Государь, пошли назад. Нечего сеи топи мерить.

— Зачем же назад, иди вперед, Данилыч. Чай, хозяйничать сюда пришли, а не гостями, — ответил Петр и зашагал к морю.

Меншиков нехотя поплелся сзади.

— А вот смотри, — обратился Петр к Меншикову. — Жизни, говоришь, никакой нет, а это тебе что, не жизнь?

Петр подошел к кочке, осторожно раздвинул кусты, и Меншиков увидел гнездо. В гнезде сидела птица. Она с удивлением смотрела на людей, не улетала.

— Ишь ты, — проговорил Меншиков, — смелая!

Птица вдруг взмахнула крылом, взлетела, стала носиться вокруг куста.

Наконец Петр и Меншиков вышли к морю. Большое, мрачное, оно верблюдскими горбами катило свои волны, бросало о берег, било о гальку.

Петр стоял, расправив плечи, дышал всей грудью. Морской ветер трепал полы кафтана, то поворачивая лицевой зеленой стороной, то внутренней — красной. Петр смотрел вдаль.

Там, за сотни верст на запад, лежали иные страны, иные берега.

Меншиков сидел на камне, переобувался.

— Данилыч, — произнес Петр.

То ли Петр произнес тихо, то ли Меншиков сделал вид, что не слышит, только он не ответил.

— Данилыч! — вновь проговорил Петр.

Меншиков насторожился.

— Здесь, у моря, — Петр обвел рукой, — здесь, у моря, — повторил он, — будем строить город.

У Меншикова занесенный ботфорт сам собой выпал из рук.

— Город? — переспросил он. — Тут, на сих болотах, город?!

— Да, — ответил Петр и зашагал по берегу.

А Меншиков продолжал сидеть на камне и смотрел удивленным, восторженным взглядом на удаляющуюся фигуру Петра.

А по берегу носилась испуганная птица. Она то взмывала вверх, то падала вниз и оглашала своим криком нетронутые берега.

ГОРОД У МОРЯ

Для строительства нового города собрали к Неве со всей России мастеровой люд: плотников, столяров, каменщиков, нагнали простых мужиков.

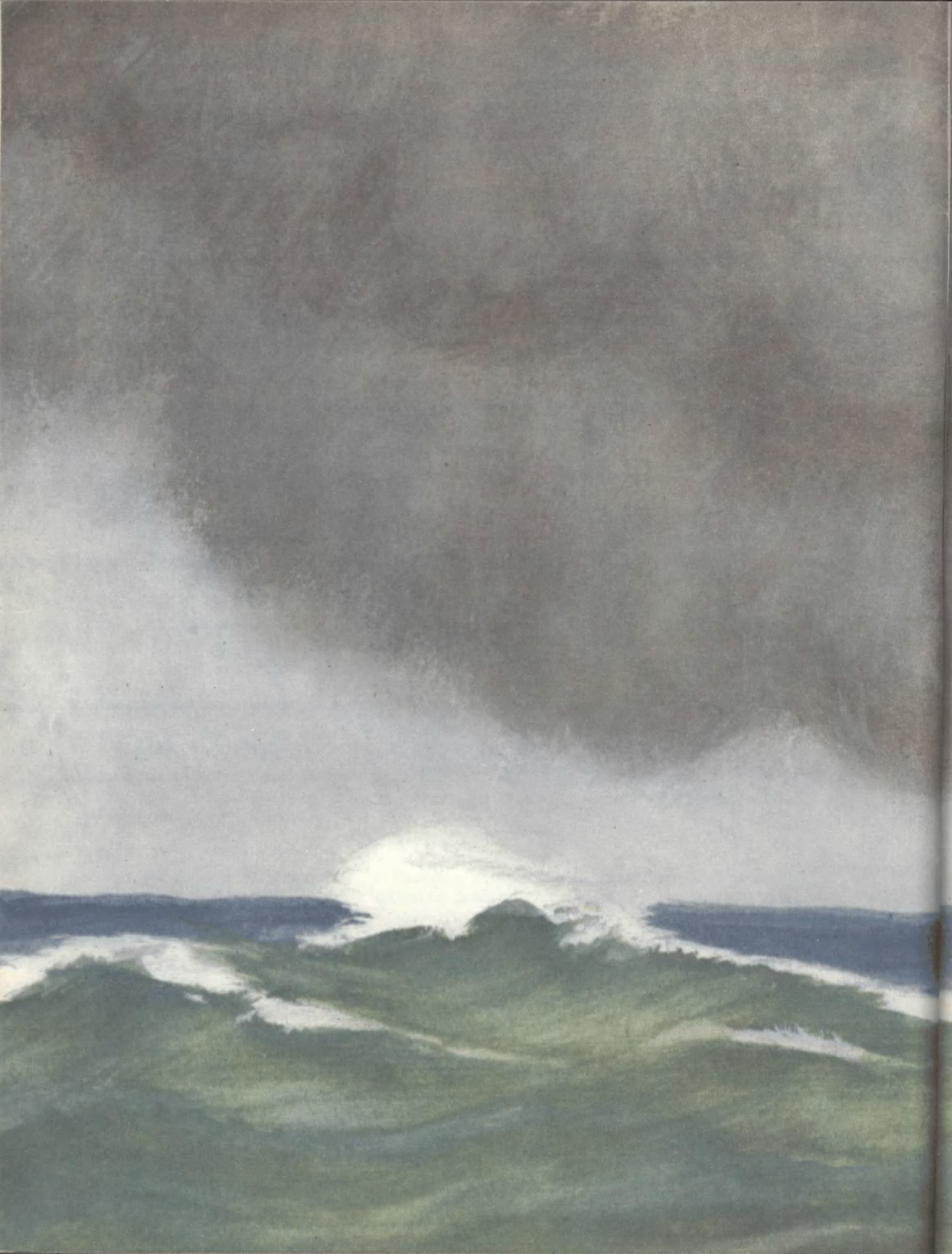
Вместе со своим отцом, Силантием Дымовым, приехал в новый город и маленький Никитка. Отвели Дымову место, как и другим рабочим, в сырой землянке. Поселился Никитка рядом с отцом, на одних нарах.

Утро. Четыре часа. Над городом палит пушка. Это сигнал. Встают рабочие, встает и Никиткин отец. Целый день копаются рабочие в грязи и болоте. Роят канавы, валят лес, таскают тяжелые бревна. Возвращаются домой затемно. Придут усталые, развесят около печки вонючие портянки, расставят дырявые сапоги и лапти, похлебают пустых щей и валяться на нары. Спят до утра словно убитые.

А чуть свет опять гремит пушка.

Весь день Никитка один. Все интересно Никитке: и то, что народу много, и солдат тьма-тьмушая, и море рядом. Никогда не видал Никитка столько воды. Даже смотреть страшно. Бегал Никитка к пристани, на корабли дивился. Ходил

по городу, смотрел, как в лесу вырубают просеки, а потом вдоль просек дома складывают.

Привыкли к Никитке рабочие. Посмотрят на него — дом, семью вспомнят. Полюбили Никитку. «Никитка, принеси воды», — попросят. Никитка бежит. «Никитка, расскажи, как у солдата табак украл». Никитка рассказывает.

Жил Никитка до осени весело. Но пришла осень, грянули дожди. Заскучал Никитка. Сидит целые дни в землянке один. В землянке вода по колени. Скучно Никитке. Вырубил тогда Силантий из бревна сыну игрушку — солдата с ружьем.

Повеселел Никитка.

— Встать! — подает команду.

Солдат стоит, глазом не моргнет.

— Ложись! — кричит Никитка, а сам незаметно подталкивает солдата рукой.

Наиграется Никитка, начнет воду вычерпывать. Перетаскает воду на улицу, только передохнет — а вода вновь набралась. Хоть плачь!

Вскоре в городе начался голод. Продуктов на осень не запасли, а дороги размокли. Пошли болезни. Стали помирать люди словно мухи.

Пришло время, захворал и Никитка. Вернулся однажды отец с работы, а у мальчика жар. Мечется Никитка на нарах, пить просит.

Всю ночь Силантий не отходил от сына. Утром не пошел на работу. А днем нагрянул в землянку офицер с солдатами.

— Порядку не знаешь?! — закричал офицер.

— Сынишка у меня тут. Хворый. Помирает сынишка, — стал оправдываться Силантий.

Но офицер не стал слушать. Дал команду, скрутили солдаты Силантию руки, погнали на работу. А когда вернулся, Никитка уже похолодел.

— Никитка, Никитка! — тормошит Силантий сына.

Лежит Никитка, не шелохнется. Валяется рядом Никиткина игрушка — солдат с ружьем. Мертв Никитка.

Гроба Никитке не делали. Похоронили, как всех, в общей могиле.

Недолго прожил после этого и Силантий. К морозам и Силантия свезли на кладбище. Много тогда людей погибло. Много мужицких костей полегло в болотах и топях.

Город, который строил Никиткин отец, был Петербург. Через несколько лет этот город стал столицей Русского государства.

ЗОЛОТОЙ РУБЛЬ

Осень 1703 года выдалась ранняя. Словно из сита, лили холодные мелкие дожди. Задули ветры, погнали по Финскому заливу метровые волны.

В один из таких дней к Неве подошел иностранный корабль. Корабль был датский, и приплыли на нем датские купцы.

У входа в Неву корабль бросил якорь. Идти дальше капитан не решался. Датчане послали в Петербург за лоцманом.

Вскоре лоцман прибыл. Из-под брезентового плаща-капюшона глянуло на капитана молодое улыбающееся лицо. Раскрытыми ножницами зашевелились тонкие, словно шило, усы.

— О гут, зер гут!¹ — приветствовал лоцмана капитан.

---

¹ Гут, зер гут! — Хорошо, очень хорошо! (нем.)

Лоцман прошелся по палубе, пощупал снасти, придирчиво осмотрел паруса и реи.

Всю дорогу лоцман молчал. Ловко перебирая рулевое колесо, он осторожно вводил корабль в Неву.

— Гут, зер гут! — говорил капитан.

Русский датчанам понравился. Прощаясь, капитан подарил лоцману золотой рубль.

Три дня судно разгружалось. Пока русские перетаскивали на берег пузатые бочки и тяжелые ящики, датские моряки ходили по городу. С самого утра отправлялся на берег и датский капитан. Капитан знал, что на улицах Петербурга можно повстречать русского царя. А взглянуть на Петра капитану очень хотелось. Слава о царе Петре к тому времени уже обошла весь мир. Однако датчанам не везло.

И вот однажды капитан встретил лоцмана.

— О майн фрейнд!¹ — радостно приветствовал датчанин старого знакомого.

«А что, если поделиться с ним своей неудачей?» — подумал капитан.

Узнав, в чем дело, лоцман оживился, обещал помочь.

Слово свое лоцман сдержал. Через несколько дней датских моряков пригласили в дом петербургского генерал-губернатора Александра Даниловича Меншикова. В просторном губернаторском доме собралось человек сто. Были здесь и знатные особы, и совсем неприметные люди — русские купцы и офицеры. Вскоре к гостям вышел и сам хозяин.

— Его величество царь Петр Алексеевич, — произнес Меншиков.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел Петр.

Датский капитан взглянул на царя и ахнул. По комнате, прогибая половицы, шел лоцман.

Заметив датчанина, Петр улыбнулся. Лукаво заблестели большие глаза, приветливо зашевелились усы-ножницы.

Капитан растерялся, стал низко кланяться и что-то быстро-быстро заговорил на родном языке.

— О чем рассказывает господин датский капитан? — обратился Петр к переводчику.

— Ваше величество, — ответил переводчик, — капитан говорит о каком-то рубле. Капитан просит не гневаться и вернуть ему рубль.

Петр рассмеялся.

— Купцы и корабельщики, — обратился царь к датским морякам, — вы первые, что с миром пришли к нам, в древние русские земли. Слава вам, датские мореходы. Жалуйте к нам в моря. Купцы датские и немецкие, английские и шведские, жалуйте все, всем места хватит. За то мы и бились за море, за то и положили здесь русские головы.

Потом, наклонившись к переводчику, Петр тихо сказал:

— А капитану передай — рубль я ему не отдам. Рубль — он не краденый. Скажи, царь за здоровье датских моряков тот рубль пропил.

---

¹ М а й н ф р е й н д! — Мой друг! (нем.)

Глава четвертая

ОПЯТЬ НАРВА

СНОВА ПОХОД

— Государь! — Меншиков осторожно потряс Петра за плечи. — Проснись. Петр приподнял голову и, не открывая глаз, перевернулся на другой бок.

— Государь, проснись, — вновь повторил Меншиков.

— Пошел вон! — ругнулся Петр и стал натягивать на голову одеяло.

— Проснись же, государь! — не отставал Меншиков. — У Нарвы беспокойно, к крепости идет генерал Шлиппенбах.

— Что?! — Петр вскочил с кровати, схватил Меншикова за отвороты кафтана, притянул к себе. — Что? Шведы — к Нарве?!

— Да, государь.

Петр отпустил Меншикова, зашагал по комнате из угла в угол. Потом остановился, вонзив взгляд в Меншикова, сказал:

— Данилыч, час пробил. Пока Нарва у шведов — жить нам в страхе. Ступай, кличь генералов, снова быть битве.

На следующий день русские войска спешно выступили в поход. И вот опять дорога. Как тогда, четыре года назад. Идут войска, движутся пушки, длинной вереницей тянутся обозные телеги.

И вновь по дороге несется царский возок. Догоняет Петр русские полки, останавливает лошадей, кричит:

— Здорово, молодцы!

— Здравия желаем, бомбардир-капитан! — отвечают солдаты.

Идут солдаты стройными рядами. Тра-та-та, тра-та-та! — выбивают походную дробь барабаны, развеваются пестрые полковые знамена.

А высоко в небе светит солнце. Носятся в теплом воздухе стрижи. Где-то впереди раздается солдатская песня. Слышна команда:

— Лева нога вперед! Права нога вперед! Шире шаг!

Стоит Петр в возке. Снял шляпу. Развевает ветер Петровы кудри. Смотрит Петр на войска, говорит Меншикову:

— Данилыч, смотри: российская армия идет наша, новая! Побьем шведа, а, Данилыч?

— Побьем, государь! Ей-ей, побьем! — отвечает Меншиков.

— То-то, — говорит Петр. — Чай, на печи не лежали! — и весело, по-детски, смеется. Потом вдруг меняется в лице. — Но, но, — говорит Меншикову, — не хвастай! — Садится и начинает смотреть в небо, в безбрежную синь, в неохватную даль.

Войска идут к Нарве.

МАШКАРАДНЫЙ БОЙ

Подожли русские к Нарве. Послали разведку. Оказывается, Шлиппенбах еще далеко.

Остановились войска на правом берегу Наровы. Стали готовиться к штурму. Однажды к Петру подошел Меншиков.

— Государь, — обратился он, — разреши учинить машкарадный бой.

— Что? — переспросил Петр.

— Машкарадный бой, говорю, — повторил Меншиков и зашептал царю что-то на ухо.

А на следующее утро к коменданту Нарвы генералу Горну прибежал корнет Попеншток.

— Генерал, генерал! — закричал Попеншток. — К Нарве идет Шлиппенбах, русские готовятся к бою!

Схватил Горн подозрную трубу, бросился к крепостной стене, посмотрел: действительно, русские строятся. Носится по полю Меншиков, машет шпагой, куда-то показывает. Посмотрел Горн на запад — правильно, там, за лесом, поднимается пыль.

— О, слава тебе, святая Мария! — проговорил генерал. Потом повернулся к Попенштоку, сказал: — Жалую вас, господин корнет, капитаном.

В это время вдалеке раздались два выстрела, потом еще два и еще. Это был шведский условный сигнал. Горн приказал ответить. С крепостной стены гаркнули пушки.

А вскоре из-за леса стройной колонной появились и сами шведы.

Заколыхались желтые и белые шведские знамена, заняли всю ширь дороги синие мундиры шведских солдат. Развернулись шведы во фронт, выкатили вперед пушки и открыли огонь. Русские стояли спиной к крепости, лицом к войскам Шлиппенбаха.

И Горн подумал: «А что, если ударить русским в тыл? Шлиппенбах — спереди, войска из крепости — сзади, зажать русских в тиски, разгромить, как тогда, четыре года назад, удержать шведскую славу».

Горн отдал приказ. Распахнулись крепостные ворота, выскочила конница, за ней побежали пешие отряды. Русские заметили вылазку, дрогнули, подались в сторону.

— Ура! — закричал Попеншток и побежал вниз с крепостной стены.

Он вскочил на лошадь и вылетел пулей из крепости. Хотел Попеншток и тут оказаться первым. Горн видел, как его белая лошадь, вздымая пыль, галопом мчалась по полю. Попеншток подскочил к русским, рубанул налево, направо, повернул коня и помчался к войскам Шлиппенбаха. Вот он подлетел к шведам, соскочил с коня и бросился обнимать какого-то офицера.

— Молодец! — шептал Горн. — Молодец, Попеншток! — И восторженно смотрел на корнета.

Но что такое? Потеряв шляпу, Попеншток несется назад. Вслед ему раздаются выстрелы. Шведы стреляют в шведов! Схватил Горн трясущимися руками подозрную трубу, стал искать Шлиппенбаха. Вот и он на коне, в окружении шведских знамен. Но — о святая Мария! Горн смотрит и не верит своим глазам: на коне в костюме шведского генерала сидит царь Петр. А те, кого Горн принимал за солдат Шлиппенбаха, схватив ружья наперевес, дружно бегут к открытым воротам крепости.

— О боже, о боже! — закричал Горн. — Ворота, скорее закрыть ворота!

Генерал побежал вниз. У самых ворот он столкнулся с Попенштоком. Подскоки Горн к Попенштоку, осадил его белую лошадь, сдернул седока на землю.

— Вы, вы!.. — кричал, задыхаясь, Горн. — Вы, Попеншток, мальчишка! О боже, о боже! Это все вы! Ну, где же ваш Шлиппенбах?! Рядовым, в карцер, под суд! О святая Мария! О святая Мария!

Около трети нарвского гарнизона полегло в машкарадном бою.

По случаю удачной выдумки в русском лагере шло веселье.

Меншиков ходил важный, приговаривал:

— Бивали мы этих шведов запросто. Что нам шведы!

— Умолкни! — крикнул Петр. — Хоть ты и герой, да похвальбе знай меру! Тьфу, тошно смотреть!

БАБАТ БАРАБЫКА

Бабат Барабыка был барабанщиком в бомбардирской роте. На всю армию не было второго такого умелого барабанщика. Выбивал Барабыка и маршевую дробь и все сигналы воинские знал исправно.

А еще Барабыка был известен тем, что разговаривал с самим генералом Горном. Было это так.

30 июля, в воскресенье, русские начали обстрел Нарвы. Стреляли по бастионам Виктория и Гонор. Отсюда, пробив в стене брешь, хотели штурмовать город. Семь дней не отходили от пушек бомбардиры. Не отходил и Барабыка. Отложив в сторону барабан, подтаскивал ядра, засыпал в пушки порох. На восьмой день бастион Гонор осел. Земляная насыпь вокруг него обвалилась в ров.

— Ну, — заговорили солдаты, — теперь готовься к штурму.

В это самое время Барабыку вызвали к царю. Посмотрел Петр на раскосые глаза Бабата.

— Татарин? — спросил.

— Калмык, — ответил Барабыка.

— Ишь ты! — усмехнулся Петр. — А тоже солдат.

— Барабанщик я, — ответил Барабыка.

— Вот ты мне и надобен, — сказал Петр. — Пойдешь к крепости, передашь письмо нарвскому коменданту. Да смотри иди осторожно, — напутствовал Петр. — Бей в барабан шибче, говори, что ты есть российский парламентар.

Пошел Барабыка, бьет в барабан что есть силы. Заметили шведы солдата, перестали стрелять.

— Кто такой? — закричали, когда Барабыка подошел к крепости.

— Я есть парламентар российской армии, — отвечает Барабыка.

Скрипнули железные засовы тяжелых крепостных ворот, одна из створок их медленно приоткрылась. Барабыка вошел в крепость.

Повели Барабыку кривыми маленькими улочками нового города мимо разбитых и горящих домов к нарвскому замку. Перед замком — глубокий ров. Через ров — мост. Мост поднят.

— Кто такой? — закричали с той стороны часовые.

— Я есть парламентар российской армии, — вновь повторил Барабыка.

Громыкнули тяжелые цепи, мост опустился. Барабыка вошел в замок. Повели Барабыку по узким коридорам и крутым лестницам. Наконец вошли в большой зал. В глубине увидел Барабыка высокого, худого старика. «Генерал Горн», — узнал Барабыка.

Взял Горн письмо, стал читать. «Сам господь бог разрушил Гонор, — писал Петр, — путь к приступу открыт...» Петр предлагал Горну сдать крепость и кончить кровопролитие.

Прочел Горн письмо, уставился на Бабата.

— Иди к царю Петру, — сказал, — передай: шведы не сдаются. Понял?

— Никак нет, — отвечает Барабыка.

— Иди к царю Петру, — повторил Горн, — скажи: нет такого правила, чтобы шведы сдавались.

— Как так — нет? — возражает Барабыка. — Есть. И при Орешке сдавались, и при Ниеншанце сдавались. Выходит, есть такое правило. А Нарва чем лучше? И при Нарве сдадутся.

— Что? — закричал Горн.

Налились кровью генеральские глаза. Схватил Горн шпагу, бросился к русскому солдату:

— Вон! — закричал. — Вон!.. О святая Мария!
Так и ушел Барабыка ни с чем.
Доложил Барабыка царю все, как было.
— Ишь ты! — сказал Петр. — Так и сказал Горн: «Шведы не сдаются»?
— Так точно, бомбардир-капитан!
— А может, и прав генерал Горн? — спрашивает Петр.
— Как так — прав? — возражает Барабыка. — Я же ему говорю: «При Орешке сдались — раз, при Ниеншанце сдались — два и при Нарве, выходит, сдать должны». Как же так, бог троицу любит.
— Молодец! — говорит Петр. — Мыслишь, как и пристало российскому солдату.
— Никак нет, государь, — говорит Барабыка.
— Что — никак нет? — не понимает Петр.
— Какой же я солдат? Барабанщик я.
— Ну и что, барабанщик — не солдат, что ли? — удивился Петр.
— Нет, бомбардир-капитан, — отвечает Бабат, — какой же он солдат, раз ружья не имеет.
— Ишь ты! — вновь усмехнулся Петр. — Ружья, говоришь, не имеешь? Ладно, иди к ротному командиру, скажи: государь приказал ружье выдать. А про шведов это ты правду сказал: и при Нарве сдадутся.

ШТУРМ

На следующий день русские начали штурм Нарвы. Шли на приступ тремя большими колоннами.

Солдаты тащили лестницы и багры, оставив для облегчения в лагере походные ранцы.

На штурм нарвской стены шел и Бабат Барабыка.

Шведы открыли огонь. Стреляли пушки из крепости и через Нарову с высоких ивангородских стен. Ловко, страшно бились шведские солдаты. Там, где у высокой стены бастиона Гонор русские установили штурмовые лестницы, летели на голову атакующих камни, янтарными брызгами рассыпалась горящая смола.

По крепости на взмыленном коне носился генерал Горн.

— Шведы, шведы, — кричал он, — не посраим шведской славы! Вперед, шведы!

Приступ русских был неудачный. Добираясь почти до самого верха стены, солдаты не могли закрепиться. Штурмующие отхлынули. Отбежал со всеми и Барабыка. Установилась тишина. Никто не решался первым повторить атаку. И вдруг недолгую тишину нарушил барабанный бой. Это в свой барабан ударил Барабыка. Медленно, в такт барабанной дробы, он стал подходить к крепостной стене, стал подниматься по лестнице. Шведы опешили. Они смотрели на смельчака, боясь стрелять. А Барабыка продолжал бить в барабан, продолжал подниматься по лестнице. И вдруг все зашевелилось, задвигалось. Русские снова бросились на штурм. Снова раздались выстрелы, полетели камни, полилась смола.

Барабыка вскочил на крепостную стену. Кругом свистели пули, с Бабата сбило шляпу, от горячей смолы затлел кафтан. А он стоял на самом верху и бил в барабан.

Тра-та-та! Тра-та-та!

А оттуда, с той стороны стены, неся зычный голос генерала Горна:

— Шведы, за господа бога и короля вперед!

Однако поздно. Русские овладели стеной. Вот их все больше и больше.

А наверху по-прежнему стоит Барабыка и что есть силы бьет в барабан. Потом забрасывает барабан за спину, сует палочки за пояс, хватает ружье и, задрав полы горящего кафтана, прыгает вниз.

Русские врываются в Нарву. А внизу гремит голос Горна:

— Шведы, шведы, позор вам, шведы!

ШПАГА ГЕНЕРАЛА ГОРНА

Был у Бабата дружок из солдат. Странную имел фамилию — Перец. Молчит, молчит Перец, а потом возьмет да такое скажет! Все норовил про царя Петра дурное сказать.

А тут еще Бабат его вконец разозлил. Как вернулся Бабат от царя, так и стал хвастать, что Петр ему и ружье выдать приказал, и награду пообещал.

— Чему радуешься? — перебил Перец Бабата. — Нашел отца-благодетеля! Он тебе ружье рад всунуть. Дура, царь — он и есть царь. Думаешь, ты ему нужен? Силушка твоя нужна. Чай, немало на его совести нашего люду. Вон она, царская милость, — говорил Перец и задира лубаху. Там попереk волосатой спины ровными рядами шли красные рубцы. — А за что? — спрашивал Перец. — За то, что правду сказать не побоялся.

И уж какой раз за этот поход начинал рассказывать Перец о том, как взбунтовались в его родном селе мужики, а царь прислал солдат и приказал всем батогов всыпать. А кто виноват, что мужикам на деревне жрать нечего? Вестимо, он, царь.

— Так ведь то не царь, а бояре виноваты, — пытается возражать Бабат.

— Ишь ты, «бояре»! — передразнивает Перец. — А царь — он кто, мужик? Царь — он и есть первейший боярин. От него все в государстве зависит.

— Так-то оно так... — соглашается Бабат.

А сам свое думает: «Как же так, чтобы царь — и был нехороший!»

Так бы и думал Бабат, да только произошла такая история.

Спрыгнув с крепостной стены, Бабат побежал к Нарвскому замку. Здесь, на валу, отделявшем старый город от нового, он повстречал генерала Горна. Подбежал Барабыка к генеральской лошади, схватил за уздцы, закричал Горну:

— Сдавайся!

Признал генерал раскосые глаза Барабыки, схватился за шпагу. Хорошо, отскочил Бабат в сторону. Потом выбрал удобный момент, прыгнул и ухватился за рукоятку генеральской шпаги. Ухватился, держит и снова кричит:

— Сдавайся!

Так и держатся они вдвоем за одну шпагу. В это время подскакал к ним русский полковник Чамберс.

— Брось! — закричал полковник на Барабыку. — Не пристало рядовому чину у генерала шпагу брать! Отдай сюда!

А Барабыка словно окаменел, пальцы разжать не может. Разозлился тогда Чамберс, ударил Бабата по лицу. Пошатнулся Бабат, упал. Так и досталась генеральская шпага полковнику Чамберсу.

А тут как раз проезжал Петр с генералами.

— Что за шум? — спросил.

Чамберс и доложил ему: мол, рядовой чин, а у генерала шпагу отнять пытался, да и офицерского приказа не выполнил.

— Раз так, — сказал Петр, — всыпать ему батогов за такое дело.

Уехали генералы. Остался Барабыка один. А в это время, откуда ни возмись, Перец.

— Ну что, — говорит Перец, — видал, каково нашему брату? Вот она, царская милость.

А Бабату и сказать нечего. Стоит, моргает раскосыми глазами. Хоть и злой мужик Перец, а все же и в его словах правда есть.

ЗА СЛАВУ РОССИЙСКУЮ

Бой кончился. Петр и Меншиков верхом на конях выехали из крепости. Следом, чуть поодаль, группой ехали русские генералы. Ссутулив плечи, Петр грузно сидел в седле и устало смотрел на рыжую холку своей лошади. Меншиков, привстав на стременах, то и дело поворачивал голову из стороны в сторону и приветственно махал шляпой встречным солдатам и офицерам.

Ехали молча.

— Государь, — вдруг проговорил Меншиков, — Петр Алексеевич, гляди, — и показал рукой на берег Наровы.

Петр посмотрел. На берегу реки, задрав кверху ствол, стояла пушка. Около пушки, обступив ее со всех сторон, толпились солдаты. Взобравшись на лафет с ковшом в руке, стоял сержант. Он опускал ковш в ствол пушки, что-то зачерпывал им и раздавал солдатам.

— Государь, — проговорил Меншиков, — смотри, никак, пьют. Ну и придумали! Смотри, государь: в ствол пушки вино налили! Ай да бомбардиры! Орлы! Герои! Петр улыбнулся. Остановил коня. Стали слышны солдатские голоса.

— За что пить будем? — спрашивает сержант и выжидающе смотрит на солдат.

— За царя Петра! — несется в ответ.

— За Нарву!

— За славный город Санкт-Питербурх!

Петр и Меншиков поехали дальше, а вслед им неслось:

— За артиллерию!

— За товарищев, животы свои положивших!

— Данилыч, — проговорил Петр, — поехали к морю.

Через час Петр стоял у самой воды. Волны лизали подошвы больших Петровых ботфорт. Царь скрестил руки и смотрел вдаль. Меншиков стоял чуть поодаль.

— Данилыч, — позвал Петр Меншикова, — а помнишь наш разговор тогда, в Новгороде?

— Помню.

— А Нарву?

— Помню.

— То-то. Выходит, не зря сюда мы хаживали, проливали кровь и пот русский.

— Не зря, государь.

— И колокола, выходит, не зря снимали. И заводы строили. И школы...

— Верно. Верно, — поддакивает Меншиков.

— Данилыч, так и нам теперь не грех выпить? Не грех, Данилыч?!

— Правильно, государь.

— Так за что пить будем?

— За государя Петра Алексеича!.. — выпалил Меншиков.

— Дурак! — оборвал Петр. — За море пить надобно, за славу российскую.

Барабан

Галера

Боярин

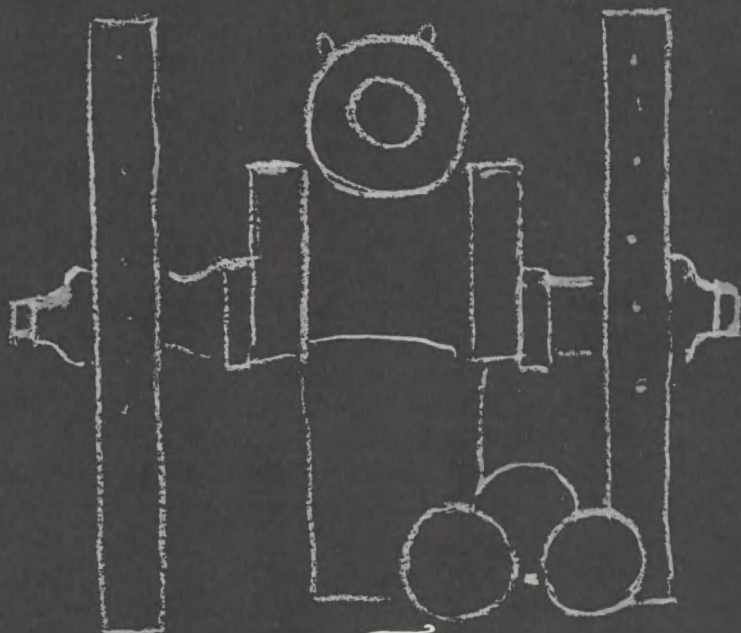

Патронная
сумка

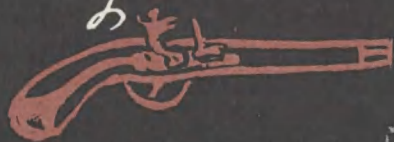
Офицер

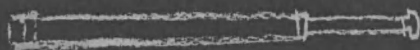
Полевая
пушка

Пистолет
кремневый

Подзорная
труба

Фрегат

Знамя

Шпаги

Офицер
пехотного
полка

Фузея
кремневая

СУВОРОВ С ДЕТСТВА МЕЧТАЛ СТАТЬ ВОЕННЫМ.
ОДНАКО ОН БЫЛ СЛАБЫМ
И БОЛЕЗНЕННЫМ МАЛЬЧИКОМ.
«НУ ГДЕ ЖЕ ТЕБЕ БЫТЬ ВОЕННЫМ! —
СМЕЯЛСЯ НАД НИМ ОТЕЦ. —
ТЫ И РУЖЬЯ НЕ ПОДЫМЕШЬ!»
СЛОВА ОТЦА ОГОРЧАЛИ СУВОРОВА.
ОН РЕШИЛ ЗАКАЛЯТЬСЯ.
НАСТУПАТ, БЫВАЛО, ЗИМНИЕ ХОЛОДА,
ВСЕ ОДЕНУТСЯ В ТЕПЛЫЕ ШУБЫ
ИЛИ ВО ВСЕ НЕ ВЫХОДЯТ ИЗ ДОМУ.
А МАЛЕНЬКИЙ СУВОРОВ НАКИНЕТ ЛЕГКУЮ КУРТКУ
И ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ ПРОВОДИТ НА УЛИЦЕ.
НАСТУПИТ ВЕСНА.
ТОЛЬКО ВСКРОЮТСЯ РЕКИ,
ЕЩЕ НИКТО И НЕ ДУМАЕТ КУПАТЬСЯ,
А СУВОРОВ — БУХ В СТУДЕНУЮ ВОДУ.
ЕГО НЕ СТРАШИЛИ ТЕПЕРЬ НИ ЖАРА, НИ ХОЛОД.
МАЛЬЧИК МНОГО ХОДИЛ,
ХОРОШО НАУЧИЛСЯ ЕЗДИТЬ ВЕРХОМ.
СУВОРОВ ДОБИЛСЯ СВОЕГО.
ОН ОКРЕП И ВСКОРЕ ПОСТУПИЛ
НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ.
СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ ПРОЖИЛ СУВОРОВ.
БОЛЕЕ ПЯТИДЕСЯТИ ИЗ НИХ ОН ПРОВЕЛ В АРМИИ.
НАЧАЛ СЛУЖБУ ПРОСТЫМ СОЛДАТОМ,
КОНЧИЛ ЕЕ ФЕЛЬДМАРШАЛОМ И ГЕНЕРАЛИССИМУСОМ.
ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ БОЛЬШИХ БОЕВ И СРАЖЕНИЙ
ПРОВЕЛ СУВОРОВ.
В КАЖДОМ ИЗ НИХ ОН БЫЛ ПОБЕДИТЕЛЕМ.
О СЛАВНЫХ ПОБЕДАХ
ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЛКОВОДЦА
АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА СУВОРОВА
И ГЕРОИЗМЕ РУССКИХ СОЛДАТ
ВЫ И УЗНАЕТЕ ИЗ ЭТИХ РАССКАЗОВ.

РАССКАЗЫ
О СУВОРОВЕ
И РУССКИХ
СОЛДАТАХ

Глава первая

ВСЮДУ ИЗВЕСТНЫ

ПАКЕТ

а непослушание императору Суворов был отстранен от армии. Жил фельдмаршал в селе Кончанском. В бабки играл с мальчишками, помогал звонарю бить в церковные колокола. В святые праздники пел на клиросе.

А между тем русская армия тронулась в новый поход. И не было на Руси второго Суворова. Тут-то и вспомнили про Кончанское.

Прибыл к Суворову на тройке молодой офицер, привез фельдмаршалу пакет за пятью печатями от самого государя императора Павла Первого.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Графу Александру Суворову в собственные руки».

Покрутил фельдмаршал пакет в руках, вернул офицеру.

— Не мне, — говорит. — Не мне.

— Как—не вам?—поразился посыльный.—Вам. Велено вам в собственные руки.

— Не мне. Не мне, — повторил Суворов. — Не задерживай. Мне с ребятами в лес по грибы-ягоды надо идти.

И пошел.

Смотрит офицер на пакет — все как полагается: и «графу» и «Александру Суворову».

— Александр Васильевич! — закричал. — Ваше сиятельство!
— Ну что? — остановился Суворов.
— Пакет...
— Сказано — не мне, — произнес Суворов. — Не мне. Видать, другому Суворову. Так и уехал ни с чем посыльный.

Прошло несколько дней, и снова в Кончанское прибыл на тройке молодой офицер. Снова привез из Петербурга от государя императора пакет за пятью печатями.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Фельдмаршалу российскому Александру Суворову».

— Вот теперь мне, — произнес Суворов и распечатал пакет.

«БИТЬ, А НЕ СЧИТАТЬ»

Впервые Суворов попал на войну совсем молодым офицером. Россия в то время воевала с Пруссией. И русские и прусские войска растянулись широким фронтом. Армии готовились к грозным боям, а пока мелкими набегам «изучали» друг друга.

Суворову выделили сотню казаков и поручили наблюдать за противником.

В сорока верстах от корпуса, в котором служил Суворов, находился прусский городок Ландсберг.

Городок небольшой, но важный. Стоял он на перепутье проезжих дорог. Охранял его хорошо вооруженный отряд прусских гусар.

Ходил Суворов несколько раз со своей сотней в разведку, исколесил всю округу, но, как назло, даже издали ни одного пруссака не увидел.

А что же это за война, если даже не видишь противника!

И вот молодой офицер решил учинить настоящее дело, попытать счастье и взять Ландсберг. Молод, горяч был Суворов.

Поднял он среди ночи сотню, приказал седлать лошадей.

— Куда это? — заволновался казачий сотник.

— Вперед! — кратко ответил Суворов.

До рассвета прошла суворовская сотня все сорок верст и оказалась на берегу глубокой реки, как раз напротив прусского города.

Осмотрелся Суворов — моста нет. Сожгли пруссаки для безопасности мост. Оградили себя от неожиданных нападений.

Постоял Суворов на берегу, подумал и вдруг скомандовал:

— В воду! За мной! — и первым бросился в реку.

Выбрались казаки на противоположный берег у самых стен вражеского города.

— Город наш! Вперед! — закричал Суворов.

— В городе же прусские гусары, — попытался остановить Суворова казачий сотник.

— Помилуй бог, так это и хорошо! — ответил Суворов. — Их как раз мы и ищем.

Понял сотник, что Суворова не остановишь.

— Александр Васильевич, — говорит, — прикажите хоть узнать, много ли их.

— Зачем? — возразил Суворов. — Мы пришли бить, а не считать.

Казаки ворвались в город и разбили противника.

ТУРТУКАЙ

Слава Суворова началась с Туртукай.

Суворов только недавно был произведен в генералы и сражался под началом фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского против турок.

Румянцев был заслуженным военачальником. Одержал он немало побед над противником. Однако эта война поначалу велась нерешительно. Русская армия топталась на месте. Никаких побед, никаких продвижений.

Не терпелось, не хотелось Суворову сидеть на одном месте.

— Одним глядением крепостей не возьмешь, — возмущался он робостью графа Румянцева.

И вот, не спросив разрешения, Суворов завязал с неприятелем бой. Отбросил противника, погнав и уже было ворвался в турецкую крепость Туртукай, как пришел приказ Румянцева повернуть назад.

Суворов подумал: победа рядом, командующий далеко, и ослушался. Ударил в штыки. «Чудо-богатыри, за мной!» И взял Туртукай.

Тут же Суворов написал фельдмаршалу донесение:

«Слава богу, слава вам! Туртукай взят, и я там».

Обидно стало Румянцеву, что молодой генерал одержал победу над турками, а он, фельдмаршал, не может. Да и рапорт в стихах разозлил Румянцева. Решил он отдать Суворова под суд за ослушание и невыполнение приказаний.

Те, кто были поближе к Румянцеву, говорили:

— Прав фельдмаршал. Что же это за армия, если в ней нарушать приказы! Однако большинство офицеров и солдат защищали Суворова.

— Так приказ приказу рознь, — говорили одни.

— За победу — под суд?! — роптали другие.

— Это из-за стишков фельдмаршал обиделся, — перешептывались третьи.

Слухи о расправе над молодым генералом дошли и до царицы Екатерины Второй.

Защитила она Суворова.

«Победителя не судят», — написала царица Румянцеву.

Суворов вернулся к войскам и через несколько дней одержал новую победу над турками.

СУВОРОВ СТОЯЛ В КИНБУРНЕ

С небольшим отрядом казаков и солдат Суворов стоял в Кинбурне.

Важной была крепость. Слева — Черное море. Узкая песчаная коса впереди. Справа — Днепровский лиман. Не допустить турок в Днепровский лиман — задача Суворова.

Пятьдесят шесть турецких судов и фрегатов подошли к Кинбурнской косе, открыли огонь по русским.

Окончили турецкие корабли обстрел, стали высаживать отборные войска на берег. Боялись турки Топал-паши¹ — так прозвали они Суворова. Даже французских офицеров призвали к себе на помощь.

Вывел Суворов навстречу врагу небольшой гарнизон своей крепости, начал неравный бой.

Бьются русские солдаты не щадя живота своего. То тут, то там на коне Суворов.

— Алла! Алла! — кричат турки.

¹ Топал-паша — хромым начальник. У Суворова в это время болела нога, и он прихрамывал.

— Ура! Ура! — не смолкают русские.

Идет отчаянный бой, кипит рукопашная сеча.

В разгар сражения картечь ударила в грудь Суворова. Потерял он сознание, свалился с коня.

— Топал-паша убит! Убит! Убит! — пронеслось в турецких рядах.

Осмелели турки, с новой силой бросились в битву.

Подняли между тем казаки генерала, промыли рану соленой водой. Пришел Суворов в себя.

— Помогло, помилуй бог, помогло!

Увидели солдаты любимого командира — ни шагу назад, ни пяди земли противнику.

Не утихает смертельный бой.

— Ура! Алла! Алла! Ура! — несется над берегом.

Прошел час, и снова Суворова ранило. Хотели казаки вынести генерала в тихое место.

— Не смей! — закричал Суворов.

Перехватил он рану рукавом от рубахи и снова к войскам.

Однако от ран генерал обессилел. То и дело теряет Суворов сознание. Окружили его казаки, поддерживают командира в седле.

Привстанет Суворов на стременах, взмахнет шпагой, крикнет: «Ура!» — и снова от боли теряет сознание. Снова придет в себя, снова «ура» и снова на казацкие плечи валится.

Приказал тогда Суворов казакам придерживать коня и на бугре, на высоком месте, — так, чтобы солдаты его видели. Видят солдаты генерала в бою, из последней мочи держатся.

Устояли казаки и гренадеры. Дождались подмоги. Прибыла конница, ударили русские во всю силу, погнались турок и французских офицеров назад, к Черному морю. Немногие добрались до своих кораблей. А те, что добрались, распустили слух, что Суворов убит в Кинбурне.

Однако от ран Суворов скоро оправился и еще не раз о себе напомнил.

БИТВА ФОКШАНСКАЯ

С русскими против турок сражались австрийцы. Дела у австрийцев были неважны, и им грозил разгром под Фокшанами.

Запросили австрийцы у русских помощи. На помощь пришел Суворов.

Прибыл Суворов, остановился недалеко от австрийского лагеря. Командующий австрийской армией принц Кобургский немедля прислал к Суворову посыльного с просьбой, чтобы русский генерал тут же явился к австрийцам на военный совет.

Собрался было Суворов ехать, а затем подумал: зачем? Знал он, что на военном совете с австрийцами начнутся споры, сомнения. Только время уйдет. А турки тем временем узнают о приходе Суворова.

Прискакал посыльный от принца Кобургского к русскому лагерю.

— Суворов богу молится, — заявили посыльному.

Через час прибыл новый посыльный.

— Суворов ужинает, — отвечают ему.

Прошел еще час, и снова прибыл посыльный.

— Суворов спит, — объяснили австрийцу. — Наказал не тревожить.

А Суворов вовсе не спал. Изучал он позиции неприятеля. Готовился к бою.

Глубокой ночью принца Кобургского разбудили. Приехал курьер от Суворова, привез письмо от русского генерала.

«Выступаю на турок, — писал Суворов. — Иду слева, ступай справа. Атакуй с чем пришел, чем бог послал. Конница, начинай! Руби, коли, гони, отрезай, не упускай, ура! А коль не придешь, ударю один», — пригрозил Суворов.

Переполошился принц Кобургский. Как же так — без военного совета, без обсуждения и так скоро! Однако делать нечего, пришлось подчиниться.

Русские и австрийцы напали на турок и разгромили противника.

После победы кое-кто стал упрекать Суворова: нехорошо, мол, Суворов поступил с австрийцами.

— Нельзя было, — объяснял Суворов. — Нельзя иначе. Австрийцы — они поболтать любят. Заговорили бы меня на совете. Заспорили. Глядишь, и битва Фокшанская была б не на поле, а в штабе австрийском.

ВЕЛИКИЙ ВИЗИРЬ

Ни одно войско в мире не передвигалось так быстро, как суворовские солдаты. Неприятель и не ждет Суворова, думает — русские далеко. А Суворов тут как тут. Как снег на голову. Подошел. Ударил в штыки. Опрокинул противника. Так случилось и в знаменитой битве при Рымнике.

Рымник — это река. У ее берегов собралась огромная, стотысячная турецкая армия.

Командующий турецкой армией великий визирь Юсуф-паша восседал у себя в шатре на шелковых подушках, пил кофе.

Хорошее настроение у великого визиря. Только что побывал у него турецкий разведчик: прибыл из русского лагеря. Принес разведчик хорошую весть: суворовская армия в четыре раза меньше турецкой. Стоит она в восьмидесяти верстах от Рымника и к бою пока не готова.

Восседал визирь на подушках, пил кофе и составлял план разгрома Суворова. Потом стал мечтать о тех наградах, которыми осыплет его турецкий государь за победу.

С мыслями о наградах великий визирь заснул. И вдруг на рассвете, сквозь радостный сон, Юсуф-паша услышал дикие крики:

— Русские! Русские! Русские!

Выскочил визирь из палатки — в турецком лагере паника. Носятся турецкие офицеры. Горланят солдаты. Крики. Шум. Разобраться невозможно.

— Какие русские?! Откуда русские? — кричит визирь.

А русские уже и слева и справа, бьют и в лоб, и с боков, и с тыла. Теснят растерявшихся турок. «Ура, ура!» — только и несется со всех сторон.

— Стойте! — кричит визирь. — Сыны аллаха! Стойте!

Но турки не слушают своего начальника. Одолеет турецкую армию великий страх.

Схватил тогда визирь священную книгу — Коран, стал заклинать трусов.

Но и слова о боге не помогают.

Приказал тогда визирь стрелять по турецким солдатам из собственных пушек.

Но и пушки не помогают.

Забыли солдаты и визиря и аллаха. Бегут как стадо баранов. «Аман!¹ — вопят. — Аман!» Сбивают и давят друг друга.

— Скоты! — прошептал потрясенный визирь.

Оставил он и Коран и пушки, подхватил полы парчового своего халата и, пока не поздно, бросился вслед за всеми.

Любил Суворов стремительные переходы. Нападал на неприятеля неожиданно, обрушивался как снег на голову.

¹ А м а н — сдаюсь, пощади.

ИЗМАИЛ

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, шел вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал.

И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть верст.

Не могли русские генералы взять турецкую крепость.

И вот прошел слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

— Как поступать будем? — спрашивает.

А дело глубокой осенью было.

— Отступать надобно, — заговорили генералы. — Домой, на зимние квартиры.

— «На зимние квартиры!»! — передразнил Суворов. — «Домой!»! Нет, — сказал. — Русскому солдату дорога домой через Измаил ведет. Нет российскому солдату дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом необычная жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шел вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днем солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отставить! Негоже, как стадо баранов, бегать. Давай снова.

Так и бегают солдаты то к валу, то назад.

А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться.

— Тут, — говорит, — лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент.

Несколько дней Суворов занимался с солдатами, а потом послал к турецкому генералу посла — предложил, чтобы турки сдались. Но генерал гордо ответил:

— Раньше небо упадет в Дунай, чем русские возьмут Измаил.

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм крепости. Повторили солдаты все, чему учил их Суворов: перешли ров, поднялись на крепостной вал, по штурмовым лестницам поползли на стены. Лихо бились турки, только не удержали они русских солдат. Ворвались войска в Измаил, захватили в плен всю турецкую армию.

Лишь один турок невредимым ушел из крепости. Дрожащий от страха, он прибежал в турецкую столицу и рассказал о новом подвиге русских солдат и новой победе генерала Суворова.

МИШКА

Не везло Суворову на лошадей. Одной неприятельское ядро оторвало голову. Вторую ранило в шею, и ее пришлось пристрелить. Третья лошадь оказалась просто-напросто глупой.

Но вот донские казаки подарили Суворову Мишку. Глянул фельдмаршал: уши торчком, землю скребет копытом. Не конь, а огонь.

Подошел Суворов слева, подошел справа. И Мишка повел головой то в одну, то в другую сторону, как бы присматриваясь, достойным ли будет седок. Понравился Суворову Мишка. И Мишке, видать, Суворов пришелся по вкусу. Сдружились они и понимали друг друга без слов.

Хорошее настроение у Суворова — и у Мишки хорошее, играет, мчит во весь опор. Огорчен, опечален Суворов — и Мишка насупился, шагом идет, медленно и осторожно, чтобы лишний раз хозяина не потревожить.

Лихим оказался Мишка в бою. Ни ядер, ни пуль, ни кривых турецких сабель — ничего не боялся. У Рымника на Мишке Суворов громил Юсуф-пашу. На нем приехал под Измаил.

Но и у лошади жизнь солдатская. В одном из сражений Мишку ранило в ногу. Конь захромал и к дальнейшей службе оказался негоден.

Суворов бранился, кричал на докторов и коновалов, требовал, чтобы те излечили Мишку. Коню делали припарки, извлекли пулю, наложили ременный жгут. Не помогло. От хромоты конь не избавился.

Пришлось Суворову расстаться с верным товарищем. Простился фельдмаршал с конем, приказал отправить его к себе в имение, в село Кончанское. Старосте написал, что конь «за верную службу переведен в отставку и посажен на пенсию», и наказал, чтобы Мишку хорошо кормили, чистили и выводили гулять.

Староста каждый месяц должен был писать Суворову письма и сообщать, как живет в «отставке» Мишке.

Фельдмаршал часто вспоминал лихого донца. И после Мишки у Суворова побывало немало коней, да лучше Мишки все-таки не было.

ДЕРЗОСТЬ

В бою под Фокшанами турки расположили свою артиллерию так, что с тыла, за спиной, у них оказалось болото. Позиция для пушек — лучше не сыщешь: сзади неприятель не подойдет, с флангов не обойдет. Спокойны турки.

Однако Суворов не побоялся болота. Прошли суворовские богатыри через топи и, как гром среди ясного неба, — на турецкую артиллерию сзади. Захватил Суворов турецкие пушки.

И турки, и австрийцы, и сами русские сочли маневр Суворова за рискованный, дерзкий.

Хорошо, что прошли через топи солдаты, а вдруг не прошли бы?!

— Дерзкий так дерзкий, — усмехался Суворов. — Дерзость войскам не помеха.

Однако мало кто знал, что прежде чем пустить войска через болота, Суворов отрядил бывалых солдат, и те вдоль и поперек излазили топи и выбрали надежный путь для своих товарищей. Суворов берег солдат и действовал наверняка.

Месяц спустя в новом бою с турками полковник Илловайский решил повторить дерзкий маневр Суворова.

Обстановка была схожей: тоже турецкие пушки и тоже болото.

— Суворову повезло, — говорил Илловайский. — А я что, хуже? И мне повезет.

Только Илловайскому не повезло. Повел полковник солдат, не зная дороги. Завязли солдаты в болоте. Стали тонуть. Поднялся шум, крики.

Поняли турки, в чем дело. Развернули свои пушки и расстреляли русских солдат. Много солдат погибло. Илловайский, однако, спасся.

Суворов разгневался страшно. Кричал и ругался до хрипоты.

— Так я же хотел, как вы, чтобы дерзость была, — оправдывался Илловайский.

— «Дерзость»! — кричал Суворов. — Дерзость есть, а где же умение?!

За напрасную гибель солдат Суворов разжаловал полковника в рядовые и отправил в обозную команду.

— Ему людей доверять нельзя, — говорил Суворов. — При лошадях он безопаснее.

«УБИТ ПОД ФОКШАНАМИ»

На переходе к Фокшанам одна из колонн пехотного Смоленского полка попала под страшный обстрел неприятеля.

Турецкая батарея укрылась в лесу и метким огнем валила смоленцев. А рядом шла другая колонна. Командир колонны подполковник Ковшов понял, что спасти своих можно лишь стремительным нападением на батарею противника. Подскакал он к генералу Райку, начальнику обеих колонн.

— Разрешите, — просит, — ударить на неприятеля.

Однако Райк был генерал нерешительный. Сидит на коне и молчит. Думает: разрешу, а вдруг и вторая колонна погибнет.

Погибают смоленцы. Помощи нет.

А в это время обе колонны догнал Суворов. Увидел он подполковника Ковшова.

— Сударь, товарищи гибнут, а вы стойте! Вперед! — закричал Суворов.

— Ваше сиятельство, — стал оправдываться подполковник, — так я бы немедленно исполнил свой долг, но жду приказа своего генерала.

Посмотрел Суворов на генерала, а тот по-прежнему сидит на коне и молчит.

— Какого генерала?! — воскликнул Суворов. — Райка? Да разве вы не видите, что он убит!

Не понял вначале Ковшов насмешки Суворова. Как так, думает, почему же убит, коль генерал Райк жив и здоров и тут же рядом сидит на коне!

— Убит. Убит, — повторил Суворов. — Ступайте!

Бросился Ковшов к своей колонне, повернул ее в лес, разгромил турецкую батарею и спас товарищей.

За суворовские слова Райк страшно обиделся. В тот же день он подал рапорт об отчислении его из суворовской армии.

Просьбу Райка Суворов удовлетворил.

— Не надобны мне подобные генералы, — говорил он. — Коль воинский начальник в нерешительности пребывает — пользы с него не будет.

Позже, когда Суворова спрашивали:

— А где же генерал Райк?

Он неизменно отвечал:

— Убит. Убит под Фокшанами.

«ГДЕ Ж ЭТО ВИДАНО...»

Где же это видано, чтобы кавалерия атаквала окопы!

При подходе к Рымнику на привале солдаты завели спор.

— А все же много нашего брата гибнет, — заявил круглолицый, с рябинками от оспы солдат.

— Так война, как же оно без смертей.

— Так-то оно так, — соглашался солдат, — а все же, если подумать...

— Чего же тут думать?

— А вот, к примеру: засел неприятель в окопах, держится, пока до него добежишь, сколько людей навалит. А ежели на конях — раз, и в момент в окопах.

Смеются солдаты. Где ж это видано, чтоб на конях — и в окопы.

— Ты что же, умнее самого Суворова? — говорят.

— Зачем же умнее? Это я так, к слову, — засмущался солдат.

А в это время Суворов проходил по лагерю и подслушал солдатский разговор. Подошел он к спорщикам.

- Как звать? — обратился к рябому солдату.
- Остап Капелюха.
- Родом откуда?
- Малороссийский, ваше сиятельство, из-под Чернигова.
- Так, говоришь, чтобы кавалерия атаковала окопы?
- Так точно, ваше сиятельство.

Улыбнулся Суворов.

На следующий день при атаке турецкого лагеря Смоленский полк натолкнулся на окопы противника. Пошли солдаты в атаку, однако турки подняли страшную стрельбу, и смоленцы отпрянули.

Несколько раз ходили в атаку солдаты, да все неудачно. Хотя и недалеко до окопов, метров всего полтора, однако идти солдатам по ровному месту. Пока бегут — турки их щелкают, словно зайцев.

К Смоленскому полку прибыл Суворов. Видит — зазря погибают солдаты.

— Гей! — закричал. — Эскадрон казаков на подмогу!

Прибыли казаки. Построил их Суворов широким фронтом.

— Конница, начинай! — закричал Суворов. — Ура! На рысях! Вперед! В полную силу!

Вмиг пролетели казаки смертельные метры. Вскочили в окопы. Начали сечу, отвлекли турецких солдат. Теперь смоленцы подбежали к окопам без всяких потерь и вместе с казаками добились противника.

— Ты смотри — голова! — говорили потом солдаты про Капелюху.

Солдат смущался, краснел и отвечал невпопад:

— Так это ж Суворов. Так то ж казачки. Так это ж не я. Это вы, братцы.

И верно. Не в первый раз уже применял Суворов конную атаку на окопы врага. Удалась атака и в этот раз.

ТУРЕЦКИЙ ШТАНДАРТ

Стремясь отрезать отходящего неприятеля, рота поручика Вицина быстрым шагом шла по кукурузному полю.

Стебли высокие. Укрывают солдат с головой. Идут солдаты словно бы вовсе не полем, а лесом.

Вдруг видят: впереди — турецкий штандарт.

Остановился поручик Вичин, остановились солдаты. Что бы это такое? Никак, турки идут в наступление?

А штандарт колышется поверх кукурузных стеблей и все ближе и ближе.

— К бою! — скомандовал Вичин.

Вскинули солдаты ружья и карабины. Ждут. Вот турецкий штандарт и совсем рядом.

— Вперед! Ура! — закричал поручик.

Бросились солдаты вперед.

А навстречу им русский солдат выходит — турецкое знамя в руках.

Рассмеялись солдаты:

— Штандарт откуда?

— Как звать?

— Какого полка?

Рассказал солдат, что звать его Гавриилом Жакеткой, что солдат он первой роты Смоленского полка, турецкое знамя отбил в бою и вот теперь несет командиру.

— Ай да Жакетка, — смеются солдаты. — Вот напугал! Вот обманул!

Объяснил поручик Вицин солдату, как разыскать командира Смоленского полка. Пошел солдат дальше своей дорогой. А рота убыстрила шаг — и вдогон неприятелю.

Сто турецких знамен захватили русские в битве на Рымнике.

Штандарт, взятый Гавриилом Жакеткой, был первым.

РОССИЙСКИЙ СОЛДАТ

Преследуя турок, гренадер Дындин увлекся боем.

Бежит Дындин, колет штыком, бьет прикладом.

— Аман, аман! — кричат турки.

Отбежали с версту. Повернул кто-то из турецких солдат голову, видит — всего-навсего один российский солдат сзади.

Закричал турок своим собратьям. Остановились беглецы, повернулись лицом к Дындину, окружили солдата.

— Алла! — кричат. — Алла! Сдавайся!

Только Дындин был не из тех, кто сдается. Пырнул штыком одного турка, пырнул второго, выстрелил в третьего.

Что было дальше, солдат не помнил. Навалились турки на русского, приглушили прикладами. Очнулся Дындин в воде.

Прихватив пленного, турки вплавь переправлялись через реку Рымник. Обмыла вода солдата, приоткрыл он глаза — жив. Только все тело жжет, в костях ломит, голова кругом. Закрыл солдат снова глаза, уронил голову.

Выбрались турки на противоположный берег, положили на траву grenадера, советуются между собой, что делать дальше.

Прислушался Дындин и хоть турецкий язык не знал, но понял: решили турки пленного дальше с собой не тащить, а отрезать солдатскую голову и принести, как трофей, начальству.

Подошел турок к Дындину, схватил кривую турецкую саблю и только хотел рубануть по шее, как Дындин турка ногой в живот. Вскочил grenадер, вырвал ружье.

Опешили турки. Что за чудо: ожил солдат — и в разные стороны.

— Стой! — кричит Дындин.

Догнал одного турка — ударил штыком. Догнал второго — и тоже штыком. Еще один турок бросился в воду.

И Дындин за ним. Потом снова на берег. Бьет направо, налево. Лишь закусил губу и от турецких ран и побоев кривится.

Через час подошли наши солдаты. Смотрят — на берегу реки Рымник десять турок валяются и среди них российский солдат. Присмотрелись — так это же Дындин!

— Дындин, Дындин! — позвали товарища.

Шевельнулся герой.

— Жив, жив! — закричали солдаты радостно и бросились к нему.

Подняли они grenадера на руки, отправили к санитарной повозке.

— Десять турок! — восхищался Суворов, узнав о подвиге Дындина. — Молодец! Ой какой молодец! Мало нам, выходит, один на одного — давай нам троих, троих мало — давай нам шесть, давай нам десять на одного: всех побьем, повалим, в полон возьмем — коль такой солдат в российских войсках имеется.

ПЕРВЫЙ

Вечером после победы у Рымника Суворов шел по русскому лагерю.

Смотрит — у одной из палаток собрались офицеры, шумят, спорят, кто первым ворвался в турецкий лагерь.

Остановился Суворов, прислушался.

— Я первым ворвался, — говорит поручик Синицкий.

— Нет, я, — уверяет капитан Мордюков.

— Первым был я, — доказывает секунд-майор граф Калачинский.

Спорят офицеры, не уступают друг другу. Знают, что первому будет награда.

Покачал головой Суворов, двинулся дальше. Смотрит — у костра собрались солдаты и тоже о том же спорят. Остановился Суворов, прислушался.

— Первым ворвался в турецкий лагерь гренадер Гагин, — говорит один из солдат.

— Не Гагин, а Хотин, — поправляет его второй.

— И не Гагин, и не Хотин, а Знамов, — уверяет третий.

Решили солдаты вызвать и Гагина, и Хотина, и Знамова — пусть скажут сами. Заинтересовался Суворов. Решил подождать. Приходят солдаты.

— Ты был первым? — спрашивают у Гагина.

— Нет, — отвечает Гагин. — Первым был Хотин.

— Ты был первым? — спрашивают у Хотина.

— Нет, не я, — отвечает Хотин. — Первым был Знамов.

— Братцы, — воскликнул Знамов, — так я же и третьим не был! Первым был Гагин. За Гагиным — Хотин.

Порадовался Суворов солдатской скромности, подошел он к гренадерам.

— Дети! Чудо-богатыри! Все вы были первыми. Все вы герои!

Потом Суворов вернулся к офицерской палатке. А там дело чуть не до драки. Офицеры по-прежнему спорят, друг другу первенство не уступают.

Разозлился Суворов.

— Марш спать! — прикрикнул на офицеров. — Никто из вас первым не был. Нет среди вас истинного героя.

МЕДАЛЬ

Молодой, необстрелянный солдат Кузьма Шапкин во время боя у реки Рымник струсил и весь день просидел в кустах.

Не знал Шапкин, что Суворов его приметил.

В честь победы над турками в суворовскую армию были присланы ордена и медали. Построили офицеры свои полки и роты. Прибыл к войскам Суворов, стал раздавать награды.

Стоял Шапкин в строю и ждал, чтобы скорее все это кончилось. Совестно было солдату. И вдруг... Шапкин вздрогнул, решил, что ослышался.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — закричал Суворов.

Стоит солдат, словно в землю ногами вкопанный, не шелохнется.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — повторил Суворов.

— Ступай же, ступай, — подтолкнули Кузьму солдаты.

Вышел Шапкин, потупил глаза, покраснел. А Суворов раз — и медаль ему на рубашу.

Вечером солдатам раздали по чарке вина. Расселись солдаты у палаток, стали вспоминать подробности боя, перечислять, за что и кому какие награды. Капелю-

хе за то, что придумал, как отбить у турок окопы. Жакетке — за турецкий штандарт. Дындину — за то, что один не оробел перед десятком турок и хоть изнемог в ранах, а в плен не дался.

— Ну, а тебе за что же медаль? — спрашивают солдаты у Шапкина.

А тому и ответить нечего.

Носит Шапкин медаль, да покоя себе не находит. Товарищей сторонится. Целыми днями молчит.

— Тебе что же, медаль язык придавила?! — шутят солдаты.

Прошла неделя, и совсем изглодала совесть солдата. Не выдержал Шапкин, пошел к Суворову. Входит в палатку и возвращает медаль.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — Награду назад!

Опустил Шапкин голову низко-низко, к самому полу, и во всем признался Суворову.

«Ну, — думает, — пропадай моя голова».

Рассмеялся Суворов, обнял солдата.

— Молодец! — произнес. — Знаю, братец, без тебя все знаю. Хотел испытать. Добрый солдат. Добрый солдат. Памятуй: героем не рождаются, героем становятся. Ступай. А медаль, ладно, пусть полежит у меня. Тебе заслужить. Тебе и носить.

Не ошибся Суворов.

В следующем бою Шапкин первым ворвался в турецкую крепость, заслужил и медаль и великую славу.

ПЕРЕХОД

Двигается суворовская армия, совершает стремительный переход. День, второй, третий... десятый. Каждый день — шестьдесят верст. То ли солнце палит, то ли грязь, непогода — идут колонны одна за другой, совершают дальний поход.

Измучились солдаты в пути. Пообтрепались башмаки на дорогах. Гудят от волдырей и усталости ноги.

Изнемогли солдаты. Нет солдатских сил идти дальше. А идти надо. Нельзя не идти.

Догоняет Суворов заднюю из колонн. Делает вид, что не замечает солдатской усталости.

— Богатыри! Ребята! — кричит Суворов. — Орлы! Да за вами и конному не угнаться! Так, верно, молодцы — шире шаг: отдайте передним пятки.

Догоняет Суворов среднюю из колонн:

— Богатыри! Братцы! Неприятель от вас дрожит. Вперед! Вперед! Нога ногу подкрепляет — раз, два, левой, левой... Рука руку усиляет — раз, два, левой, левой! Шибче! Шибче! Задние пятки отдавят!

Догоняет Суворов первую из колонн:

— Дети! Орлы! Неприятель без вас скучает. Вперед! Вперед! Теснее ряд, выше голову, грудь навывкат! Ух, махни, головой тряхни, удаль солдатскую покажи! Барабаны! Музыка! Песни!

Затрубили трубачи и горнисты, ударили барабаны, разнеслась над войсками песня. Повеселели, подтянулись солдаты. Сбилась от четкого солдатского шага дорожная пыль столбом.

Едет впереди своих войск Суворов — доволен. Не остановилась русская армия — движется. Забыли солдаты про ссадины на ногах и усталость. Идут колонны одна за другой, совершают стремительный переход.

СПОР

Как-то между солдатами начался спор — прав или неправ Суворов, утомляя войска быстрыми переходами. Спор вели капрал Пенкин и рядовой Кривокорытов.

— А что, — говорил Пенкин, — прав Суворов. В быстроте вся сила. Быстрота и натиск решают дело.

— Так-то оно так, — соглашался Кривокорытов. Но тут же начинал свое: — Так ведь солдатам трудно в походе. И сила людская на это уходит, да и в пути отстают многие.

— Мало что отстают, — возражал Пенкин. — Пусть лучше десять отстанут, зато сто победят.

— Ишь ты — десять отстанут! — не унимался Кривокорытов. — А может, эти десять самые смелые.

— «Смелые»! — усмехнулся капрал. — Кто же это тебе сказал, чтоб смелые — и вдруг позади!

И другие солдаты поддержали капрала:

— Прав Суворов: лучше устать, но победить!

— Ну, как хотите, — сдался Кривокорытов. — А мне торопиться некуда. Мне мое здоровье важнее.

И действительно, на всех маршах солдат отставал. Армия уже и закончила переход и вошла в дело, а бывало, и разбила противника, а Кривокорытов и другие вроде него еще где-то в пути, обозными клячами тащатся.

— Эх, несдобровать тебе, Кривокорытов! — говорил Пенкин солдату. — Помяни: отстающего бьют.

Так оно и случилось.

Привел Суворов русские полки стремительным маршем к Рымнику, к лагерю Юсуф-паши. Прошли солдаты единым махом восемьдесят верст, разгромили турецкую армию.

Кончился бой. Стали товарищи разыскивать Кривокорытова. Нет солдата.

Принялись ждать. Ждут день, ждут два — не приходит солдат.

На третий день Кривокорытов нашелся. Поленился, отстал, отбилсЯ солдат в пути, наскочил на турецкий разъезд и был насмерть врагами изрублен.

Похоронили солдаты товарища, перекрестились. Эхма, ни за что ни про что, через глупость свою, сложил гренадер неразумную голову!

ПАЛОЧКИ

Рядовой Пень в боях первым вперед не рвался. Зато после взятия городов был великий охотник до разной добычи.

Начнут солдаты стыдить товарища.

— А что, — отвечал Пень, — кровь проливаю, себя не жалею. Так уж и взять ничего нельзя!

Вступили суворовские войска в маленький турецкий городок. Ехал Суворов по кривым, узким улочкам, видит — выскакивает из ворот соседнего дома солдат, гусь под мышкой.

— Эй, молодец, — окликнул Суворов, — сюда!

Подбежал Пень.

— Откуда гусак?!

Замаялся Пень. Однако солдат был неглуп. Нашелся:

— Так хозяйка дала, ваше сиятельство. На́, говорит, служивый.

— Так и дала? — усмехнулся Суворов.

— Дала, дала и еще приходит велела.

Только сказал, а в это время из турецкого дома выбегает старая турчанка. Видать, поняла бабьим чутьем, что воинский начальник солдата ругает, осмелела, подбежала к нему и давай вырывать гуся.

Отдал солдат гусака. Убежала турчанка.

— Значит, сама дала и еще приходит велела! — обозлился Суворов.

— Так то не она, другая дала, — стал выкручиваться Пень. — Молодая.

— Ах, молодая! — воскликнул Суворов.

Только воскликнул, а из дома выбегает молодая турчанка и тоже к солдату. Подскочила, затараторила на своем языке, руками машет и причитает.

Суворов турецкий язык знал, понял, что турчанка говорит о шелковой шали. Протянул он руку к солдатской пазухе — вытащил шаль.

Потупил Пень глаза, понял, что быть расплате. Крикнул Суворов солдат, приказал взять мародера под стражу.

Вечером перед воинским строем виновного разложили на лавке и стали всыпать шомполами.

Врезают солдаты воришке, а Суворов стоит рядом, приговаривает:

— Жителя не обижай — он тебя кормит, не обижай — он тебя поит. Так ему. Так ему. Еще, еще! — командует Суворов. — Пусть хоть палочки дурь выбьют. Палочки тоже на пользу, коль солдат нечист на руку. Солдат — защитник жителя. Солдат не разбойник!

СУП И КАША

Суворовская армия совершала стремительный переход. Остановились войска ночевать в лесу на косогоре, у самой речки.

Разложили солдаты походные костры, стали варить суп и кашу.

Сварили, принялись есть. А генералы толпятся около своих палаток, ждут Лушку. Лушка — генеральский повар. Отстал Лушка где-то в пути, вот и томятся генералы, сидят не кормлены.

— Что же делать? — говорит Суворов. — Пошли к солдатским кострам, господа генералы.

— Да нет уж, — отвечают генералы, — мы подождем. Вот-вот Лушка придет.

Знал Суворов, что генералам солдатская пища не по нутру. Спорить не стал.

— Ну, как хотите.

А сам к ближайшим кострам на огонек.

Потеснились солдаты, отвели Суворову лучшее место, дали миску и ложку.

Уселся Суворов, принялся есть. К солдатской пище фельдмаршал приучен. Ни супом, ни кашей не брезгует. Ест, наедается всласть.

— Ай да суп, славный суп! — нахваливает Суворов.

Улыбаются солдаты. Знают, что фельдмаршала на супе не проведешь: значит, и вправду суп хороший сварили.

Поел Суворов суп, взялся за кашу.

— Хороша каша, добрая каша!

Наелся Суворов, поблагодарил солдат, вернулся к своим генералам. Улегся фельдмаршал спать, уснул богатырским сном. А генералам не спится. Ворочаются с боку на бок. От голода мучаются. Ждут Лушку.

К утру Лушка не прибыл.

Поднял Суворов войска, двинулась армия в дальнейший поход. Едут генералы понурые, в животах бурчит — есть хочется. Промучились бедные до нового привала. А когда войска остановились, так сразу же за Суворовым к солдатским кострам: не помирать же от голода.

Расселись, ждут не дождутся, когда же солдатская пища сварится.

Усмехнулся Суворов. Сам принялся раздавать генералам суп и кашу. Каждому дает, каждому выговаривает:

— Ешь, ешь, получай. Да впредь не брезгуй солдатским. Не брезгуй солдатским. Солдат — человек. Солдат мне себя дороже.

РОДИТЕЛЬСКАЯ ШИНЕЛЬ

В наследство от отца Суворову досталась шинель. Была она старая, потертая, местами латаная. Но Суворов гордился родительской шинелью. Брал ее с собою во все походы и, как наступали холода, никакой другой одежды не признавал.

И вот суворовская шинель попала в руки противника. Дело было летом. Хранилась шинель в армейском обозе. Как-то на обоз налетел турецкий разъезд, перебил охрану и увез ее вместе с другими вещами.

Фельдмаршал опечалился страшно. Места себе не находил. Осунулся. Лишился доброго аппетита.

— Да мы вам, ваше сиятельство, — успокаивали его армейские интенданты, — новую шинель сошьем. Лучшую.

— Нет, нет, — отвечал Суворов. — Не видать мне подобной шинели. Нет ей цены. Нет ей замены.

О пропаже суворовской шинели узнали и солдаты Фанагорийского полка. Договорились они во что бы то ни стало вернуть от турок фельдмаршальскую шинель.

Во главе с поручиком Троицким и капралом Иваном Книгой солдаты пошли в разведку. Но неудачно: шинели не нашли. Зато взяли в плен турка. Стали допытывать, но тот про шинель ничего не знал.

На следующий день снова ходили в разведку, снова взяли турка, но и этот турок нового ничего не сказал.

Две недели солдаты упорно ходили в разведку. Изловили за это время шесть турецких солдат, и лишь седьмой оказался из тех, что принимали участие в наскоке на русский обоз.

Пленник долго не мог вспомнить, была ли шинель и что с ней стало. Наконец вспомнил, что досталась она при дележе захваченного имущества старому турку по имени Осман.

— А где он? Жив тот Осман? — заволновались солдаты.

Осман оказался жив. Только вот задача — пойди излови Османа.

Тогда поручик Троицкий решил отпустить пленного турка и наказал: если тот принесет в русский лагерь суворовскую шинель, то и остальные шесть будут отпущены.

На следующий день турок вернулся, принес шинель.

Узнал Суворов, как попала к русским шинель, страшно разгневался.

— Людьми рисковать! Из-за шинелишки солдатские головы под турецкие пули! — кричал он на поручика Троицкого.

Смутился поручик.

— Так они, ваше сиятельство, сами.

— «Сами»! — пробурчал Суворов, однако уже не так строго.

Потом взял шинель в руки, глянул на потертые полы, на залатанный борт и вдруг заплакал.

- Чего это наш фельдмаршал? — спрашивали не знавшие, в чем дело, солдаты.
- Шинель, — отвечал Иван Книга.
- Ну так что?
- Родительская, — с нежностью пояснял капрал.

МОСТЫ

Войска Суворова сражались в Италии. Французская армия отходила без боя. Выбирали французские генералы удобное для себя место — такое, чтобы наверняка разгромить Суворова. Отступили они к реке Адде. Перешли на ту сторону. Сожгли за собою мосты. «Вот тут, — решили, — при переправе, мы и уничтожим Суворова».

А для того чтобы Суворов их план не понял, сделали французские генералы вид, что отходят дальше. Весь день отступали в сторону от реки, а затем вернулись назад и спрятали своих солдат в кустах и оврагах.

Вышел Суворов к реке. Остановился. Приказал наводить мосты.

Засучили солдаты рукава. Топоры в руки. Закипела работа. Моста два, один недалеко от другого. Соревнуются солдаты между собой. На каждом мосту норовят управиться первыми.

Наблюдает французские дозорные за рекой. Через каждый час доносят своим генералам, как у русских идет работа.

Довольны французские генералы. Все идет точно по плану. Потирают от радости руки. Ну, попался Суворов!

Хитрыми были французы. Однако Суворов оказался хитрее.

Когда мосты были почти готовы, снял он вдруг среди ночи свою армию и двинул вниз по берегу Адды.

— А мосты, ваше сиятельство? — забеспокоились саперные офицеры.

— Молчок, — приложил палец ко рту Суворов. — Мосты строить. Шибче стучать топорами.

Стучат топоры над рекой, а фельдмаршал тем временем отвел свою армию вниз по ее течению и переправил, где вброд, где по понтонам, на вражеский берег.

Спокойны французские генералы. Знают: мосты не готовы. Успокаивает французов топорный стук над рекой. Не волнуются генералы.

И вдруг... Со спины, с тыла, явился Суворов. Ударил в штыки.

— Ура! Чудо-богатыри, за мной!..

Поняли генералы, в чем дело, да поздно. Не ожидали русских французы. Дрогнули и побежали. Только офицеров одних более двухсот попало в руки к Суворову.

Мосты все же достроили. Как же быть без мостов, раз в армии не только чудо-солдаты, но и обозы и артиллерия.

ЗАМАНИВАЙ!

На реке Треббии разгорелась кровопролитная битва с французами.

Суворов внимательно следил за ходом сражения. Сидел верхом на казацкой лошади, без мундира, в белой рубашке, со шпагой в руке.

В самый разгар битвы один из русских полков не выдержал напора французов. Солдаты дрогнули, отступили, побежали. Вместе со всеми бежал и молодой солдат Ермолай Шокин.

«Ну, погибель пришла!» — думал солдат и шептал про себя молитву.

Заметив замешательство русских, Суворов бросился к отступающему полку. Подлетел на разгоряченном коне, закричал:

— Заманивай! Шибче! Так, правильно! Бегом!

Бежит Шокин, думает: «Как же понять? Какое же здесь заманивание, раз полк отступает?»

А Суворов опять:

— Шибче! Шибче! Заманивай!

Пробежали метров двести. Вдруг Суворов осадил коня. Привстал на стременах. Взмахнул над головой шпагой.

— Стой! — закричал. — Хватит!

Беглецы остановились. Остановился и Ермолай.

— Чудо-богатыри!.. Назад!.. — закричал фельдмаршал. — В штыки!.. Ура!.. С нами бог! Вперед!..

Повернулись солдаты лицом к неприятелю. Ударили в штыки.

— Вперед! — не умолкает Суворов. — Богатыри! Неприятель от вас дрожит! — И первым летит на французов.

Смяли, разбили солдаты противника.

Бежал Шокин, бился штыком, думал: «Ой ловко, ой как ловко Суворов все дело повернул! И виду про отступление не подал. И не ругал».

И другие солдаты про то же думают. Бьются, не жалея себя, искупают минутную трусость.

А Суворов уже был далеко от этих мест, ястребом сидел на коне и снова зорко следил, все ли везде в порядке.

Три дня длилась битва на реке Треббии. Победа была суворовской — полной.

ВПЕРЕДИ И ПОЗАДИ

В ночь перед штурмом Турина Суворов в сопровождении двух офицеров, майора Пронина и капитана Забелина, выехал на разведку. Хотел фельдмаршал сам осмотреть подступы к городу, а офицерам наказал взять бумагу и срисовывать план местности.

Ночь тихая, светлая, луна и звезды. Места красивые: мелкие перелески, высокие тополя.

Едет Суворов, любитесь.

Подъехали они почти к самому городу, остановились на бугорочке.

Слезли офицеры с коней. Взяли в руки бумагу. Майор Пронин — смельчак — все поближе к городу ходит. А капитан Забелин наоборот — за спиной у Суворова.

Прошло минут двадцать, и вдруг началась страшная канонада. То ли французы заметили русских, то ли просто решили обстрелять дорогу, только ложатся неприятельские ядра у самого бугорочка, рядом с Суворовым, вздымают землю вокруг фельдмаршала.

Сидит Суворов на коне, не движется. Смотрит — и майор Пронин не испугался, ходит под ядрами, перерисовывает план местности. А Забелина нет. Исчез куда-то Забелин.

Услышали в русских войсках страшную канонаду, забеспокоились о Суворове. Примчался казачий разъезд к Турину.

— Ваше сиятельство, — кричит казачий сотник, — отъезжайте, отъезжайте! Место опасное!

— Нет, сотник, — отвечает Суворов, — место прекрасное. Гляди, — показал на высокие тополя, — лучшего места не надо. Завтра отсюда начнем атаку.

Кончилась канонада. Собрался Суворов ехать назад. Крикнул Пронина. Крикнул Забелина.

Подошел Пронин — бумажный лист весь исписан: где какие овражки, где бугорочки — все, как надо, указано. А Забелина нет. Стали искать капитана. Нашли метрах в двухстах за Суворовым. Лежит Забелин с оторванной неприятельским ядром головой, рядом чистый лист бумаги валяется.

Взглянул Суворов на Пронина, взглянул на Забелина, произнес:

— Храбрый всегда впереди, трусишку и позади убивают.

«Я САМ ПРИНЕСУ СВОЮ ГОЛОВУ»

В русском лагере солдаты поймали француза. Поначалу француз молчал. Говорил лишь «пардон, пардон»¹ и больше ни слова.

Потом, когда солдаты на него поднажали, пленник разговорился. Сознался, что проник в русский лагерь затем, чтобы убить Суворова.

— Убить?!

— Ишь ты, стервец!

— Вешай его! — зашумели солдаты.

Однако подоспел дежурный по лагерю и вовремя остановил самосуд.

Стали выяснять. Оказалось, что французы оценили голову Суворова в два миллиона ливров. Вот и соблазнился французский солдат. Решил подкараулить, убить Суворова и доставить своим генералам голову русского фельдмаршала.

Доложили Суворову.

— Помилуй бог, два миллиона ливров! — воскликнул Суворов. — Так дорого!

Слух о французском солдате прошел по всему русскому лагерю. Теперь не только солдаты, но и офицеры и генералы стали требовать казни лазутчика.

Однако фельдмаршал, к общему удивлению, пленника отпустил.

— Ступай, — произнес, — доложи своим генералам — пусть ждут. Я сам принесу к ним свою голову.

Суворов сдержал «обещание». Через несколько дней при городе Нови русские войска разбили французов. Бросив знамена, обозы и всю артиллерию, французская армия позорно бежала. Командующий французской армией генерал Жубер был убит.

— Надули меня французишки, — «сокрушался» Суворов. — Зря ходил. Не захотели платить за голову. Поразбежались!

ГОВОРУН

Генерал князь Пирятин-Тамбовский во всех походах таскал за собой золоченую резную карету.

Генералом Пирятин был неважным. Зато говоруном оказался страшным. Раз уж завел разговор — не отцепится. Собеседник уже и так и сяк, уже и шляпа в руках, и сам стоит у порога, а Пирятин:

---

¹ Пардон — извините, простите (франц.).

— Минуточку, минуточку. Я вам еще одну историю расскажу.

Старшие и равные по чину стали избегать Пирятина. Тогда генерал принялся за подчиненных. Вызывает к себе офицеров и начинает рассказывать им всяческие истории. Вначале офицерам это нравилось. А потом, когда генерал рассказал все истории и раз, и второй, и третий, то и им опротивело. А так как начальству перечить было нельзя, офицеры придумали очередность. В понедельник ходил майор Краснощекин, во вторник — поручик Куклин, в среду — капитан Рябов, и так до конца недели. Называлось это у офицеров несением «разговорной» службы. Ходили, слушали, тратили время и проклинали Пирятина...

С кем только не беседовал за свою долгую жизнь генерал, а вот с Суворовым не приходилось. А поговорить с фельдмаршалом очень хотелось. И вот случай представился князю.

Один из неприятельских городов сдался русским без боя. Порядок в подобных случаях был таков, что победитель должен был в город въезжать в карете.

— Зачем мне карета? — заупрямился было Суворов. — Донской конь — лучшей не сыскать для меня кареты.

Однако генералы пристали, заговорили о престиже русской армии, о вековых порядках. Суворов поспорил и сдался.

Стали искать карету и вспомнили про князя Пирятина.

«Вот повезло! — обрадовался князь. — Вот уж наговорюсь, вот уж нате-шусь».

Целую ночь генерал не спал, вспоминал разные истории, все готовился к встрече с Суворовым.

А сам Суворов страшно не любил болтунов. Слышал он про Пирятина, понял, что заговорит его генерал по дороге.

Тогда Суворов по поводу кареты и ее хозяина отдал такой приказ:

«У генерала князя Пирятина-Тамбовского позлащенную его карету взять. Хозяину сидеть насупротив, смотреть вправо и молчать, ибо Суворов будет в размышлении».

Прочитал Пирятин приказ, и сразу настроение у князя испортилось. Однако приказ есть приказ, надобно повиноваться.

Сидит Пирятин в карете, держит голову, согласно приказу, повернутой вправо, молчит. Молчит, а самого так и распирает. Уж больно хочется ему заговорить с Суворовым. Просидел генерал молча минут десять и все же не вытерпел:

— Александр Васильевич, вот я вам одну историю расскажу...

Однако Суворов гневно глянул на генерала, и тот приумолк. Просидел Пирятин еще минут десять спокойно и чувствует, что больше не может. Не в силах болтун сдержаться.

— Александр Васильевич, вот я вам...

Несколько раз Пирятин пытался заговорить с Суворовым. Кончилось тем, что испортил он Суворову торжественный въезд в город и вконец разозлил фельдмаршала.

«Вот уж болтун! Ну и болтун! — ужаснулся Суворов. — Упаси, господи, русскую армию от таких генералов».

В тот же вечер Суворов отдал приказ отчислить князя Пирятина вместе с его каретой из армии.

— И чего это он? — удивлялся Пирятин-Тамбовский. — Карету для него не пожалел. Самые лучшие истории рассказать собирался. Не оценил. Не понял добра фельдмаршал.

«КАК ДЕЛА У ВАС В ПАРИЖЕ?»

Поручик Козодубов во всем подражал французам. Манеры французские. Говорил по-французски. Книги читал французские.

Особенно поручик любил болтать о Париже: и во что там народ одевается, и что ест, и что пьет, и как время проводит. И все-то ему у французов нравится. И все-то ему у русских нехорошо. И хотя сам Козодубов во Франции и Париже ни разу не был, да получилось из его слов, что чуть ли он не рожден в Париже, что вовсе и не русский он, а француз.

Прожужжал поручик своим товарищам о французах и о Париже все уши.

Вот как-то встретил Суворов Козодубова, взглянул, спрашивает:

— Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

— Так матушка у меня в Питере и батюшка в Питере, — ответил удивленный поручик.

— Ах, прости, прости! — извинился Суворов. — Я-то думал, ты из французских.

Ничего не понял поручик. По-прежнему нахваливает все французское, а русских ругает.

Прошло несколько дней. Встретил снова Суворов поручика, опять с вопросом:

— Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

— Так, ваше сиятельство, я уже говорил, матушка у меня в Питере и батюшка в Питере. А рожден я во Пскове.

— Ах, прости, прости старика, запоматывал.

Не может понять поручик, в чем дело. Стал он жаловаться товарищам на Суворова: мол, стар фельдмаршал, мол, память уже никуда и речи порой непонятные, странные.

Видит Суворов, что поручик и теперь ничего не понял.

Происходило это как раз во время войны с французами. Наступил перерыв в боях. Предложили французы обменяться пленными офицерами. Суворов согласился. Составили штабные офицеры списки.

Просмотрел Суворов.

— Тут не все, — говорит.

— Все, ваше сиятельство, — докладывают офицеры.

— Нет, не все, — повторяет фельдмаршал. — Тут еще один французишка не указан...

Рассмеялись офицеры. Поняли шутку фельдмаршала. Рассказали поручику. Бросился тот со всех ног к Суворову.

— Ваше сиятельство! — кричит. — Ваше сиятельство, ошибка! Русский я! Я же вам говорил.

— Нет ошибки, — отвечает фельдмаршал. — Не русский ты.

— Русский, — утверждает поручик. — Русский. И матушка у меня русская и батюшка русский. И фамилия у меня Козодубов. И во Пскове рожден.

— Мало что во Пскове рожден. Мало что матушка да батюшка русские, — говорит Суворов. — Да ты-то не русский. Душа у тебя не русская.

Дошло наконец до неумной головы, в чем дело. Упал он на колени, просит простить.

Подумал Суворов, сказал:

— Ладно, так уж и быть — оставайся. Только ступай с моих глаз долой. Иди думай. Гордись, дурак, что ты россиянин!

ВСЮДУ ИЗВЕСТНЫ

Всю свою солдатскую жизнь Прошка провел в денщиках у Суворова.

Любил похвастать Прошка близостью к великому полководцу. Начинал так: «Когда мы с фельдмаршалом бивали турок...» Или: «Когда мы бивали прусских...»

— Ну, а ты здесь при чем? — смеялись солдаты.

— Как — при чем! — обижался Прошка. — Как же без меня? Да если бы не я...

И Прошка не врал. Составляя планы сражений, Суворов любил «посоветоваться» со своим денщиком.

— А как ты думаешь, Прошка, — спрашивал Суворов, — не заслат ли нам драгун¹ в тыл к неприятелю?

— Заслат, заслат, непременно заслат, — соглашался Прошка.

— А как ты думаешь, не направить ли нам генералу такому-то сикурс².

— А как же — направить, непременно направить, — одобрял Прошка.

Не раз Прошка спасал Суворова от верной гибели. Неосторожен, отчаян фельдмаршал. За ним нужен глаз да глаз. Неотступен Прошка — словно тень за Суворовым. Поскользнулся фельдмаршал на пароме, ударился головой о бревно, камнем пошел ко дну — Прошка, не мешкая, бросился в воду. Убило под Суворовым в разгар боя лошадь, и снова Прошка тут как тут — подводит нового рысака.

А сколько раз выхаживал Прошка Суворова после ранений! Однажды ранение было особенно тяжелым. Пуля прошла сквозь шею фельдмаршала и остановилась в затылке. Пулю вырезали. Однако рана воспалилась.

Суворов с трудом дышал и часто терял сознание. Больному требовался полный покой, Суворов же метался, порывался все время встать.

Ни доктора, ни генералы не могли успокоить Суворова.

И снова нашелся Прошка.

— Не велено, не велено! — покрикивал он на больного.

— Кем не велено! — возмущался Суворов.

— Фельдмаршалом Суворовым, — отвечал Прошка.

— О, фельдмаршала надобно слушаться. Помилуй бог, надобно слушаться, — говорил Суворов и утихал.

Во время войны с французами сардинский король неожиданно прислал Прошке медаль. При этом было указано, что Прошка награждается «за сбережение здоровья великого полководца».

Медалью Прошка страшно гордился и, когда с кем-нибудь заводил разговор, обязательно упоминал: «Даже заграничными моя особа отмечена. Мы с фельдмаршалом Александром Васильевичем всюду известны».

СЛАВА

Генерал князь Барохвостов завидовал суворовской славе. Вот однажды он и спрашивает у одного из солдат:

— Скажи мне, братец, почему Суворова в армии любят?

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что Суворов солдатскую пищу ест.

Стал Барохвостов есть так же, как и Суворов, щи и солдатскую кашу. Кривится, но ест. Хочется, видеть, генералу суворовской славы.

¹ Драгуны — кавалерийские части.

² Сикурс — помощь.

Прошло несколько дней, но славы у Барохвостова не прибавилось. Он опять спрашивает у солдата:

— Что же это слава у меня не растет?

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что Суворов не только ест щи и кашу, но и спит по-солдатски.

Стал и Барохвостов спать по-солдатски — на жестком сене в простой палатке. Натирает генерал изнеженные бока, мерзнет от холода, но терпит. Уж больно ему хочется суворовской славы.

Прошло еще несколько дней, а генеральская слава все не растет. И снова он вызвал солдата:

— Говори, какой еще секрет у Суворова?

— А тот, — отвечает солдат, — что фельдмаршал войска уважает.

Принялся и князь Барохвостов уважать своих подчиненных, ласковые слова говорить солдатам.

Но и теперь генеральской славы не прибавляется. Смотрят на него солдаты, промеж себя усмеваются. Всего-то и только.

Стал злиться тогда генерал. Снова кликнул солдата-советчика.

— Как же так, — возмущается князь Барохвостов. — Щи и кашу ем, сплю на соломе, ласковые слова говорю солдатам — почему же слава ко мне не идет?!

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что и это еще не все.

— Что же еще? Какие еще такие секреты у Суворова!

— А те, — отвечает солдат, — что Суворов умеет бить неприятеля по-суворовски. Славу великую родине добыть умеет.

Тогда и Барохвостов решил бить неприятеля и добывать родине великую славу. Только как-то с этим у Барохвостова не получалось.

Поэтому и не пришла к нему слава, поэтому и помер он в неизвестности.

А слава о Суворове осталась в веках. И каждый Суворова знает.

Глава вторая

ПРИВЫКАЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕУТОМИМОЙ

ПРОШКА

Когда Прошка попал в денщики к Суворову, солдат немало обрадовался. «Повезло! — подумал. — Не надо будет рано вставать. Никаких ротных занятий, никакого режима. Благодать!»

Однако в первый же день Прошку постигло великое разочарование. В четыре часа утра кто-то затряс солдата за ногу.

Приоткрыл Прошка глаза, смотрит — Суворов.

— Вставай, добрый молодец, — говорит Суворов. — Долгий сон не товарищ богатырю русскому.

Оказывается, Суворов раньше всех подымался в армии.

Поднялся Прошка, а тут и еще одна неприятность. Приказал фельдмаршал притащить ведро холодной воды и стал обливаться.

Натирает Суворов себе и шею, и грудь, и спину, и руки. Смотрит Прошка, выпучил глаза, — вот так чудо!

— Ну, а ты что? — закричал Суворов. И приказал Прошке тоже облиться.

Ежится солдат с непривычки, вскрикивает от холода. А Суворов смеется.

— В здоровом теле дух, — говорит, — здоровый. — И снова смеется.

После обливания вывел Суворов Прошку на луг. Побежал фельдмаршал.

— Догоняй! — закричал солдату.

Полчаса вслед за Суворовым Прошка бегал. Солдат запыхался, в боку закололо. Зато Суворов хоть и стар, а словно с места не двигался. Стоит и снова смеется.

И началась у Прошки не жизнь, а страдание. То устроит Суворов осмотр оборонительным постам — и Прошка целые сутки в седле трясется, то учинит поверку ночным караулам — и Прошке снова не спать. А тут ко всему принялся Суворов изучать турецкий язык и Прошку заставил.

— Да зачем мне басурманская речь? — запротивился было солдат.

— Как — зачем! — обозлился Суворов. — Турки войну готовят. С турками воевать.

Пришлось Прошке смириться. Засел он за турецкий букварь, потел, бедняга, до пятого пота.

Мечтал Прошка о тихом месте — не получилось. Хотел было назад попроситься в роту. Потом привык, привязался к фельдмаршалу и до конца своих дней честью и верой служил Суворову.

«ПАХУЧКА»

Из Петербурга на службу к Суворову прибыл молодой офицер. Князь Мещерский. Одет офицер по последней моде: щегольской мундир, башмаки лаковые, шелковые чулки до самых колен. Напомажен, надушен, напудрен.

Явился поручик к фельдмаршалу на доклад, словно не в штабную избу, а на званый обед во дворец пожаловал.

Втянул в себя Суворов непривычный запах.

— Помилуй бог! — воскликнул. — Пахучка!

— Что? — не понял Мещерский.

— Духи, говорю, — произнес Суворов, — пахучие.

— Французские, — похвастал поручик.

Смотрит Суворов на приехавшего и опять «восхищается»:

— А наряд-то, наряд-то какой! Чудо-наряд! И, должно быть, немало плачено.

— Полтысячи золотых, — с гордостью ответил Мещерский.

— Помилуй бог! Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — А не прокатиться ли нам, милый, верхом? — вдруг предложил поручику.

Обрадовался молодой офицер. Сели они верхом на казацких коней. Тронулись. Сидит Мещерский на коне — собою любуется: вот он, мол, какой — и молодой, и красивый, и рядом с Суворовым едет.

Целый день таскал Суворов за собой новичка по разным местам. Выбирал дорогу неезженую. Гнал лошадей через грязь и болота, через овраги и перелески. Дважды пускал вброд через реки.

Едет Суворов и все приговаривает:

— Подумать только, полтысячи золотых!

Только Мещерский уже понял, в чем дело. Больше не хвастает. С грустью смотрит он на щегольской наряд, понимает — ни за что ни про что пропадает наряд.

Обтрепал за долгую дорогу офицер дорогой мундир, изодрал шелковые чулки, испортил лаковые башмаки, о жесткое казацкое седло до крови натер себе ноги.

Вернулся щеголь в штаб-квартиру суворовских войск, слез с коня — едва на ногах держится. Едва держится, но виду не подает. Терпит.

«Терпит. Всю дорогу молчал. Толк будет», — подумал Суворов.

И не ошибся.

Вскоре с поручика сошел питерский лоск. Стал «пахучка» исправным офицером и отличился во многих походах.

НАСТОЯЩИЙ СОЛДАТ

Подошел как-то Суворов к солдату и сразу в упор:

— Сколько от Земли до Месяца¹?

— Два суворовских перехода! — гаркнул солдат.

Фельдмаршал аж крикнул от неожиданности. Вот так ответ! Вот так солдат!

Любил Суворов, когда солдаты отвечали находчиво, без запинки. Приметил он молодца. Понравился фельдмаршалу солдатский ответ, однако и за себя стало обидно. «Ну, — думает, — не может быть, чтобы я, Суворов, и вдруг не поставил солдата в тупик».

Встретил он через несколько дней находчивого солдата и снова в упор:

— Сколько звезд на небе?

— Сейчас, ваше сиятельство, — ответил солдат, — сочту, — и уставился в небо.

Ждал, ждал Суворов, продрог на ветру, а солдат не торопясь звезды считает.

Сплюнул Суворов с досады. Ушел. «Вот так солдат! — снова подумал. — Ну, уж на третий раз, — решил фельдмаршал, — я своего добьюсь: поставлю в тупик солдата».

Встретил солдата он в третий раз и снова с вопросом:

— Ну-ка, молодец, а скажи-ка мне, как звали мою прародительницу?

Доволен Суворов вопросом: откуда же знать простому солдату, как звали фельдмаршальскую бабку. Потер Суворов от удовольствия руки и только хотел сказать: «Ну, братец, попался!» — как вдруг солдат вытянулся во фронт² и гаркнул:

— Виктория³, ваше сиятельство.

— Вот и не Виктория! — обрадовался Суворов.

— Виктория, Виктория, — повторил солдат. — Как же так может быть, чтобы у нашего фельдмаршала и вдруг в прародительницах была не Виктория!

Опешил Суворов. Ну и ответ! Ну и хитрый солдат попался!

— Ну, раз ты такой хитрый, — произнес Суворов, — скажи мне, какая разница между твоим ротным командиром и мной?

— А та, — не раздумывая, ответил солдат, — что ротный командир хотя бы и желал произвести меня в сержанты, да не может, а вашему сиятельству стоит только захотеть, и я...

Что было делать Суворову? Пришлось ему произвести солдата в сержанты.

Возвращался Суворов в свою палатку и все восхищался:

— Помилуй бог, как провел! Вот это да! Вот это солдат! Помилуй бог, настоящий солдат! Российский!

¹ Месяц — Луна.

² Во фронт — то есть стал по стойке «смирно».

³ Виктория — победа.

САПОГИ

В чине генерал-аншефа¹ Суворов был направлен на финляндскую границу. Поручили Суворову следить за переустройством и вооружением тамошних крепостей.

Граница была большой. Крепостей много. Одному трудно.

На самом отдаленном участке Суворов передоверил наблюдение за работами какому-то полковнику. Тот, присмотрев день-второй, перепоручил это своему помощнику — майору. А майор, в свою очередь, — молодому поручику.

Через какое-то время Суворов вспомнил про отдаленную крепость. Приехал. Посмотрел — работы стоят на месте.

Разозлился Суворов, вызвал полковника.

— Что же это! — закричал. — Почему работы не движутся?

Испугался полковник ответственности и свалил все на майора: мол, майор во всем виноват.

Суворов вызвал майора:

— Поручал вам полковник?

— Поручал. Так я же отдал приказ поручику.

Вызвал Суворов поручика:

— Получали приказ?

— Так точно, — ответил поручик. — Получал. Да не думал, что к спеху.

— Да, — произнес Суворов, — вижу, виновных нет. — И приказал принести прут.

Испугались виновные офицеры — ну как ударит!

А Суворов схватил прут и давай хлестать свои сапоги. Хлещет и приговаривает:

— Не ленитесь. Не ленитесь. Это вы во всем виноваты. Если бы вы сами ходили по всем работам, этого бы не случилось.

Потом отбросил прут в сторону, сел на коня и уехал.

Перекрестились офицеры — беда миновала. Собрали солдат. Засучили рукава. Топоры в руки. За дело.

Помогли сапоги. Раньше других была отстроена отдаленная крепость.

МОНАСТЫРСКИЕ СТЕНЫ

Однажды сержанты и суворовские офицеры проводили с солдатами учения около монастыря. Глянули офицеры на высокие монастырские стены.

— На штурм! — раздалась команда.

Солдаты опешили.

— На штурм!

Солдаты закричали «ура» и ловко полезли на стены.

Перепугались монахи. Не поняли, в чем дело. Забились в темные кельи. Сидят. Дрожат.

Кончили офицеры учения, похвалили солдат за проворство, построили, повели в казармы.

На следующий день вновь повторились учения. И превратился монастырь в учебную крепость. С утра до вечера штурмуют его солдаты. Прошло несколько дней. Монахи попривыкли к учениям, перестали бояться. Жизнь в монастыре скучная-прескучная. Даже интересно стало монахам. Стоят смотрят. Ругается настоятель, разгоняет «святых отцов» по кельям. Только возвращаться в кельи монахам не хочется. Видать, понравилась солдатская удаля: самые молодые монахи и са-

¹ Генерал-аншеф — чин, предшествующий званию фельдмаршала.

ми стали лазить на монастырские стены. И получился не монастырь, а черт знает что.

Разгневался настоятель, явился с жалобой на солдат к Суворову.

— Ай, ай! — воскликнул Суворов. — Вот негодники! Вот я им задам, вот покажу!

Вернулся настоятель к себе в монастырь. «Ну, — думает, — все дело уладил». А утром глянул — и не верит своим глазам: со всех сторон подходят к монастырю войска. Идут солдаты стройными колоннами с барабанным боем, с песнями, тащат штурмовые лестницы, разворачивают пушки. Перед войсками верхом на коне Суворов. Не знал настоятель, что это по приказу Суворова штурмовали солдаты монастырские стены. Выхватил Суворов шпагу, вскинул над головой, указал на стены:

— Чудо-богатыри, ура! Вперед! Во славу отечества!

Понял настоятель, что напрасно ходил к Суворову. Написал в Питер. Только пока жалоба ходила по разным рукам, Суворов со своими войсками ушел на войну.

Крепко бил Суворов противника. Ловко солдаты брали стены вражеских крепостей. Спасибо за учения, спасибо за монастырские стены.

ПО-СУВОРОВСКИ

В поле недалеко от казарм капрал Казанского пехотного полка вел занятия со своими солдатами по-суворовски.

— Чем важны учения? — обратился капрал к солдатам.

— Ученье свет, а неученье тьма! — хором отвечали солдаты.

— Так. Правильно. А чем ценен солдат ученый?

— За ученого трех неученых дают.

— Правильно. А что важнейшее в войске?

— Солдат российский.

— Так, — произнес капрал, — верно. — И перешел к занятиям по рукопашному бою.

Сам показал. Потом повторяли солдаты.

— Коли! Правильно. Коли! — выкрикивал капрал. — Пуля дура, штык молодец! — выкрикивал по-суворовски он при этом.

Начался дождь. Однако капрал солдат не распустил.

— За мной! — закричал. — Вперед! — И побежал через поле, через овраг к речке. — Живей, живей! — подгоняет солдат и опять по-суворовски: — Голова хвоста не ждет. Храбрый впереди, трусишку и назади убивают!

Подбежали к реке. Капрал бух в воду — и на тот берег. И солдаты за ним. Вылезли, смотрят — один поотстал. Бьется на быстрине, тонет.

— Назад! — закричал капрал. — Сам погибай, а товарища выручай! В воду!

Вытащили неумельца солдаты. Стоят, переводят дух.

— Устали? — усмехнулся капрал.

— Устали, — сознались солдаты, но тут же гаркнули по-суворовски: — Трудно в ученье, легко в бою!

— Молодцы! Правильно! — похвалил их довольный капрал.

Слухи о занятиях солдат в Казанском полку дошли до Суворова. Порадовался фельдмаршал, что солдаты суворовскую науку осваивают. Решил он узнать фамилию лихого капрала. Написал письмо командиру полка. Вскоре пришел ответ:

«Фамилию, ваше сиятельство, указать не могу. У нас что ни капрал — каждый ведет занятия по-суворовски».

ГОСПИТАЛЬ

— Не люблю госпиталей, — говорил Суворов. — Тот их любит, кто не радеет за здоровье солдата.

Принял Суворов командование над войсками, стоявшими на северной русской границе, и узнал, что в тамошних госпиталях находится сразу тысяча человек больных.

Явился Суворов в госпиталь, стал ходить по палатам.

Зашел в первую, спрашивает у солдат:

— Чем больны, чудо-богатыри?

Молчат солдаты. Сказать неудобно.

— Чем больны? — повторил Суворов.

— Животами мучаемся, — наконец произнес какой-то солдатик.

— Позвать сюда провиантмейстера¹, — приказал Суворов.

Провиантмейстер прибыл.

— Чем солдат кормишь? — спрашивает фельдмаршал.

— Так, разным... — начинает провиантмейстер.

— Чем — разным?

— Кашей, ваше сиятельство, мясом.

— А еще?

— Капустой.

— Так, — произнес Суворов и приказал принести капусту.

Принесли, попробовал, а та тухлая.

Посмотрел Суворов на провиантмейстера злыми глазами, закричал:

— Под арест! На гауптвахту! На десять суток!

Вошел Суворов во вторую палату.

— Чем больны, чудо-богатыри?

Растерялись, молчат солдаты.

— Они поотмороженные, — проговорил санитар.

— Позвать сюда каптенармуса², — распорядился Суворов.

Каптенармус прибыл.

— Во что солдат одеваешь?

— Как положено, ваше сиятельство, — отвечает каптенармус. — В мундиры, в башмаки, в чулки.

— В чулки! — закричал Суворов. — Север. Морозы. Почему валяных сапог не завезли? Где рукавицы?

Почувствовал каптенармус свою вину. Молчит, переминается с ноги на ногу.

— Под арест, на гауптвахту, на десять суток! — отдал приказ Суворов.

Пошел Суворов дальше. Входит в третью палату:

— Чем больны, чудо-богатыри?

— Это раненые, — отвечает за солдат санитар.

— Какие еще раненые? — удивился Суворов.

Войны в это время никакой не было.

— Это из батареи поручика Кутайсова, — объяснил санитар. — На учениях пушку разорвало, ваше сиятельство.

Кликнул Суворов поручика, отругал, что за снарядами и пушкой плохо следит, и тоже под арест, на гауптвахту, на десять суток.

Прошло около месяца. Появились у солдат и валенки и рукавицы. И в помине не осталось тухлой капусты. Кутайсов и другие офицеры стали собственноручно проверять снаряды и пушки.

¹ Провиантмейстер — офицер, ведающий снабжением войск, провизией.

² Каптенармус — унтер-офицер, ведающий обмундированием солдат.

Прошелся Суворов вновь по госпиталям. Ходит по палатам, а палаты пустые. Вместо прежней тысячи человек с трудом сорок больных насчиталось.

Ходит Суворов — доволен. Не любил фельдмаршал госпиталей.

НА СЕСТРОРЕЦКОМ ЗАВОДЕ

Императрица Екатерина Вторая поручила Суворову обследовать Сестрорецкий оружейный завод.

Стали на заводе готовить Суворову торжественную встречу. Начальник завода выехал на Петербургский тракт, чтобы заранее встретить фельдмаршала.

А Суворов в это время в простой солдатской куртке на таратайке кружным путем по битой проселочной дороге приехал на завод и прямо в оружейные мастерские.

Ходит Суворов по мастерским, смотрит по сторонам.

Осмотрел карабины — хороши карабины.

Осмотрел штыки — хороши, остры штыки.

Поглядывает на Суворова мастер Иван Хомяков. «И чего это, — думает, — солдат здесь крутится?»

— Эй, служивый, чего ты здесь?

— Да так себе. Так себе. Ничего, — ответил Суворов. — Кто мастер?

— Ну, я мастер.

— Как звать?

— Иван Хомяков.

«И чего еще привязался!» — думает мастер.

— Ступай, — говорит, — служивый, своей дорогой. Тут фельдмаршала ждут. Увидят тебя — попадет.

Суворов ушел.

Не встретил начальник завода высокого гостя, вернулся назад. Хомяков ему и рассказал о неизвестном солдате.

— Какой солдат?

— Да такой старенький.

— Старенький?! А росту какого?

— Небольшого, выходит, росту. Поменьше чем среднего.

— Худощав?

— Худощав.

— Сед?

— Сед.

— Волосы хохолком впереди?

— Хохолком.

— Глаза голубые?

— Голубые.

— Так это ж Суворов! — закричал начальник.

Иван Хомяков так и присел. Бросились искать «солдата», а его и след простыл: ни таратайки, ни лошадей.

Перепугался начальник завода. Хомякова ругает, стражу поносит. Да и мастер струхнул — выходит, сам же Суворова с завода выпроводил. Волнуются они, ждут наказаний.

Через неделю из Питера прибыл пакет. Пакет от самой государыни. Держит его начальник в руках, вскрыть не решается — отставка, думает. Вскрыл. Развернул бумагу, одним глазом искоса смотрит, руки дрожат, сердце стучит. Читает.

Читает и не верит своим глазам: в бумаге добрые слова про сестрорецкие штыки и карабины, монаршее благословение начальнику и приказ о выдаче Ивану Хомякову и другим мастерам по сто рублей серебром за искусство в работе.

РТИЩЕВ-УМИЩЕВ

Многие проступки мог простить Суворов своим солдатам и офицерам, а вот ответа «не могу знать» не прощал.

«Не терплю «немогузнаек», — говорил Суворов. — От них лишь позор армии».

И вот как-то Суворов приехал в свой любимый Фанагорийский полк, решил устроить офицерам экзамены.

Расселись офицеры рядом на лавках. Напротив — командир полка и Суворов.

— Что такое атака? — обратился фельдмаршал к майору Козлятину.

— Атака есть решительное движение войск вперед, имеющее целью уничтожить противника, — отчеканил Козлятин.

— Дельно, дельно, — похвалил Суворов. — Правильно. А что такое супренировать? — спросил у капитана Проказина.

— Супренировать, ваше сиятельство, — ответил Проказин, — это значит напасть неожиданно, застать неприятеля врасплох, разбить, не давая ему опомниться.

— Дельно. Дельно, — снова похвалил Суворов.

Доволен фельдмаршал: знающие офицеры. И командир полка доволен. Сидит, улыбается, а сам Суворову все время на молодого поручика Ртищева показывает.

— Это, — говорит, — самый знающий в полку офицер. Умница!

Дошла очередь и до Ртищева.

— А ну-ка, скажи мне, Ртищев, — произнес Суворов, — что такое есть ретирада?¹

Замаялся поручик и вдруг...

— Не могу знать! — выпалил.

Все так и ахнули. Ну, все дело испортил. Офицеров подвел. Командира полка опозорил.

Рассвирепел Суворов, вскочил с лавки.

— Немогузнайку подсунули! — закричал, затопал ногами.

Повернулся, выбежал из избы прочь, сел на коня и хотел уехать. Да вдруг призадумался. Слез с коня, снова вернулся в избу, снова к поручику:

— Так что такое есть ретирада?

— Не могу знать, ваше сиятельство. В нашем полку такое слово никому не известно. Полк наш суворовский, полк наступающий!

Глянул Суворов на Ртищева и вдруг закричал:

— Ай да полк! Ай да полк! Славный полк — Фанагорийский. Значит, никто не знает?!

— Так точно, ваше сиятельство.

— Вот уж не думал, что проклятый немогузнайка доставит мне столько радости! — прослезился Суворов. — Вот так Ртищев! Ай да Умищев!

---

¹ Ретирада — отступление.

ВРАГ

Секунд-майор граф Калачинский нажил себе в армии немало врагов. Невыдержанным был секунд-майор на язык. Чуть что — обязательно кого-нибудь обидит, ввяжется в спор, накричит или скажет дурное слово. Вот и невзлюбили его товарищи. Вот и появились у майора враги.

Как-то пришел Калачинский к Суворову, пожаловался на своих товарищей.

— Помилуй бог! — проговорил Суворов. — Ай-ай, как нехорошо! Враги, говоришь? Ай-ай. Ну, мы до них доберемся.

Прошло несколько дней. Вызвал к себе Суворов секунд-майора.

— Узнал, — говорит, — я имя того главнейшего злодея, который вам много вредит.

— Капитан Пикин? — выпалил Калачинский.

— Нет.

— Полковник Лепешкин?

— Нет.

— Поручик Вяземский?

— Нет.

Стоит Калачинский, думает, кто бы это мог быть еще.

— Знаю! — закричал. — Знаю! Генерал-квартирмейстер князь Оболенский!

— Нет, — опять произнес Суворов, посмотрел на Калачинского загадочным взглядом, поманил к себе пальцем.

Подошел секунд-майор, наклонился к Суворову. А тот таинственно, шепотом:

— Высунь язык.

Калачинский высунул.

— Вот твой главнейший враг, — произнес Суворов.

СТОРОНИСЬ!

Суворов любил лихую езду. То ли верхом, то ли в возке, но непременно так, чтобы дух захватило, чтобы ветер хлестал в лицо.

Дело было на севере. Как-то Суворов уселся в санки и вместе с Прошкой отправился в объезд крепостей. А в это время из Петербурга примчался курьер, важные бумаги привез Суворову. Осадил офицер разгоряченных коней у штабной избы, закричал:

— К фельдмаршалу срочно, к Суворову!

— Уехал Суворов, — объяснили курьеру.

— Куда?

— В крепость Озерную.

Примчался офицер в Озерную:

— Здесь Суворов?

— Уехал.

— Куда?

— В крепость Ликолу.

Примчался в Ликолу:

— Здесь Суворов?

— Уехал.

— Куда?

— В Кюмень-град.

Прискакал в Кюмень-град:

— Здесь Суворов?

— Уехал...

Уехать Суворов уехал, да застрял в пути. Один из коней захромал. Пришлось повернуть назад. Двигались шагом, едва тащились. Прошка сидел на козлах, дремал. Суворов нервничал, то и дело толкал денщика в спину, требовал погонять лошадей.

— Нельзя, нельзя, ваше сиятельство, конь в неисправности, — каждый раз отвечал Прошка.

Притихнет Суворов, переждет и снова за Прошкину спину. Не сиделось фельд-маршалу, не хватало терпения тащиться обозной клячей.

Проехали версты две, смотрит Суворов — тройка навстречу. Кони птицей летят по полю. Снег из-под копыт ядрами. Пар из лошадиных ноздрей трубой.

Суворов аж привстал от восторга. Смотрит — вместо кучера на козлах молодой офицер, вожжи в руках, нагайка за поясом, папаха на ухе, кудри от ветра взлетят.

— Удалец! Ой, удалец! — не сдержал похвалы Суворов.

— Фельдъегерь, ваше сиятельство, — произнес Прошка. — Видать, не здешний, из Питера.

Смотрит Суворов, любитесь. Дорога зимняя узкая, в один накат. Разъехаться трудно. А кони все ближе и ближе. Вот уже рядом. Вот уже и храп и саночный скрип у самого уха.

— Сторонись! — закричал офицер.

Прошка замешкал: не привык уступать дорогу.

— Сторонись! — повторил офицер и в ту же минуту санки о санки — бух!

Вывалились Суворов и Прошка в снег, завязли по самый пояс.

Пронесся кучер, присвистнул, ветром помчался дальше.

Поднялся Прошка, смотрит обозленно фельдъегерю вслед, отряхивает снег, по-дурному ругается.

— Тише! — прикрикнул Суворов и снова любитесь: — Удалец! Помилуй бог, какой удалец!

Три дня носился офицер по северной русской границе. Наконец разыскал Суворова.

— Бумаги из Питера, ваше сиятельство.

Принял Суворов бумаги, взглянул на фельдъегеря и вдруг снял со своей руки перстень и протянул офицеру.

— За что, ваше сиятельство?! — поразился курьер.

— За удаль!

Стоит офицер, ничего понять не может, а Суворов опять:

— Бери, бери. Получай! За удаль. За русскую душу. За молодечество!

БАРИН

Суворов жил во времена крепостного права. Он и сам был крупным помещиком. Под Москвой, под Владимиром, Костромой, Пензой и Новгородом находились земли и имения графа Суворова.

Несколько тысяч душ крепостных крестьян принадлежало фельдмаршалу.

В новгородском имении графа Александра Васильевича Суворова крестьяне с нетерпением ждали приезда барина.

Изнемогли мужики. Замучил их своими придирками графский управляющий Балк. Вот и решили мужики дожидаться приезда Суворова, прийти к нему и все рассказать. Прибыл Суворов. Явились крестьяне.

— Как звать? — обратился фельдмаршал к первому.

- Денис Никитин.
- Про что жалоба?
- Сечен, батюшка.
- За что сечен?

Принялся Никитин объяснять, что зимой, проходя по барскому полю, нашел он подгнивший сноп хлеба. Подобрал его Никитин, поволок домой. Однако дорогой был встречен Балком, схвачен управляющим и выпорот.

- Правильно выпорот, — сказал Суворов, — на барское рот не разевай.
- Так сноп же подгнивший. Заваливший. Ему же все равно пропадать...
- Не твое дело, — прервал Суворов. — За порчу с управляющего спрос. Ступай. А что у тебя? — обратился ко второму мужику.
- Сечен, батюшка.
- За что сечен?
- Шапку не снял перед Балком, ваше сиятельство.
- Шапку снимай, — ответил Суворов. — Правильно сечен.
- Так я же не заметил. Без злого умысла, ваше сиятельство.
- Впредь замечай. Будет наука. Ну, а ты? — обратился к горбатой старухе.
- Сечена, батюшка, сечена, — зашамкала та, — недоимки у меня: три рубли двадцать копеек.

— Помилуй бог, — воскликнул Суворов. — Три рубля двадцать копеек! Верни. Немедля верни.

- Так где же их взять?
- Корову продай.
- Так нет же коровы.
- Займи.
- Так у кого же занять?!
- Ступай, — прекратил разговор Суворов. — Верно сечена. За недоимки управляющему наказ и впредь батогам жаловать.

Больше жалобщиков не нашлось. Расходились мужики разочарованные.

— Барин, как есть барин! — говорили они.

НЕВЕСТЫ

Приехал как-то Суворов под Владимир в свое имение Ундол, прошелся по улице, повстречал группу парней:

- Женаты?
- Нет, ваше сиятельство.
- Почему не женаты?
- Так невест на селе нет.

Вызвал Суворов управляющего, стал кричать:

- Парни как дубы выросли. Почему не женаты?
- Невест же нет на селе.
- Купить невест, — распорядился Суворов.

Любил Суворов, чтобы крестьяне вовремя заводили семью и детей, чтобы свое хозяйство вели в исправности. Хозяйство в исправности — барину лишний доход.

На следующий день, получив двести рублей, управляющий двинулся за невестами.

— На лица не смотри, — наставлял Суворов. — Лишь бы здоровы были. Не задерживайся. Купил — и в Ундол. Отправляй на подводах. Вези осторожно, сохранны.

Через несколько дней невесты прибыли.

Суворов вызвал парней:
— Становись!
Стали по росту.
Подошел к невестам, согнал с телег:
— Становись!
Невесты построились.
— На-пра-во!
Парни и девки повернулись, оказались теперь попарно.
— Шагом марш! Под венец. В церковь! — скомандовал Суворов и сам пошел первым.

Тут же молодых оженили. А так как времени было мало и невесты и женихи друг друга как следует не рассмотрели, то после обручения перепутались. Где муж, где жена, разобраться не могут.

Построил тогда Суворов снова парней и девчат по росту. И сразу стало все на свое место.

Суворов остался доволен. Женил. Доброе дело сделал. А о том, понравились ли друг другу женихи и невесты, и не подумал. Барин. И молодые смолчали: барская воля — надобно слушаться.

КОНЬКИ

Мало кто в те времена на коньках катался. А вот Суворов катался.

Живя зиму в Ундоле, фельдмаршал каждый день ходил на замерзший пруд, проводил там часа два, а то и три сряду.

Пристрастился ходить на пруд вместе с Суворовым и мальчишка Федька Ухов. Вначале просто ходил, смотрел. А потом смастерил для себя коньки из старой железки. Видит фельдмаршал — шустрый мальчишка, принялся его обучать.

— Не робей. Не робей! — наставляет Суворов.

А Федька вовсе и не робеет. Только ноги у него разъезжаются.

— Стой так. Держись прямо, — объясняет Суворов. — Шаг левой. Шаг правой. Пошел. Живее. Живее, давай!

Заторопится Федька — бух, и на спину.

Смеется Суворов.

Подыметса мальчишка, отряхнет снег, закусит губу и опять за учение. Упрямый Федька.

— Шаг левой! Шаг правой! — командует Суворов. — Пошел. Живее. Живее. Давай!

Неделю мучился Федька. Падал. Шишки себе набил. Однако своего добился. Держится на ногах крепко, хотя и бегаёт пока тихо.

Мчит впереди Суворов.

— Давай шибче! Давай шибче! — кричит Федьке.

Отстаёт Федька.

Прошла еще неделя. Мальчишка освоился. Не уступает теперь Суворову.

Прошла третья неделя, и Федька стал обгонять фельдмаршала. Обгонит:

— Давай шибче! Давай шибче! — кричит барину.

Напрягается Суворов изо всех сил, пыжится, однако обогнать Федьку уже не может.

Все чаще и чаще к пруду стали собираться другие мальчишки. Сгрудятся, смотрят, как фельдмаршал и Федька бегают. Весело им смотреть на Суворова, радуются, что свой барина обгоняет. Смеются.

Обидно стало Суворову, стал отгонять он мальчишек. Отойдут те, а потом незаметно снова к пруду приблизятся. Снова смеются. Злитса Суворов.

— Пошли вон! — кричит на ребят.

Надоело это Суворову. Стал он тогда выбирать такое время, чтобы Федьки поблизости не было. Видит — нет Федьки, схватит коньки, скорей на каток. Пробежит по пруду круг-другой, смотрит — и Федька тут, словно из-под земли вырос. И снова бегут ребята. Снова смеются.

Разозлился вконец Суворов, позвал управляющего:

— Знаешь мальчишку Федьку Ухова?

— Знаю, ваше сиятельство.

— Так отвези его во Владимир и продай, — приказал Суворов. — Чтoб духу его тут не было!

Приказал Суворов, а потом передумал: все же понравился мальчишка своим умельством фельдмаршалу.

Остался Федька в Ундоле.

Через три года Суворов снова вспомнил о мальчике и приказал управляющему отдать его в ученики к железных дел мастеру.

Выучился Федька, вернулся в родную деревню и вскоре стал прославленным мастером на всю округу.

БОБЫЛЬ

В селе Моровки-Шушки, что находилось в пензенских владениях графа Суворова, жил бобыль Григорий Нектов.

Дома не имел, жены не имел, родных тоже. Побирался он по селу — чем кто накормит, а то и вообще пропадал из Шушек, и где он скитался, толком никто не знал.

А тут подошел набор крестьян в армию. Во времена Суворова солдатская служба была долгой-предолгой — двадцать пять лет. Из семьи уходил работник надолго, навечно. Вот и решили шушкинские мужики: чего же думать, пусть-ка Нектов идет в рекруты¹.

Суворов же страшно не любил отдавать своих крепостных в солдаты. Невыгодно. Завел он такой порядок: рекрутов покупать со стороны. Полцены вносил Суворов, вторую половину собирали сами крестьяне. Роптали мужики на денежные поборы, однако мирились. А вот на этот раз решили: зачем же им тратить лишние деньги, раз есть бобыль Гришка.

Стали мужики упрашивать старосту Ивана Агафонова, чтобы тот немедленно же написал о Гришке Суворову.

Поначалу Агафонов уперся: а ну как барин начнет ругаться? Потом согласился: пользы же все равно никакой от Нектова. Принялся сочинять письмо. Писал хитро. Начал с того, что в Шушках второй год неурожай, что крестьяне пришли в скудность, денег на рекрута нет. Потом упомянул, что при покойном родителе рекрутов не покупали и что, мол, менять порядок не стоит. А уже в самом конце упомянул о Григории Нектове: мол, бобыль, делом не занят, бродяжничает, мол, его и отдать в солдаты.

Ждут в Шушках ответа от Суворова. Вот и прибыл ответ. Взял староста бумагу — в глазах потемнело.

«Рекрута немедленно купить, — грозно писал Суворов. — И впредь покупать, иначе быть вам розгами битыми». Далее в письме наказывалось, чтобы Нектову всем миром «завести дом, ложку, плошку, скотину и все прочее» и чтобы помогать Гришке до тех пор, пока хозяйство его не наладится. А в конце... «Раз Нектов до сей поры бобыль, — писал Суворов, — то главный ответчик — староста Иван Ага-

фонов, а посему повелеваю оженить того бобыля на Агафоновой дочке Лукерье и даю на тот случай сроку 15 ден».

— Бог ты мой, — вскричал Агафонов, — бобыля Гришку — да на моей Лукерье! Прибежали крестьяне.

— Ну что, что там в письме, чего барин в нем пишет?

— Пошли вон! — заревел Агафонов. — Господи милый! За что покарал! За что же Лукерью... — заскулил староста. — Все из-за вас, проклятое семя! — набросился он на крестьян. — Сгною!.. Засеку!.. По миру пущу!..

Разбежались крестьяне.

Повздыхал, поохал староста Агафонов, да что же делать.

Знал он крутой нрав барина — оженил на пятнадцатый день Лукерью и Гришку, завел им дом, ложку, плошку, скотину и все прочее.

И не стало с той поры в Шушках бобыля Гришки. А в солдаты ушел рекрут, купленный за общий крестьянский счет, с приложением, как и полагалось, суворовской половины.

КОМУ КАК У ГОСПОД ЖИВЕТСЯ

Как-то в воскресный день на ярмарке встретились крепостные разных господ. Были здесь мужики помещика Псарова, помещицы Водолеевой, князя Пирятина. Были и графа Суворова — ундольские мужики.

Завели мужики разговор о том, кому как у господ живет.

— У нас барин крут. Крут, не зря что фельдмаршал, — заявили суворовские крестьяне.

— Чем же он крут?

— Парней и девчат обженил без разбору.

— Ну, а еще?

— Мальца Федьку хотел продать.

— Еще?

— Еще рекрутов покупать заставляет.

— Ну и крут! — засмеялись крепостные других господ. — Вы уж молчите. У вас барин как барин. Хороший барин у вас. Дай бог и нам бы такого. — И принялись рассказывать о своей жизни.

Крепостные помещика Псарова — про то, как их барин три раза в году — в покров, рождество и на пасху¹ — всем мужикам и бабам учиняет поголовную порку.

— Это чтоб барскую руку помнили, чтобы боялись, — объясняли псаровские крестьяне. — Вот кто уж крут, так это наш барин: виновных — на цепь, недовольных — в солдаты, за недоимки — в темный подвал на хлеб и ржавую воду.

— Подумаешь, Федьку хотел продать! — заговорили крепостные помещицы Водолеевой. — Того хоть за дело, за озорство, а наша барыня — так ни за что ни про что этих мальцов, словно цыплят, на торг возами вывозит. Не терпит барыня детского крику. Дворовых девок, так тех, о господи, едва у кого народилось дите, топить, как котят, понуждает.

— А наш барин, — вмешались в разговор крестьяне князя Пирятина, — по весне трех егерей запарол до смерти. А за что? За то, что те ненароком во время охоты подстрелили борзую. Сука поправилась, а мужиков — на погост.

Долго шумели на базарной площади мужики. Говорили всякое. И про то, как мрут крестьяне от разных болезней, и что избы у всех не избы, а бог знает что, и что дети растут не учены, и что сами мучены-перемучены и нет уже больше сил терпеть измывательства и гнуть мужицкие спины ради бар и господской прихоти.

Возвращались суворовские мужики к себе в Ундол, вспоминали разговор на

¹ Покров, рождество, пасха — церковные праздники.

базарной площади, думали: «Да, пожалуй, наш барин совсем хороший. Хоть и фельдмаршал, и граф, и князь, а все же жить при таком можно. Упаси нас бог от других господ».

ШКОЛА

Несколько лет Россия жила без войны. Войска Суворова стояли на одном месте.

Обзавелись за это время солдаты семьями. Понародились дети. Вот и решил Суворов организовать для солдатских детей школу.

Организовал и сам стал вести в ней занятия.

Собралось вначале в школу двенадцать ребят и подростков. А через несколько дней пришла девочка — Нюта. Ребята стали смеяться: девочонка — и в школу! Язык показывают. Дразнят.

Только зря смеялись ребята. Нюта оказалась не глупее других.

— Сколько дважды два? — спросил Суворов.

Сидят ребята, морщат лбы, соображают.

— Четыре! — выпалит Нюта.

— Молодец! Правильно, — скажет Суворов.

Потом вызывает ребят к доске, заставляет писать разные слова. Выбирает трудные:

— А ну-ка, Рындин, напиши мне слово «еще».

Выйдет Рындин, подумает, напишет «ищо».

— Так, — произнесет Суворов. — А ну-ка, Лаптев, ступай ты.

Выйдет Лаптев, напишет «исчо». Мучаются ребята с упрямым словом. «Есчо», «ище», «исче» — по-разному пишут.

— Неверно, неверно, — говорит Суворов. — Ну-ка, Нюта, ступай к доске.

Выйдет Нюта и крупными буквами выведет: «Еще».

— Вот теперь правильно, — скажет Суворов и похвалит Нюту.

Или устроит Суворов урок географии:

— Где река Дон?

И снова ребята морщат лбы. Один на Волгу покажет, другой на Днепр, третий вообще бог весть куда заберется. Зато Нюта подойдет к карте, схватит указку и сразу в нужное место ткнет.

Вот и назначил Суворов Нюту старшей над классом. Обидно стало мальчишкам: девочка — и вдруг старшая! Побывали они несколько дней в подчинении у Нюты, а потом Рындин и Лаптев обратились к Суворову с жалобой от всех ребят.

— Да, — произнес Суворов, — ваша правда. Нехорошо это. Не дело. Не пристало парням у девочки быть в подчинении. Только ведь по заслугам Нюта за старшую. Как же нам быть?

Стали ребята вместе с Суворовым думать, как же им быть.

— Нюта умнее нас, — заявил Рындин.

— У нее голова больше, — произнес Лаптев.

— Неверно, неверно! — перебил их Суворов. — Не умнее вас Нюта. Нюта прилежнее. Не гоняйте, — говорит, — вечерами по улицам, а сидите дома, изучайте географию и арифметику, как трудные слова пишутся, запоминайте, и у вас дело пойдет.

Послушались ребята Суворова. Выучили таблицу умножения. Запомнили, где какие моря и реки. Разные мудреные слова без ошибок писать научились.

Через месяц Суворов устроил ребятам проверку:

— Где река Дон?

Каждый лезет, норовит показать первым.

— Как написать слово «еще»?

- Через «е», «щ», «е»! — хором кричат ребята.
- Сколько дважды два?
- Четыре!
- А трижды три?
- Девять!
- Молодцы! Правильно! — хвалит Суворов.

Пришло время сдержать Суворову данное слово. Решил он назначить старшим над классом вместо Нюты Рындина.

Только ребята вдруг запротивились:

- Пусть остается Нюта.
- Нюта!
- Нюта! — понеслось с разных сторон.

Усмехнулся Суворов, порадовался. Хоть и малые ребята, а поняли, что прав был Суворов, назначив Нюту за старшего, что лучшего старшего им и не надо.

ШТЫК

Как-то Суворов гостил у своего приятеля в Новгородской губернии. Вечерами друзья сидели дома, вспоминали старых товарищей, бои и походы. А днем Суворов отправлялся побродить по лесу, посмотреть на округу. Здесь в лесу, у старого дуба, он и встретил мальчика Саньку Выдрина.

- Ты, дяденька, солдат? — обратился Санька к Суворову.
- Солдат, — ответил фельдмаршал.
- Откуда идешь?
- С войны.
- Расскажи про Суворова.

Фельдмаршал сощурил глаза, хитро глянул на мальчика:

- Про какого это еще про Суворова?
- Не знаешь? Ну, про того, что с турками воевал. Что Измаил брал. Про фельдмаршала.

— Нет, — говорит Суворов, — не знаю.

— Какой же ты солдат, — усмехнулся Санька, — раз не знаешь Суворова! — Схватил мальчик палку, закричал по-суворовски: — «Ура! За мной! Чудо-богатыри, вперед!»

Бегают Санька вокруг фельдмаршала, все норовит пырнуть Суворова палкой в живот.

«Вот так мальчишка!» — подивился Суворов. А самому приятно, что и имя его и дела детям и тем известны.

Наконец Санька успокоился, сунул палку за пояс, проговорил:

- Дяденька, подари штык.
- Зачем тебе штык?
- В войну играть. Неприятеля бить.
- Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — Так ведь нет у меня штыка.
- Не брешь, не брешь, — говорит Санька. — Не может так, чтобы солдат — и штыка не было.

— Видит бог, нет, — уверяет Суворов и разводит руками.

— А ты принеси, — не унимается Санька.

И до того пристал, что ничего другого Суворову не оставалось, как пообещать штык.

Прибежал на следующий день Санька в лес к старому дубу, прождал до самого вечера, да только «солдат» больше не появлялся.

«Брехливый! — ругнулся Санька. — Никудышный, видно, солдат».

А через несколько дней к Санькиной избе подскакал верховой, вызвал мальчика, передал сверток.

— От фельдмаршала Суворова, — проговорил.

Разинулся от неожиданности Санькин рот, да так и остался. Стоит мальчик, смотрит на сверток, не верит ни глазам своим, ни ушам. Да разве может такое статься, чтобы сам фельдмаршал к Саньке прислал посыльного!

Набежали к выдринской избе мужики и бабы, слетелись мальчишки, прискакал на одной ноге инвалид Качкин.

— Разворачивай! Разворачивай! — кричат мужики.

Развернул Санька дрожащими руками сверток — штык.

— Суворовской, непобедимый! — закричал Качкин.

— Господи, штык, настоящий! — перекрестились бабы.

— Покажи, покажи! — потянулись мальчишки.

К этому времени Санька пришел в себя. И рот закрылся. И руки дрожать перестали. Догадался. Рассказал он про встречу в лесу отцу, матери и ребятам, и Качкину, и всем мужикам и бабам.

Несколько лет во всех подробностях рассказывал Санька про встречу с Суворовым.

А штык?

Больше всего на свете Санька берег суворовский штык. Спать без штыка не ложился, чехол ему сшил, чистил, носил за собой, как драгоценную ношу. А когда Санька вырос и стал солдатом, он вместе со штыком ушел на войну и по-суворовски бил неприятеля.

ШУБА

Подарила императрица Екатерина Вторая Суворову шубу. Сукно заграничное. Мехом подбита. Воротник из бобровой шкуры. Хорошая шуба. Однако Суворову она ни к чему. Даже в самые лютые морозы фельдмаршал одевался легко, по-солдатски.

Спрятал бы ее Суворов на память в сундук, да только наказала царица фельдмаршалу с шубой не расставаться. Тогда Суворов пошел на хитрость.

Стал он возить за собой Прошку. Сидит Суворов в санках, рядом с фельдмаршалом — Прошка, важно держит в руках царскую шубу. Идет Суворов по улице. Следом за ним Прошка — в руках шуба.

Может быть, так до самой смерти своей и таскался бы Прошка с шубой, если бы вдруг кто-то не донес про суворовское непослушание императрице.

Разгневалась Екатерина Вторая, приказала позвать Суворова.

— Ты что же! — говорит. — Тебе что же, милость царская не по нутру?

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — По нутру, матушка. По нутру. Премного обязан.

— Ослушником стал! — укоряет царица. — Волю монаршую попираешь!

— Никак нет, — оправдывается Суворов. — Я же солдат, матушка. Мне ли, как барчуку, нежиться! А про непослушание это кто-то по злобе донес. Шуба всегда при мне. Как же. К ней Прошка специально приставлен... Прошка! Прошка! — позвал фельдмаршал.

Входит Прошка — приносит шубу.

Рассмеялась царица.

— Ладно, — сказала, — бог с тобой. Твоя шуба, твоя и воля. Не насилую. Поступай как хочешь.

Повесил Суворов шубу в дубовый шкаф. Там и висела шуба.

Суворовская армия стояла на отдыхе в одной из южных губерний. Время было осеннее. С прокормом неважно. Особенно для лошадей.

Суворов нещадно ругал своих интендантов, писал прошения губернским начальникам, но дело не двигалось.

А тут ко всему постоянно надоедали местные помещики. Приезжали посмотреть на Суворова, и каждый непременно приглашал фельдмаршала в гости.

Ездить же Суворов по гостям не любил и всем отвечал:

— Не могу. Не могу. Занят!

Приезжали помещики на тройках, четверках. Кони у всех резвые, сытые. Каждый пытался похвастать, пустить пыль в глаза — вот, мол, какой он богатый. А помещик Сопелкин приехал даже на целой восьмерке лошадей, запряженных цугом. Решил всех превзойти. Подумал, такому-то Суворов уж не откажет.

Глянул фельдмаршал на сопелкинскую восьмерку, задумался и вдруг действительно согласился.

На следующий день приказал Суворов собрать со всей армии восемьдесят самых тощих лошадей и запрячь их цугом в одну коляску. Запрягли. Уселся Суворов в коляску, поехал в гости.

Растянулся фельдмаршальский поезд на полверсты. Переступили первые пары через ворота сопелкинской усадьбы, а коляски с Суворовым еще и не видно — где-то за бугром тащится. Забили армейские кони весь барский двор — повернуться негде.

Понял помещик насмешку Суворова, однако смолчал. Распорядился развести коней по конюшням, пригласил фельдмаршала в дом.

Целую неделю гостил Суворов у Сопелкина. Съели за это время армейские кони у помещика все запасы овса и сена, разжирили, поправились.

Простился Суворов. Уехал. Вернулся в армию, спрашивает:

— Как корм для лошадей? Есть ли ответ от губернских начальников?

— Плохи дела, ваше сиятельство, — отвечают Суворову. — Нет ответа от губернских начальников.

Тогда Суворов наказал собрать новых лошадей. И снова поехал в гости. На сей раз к помещику Рачкину. Потом ездил к Шляндину, потом к Утконову.

Другие помещики заволновались. Поняли — разорит их Суворов. Уж и не рады знаменитому гостю. Уж и не приглашают Суворова. А фельдмаршал все ездит и ездит.

Кончила армия отдых, ушла в дальние походы. А в южной губернии еще долго вспоминали Суворова и потешались над хвастливыми помещиками.

«ПУДРА — НЕ ПОРОХ...»

После смерти Екатерины Второй русским царем стал ее сын, Павел Первый.

Император Павел принялся вводить новые порядки в армии. Не нравилось императору все русское, любил он все иностранное, больше всего немецкое. Вот и решил Павел на прусский, то есть немецкий, манер перестроить российскую армию. Солдат заставили носить длинные косы, на виски наклеивать войлочные букли, пудрить мукой волосы. Взглянешь на такого солдата — чучело, а не солдат.

Принялись солдат обучать не стрельбе из ружей и штыковому бою, а умению ходить на парадах, четко отбивать шаг, ловко поворачиваться на каблуках.

Суворов возненавидел новые порядки и часто дурно о них отзывался.

«Русские прусских всегда бивали, чему же у них учиться?» — говорил фельд-маршал.

Однажды Павел Первый пригласил Суворова на парад. Шли на параде прославленные русские полки. Глянул Суворов и не узнал своих чудо-богатырей. Нет ни удали. Нет ни геройства. Идут солдаты, как заводные. Только стук-стук каблуками о мостовую. Только хлесть-хлесть косами по спине.

А император доволен. Стоит, говорит Суворову:

— Гляди, гляди, еще немного — и совсем не хуже немецких будут.

Скривился Суворов от этих слов, передернулся.

— Радость, ваше величество, невелика, — ответил. — Русские прусских всегда бивали. Чему же здесь радоваться?

Император смолчал. Только гневный взор метнул на фельдмаршала. Постоял молча, а затем снова к Суворову:

— Да ты смотри, смотри — косы какие! А букли, букли! Какие букли!

— «Букли»! — буркнул фельдмаршал.

Император не выдержал. Повернулся к Суворову, ткнул на до сих пор не смененную фельдмаршалом старую русскую форму, закричал:

— Заменить! Немедля! Повелеваю!

Тут-то Суворов и произнес свою знаменитую фразу:

— Пудра — не порох, букли — не пушки, коса — не тесак, а я не немец, ваше величество, а природный русак! — и уехал с парада.

Павел разгневался и отправил упрямого старика в ссылку в село Кончанское.

СУВОРОЧКА

Была у Суворова дочь — Наташа. Души не чаял Суворов в своей Наташе. В каких бы дальних походах ни был, всегда вспоминал о ней, писал частые письма, называл «душа моя», «милая голубушка», а друзьям говорил: «Смерть моя — для отечества, жизнь моя — для Наташи».

Но вот Наташа выросла, была принята при царском дворе, закрутилась на разных балах и званых приемах и совсем забыла отца.

Грустил Суворов в одиночестве. Особенно загрустил, будучи в ссылке в селе Кончанском. Редко-редко приходили сюда письма из Питера.

А тут привязалась к Суворову девочка Катя Калашникова. Ходила Катя с Суворовым в лес, навещала Мишку, суворовского коня, жившего здесь в «отставке», лазила на гору Дубиху, где среди старых дубов и елей стояла маленькая сторожка, в которой любил отдыхать и работать Суворов.

Идут фельдмаршал и Катя, ведут разговор.

— Ты старенький, — говорит Катя.

— Какой же я старенький? — возражает Суворов. — Я молод. Смотри... — и прыгает, словно мальчишка, через овраг.

Катя смеется.

— Ты седенький, — говорит.

— Не сед я, а рус, — отвечает Суворов и молодецки встряхивает реденькими своими кудрями.

— У тебя морщинки на лбу.

— Какие же это морщинки? — отшучивается Суворов. — Это лихие шрамы.

— Ты не у дел, — заявляет Катя.

— Как не у дел! Вот и неправда, — уже серьезно скажет Суворов.

Возьмет девочку за руку и поведет в лесную сторожку. Переступит Катя порог — кругом книги и карты. Глянет на карты, а там планы боев и сражений. Хотя

и жил Суворов в изгнании, да времени зря не тратил, готовился к новым походам.

К осени Суворов оборудовал одну из комнат кончанского дома под зимний сад. В лесу выкопали они вместе с Катей молодых сосенок, берез и елок, посадили их в кадки, установили в комнате. Потом с кончанскими мальчишками наловили синиц, снегирей и щеглов. Назвали комнату «птичьей горницей».

Любил Суворов сживать в «птичьей горнице». Приходила сюда и Катя. Сдружились они с фельдмаршалом. Вместе следили за птицами, давали им воду и корм, чистили комнату. А потом Катя садилась поближе к Суворову, и тот принимался рассказывать ей удивительные истории и забавные сказки.

Но вот случилась беда. Заболела Катя тяжелой болезнью — оспой. Заболела и не поправилась.

Осиротела «птичья горница».

Сразу же по весне Суворов выпустил птиц на волю. А сосенки, березки и елки наказал высадить рядом с Катиной могилкой. Деревца разрослись. Появилась рощица. Часто приходил сюда Суворов, молча стоял и о чем-то думал. Может, о Кате. Может, и о Наташе.

А Наташа по-прежнему ездила по разным вечерам и балам и совсем перестала писать в Кончанское.

НИКОЛЕВ

В селе Кончанском Суворов находился под надзором обедневшего помещика Николева.

Доставалось Суворову от Николева. Строго соблюдал Николев режимные правила: письма вскрывал фельдмаршала, доносил о тех, кто посещал опального полководца, следил, чтобы Суворов не отлучался в соседние села.

Едва Суворов куда-нибудь собирается: «Не велено, ваше сиятельство, не велено!» — кричит Николев и задерживает лошадей.

Направится Суворов с кончанскими мальчишками в лес по грибы или ягоды, и Николев тут как тут, возьмет лукошко, идет следом: «Ну как фельдмаршал удрать собрался!»

Николев гордился своим положением.

— Служба у меня немалая, — говорил он крестьянам, — сам фельдмаршал у меня в подчинении.

— Правда. Правда твоя, — соглашались крестьяне. — Может, тебе еще и награду дадут за усердие.

При таких словах Николев широко улыбался.

— А что? — отвечал. — Может, дадут. Оно по заслугам.

И дали.

Когда Суворов был снова призван в армию, император Павел Первый стал спрашивать, есть ли какие просьбы у полководца.

— Есть, есть, ваше величество, — ответил Суворов. — Великая просьба имеется.

— Говори.

— Был у меня в Кончанском надзиратель, — произнес Суворов, — исправно, ваше величество, свое дело вел: письма читал, в Питер докладывал, никуда из Кончанского не выпускал. За подобное усердие достоин высочайшей награды.

Император не понял насмешки фельдмаршала и наградил Николева.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

АЛЬПИЙСКИЕ ГОРЫ

Высоки Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вел в последний поход своих чудо-солдат Суворов.

Трудно солдатам в походе. Вьюга. Снегопад. Непогода. Путь дальний, неведанный. Горы. Холодно, голодно солдатам в пути. Идут, скользят, срываются в пропасти. Тащат тяжелые пушки, несут пообмороженных и хворых своих товарищей.

А кругом неприятель. Пройдут солдаты версту — бой. Пройдут еще несколько — бой. Пробивается русская армия сквозь горы и неприятеля. Совершает Альпийский поход.

Трудно солдатам в походе. В середине пути один из полков не выдержал.

— Куда нас завели? — зароптали солдаты. — Не пойдем дальше!

— Суворов из ума выжил!

— Назад! Поворачивай! Назад!

К полку подъехал Суворов.

— Хорошо, — произнес фельдмаршал. — Ступайте. Не нужны мне такие солдаты. Не русские вы. Ступайте.

— Как так — не русские! — возмутились солдаты.

— Русский все одолеет. Русскому все нипочем! — ответил Суворов. — Прощайте. — Повернул коня и молча поехал в горы.

Солдаты опешили. Не ожидали такого.

— Братцы! — выкрикнул кто-то. — Да что же это, а? Братцы! Мы ли не русские?!

— Русские! Русские! — понеслись голоса.

Зашумели солдаты, задвигались, подхватили ружья, подняли носилки с ранеными и нестройно, торопясь и толкаясь, бросились вслед за фельдмаршалом.

Высоки Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вел своих чудо-солдат фельдмаршал Суворов.

ИДУТ СОЛДАТЫ, ВЕДУТ РАЗГОВОР

Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего, — рассуждают солдаты. — Горы не страшны. Французы страшны. Если и будет наша гибель, так только от неприятеля.

И вдруг...

— К бою! К бою! — прошла команда.

Рассыпались солдаты по горной дороге, кто за утес, кто за скалу. Залегли. Ждут неприятеля. Вот и французы. Тра-та-та-та! Тра-та-та-та! — несется со всех сторон.

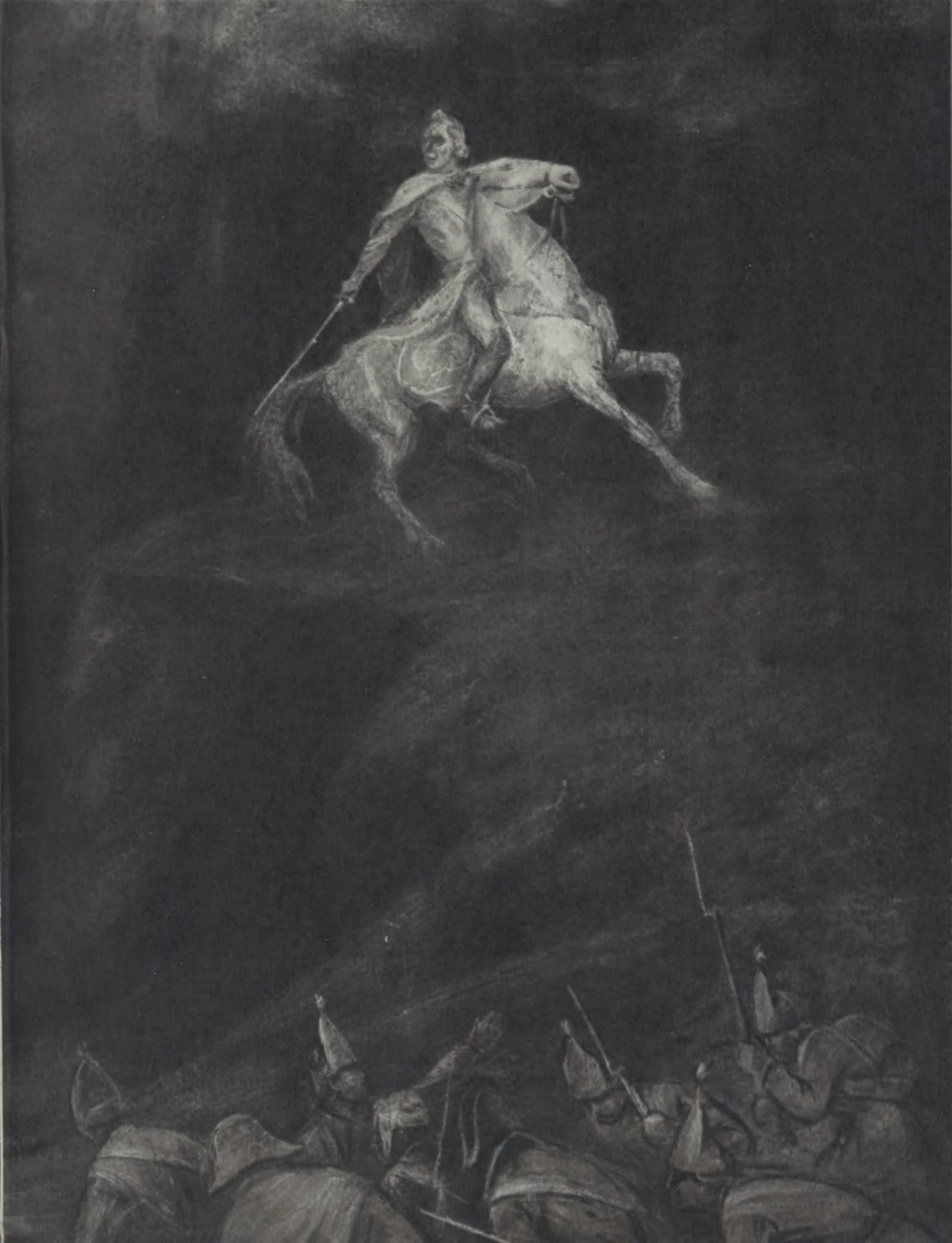
— Братцы, не робей! Ура! Держись, братцы!

Удержались солдаты. Отступили французы.

Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего, — рассуждают солдаты. — Французы не страшны. Горы страшны. Если и будет наша гибель, так только от гор, непогоды.

И вдруг...

Заиграла, засвистела, забушевала метель. Рванул ледянящий ветер. Обрушилась с гор лавина.

— Берегись! Сторонись! — несется команда.

Рассыпались солдаты по горной дороге, кто за утес, кто за скалу. Залегли. Ждут. Пронеслись камни. Отгремела лавина. Прояснилось небо. Притихла метель.

Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего, — рассуждают солдаты. — Французы не страшны. Горы не страшны. Если и будет наша гибель, так только от мора, от голода.

И вот кончилась еда. Нет провианта.

Помрачнели солдаты. Насупились. Идут, опустили солдатские головы.

И вдруг...

Наше времечко военно, —

затянул чей-то голос, —

От покоя удаленно.
Ой лю-ли, ой лю-ли,
От покоя удаленно.

Приободрились солдаты. Затянули ремни потуже. Повеселели. Идут. Подняли солдатские головы.

Сидит Суворов верхом на коне, смотрит, любит.

— Братцы! — кричит Суворов. — Не страшны нам горы Альпийские. Не страшны нам французские близкие. Что нам голод, мор, непогода — раз в российских войсках дух солдатский не переводится.

— Ура! — гремит в ответ на слова фельдмаршала.

И снова разносится песня:

С предводителем таким
Все на свете победим.
Ой лю-ли, ой лю-ли,
Все на свете победим!

Двигается. Двигается. Двигается. По горным вершинам, по темным ущельям, в облаках, в туман, в непогоду, от обрыва к обрыву, со скалы на скалу. Двигается. Двигается. Двигается. Не остановишь российскую армию. Пробиваются солдаты сквозь горы и неприятеля. Совершают Альпийский поход.

ТУЧА

Сен-Готард. Узкая, извилистая тропа ведет к перевалу. А там, по ту сторону гор, новые горы, новые тропы, новые пропасти и стремнины.

Неприступной вершиной стал Сен-Готард на пути у русских. Укрепились на перевале французские войска, перекрыли дорогу.

Дважды ходили солдаты на штурм и дважды были отбиты.

Суворов приказал штурмовать в третий раз.

Выделил фельдмаршал группу солдат для обходного маневра. Назначил старшим молодого генерала, любимца своего, князя Петра Багратиона.

— Ну, с богом, — перекрестил их Суворов.

Проползли солдаты по уступам и скалам в обход Сен-Готарда, так, чтобы ударить противнику в спину. Поднялись уже до самых вершин, да только были за-

мечены вдруг французами. Открыли французские стрелки ураганный огонь. Остановили русских. Сорвалась атака. Отдал Багратион приказ спускаться назад. Сползают солдаты вниз по отвесным скалам. Не торопятся, знают — не похвалит Суворов.

И правда. Скинул фельдмаршал шляпу, машет, кричит что-то Багратиону. Вздрагивает на голове суворовский хохолок, словно и он, как фельдмаршал, гневается.

— Шибче, шибче спускайся! — кричит Суворов и тычет шляпой в хмурое небо.

Смотрят солдаты — наплывает из-за гор на Сен-Готард черная туча. Смотрит на тучу и Багратион, однако не торопит солдат спускаться. Обволокла туча уступы и скалы, скрыла русских солдат.

— Побьются в тумане, — бранится Суворов. — Эх, медленно, не по-моему водит войска Багратион!

Волнуется фельдмаршал. Прождал несколько минут:

— Ну как, не вернулся князь Петр?

— Нет, не вернулся еще, — докладывают Суворову.

Прошло еще несколько минут.

— Ну как, не вернулся?

— Нет, ваше сиятельство.

Прошло минут тридцать, и вдруг там, на самом верху, у самого перевала, поднялась страшная стрельба, всколыхнуло перевальную тишь знакомое солдатскому уху «ура». Насторожился Суворов.

— Ура! Ура! — несется на перевале.

«Неужто Багратион?!» — недоумевает Суворов. И хочется верить, и трудно поверить!

Туча тем временем переползла через горы, свернула в долину и открыла перед Суворовым Сен-Готард. Глянул фельдмаршал — так и есть: на вершине Багратион со своими солдатами.

— Вперед! — закричал Суворов.

Ринулись солдаты в лобовую атаку. Оказались французы зажатыми с двух сторон: сверху и снизу. Не удержались. Бежали французы.

Поднялся Суворов на Сен-Готард, доволен.

— Так их! Правильно! — приговаривает. — Противник не ждет. А ты из-за гор высоких, из-за лесов дремучих, через топи, через болота, прямо из туч пади на него, как снег на голову. Ура! Бей! Коли! Руби! Так его! Молодец, князь Петр! — повернулся Суворов к Багратиону. — Эх нет, гляжу, по-нашему поступаешь! — и расцеловал генерала.

ЧЕРТОВ МОСТ

Преодолев Сен-Готард, русские спустились в ущелье Рейсы. Бежит непокорная Рейса, пенится, клокочет, ударяет волной в высокие берега, наполняет гулом и ревом округу. Отдает десятикратным эхом в горах.

Жутко здесь путнику, жутко тут зверю, редкая птица слетит в ущелье.

Через Рейсу на высоте тридцати метров перекинута узкая каменная арка. Сотрясается арка от рева реки. Зловеще повисла над пропастью.

Недобрые это места. Чертов мост — перед русскими.

Взорвали французы центральную часть моста, засели по ту сторону Рейсы.

Бросились первые смельчаки на мост, но тут же свалились, сраженные пулями, в пропасть. Бросилась новая группа героев. Достигли пролома. Не перепрыгнешь пролом. Остановились. Скосили меткие французские стрелки русских героев. Ринулся новый отряд. Снова гибель.

Остановилась атака.

Сидит Суворов верхом на казацком коне, смотрит на мост, на солдат, на вражеский берег. Понимает: сколько ни бегай солдаты — не быть им на том берегу, не заделав в мосту пролома. Замечает фельдмаршал метрах в ста от дороги — стоит невесть для чего построенный здесь сарай. «Разобрать бы сарай, связать бревна и перебросить через пролом», — соображает Суворов. Только подумал, смотрит — от других отделяется тощий солдат, что-то машет товарищам и несется к сараю. Бросились вслед гренадеры, взобрались на крышу, стали растаскивать бревна.

Наблюдает Суворов, видит: снимает тощий солдат поясной ремень. За ним и другие снимают. Связали, стянули ремнями солдаты бревна, подняли, поволокли к пролomu.

«Мудрая голова», — подумал фельдмаршал о тощем солдате. Доволен Суворов солдатской смекалкой.

Поравнялись солдаты с мостом. Выйти, выйти! — засвистели французские пули.

Залегли смельчаки за бревна. Переждали. Опять поднялись. Только не все. Половина убитых. Тощий, однако, поднялся.

Ступили солдаты шаг, второй, и снова французские пули. И снова солдат наполовину уменьшилось.

Опять залегли. Опять переждали. Поднялись. Снова огонь. И вот в живых только три человека. Снова залп — два человека. Снова — один. Смотрит Суворов: только тощий солдат и остался.

Не поднять солдату тяжелые бревна. Лег он, толкает перед собой, пытается сдвинуть. Поднатужился, сдвинулись бревна чуть-чуть — на вершок. Опять поднатужился — еще на вершок.

— Герой! Молодец! — не удержался Суворов. — К герою на помощь! — кричит солдатам.

Бросились солдаты на помощь. Подбежали, схватили бревна — к пролomu. Внеслись солдаты волной на мост. Брякнула, легла связка над пропастью. Отканулись солдаты.

Смотрит Суворов, а тощий солдат на мосту. Стоит на бревнах, повернулся к своим, машет рукой. Развевает ветер солдатский кафтан, треплет рыжеватые кудри. Обдаёт непокорная Рейса солдата пеной и брызгами.

Больше героя фельдмаршал не видел. Зарябили перед глазами Суворова солдатские спины. Хлынули гренадеры грозным потоком на мост. Заходило, заколыхалось солдатское море. Вот уже первые на той стороне. Вот уже и победное «ура» несется в ущелье.

Разбегаются, отходят французы.

Отгремел бой. Чертов мост позади. Остановились войска на отдых.

— Как звать героя? — стал интересоваться Суворов тощим солдатом.

— Мохов, Кирилл Мохов, ваше сиятельство. Гренадер Апшеронского пехотного полка, роты капитана Лукова.

— Удалец! Удалец! — восхищается Суворов. — Переправу навел, мост соорудил. Богатырь! Витязь! Позвать удалца!

— Мохов! Мохов! — зовут солдаты.

Не откликается Мохов.

Лежит солдат на дне пропасти. Не слышит. Не видит. Свалили солдата французские пули. Разбился о камни. Не бьется больше смелое сердце солдатское.

Погиб гренадер, а слава осталась.

Соберутся солдаты, начнут вспоминать бои и походы, вспомнят и Чертов мост. Вспомнят Чертов мост — вспомнят и Мохова:

— Если б не Мохов, если б не он — не видать нам победы. Доброе слово и память ему великая.

ГЕНЕРАЛЬСКИЙ ПОГОН

Идут войска, пробиваются через новые горы, через новые перевалы.

Прорвались к Муттенской долине — тут роковая весть: полки, к которым торопился Суворов, разбиты.

Французский полководец Массена бросил теперь основные силы против Суворова. Силы неравны. У Массена в четыре раза больше солдат, чем у Суворова. И все же Суворов решил первым начать атаку.

Словно горная лавина, обрушились русские на французов. Полки Апшеронский и Азовский, казаки генерала Грекова врезались в противника с такой силой, что французы не выдержали и побежали.

Мечется Массена среди своих войск, кричит, пытается остановить. Не помогает. Бегут французы, давят друг друга, зажали в своей толпе самого Массена.

— Стойте! Стойте! — кричит генерал.

Вместе со всеми врезался во французские ряды и капрал Махотин. Видит — генерал на коне. Стал Махотин пробиваться к Массена. Пробился и сдернул Массена с коня. «Ну, братец, теперь не уйдешь. Теперь я тебя под мышку!» Радуется Махотин и вдруг видит у самого своего носа неприятельский штык. Кто-то из французских солдат бросился на помощь своему генералу. Отбил Махотин штык, повалил, пришиб прикладом француза. Повернулся опять к Массена. А тот уже на коне. Рванулся капрал к генералу. Ухватился рукой за плечо. Соскользнула рука. Пришпорил коня Массена. Вынес рысак генерала из битвы.

— Держи! Держи его! — кричит Махотин.

Да где уж! Быстрее ветра уходит Массена. Стоит капрал, смотрит сожалеючи вслед. Стоит и не замечает, что у самого в зажатой руке генеральский погон. Посмотрел на руку — правда погон.

Стыдно стало капралу, что упустил Массена. Решил про погон никому не рассказывать. А потом после битвы все же проговорился.

— Так ты же герой! — закричали солдаты.

Дивятся, рассматривают солдаты генеральский погон. Потом поднялись, пошли, рассказали ротному командиру, командир — генералу, генерал — Суворову.

На следующий день перед войсками был объявлен приказ фельдмаршала о производстве Махотина в офицеры.

— Ура Махотину! — кричат солдаты. Довольны, что свой брат в офицеры выбился.

А офицеры насупились — ни радости, ни улыбки. Обидно их благородиям.

После прочтения приказа выделили офицеры из своей среды поручика, капитана и полковника, послали к Суворову.

— Как же так, ваше сиятельство, за какие заслуги? — говорят офицеры. — Подумаешь, генеральский погон. Вот если б он живого Массена привел.

Посмотрел Суворов на офицеров, поманил к себе пальцем поручика:

— Хочешь быть капитаном?

Подивился поручик такому вопросу, подумал: а вдруг и вправду соблаговолит Суворов.

— Так если ваша воля на то, — произнес и пригнулся.

Поманил Суворов капитана:

— Хочешь быть полковником?

— Как же не хотеть, ваше сиятельство! — ответил капитан и тоже пригнулся.

Позвал Суворов полковника:

— Желаешь быть генералом?

— Не смею просить. Все от бога и вашего сиятельства, — гаркнул полковник.

— Ступайте принесите мне второй погон от Массена — быть и вам в повышении, — произнес Суворов.

Сконфузились офицеры. Повернулись. Ушли.

А Суворов еще долго не мог успокоиться.

— «За какие заслуги!» — выкрикивал он. — Ишь ты! За доблесть солдатскую — вот за какие заслуги.

РОТА КАПИТАНА СМЕЛОГО

После каждого боя Суворов интересовался, какие войска были первыми, какие отличились больше других. Так было и после штурма Сен-Готарда.

— Ступай разузнай, — послал Суворов своего адъютанта.

Адъютант долго ходил, расспрашивал, выяснял, однако без толку. Одни говорят — апшеронцы, другие — азовцы. «Гренадеры Багратиона», — утверждают третьи. «Нет, казаки Грекова», — доказывают четвертые. Обходит суворовский посланец войска, никак не добьется истины. Все были на перевале.

И вдруг адъютанта окликнул какой-то солдат:

— Хочешь знать без ошибки?

— Говори же скорей!

— Рота капитана Смелого, вот кто был первым, — ответил солдат.

— Рота капитана Смелого, — доложил адъютант Суворову.

— Так, молодцы! — произнес фельдмаршал.

После перехода через Чертов мост Суворов снова поинтересовался, кто был первым.

Адъютант опять долго ходил по войскам, наконец пришел, доложил:

— Рота капитана Смелого, ваше сиятельство.

— Молодцы, герои! — похвалил Суворов.

После битвы с Массена фельдмаршал снова стал выяснять героев.

— Рота капитана Смелого, — услышал Суворов опять в ответ.

— Вот так рота! — подивился Суворов.

Приказал он позвать к себе капитана Смелого.

Стали искать. Выяснилось, что никакого капитана Смелого и роты такой во всей суворовской армии нет.

— Ах ты, шельмец! — рассердился Суворов.

Вызвал адъютанта:

— Ты что же неправду доносишь?!

— Как — неправду! — обиделся адъютант. — Я, ваше сиятельство, к солдатам ходил. Они врать не станут. И при Сен-Готарде, и на Чертовом мосту, и в деле с Массена — всюду была первой рота капитана Смелого.

— Ах, вон оно что! — усмехнулся Суворов. — Ну, ступай, еще раз поговори с солдатами.

Прибегает адъютант к солдатам:

— Где же ваша рота? Где капитан?

— Капитана, пожалуй, и нет, — отвечают солдаты, — а рота есть. Как же, есть! Она и в Апшеронском пехотном полку, и в Азовском гренадерском полку, и в бригаде князя Багратиона, и среди казаков генерала Грекова, — перечисляют солдаты.

Вытянулось от удивления адъютантово лицо — что за чушь говорят солдаты!

А дело в простом. Трудно при Сен-Готарде отличить, какие войска в первых, какие в последних. Перемешались тогда полки и роты на перевале — все в первых.

Вот кто-то из солдат и придумал про роту капитана Смелого. Выдумка солдатам понравилась. Стали они с той поры самых отважных называть этим именем.

Так и пошло.

Отличатся апшеронцы.

— Так это же рота капитана Смелого! — кричат солдаты.

Отличатся азовцы.

— Рота Смелого!.. Смелого!.. Смелого!.. — несетя в войсках.

Отличатся гренадеры Багратиона или казаки Грекова, а солдаты опять свое:

— Рота Смелого. Ей почет, ей и слава.

Понравилась Суворову солдатская выдумка. Стал и он по-солдатски. Зайдет разговор, кого посылать на опасное дело.

— Посылайте достойных, — говорит фельдмаршал. — Богатырей. Лучше всего тех, кто из роты солдатского капитана.

НОВЫЕ БАШМАКИ

Оборвались в пути солдаты. Изодрали мундиры, избили башмаки на горных дорогах. Стынут солдаты от холода. Жмутся на ночевках к кострам, греют озябшие руки и спины.

Не лучше других и Прохору Груше. Мундир — решето. Башмаки без подошвы. Ступает солдат голыми пятками по камням, впиваются камни в тело.

Обвяжет Прохор тряпками ноги. Пройдет версту, от тряпок — мочала. Залатает мундир. К вечеру — снова ребра наружу.

Измучился солдат: жизнь не мила, небо с овчинку.

И вот Груша куда-то исчез, недосчитались его на привале.

— Эхма! Видать, оступился, сорвался в пропасть, — перекрестились солдаты.

А утром Прохор явился. Глянули приятели — не узнать Груши. Красавец солдат перед ними. Новый мундир, башмаки новые.

Мундир и башмаки были французские.

Щупают солдаты мундир. Ай да мундир! Сукно в полпальца. Ватой подбито.

— Ногу задери, ногу! — просят солдаты.

Подымет Прохор ногу. Ну и башмаки! Из ременной кожи, подошва что сталь, шипами покрыта.

— Вот так обнова! — восхищаются солдаты. — Век бы ходить по камням и стуже.

— Где достал? — понеслись голоса.

— Никак, дружков нашел, французов!

— Тещу завел, — смеются солдаты.

Рассказал Прохор, что ходил он к французскому лагерю, подкрался, снял часового — вот и разжился.

Завидно стало солдатам. В следующую ночь уже несколько человек отправились за добычей. Однако назад никто не вернулся. Французы усилили караул и перебили пришельцев.

Так и остался Прохор Груша один во французской обнове.

Походил день, второй, а потом неловко стало солдату. Среди своих и словно не свой. Словно среди простых петухов — пава.

Не рад уже Груша теплу и удобству. Не мил ему ни французский кафтан, ни башмаки из ременной кожи. Стал он предлагать трофеи товарищам: одному башмаки, другому мундир. Отказываются, не берут, не хотят солдаты.

— Ты раздобыл, ты и носи, — отвечают Прохору.

Говорят солдаты без зла, без зависти, просто неудобно им брать дорогой трофей у товарища. А Груше кажется, что солдаты его сторонятся, что из-за этих, будь они прокляты, башмаков и мундира теряет Прохор верных друзей и приятелей.

Прошел еще день. Проклял Груша французский наряд. Снял мундир,

снял башмаки, связал бечевой. Раскрутил и запустил в бездонную пропасть.

Солдаты шумно обсуждали поступок Прохора Груши.

— Дурак... — проговорил кто-то.

— Эх ты, мышиный помет, — оборвали его солдаты. — Правильно сделал. Молодец Груша. Желает как все.

— Молодец! — подтвердил седоусый капрал. — Может, и погорячился Прохор, да, видать, душа у него солдатская.

САЛО

Голодно солдатам в походе. Сухари от ненастной погоды размокли и сгнили. Швейцарские селения редки и бедны. Ели лошадей, копали коренья в долинах. А когда кончились коренья и лошади, взялись за конские шкуры.

Исхудали, изголодались вконец солдаты. Затянули ремни на последние дырки. Идут, вздыхают, вспоминают, как пахнут щи, как тает на зубах каша.

— Хоть бы каравай хлеба! — вздыхают солдаты. — Хоть бы сала кусок!

И вдруг в какой-то горной избе солдаты и впрямь раздобыли кусок настоящего сала. Кусок маленький, размером с ладошку. Обступили его солдаты. Глаза блестя, ноздри раздуваются.

Решили солдаты сало делить и вдруг призадумались: как же его делить — тут впору одному бы наестся.

Зашумели солдаты.

— Давай по жребию, — предлагает один.

— Пусть съест тот, кто нашел первым, — возражает второй.

— Нет, так — чтоб каждому, каждому! — кричит третий.

Спорят солдаты. И вдруг кто-то произнес:

— Братцы, а я думаю так: отдадим-ка сало Суворову.

— Правильно! Суворову! Суворову! — понеслись голоса.

Позвали солдаты суворовского денщика Прошку, отдали ему сало, наказали вручить фельдмаршалу. Довольны солдаты. И Прошка доволен. Стал прикидывать, надолго ли сала хватит. Решил: если отрезать в день кусок толщиной с палец, как раз на неделю получится.

Явился Прошка к Суворову.

— Сало?! — подивился тот. — Откуда такое?

Прошка и рассказал про солдат. Мол, солдатский гостинец.

— Дети, богатыри! — прослезился Суворов. Потом повернулся к Прошке и вдруг закричал: — Да как ты взял! Да как ты посмел! Солдатам конские шкуры, а мне сало...

— Так на то они и солдаты, — стал оправдываться Прошка.

— Что — солдаты?.. — не утихает Суворов. — Солдат мне дороже себя. Немедля ступай, верни сало. Да спасибо скажи. В ноги поклонись солдатам.

— Так они же сами прислали, — упирается Прошка. — Да что для них сало с ладонь! Тут лизнуть каждому мало. Вон их сколько, а сала как раз на одну персону.

Глянул Суворов на сало. Правда, кусок невелик.

— Хорошо, — согласился Суворов. — Ступай тогда в санитарную палатку, отнеси раненым.

Однако Прошка снова уперся:

— Раненым?! Да куда им сало? Да им помирать пора!

— Бесстыжая душа твоя! — заревел Суворов и потянулся за плеткой.

Понял Прошка, что дело может дурным кончиться. Подхватил сало и помчался к санитарной палатке.

На следующий день солдаты повстречали Прошку.

— Ну, как сало? — спрашивают. — Ел ли фельдмаршал? Что говорил?

Только Прошка собрался открыть рот, а тут рядом появился Суворов.

— Детушки! — произнес. — Богатыри! Отменное сало. С детства не едал такого. Стариковское вам спасибо! — и низко поклонился солдатам.

У Прошки от удивления глаза на лоб. А солдаты заулыбались, отдали фельдмаршалу честь, повернулись и направились к себе в роту.

— Понравилось, — перешептывались они по пути. — Вон как благодарил. Сало — оно такая вещь, что и фельдмаршалу не помешает.

«ВИЖУ!»

Закончив арьергардный бой с противником и подобрав раненых, рота капитана Лукова догоняла своих.

Идут солдаты по узкой тропе над самым обрывом пропасти, растянулись почти на версту.

— Не отставай, не отставай! — кричит Луков. — Раненых вперед!

Перетащили раненых.

Прошла рота версты две. Стемнело. Задул ветер. Начался снег. Взыграла, закружила метель.

Идут солдаты час, идут два, идут три. Всматривается капитан Луков вперед — не видать ли походных костров. Кругом крошечная темнота. Слепит вьюга глаза. Треплет упругий ветер солдатские сюртуки и накидки, задувает снежные иглы под воротники и рубахи, морозит руки и лица. Идут, спотыкаются, скользят в темноте солдаты. С трудом передвигают одеревеневшие ноги. Все тише и тише солдатский шаг.

— Не отставай! Не отставай! — кричит Луков.

Прошел еще час. И вот уже кончились силы солдатские. Остановились. Хоть убей — не пойдем дальше! Повалились солдаты на камни.

— Вперед! Вперед! — надрывает голос Луков.

Да только нет такой силы, чтобы снова подняла солдатские ноги в поход. Изнемог Луков, посмотрел еще раз в темноту — не видно костров, опустил и сам на камни. И вдруг:

— Вижу! Вижу!

Встрепенулся капитан. Встрепенулись солдаты. Смотрят: с носилок привстал раненый солдат Иван Кожин и тычет рукой вперед.

— Видит! Видит! — понеслось по цепи.

И откуда только сила взялась. Повскакали солдаты с камней. Подхватили ружья — и снова в дорогу. Повеселели солдаты. Ай да Кожин. Ай да глазастый!

Прошли солдаты с версту. Только что-то огней не видно. Те, что поближе к Кожину, стали шуметь:

— Где твои костры? Соврал!

— Вижу! Вижу! — по-прежнему кричит Кожин и тычет пальцем вперед.

Всматриваются солдаты — ничего не видят. Не видят, а все же идут. Кто его знает, может, и вправду Кожин такой глазастый.

Прошли еще около версты. А все же костров не видно. И снова стали роптать солдаты:

— Не пойдем дальше!

— Не верьте ему!

— Братцы! — кричит Кожин. — Вижу. Ей-богу, вижу! Теперь уже совсем недалеко. Теперь рядом. Вон как полыхают, — и снова тычет пальцем вперед.

Бранятся, ропщут солдаты, а все же идут.

Тропа огибала какой-то выступ. Завернули солдаты за скалу, и вдруг вниз, совсем рядом, сквозь метель и непогоду и впрямь заблестели огни.

Остановились солдаты, не верят своим глазам.

— Видишь? — переспрашивают друг у друга.

— Вижу!

— Ай да Кожин. Ай да молодец. Ай да глазастый! — кричат солдаты. — Ура Кожину!

Сорвались солдаты с мест и рысцой вниз к кострам, к теплу. Притащили и носилки с Иваном.

— К огню его, к огню, — кричат. — Пусть отогревается. Заслужил! Всех выручил!

Осветило пламя Иваново лицо. Глянули солдаты и замерли. Лицо обожжено. Брови спалены. А на месте глаз...

— Братцы, да он же слепой! — прошептал кто-то.

Смотрят солдаты. Там, где глаза, у Кожина пусто. Выбило вчера в арьергардном бою французской гранатой глаза солдатские.

«РАЗРЕШИТЕ ПОСТРАДАТЬ...»

Преодолели герои горы. Впереди открылась долина. Сгрудились солдаты на скалах, смотрят вниз. Там, внизу, долгожданный конец похода.

— Ура! — закричали солдаты.

Однако рано радовались герои. Оборвалась у самых солдатских ног козья тропа. Подойдешь к краю обрыва — голова кружится. Выделил Суворов отряды. Облазили те округу — нет спуска в долину.

Задумался Суворов, собрал генералов и офицеров на военный совет. А солдаты остались над пропастью и тоже решают.

— Надо назад, — говорит один.

— Куда же тебе назад? — возражает второй. — Надо вперед.

— Ну, а куда вперед?

Солдат задумался.

— Туда, — показал пальцем в долину.

— «Туда»! — передразнили его товарищи. — Это и без тебя ясно. Только как же туда?

— Надо подумать.

— Братцы, — вдруг произнес плечистый парень из апшеронцев, — а что, ежели... Солдаты повернулись к нему.

— У нас в деревне, — стал вспоминать парень, — ого-го какая круча была, так мы, бывало, ребятами с той кручи на чем сидишь съезжали.

— Тьфу! — сплюнул с досады какой-то усач. — «На чем сидишь»! Да тут от тебя и мокрого места не останется...

— Тут как богу будет угодно, — перебил его сосед. — Поди, все же правду говорит парень. Ну, ежели не сидя, так лежа, может, и получится.

— Можно и лежа, — соглашается парень.

И снова заспорили солдаты. Одни за то, что получится, другие — что в этом деле верная гибель.

— Эхма! — вздохнул парень. — Была не была! — Скинул шапку, бросил о камни. — Разрешите, — говорит, — пострадать за православный народ.

Перекрестился парень, ружье под мышку — и к пропасти. Лег на спину.

— Ты куда? — подбежали солдаты.

— Разрешите пострадать... — повторил парень и отпустил руки.

Летит парень, переворачивается то с боку на бок, то через голову. Ударяется о камни. Сюртук растрепало, ружье выпало.

Смотрят солдаты, а у самих мурашки по телу. Пролетел парень еще метров сто и вдруг перестал катиться. Поднялся, замахал товарищам.

— Жив! Жив! — закричали солдаты.

— Бра-атцы! — раздается снизу далекий голос. — Смелей, бра-атцы!

Зашумели солдаты. Задвигались. Бросились к пропасти. Один, второй, третий...

Вскоре вся русская армия кончила спуск. К вечеру того же дня солдаты достигли города Иланц.

Альпийский поход был закончен.

— Ну и ну! — поражались австрийские генералы. — Оленьими тропами — и провести целую армию!

— А что, — улыбался Суворов. — Там где олень пройдет, там и солдат пройдет. Где олень не пройдет, так и там российскому солдату пути не заказаны.

ГЕНЕРАЛАМ ГЕНЕРАЛ

За Альпийский поход Суворову был присвоен чин генералиссимуса русских войск.

Возвращаясь с группой солдат на родину, фельдмаршал остановился передохнуть в пограничном трактире. Зашел в избу, заказал себе холодной телятины, миску гречневой каши и стопку вина.

— Ну и каша, дельная каша! — нахваливает Суворов. — Давно такой не едал. И винцо дельное. Не грех за российского солдата такое винцо выпить.

Около избы расселись солдаты. Тоже едят кашу и пьют вино.

— Дельное вино, — хвалят солдаты. — Крепкое. Не грех такое за фельдмаршала выпить.

И лишь один Прошка крутился около лошадей. Его и обступили местные мужики.

— Что же это за такой непонятный чин теперь у твоего барина? — стали спрашивать они у суворовского денщика.

— А чего тут непонятное? — отвечал Прошка. — Тут все ясное. Генералиссимус надо разуметь так: генералам всем генерал. Самой главной персоной теперь получается.

— Ты смотри! — произнес парень в онучах.

— А что, верно! — вставил хилый мужичонка в драных портках.

— Заслужил, — согласился мужик с бородой.

А Суворов стоял на крыльце и все слышал.

— Не я! Не я! — закричал он с порога. — Не я, — повторил, подойдя к мужикам. — Вон Прошка мой самый главный. Вон тот, — ткнул в сторону рябого высокого солдата. — Вот этот, — показал на приземистого седоусого капрала. — Вон они, — обвел рукой остальных солдат.

При этих словах Суворов сел в таратайку и приказал погонять лошадей.

Поднялись, двинулись в путь солдаты. Заклубилась дорожная пыль. Грянула солдатская песня.

Остались мужики на дороге. Стоят, недоумевающе смотрят вслед.

— Пошутил барин, — наконец обронил парень в онучах.

— Чудное что-то сказал, — произнес мужичонка.

— Эх, вы! — заявил мужик с бородой. — Правду сказал фельдмаршал. Без солдата они никуда. В народе — русская сила. Он и есть генералам генерал настоящий.

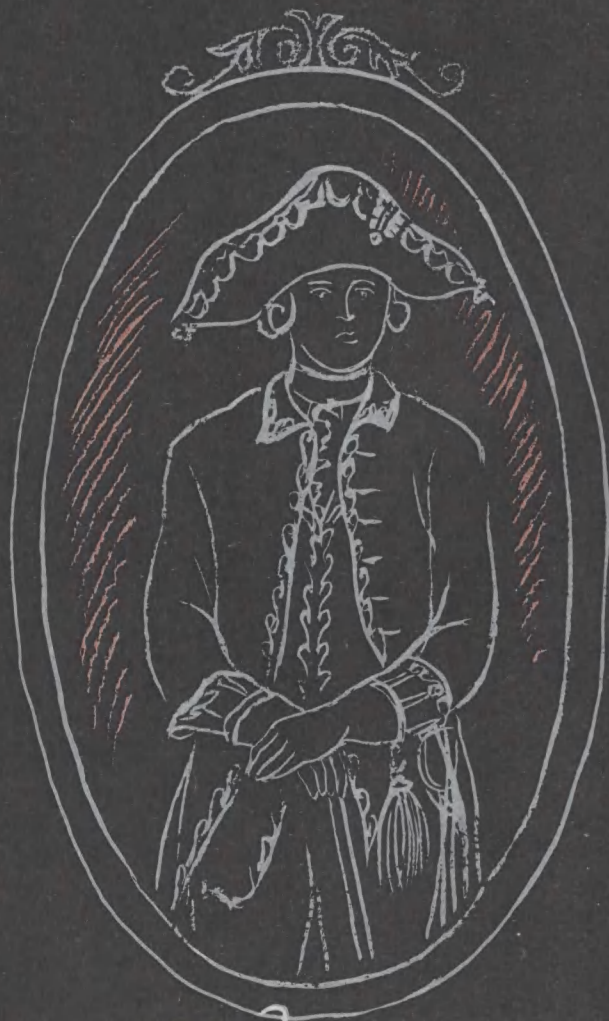
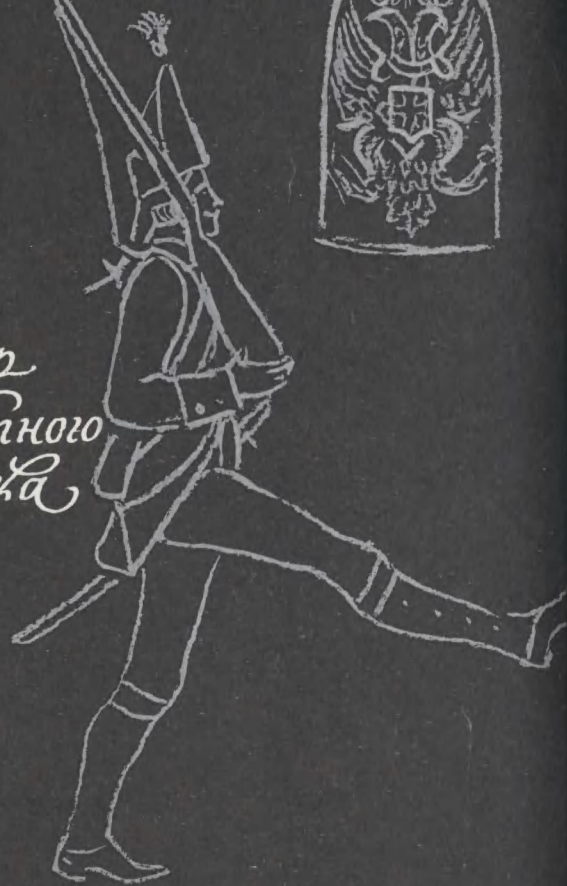
Орден Георгия
1 степени

Гренадерская
шапка

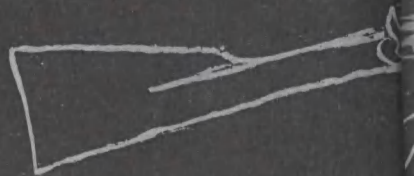

Гренадер
пехотного
полка

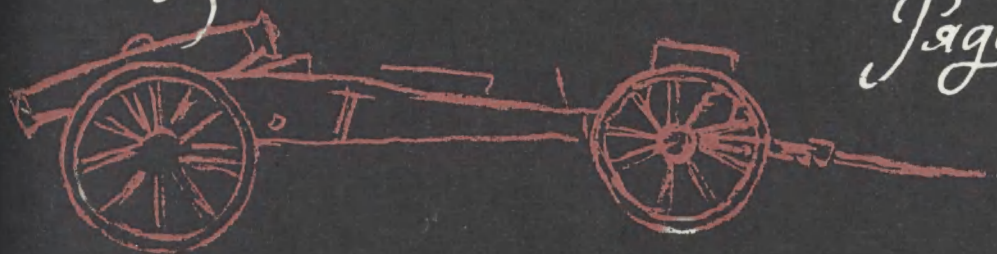
Бригадир

Жираса

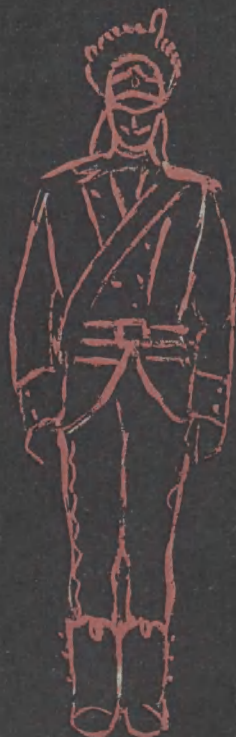

Полевая пушка
с передком

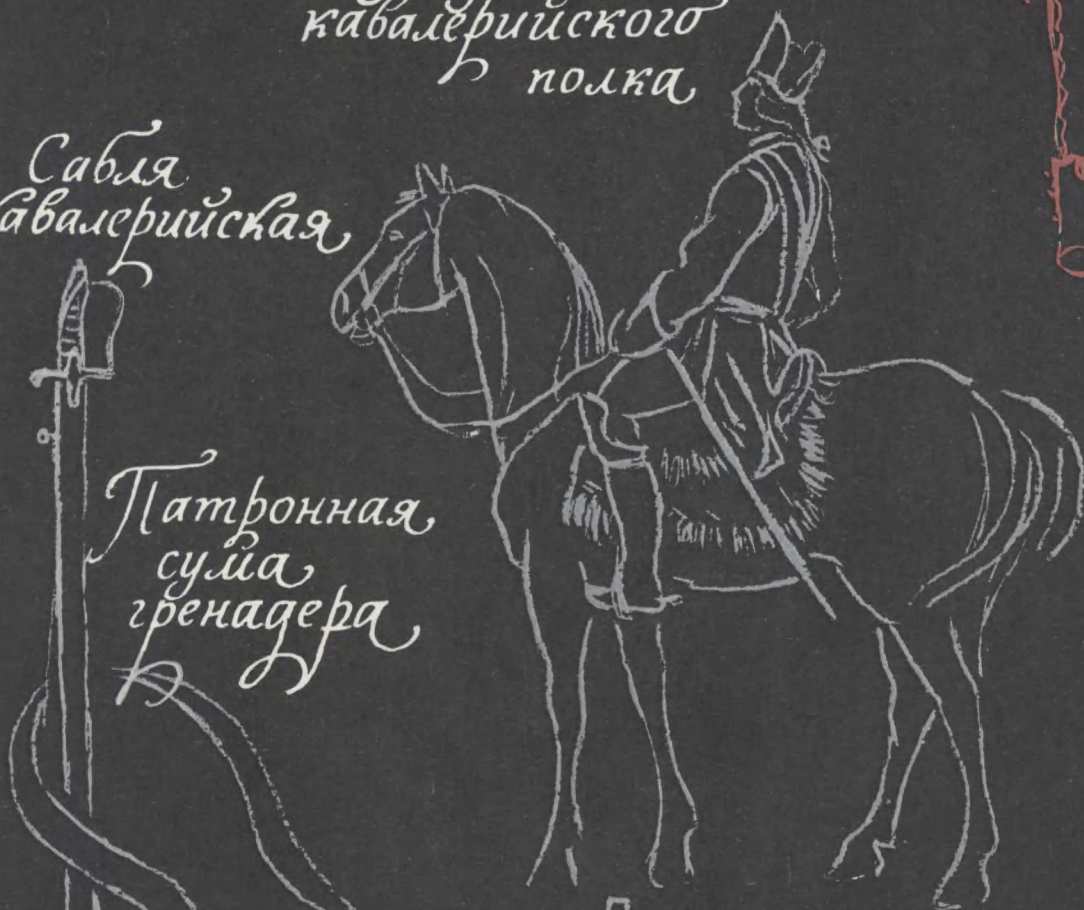

Рядовой

Рядовой
кавалерийского
полка

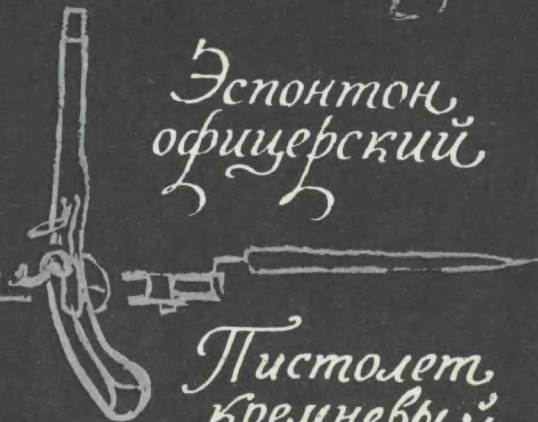
Сабля
кавалерийская

Патронная
суи
гренадера

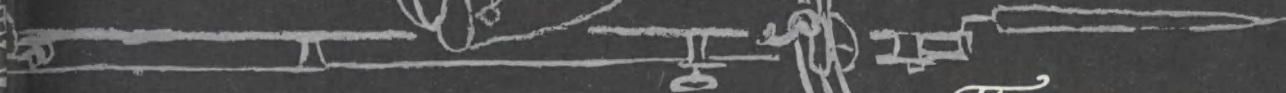

Эспонтон
офицерский

Ружье кремневое

Пистолет
кремневый

1812 ГОД
ОГРОМНАЯ, ПОЛУМИЛЛИОННАЯ АРМИЯ
ФРАНЦУЗСКОГО ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА I
НАПАЛА НА НАШУ РОДИНУ.
НАПОЛЕОН БЫЛ ОЧЕНЬ ОПЫТНЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ,
ЕГО АРМИЯ СЧИТАЛАСЬ САМОЙ СИЛЬНОЙ В МИРЕ.
МНОГО МУЖЕСТВА, СТОЙКОСТИ
И ВЕЛИКУЮ СЫНОВНЮЮ ПРЕДАННОСТЬ РОДИНЕ
ПРОЯВИЛИ НАШИ ДЕДЫ И ПРАДЕДЫ,
ЗАЩИЩАЯ СВОЮ ОТЧИЗНУ.
О НАШИХ ПРОСЛАВЛЕННЫХ ПРАДЕДАХ —
ГЕРОЯХ ВОЙНЫ 1812 ГОДА —
И НАПИСАНЫ ЭТИ РАССКАЗЫ.

ПТИЦА-СЛАВА

Глава первая

ЛЬВИНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

ИДУТ ПО МОСТУ СОЛДАТЫ

ето. 1812 год. Мост через реку Неман. Граница России.

Колонна за колонной, полк за полком идут по мосту солдаты. Слышна непонятная речь. Французы, австрийцы, пруссаки, саксонцы, итальянцы, швейцарцы. Жители Гамбурга, жители Бремена, голландцы, бельгийцы, испанцы. Идут по мосту солдаты. Сотрясает деревянные фермы солдатский шаг.

— Императору viva!

— Франции viva!

— Слава, слава, слава! — несется со всех сторон.

Наполеон сидит верхом на рослом арабском коне, смотрит на переправу. Задумчив император французов. Треугольная шляпа надвинута низко на лоб. Мундир застегнут до самого верха. У глаз собрались морщинки.

Сзади, образовав полукруг, в почтительном молчании замерла свита. Слышно, как в утреннем небе прожужжал деловито шмель.

Неожиданно Наполеон поворачивается к одному из своих приближенных. Это генерал Коленкур.

— Вы не француз! — кричит император.

Коленкур не отвечает.

— Вы не француз! — с еще большим озлоблением выкрикивает Наполеон.

Дерзкие слова произнес Коленкур вчера на военном совете. Единственный из всех маршалов и генералов он был против похода в Россию:

— Это дорога в ад.

— В моем лагере русские, русские! — кричал Наполеон, показывая на Коленкура.

Вот и сегодня он не может спокойно смотреть на генерала.

— Отрастите русскую бороду, — издевается Наполеон. — Наденьте армяк и лапти.

Из-за недалекого леса подымается солнце. Глянул маленький пламенеющий бугорок, ожег синеву, затем, словно кто-то в русской печке открыл заслонку, брызнул огненный полукруг, и вот уже ослепительный, пылающий шар пожаром вкатился в небо.

Наполеон привстал в стременах:

— Вот оно, солнце Аустерлица!¹

— Императору слава!

— Франции слава!

— Вива, вива, вива! — несется со всех сторон.

Красные, желтые, синие — мелькают кругом мундиры. Цвета неба, цвета пепла, цвета лесной травы. Очумело бьют барабаны. Надрываются армейские трубы и дудки. Слышится топот солдатских ног.

Идут по мосту солдаты. Час, второй, третий. День, второй, третий. Идут по мосту солдаты. На погибель свою идут.

КАКАЯ КУДА ДОРОГА

Под городом Вильной три гренадера попали в плен.

О пленении русских узнал император Наполеон.

Пожелал император французский посмотреть на русских солдат.

Привели гренадеров.

Наполеон с генеральской свитой стоял на холме у походной палатки. Слева дорога, справа обрыв, сзади еловый лес.

Смотрят солдаты: так себе человек. Невысокого роста. Лицо круглое. Щеки мясистые. Усов нет. Безбородый. В плечах широк, в поясе тоже — видать, отрастает брюхо. На ногах сапоги. Штаны в обтяжку. Треуголка верблюжьим горбом торчит. Правая рука на груди, сунута за обрез мундира. Соображают солдаты: никак, государь французский? Стали они во фронт.

Глянул император на солдатские лица:

— Русские?

— Так точно, ваше величество.

— Гренадеры?

— Так точно. Павловского гренадерского полка рядовые из первой роты.

Присмотрелся Наполеон к солдатам внимательней. Два молодых, чернобровых, третий совсем седой, медаль на груди красуется.

— За что награжден, герой?

— За Альпийский поход, за дело с Массеной.

— О!

— За взятие французского знамени в плен.

— Х-хм!

---

¹ В Австрии под городом Аустерлицем Наполеон одержал одну из наиболее значительных своих побед.

Неприятно Наполеону подобное слышать. Говорит он с издевкой:

— Как же ты такой боевой и вдруг к моим егерям попался?

— Бывает, ваше величество, — ответил солдат. — И сокол в силок влетает.

Усмехнулся Наполеон: не промах солдат, находчив. Интересно, как на другие вопросы ответит.

— Ну, а много ли войск у вашего императора?

— В нашей роте, ваше величество, двести душ.

— Да не в роте, в армии вашей?

— Да разве снежинки в метель считают? — загадкой ответил солдат.

Слово за словом идет разговор.

— Скажи, далеко до Смоленска?

— Как мерить. Гостю дорога близкая...

— Какими путями лучше идти к Москве?

— Царь шведский избрал Полтаву...¹

Наполеон недовольно поморщил нос, на лице появилась суровость.

Чеканит гренадер Наполеону свои ответы, а сам молодым солдатам в сторону леса глазами косит.

— Ну, а дороги ты местные знаешь?

— Знаю, ваше величество.

— Так куда какая дорога?

— Сейчас объясню. Налево пойдешь, направо пойдешь, прямо пойдешь, куда ни пойдешь — назад не воротиться, — скороговоркой ответил солдат.

Насупился Наполеон. Задвигалась свита. Кто-то схватился за шпагу. Однако гренадер не дает им опомниться.

— Вон он, вон он, глядите! — закричал и вытянул руку к небу.

Подняли Наполеон и генералы глаза: что там такое?!

Небо как небо: синь да лазурь, белоснежным барашком одинокое облачко бродит, солнце, как печь, палит.

Опустили они глаза. Смотрят, а русских солдат у палатки нет. Пусто вокруг. Лишь чуть заметный след по траве волочится. Лишь трепыхнулись еловые лапы у края леса.

Рассмеялся Наполеон. Потом вдруг нахмурился. Сел на коня и молча поехал к Вильне.

СКАЗКА СТАРОГО КАПРАЛА

Верста за верстой, верста за верстой отступают, отходят русские. Идут они полем, идут они лесом, через реки, болота, по холмам, по низинам, по оврагам идут. Отступает русское войско. Нет у русских достаточных сил.

Ропщут солдаты:

— Что мы — зайцы трусливые!

— Что в нас — кровь лягушиная!

— Где это видано: россиянин — спиной к неприятелю!

Рвутся солдаты в бой.

Русских армии две. Одна отступает на Вильну, на Дриссу, на Полоцк. Командует ею генерал Барклай-де-Толли. Вторая отходит южнее. От города Гродно на Слуцк, на Бобруйск. Старшим здесь генерал Багратион.

У Наполеона войск почти в три раза больше, чем у Барклая и Багратиона, вместе взятых. Не дают французы русским возможности соединиться, хотят разбить по частям.

¹ В 1709 году русские войска под командованием Петра I у города Полтавы разбили прославленную армию шведского короля Карла XII.

Понимают русские генералы, что нет пока сил у русских справиться с грозным врагом. Сберегают войска и людей. Отводят свои полки.

— Э-эх, да что же оно творится?! — вздыхают солдаты.

— Пропала солдатская честь!

Шагает вместе со всеми старый капрал, смотрит он на своих товарищей:

— Хотите, сказку скажу?

— Сказывай.

Собрались на привале солдаты в кружок, расселись, притихли.

— Давно ли то было, недавно, — начал капрал, — дело не в том. Только встретил как-то в лесу серый волк лосенка. Защелкал злодей зубами:

«Лосенок, лосенок, я тебя съем».

«Подожди, серый волк, — говорит лосенок. — Я же только на свет народился. Дай подрасту».

Согласился лесной разбойник. Пусть погуляет телок, пусть наберется мясом.

Долго ли, скоро ли время шло — дело не в том. Только опять повстречал серый волк лосенка. Смотрит — подрос за это время телок. Рожки пробились. Копытца окрепли. Не телок перед волком — подросток лось. Защелкал злодей зубами:

«Лось, лось, я тебя съем».

«Хорошо, серый волк, — отвечает лось. — Только дай попрощаться с родимым краем».

«Прощайся», — ответил волк.

Пошел молодой лось по родному краю, по полям, по лесам, по дубравам. Ступает он по родной земле, силу в себя вбирает. И волк по следу бежит. Притомился в пути разбойник: шерсть отлетает, ребра ввалились, язык как чужой, из пасти наружу лезет.

«Стой, стой!» — голосит злодей.

Долго ли, скоро ли время шло — дело не в том. Только остановился однажды лось. Повернулся навстречу волку. Глянул тот, а это не просто лось: стоит перед ним сохатый. Защелкал серый зубами:

«Сохатый, сохатый, я тебя съем».

Усмехнулся лесной красавец:

«Давай подходи».

Бросился волк вперед. Да только силы теперь не те. Лосенок теперь не тот. Поднялся богатырь на задние ноги, ударил волка пудовым копытом, поднял на рога и об землю — хлоп! Кончился серый.

Капрал замолчал.

Задумались над сказкой солдаты.

— Видать, неглупый телок попался.

— В сохатого вырос!

— Э, постой, да в сказке твоей намек.

— К отходу, к отходу! — прошла команда.

Вскочили солдаты. Построились в ряд. Подняли солдатские головы. По полям, по лесам, по дубравам, по низинам идут солдаты. Не по чужой, по родимой земле идут.

ТРОЙНАЯ СИЛА

Лежат у костра на привале солдаты: солдат Петров и солдат Егоров — солдат молодой и еще моложе.

— Сильны, сильны, басурманы... — вздыхает солдат молодой.

— Ружья у них хорошие, — вздыхает тот, что еще моложе.

— Когда бы французов числом поменьше, — опять начинает первый.

— Когда бы войска у нас побольше, — отвечает второй.

Размечтались солдаты:

— Вот если бы каждому из нас вдруг да тройную силу!

Наутро солдаты вступили в бой.

Бьется солдат Петров в рукопашном бою. Сбил одного француза. Перевел дыхание. Вытер вспотевший лоб. Осилил второго. Смотрит — третий бежит навстречу. Блеснул перед грудью Петрова штык. Размахнулся солдат прикладом. Прикончил француза третьего.

Рядом бьется солдат Егоров. Сбил одного француза. Поправил ремни от ранца. Провел рукой по вспотевшей шее. Осилил второго. Смотрит — третий бежит навстречу. Блестит на солнце острый французский штык. Сторонись, не зевай, Егоров! Размахнулся солдат прикладом. Не стало француза третьего.

Кончился бой.

Опять лежат у костра на привале солдаты. Солдат Петров и солдат Егоров: солдат молодой и еще моложе.

— Сильны, сильны, басурманы.

— Не говори.

— Когда бы французов числом поменьше.

— Когда бы войска у нас побольше.

— Кабы пушка была у каждого.

— Не говори.

Размечтались солдаты:

— Эх, кто бы нам силу тройную дал!

«ЗНАЙ СВОЕ ДЕЛО»

Генерал Багратион у Бобруйска направлял солдатский отряд в разведку.

— Только живо, — напутствовал Багратион, — суворовским маршем: туда и обратно.

Тронулись солдаты в путь. А чтоб не плутать, не сбиться с дороги, прихватили с собой местного мужика Агафона Охалку.

Оседлал Охалка свою лошаденку:

— Ну, служивые, не отставайте.

Идут солдаты, тащат ружья, походные ранцы. Впереди Агафон верхом на коне, по-барски.

Едет он, повернется назад, глянет на солдатские лица:

— То-то, служивые, нелегка солдатская служба. Как же вам пеше за конным!

— Давай, давай, борода, — отшучиваются солдаты. — Знай свое дело.

Идут солдаты версту, десять, пятнадцать верст.

«Эка сколько отмерили, — прикидывает Агафон. — Коню бы отдых, да и солдаты, поди, устали».

— Оно бы, служивые, отдых нужен.

— Давай, давай, борода, — посмеиваются солдаты. — Знай свое дело.

Прошли еще без малого десять верст. У Агафона на чем сидит уставать стало. Конь пошел вяло. Крутится мужик на седле, на солдат то и дело косится.

— Оно бы, служивые... — опять начинает Охалка.

Перебивают солдаты:

— Терпи, бородатый.

Прошли еще версты три. И вдруг заупрямился, остановился крестьянский конь. Слез Агафон на землю, от долгой езды шатается.

Рассмеялись солдаты:

— Тебе что же, верхом наскучило?

— Променажу душа желает.

— Шило небось в седле?

— Ну вас к дьяволу! — огрызнулся Охалка.

Постояли солдаты минутку, тронулись дальше в путь. Тащится Агафон сзади, за узду коня волочет.

— Но-о, ленивый! Ноги твои еловые...

Выбивается мужик из последних сил.

Дошли солдаты до нужного места. Разузнали, что надо. Повернули назад:

— Ну, борода, собирайся.

— Помилуйте, братцы! — взмолился Охалка. — Коня пожалейте.

Улыбнулись солдаты:

— Ладно, сами назад дойдем.

Тронули, не мешкая, солдаты в обратный путь. Остался Охалка один. Лежит на траве у дороги. Тело ломит, в ногах гудит.

— Эко дело, — качает головой крестьянин. — Коня загнали. Сам в мыле. Ну и солдаты!

КРИК В ТУМАНЕ

В белорусских сырых местах у реки Коноплянки сошлись на рассвете в низинке две гренадерские роты. Рота русских и рота французских солдат. Рукопашный разыгрался бой.

От реки потянулся туман. Придвинулся к месту боя. Осел, окутал, прикрыл солдат.

Бьется солдат Нерытов. Где свой, где чужой — разобрать трудно. То справа французская речь, то слева, то сзади, то спереди. И русские голоса то тут, то там, то пропадут, то рядом совсем объявятся. Перемешались в бою солдаты.

И вот показалось Нерытову, что русские дрогнули. Побежали рядом солдаты. Соображает Нерытов: «Э, если такое дело, тут и сам не плошай».

Увязался он за бегущими.

— Подождите, — кричит, — ребята!

Да где уж тут ждать. У страха ноги что крылья. Мчат гренадеры с оленьей прытью.

— Братцы! Родимые! — надрывает глотку солдат.

Страшно ему отставать.

Однако чем громче кричит Нерытов, тем только солдаты бегут быстрее.

— Лешие... — ругнулся солдат. Прибавил он шагу.

Пробежали с версту. Хоть и взмок Нерытов до нитки, а все же догнал бегущих. Всмотрелся в солдатские спины: у русской пехоты мундиры темно-зеленого цвета, а у этих, о господи, — синие. «Так это ж французы», — понял солдат.

Совестно стало Нерытову. Ясно ему, кто из солдат дрогнул на месте боя. Понятно и то, почему не подождали его солдаты: он же русским криком врагов пугает.

Развеселился от мысли такой солдат. Страх пропал, словно и вовсе такого не было.

Смышленным оказался Нерытов. Забежал он правее французов.

— Братцы! — кричит. — Тут они. Тут. Заходи, окружай, родимые!

Услышали французы крики правее, свернули с прямого пути. Опять забежал Нерытов, снова кричит. Опять повернули французы. Кончилось тем, что побежали французы в обратную сторону.

Гонит их гренадер, не дает никуда отклониться. То с одной стороны забежит:

— Справа, братцы, справа!..

То с другой:

— Слева, братцы, слева!..

Бегут французы послушным стадом. Пробежали они версту. Вернулись к старому месту. Туман тем делом стал расходиться. Бой уже кончился. Строилась русская рота, собиралась в дальнейший путь. Вдруг видят солдаты: бегут французы. Схватили гренадеры ружья, забрали французов в плен.

Доволен Нерытов, что снова к своим вернулся. Смешался в солдатских рядах. Неловко ему в недавней трусости признаваться. Делает вид: мол, нигде я и не был. Поправляет свой ранец. Молчит.

Погнали русские пленных. Идут, удивляются:

— И чего прибежали? И как такое случилось? Непонятное что-то.

СОЛДАТ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ

Русские бились у Витебска.

Гренадер Федор Беда сражался вместе со всеми. Рядом с ним офицер Ардатов, рядом боевые товарищи.

И вдруг споткнулся, упал солдат. Ударила гренадера французская пуля в бок. Обожгла, вырвала клоч тела, ушла от ребра рикошетом в поле.

Подобрали санитары солдата. Отнесли к лекарям в палатку. Наложили Беде повязку на грудь, послали в команду для раненых. Только в команду солдат не прибыл. Свернул он с пути и опять в свою гренадерскую роту.

Бьются гренадеры. Бьется Ардатов. Видят — рядом опять Беда.

Заприметил Ардатов героя.

Продолжается страшный бой. Не шадят живота своего гренадеры. Прошел час, и снова французская пуля достала солдата.

Вскрикнул, повалился на землю солдат. Кровь с головы на землю закапала.

Очнулся Беда снова в санитарной палатке. Промыли ему рану, перевязали бинтом голову, послали в команду для раненых. Только не прибыл в команду солдат. Свернул он с пути и опять в свою гренадерскую роту.

Бьются гренадеры с противником. Промокли солдатские рубахи от пота. Во рту пересохло. Синяки на плечах от ружейной отдачи. В ушах колокольный гул.

Смотрят солдаты — снова Беда тут же рядом в бою.

Заулыбались солдаты. Еще дружнее ударили по врагу.

К исходу дня гренадера ранило в третий раз. Пуля попала в ногу.

В третий раз попал солдат к докторам в палатку. В третий раз получил он приказ — немедленно в команду для раненых. Только не выполнил приказа солдат. Свернул он с пути и опять в свою гренадерскую роту. Хромает, еле идет солдат.

Явился и снова вместе со всеми палит по французам.

Разинули рты солдаты. Подивился герою Ардатов.

— Откуда ты родом такой?

— Где таких делают?

— Не из железа, случайно, куют?

Засмутился солдат.

— С Украины я, — произнес. — Из-под Полтавы, с Ворсклы-реки. — Потом подумал и гордо добавил: — Солдат государства Российского.

РАЙ И АД

Утомился солдат в походе. Прилег под кустом на привале. Лег и крепко уснул. Не услышал солдат, как рота двинулась дальше.

Крепок солдатский сон.

Ночью тем местом бродила Смерть. Идет, шагает, костлявая, косу свою несет. Пристальным взглядом внимательно смотрит, считает погибших за день солдат.

Поравнялась Смерть с уснувшим солдатом, ткнула косой — не шевелится. Думает, помер, улыбнулась — и в общий счет.

Стали решать, куда назначить солдата — в рай или в ад. А так как грехов за солдатом особенных не было, выпала честь отправляться ему на небо.

Спустились ангелы и херувимы, забрали с собой солдата.

Прибыл солдат на небо, очнулся. Смотрит: места незнакомые.

«Видать, от части своей отбился», — соображает солдат.

Ходит он, плутает по облакам. Что такое? Ни поля, ни леса, ни речки, чтобы воды напиться.

— Эй вы, люди добрые! — начинает кричать солдат.

Явились ангелы и херувимы.

— Где я, любезные?

— В царстве небесном.

Вылупил солдат глаза от испуга.

«Боже, вот это попал! Эх, и будет мне от ротного командира. Унтер-офицер за отлучку шкуру с живого снимет».

— Помилуйте, отпустите! — взмолился солдат.

Переглянулись ангелы и херувимы. Впервые такое на небе.

— Отпустите! — кричит солдат. — Меня в роте товарищи ждут. Ротный меня заругает.

Расшумелся солдат на небе.

Услышал господь:

— Что там такое? Кто там порядки райские нарушает?!

Доложили:

— Солдат.

Приказал господь бог привести солдата.

— Ты чем недоволен, служивый?

Струсил солдат при виде господа бога, а потом осмелел:

— В роту назад отпустите.

— В роту?! — усмехнулся господь.

— Ну да. Меня товарищи в роте ждут. Ротный меня заругает. Нельзя мне на небе. Отчизна моя в беде.

Присмотрелся господь, видит — не мертвый, живой перед ним солдат.

— Тьфу ты! — сплюнул господь с досады. — Снова напутали. Гнать его с неба.

Подбежали ангелы и херувимы, столкнули солдата вниз.

Летит, кувыркается с неба солдат. Заметили черти. Подхватили, потащили солдата в ад.

— Стойте, стойте! — кричит солдат. — В роту назад отпустите!..

Не слушают черти.

Приволокли солдата к кипящим котлам:

— Раздевайся!

Привычен солдат к команде. Разделся.

— Залезай!

Забрался солдат в котел. Спустился в кипящую воду:

— Хоть кости свои попарю.

Заулыбался, замлел солдат.

Дивятся черти: «Ну и ну! Вот так грешник в котел попался». Тащат новые связки дров. Дуют сильнее на пламя. Вспотели рогатые. Видят, солдата огонь не берет.

— Эй, чего там расселся!

Вылез солдат:

— В роту назад отпустите.

— Ан нет, — отвечают черти. — Полезай-ка в студеную воду.

Окунулся солдат.

Видят черти — ледяная вода не берет солдата. Погнали на раскаленные камни. Камни ему нипочем. Голодом морят. И к такому солдат привычен. Подтянет ремень потуже, знай себе ходит по аду, пугает ружьем чертей:

— В роту назад отпустите!

Мучились, мучились черти с солдатом, другие дела забросили. Не хватает дьявольских сил. Обозлились рогатые:

— Черт с тобой! Ступай в свою роту.

Прибыл в роту солдат. «Рассказать или нет? — думает. Решает: — Лучше смолчу. Ротный еще заругает. Унтер за отлучку шкуру с живого снимет...»

ИСПАНСКАЯ КРОВЬ

Быстро идут французы. Пройдены Вильна, Свенцяны, Полоцк, Гродно, Новогрудок, Сморгонь.

Растянулась французская армия. Верст триста по фронту. Верст триста вглубь.

Нелегко дается врагам Россия. Кони не выносят свирепых маршей — конский идет падеж.

Люди слабеют в походах — в армии тысячи хворых.

Отстали в пути обозы: все меньше и меньше, плоше дневной рацион.

Вступают французы в русские села. Вот тут-то будет пожива. Хмуро встречают французов села. Ни людей, ни еды, ни тепла. Врывается враг в города. Вот тут-то будет пожива. Голые стены встречают французов, сиротливо стоят дома. Уходят от неприятеля жители. Увозят хлеб, поджигают сено, скот угоняют в леса.

Начинается ропот французов:

— Где же русское масло?!

— Где русское сало?!

— Одна лебеда!

Первыми взбунтовались испанцы.

Дело было в лесу. Три дня шумели холодные ливни, хлыстом бичевали солдат. Продрогли, промокли, простыли солдаты. Съели запас сухарей.

Окружают их мрачные ели. Тучи свинцовые давят. Сырость со всех сторон.

Стали шептаться о чем-то испанцы. Вспоминают родимый дом: солнце Севильи, небо Гренады, Гвадалквивира журчащий плеск.

— Куда мы идем?!

— Зачем мы идем?!

— Нет тут земли испанской!

В испанском отряде сто тридцать три человека. Сговорились солдаты. Решили вернуться домой. Взяли ружья, походные ранцы, по-солдатски построились в ряд.

— Стойте, куда?! — кричат французские лейтенанты.

Козырнули солдаты:

— Домой!

Зашагали испанцы.

— Стойте! Именем императора: стойте! — кричат лейтенанты.

Повернулись испанцы, дали прощальный залп.

Целый день пробирались на запад солдаты. Идут, Испанию вспоминают: солнце Севильи, небо Гренады, Гвадалquivира ласкающий плеск.

Шагают испанцы. Не знают солдаты того, что грозный приказ уже отдан по армии.

Заслонили солдатам войска дорогу, перекрыли на запад пути.

Схватили испанцев, разоружили. Построили, бедных, в ряд:

— Каждый второй выходит наружу.

Вышел каждый второй. Подняли французы ружья.

— Именем императора: пли!

Грянули залпы.

Обагрила русскую землю испанская кровь.

ХЛЕБ-СОЛЬ

Решили французские офицеры сделать Наполеону приятное.

Знали они, что у русских такой обычай: встречать дорогих гостей хлебом и солью. Вот бы сюрприз императору.

Приступили французы к делу. Явились в село Прокоповичи, собрали крестьян, объяснили, в чем дело.

Жмутся крестьяне:

— Да село у нас бедное.

— Село невеликое.

— Барин к тому же сбежал.

— Но-но! — прикрикнули офицеры. — Обойдемся без барина.

Пошушукались крестьяне между собой:

— Ладно. Будет исполнено.

Прибыли офицеры на следующий день проверить, все ли в порядке. Смотрят — ни хлеба, ни соли нет.

Набросились французы на мужиков.

Разводят крестьяне руками:

— Да муки у нас для хорошего хлеба нет.

Ругнулись офицеры. Приказали из армейских запасов привезти муки в Прокоповичи.

Явились на следующий день. Смотрят — снова ни хлеба, ни соли.

Разводят крестьяне руками:

— Соли, ваши благородия, не оказалось.

Ругнулись опять французы. Приказали доставить с воинских складов армейских соль.

Прибывают на третий день:

— Ну как, все ли готово?

Разводят крестьяне руками:

— С дровами, ваши благородия, худо. Нечем огня разложить.

Начинают французы терять терпение.

— Как — нет?! Лес же у вас под боком!

— Так ведь то барский, ваши благородия, лес.

— Барин же ваш сбежал.

— А вдруг как воротится! Барин у нас того, строгий.

Что офицерам делать? Позвали солдат, отправили в лес, приказали рубить дрова.

Явились французы снова:

— Ну, каков получился хлеб?

Разводят крестьяне руками.

— Да что вы! — вскипели французы. — Плетей захотели? Жизни не жалко? За послушание — смерть!

— Воля ваша, — отвечают крестьяне. — Только ведь бабы наши все, как единая, хворые, некому хлеб испечь.

Замаялись офицеры. Уж и не рады, что придумали хлеб и соль. Пришлось им срочно вызывать армейского пекаря.

Наконец-то все в полнейшем порядке.

— Ну, — говорят они мужикам, — чтобы завтра быть чисто умытыми, чисто одетыми, девушкам ленты в косы вплести.

— Будет исполнено.

Прибывают французы на пятый день. Встречает их каравай испеченного хлеба. Запах душистый. Корка искристая. Рядом солонка стоит.

Довольны офицеры. Побежали они по селу собирать крестьян. Только что же такое?! Пустое село. Осмотрели избы, сарай, овины — ни единого жителя. Ушли крестьяне целыми семьями в лес.

Разразились французы страшной бранью. Уж и так и этак поносят крестьян. Однако что же тут делать: не нести же самим хлеб и соль императору?

Сели они на коней. Едут лесной дорогой. Вдруг метнулись в испуге лошади. Грянули выстрелы. Полосанула из леса дробь: крестьянская хлеб-соль.

БУРГУНДСКОЕ

Против Наполеона сражалось тридцать казачьих полков. Приметны лихие казаки. Синие куртки, штаны с огневыми лампасами. Черная шапка с белым султаном. Пика, ружье. Конь боевой. Характер бедовый. Казацкая челка бугром торчит.

Боялись донских казаков французы. Увидят казацкие пики, услышат казацкие гики — сторонятся. Боялись французы. А вот лейтенант граф де ла Бийянкур не боялся.

— Хотите, я вам казака пригоню живого? — заявил он товарищам.

Усмехнулись французы.

Знают кавалерийские офицеры, что лейтенант вояка неробкий. Однако такое, чтоб в плен, да живого...

— Не верите? — обижается лейтенант. — Вот честь вам моя дворянская. Вот слово вам графское. Хотите пари?

Заклучили они пари. На ящик вина бургундского.

И вот лейтенанту представился случай. Смотрят французы: едет казак по полю. Едет себе, не торопится. Трубку табаком набивает.

Душа, добрый конь,

Эх, и душа, до-обрый конь! —

плывет казачий напев над полем.

Вшпорил де ла Бийянкур коня, бросился казаку наперерез. Скачет, саблей до срока машет: руку свою проверяет.

Увидел казак француза, развернулся ему навстречу. Трубку за пояс, песню в карман, пику немедля к бою.

Подскакал лейтенант и прямо с ходу, привстав в стременах, саблей стук по казацкой пике. Разлетелась на части пика. Лишь древко в хозяйских руках осталось.

Не готов был казак к такому. Не о пике думал, голову оберегал. Удачен маневр лейтенантский: безоружен казак.

— Сдавайся, сдавайся! — кричит де ла Бийянкур. И снова саблю свою заносит.

Понял казак, что дело с таким непросто. Отпрянул поспешно он в сторону. Смотрит, чем же с врагом сразиться. Ружье за плечом — сейчас не дотянешься, нагайка висит у пояса. Схватил нагайку казак.

Съехались снова они. Острая сабля в руках француза. Простая нагайка в казацких руках.

— Сдавайся! — кричит лейтенант.

— Сейчас, ваше благородие, — процедил сквозь зубы казак. Вскинул нагайку, в седле подался, по руке офицера хватя.

Вскрикнул француз. Разжалась рука. Выпал острый клинок на землю.

Присвистнул казак, привстал в стременах и начал хлестать француза. Бьет, приговаривает:

— Вот так-то, твое благородие... Вот так-то. А ну-ка, бочком повернись. Вот так-то. А ну-ка еще... Эх, главное место жаль под седлом укрыто!..

Видят французские офицеры, что их товарищ попал в беду. Помчались на помощь. Не растерялся казак. Схватил де ла Бийянкура за ворот мундира, перекинул к себе на седло, пришпорил коня и помчался к ближайшему лесу.

Опоздали французы. Скрылся казак в лесу. А лес для русского — дом родной. Как огня, боятся французы русского леса.

Остановились они, сожалеючи смотрят вслед.

— Э-эх, ни за что пропал лейтенант. Уехало наше бургундское.

БЕССТЫДСТВО

Лейб-гвардии его величества казачий полк шел в арьергарде барклаевских войск. Каждый день у казаков с неприятелем то большие, то малые стычки. Привыкли гвардейцы к опасной жизни. Каждый лезет вперед, норовит проявить героизм.

Под городом Витебском казаки созоровали.

Казачий полк стоял на одном берегу Двины. На другом, высоком, расположились лагерем французские кирасиры. Заметили гвардейцы у берега сторожевой пост неприятеля. Руки чешутся. Кровь играет. Вот бы кого побить. Только как же к врагам подкрасться? За версту все видит французский пост. И вот собралось человек десять. Расседлали они коней, разделись, взяли пики, ступили в воду, оттолкнулись от берега.

Казаки не без хитрости. Плывут так, что еле-еле чубы из воды виднеются. За гривы лошадиные держатся. За шеи лошадиные прячутся.

Глянешь с противоположного берега: плывет табун расседланных лошадей — видать, от своих отбился.

Смотрят французы, довольны. Спустились они к реке. Поджидают живой гостинец.

Подплыли гвардейцы к чужому берегу. Почуяли землю. Вскочили. Схватили пики, перебили французский пост.

Расхрабрились совсем казаки. Мало им, что побили пост, решили ворваться к французам в лагерь.

Прыгнули на лошадей. Гикнули. Свистнули. Пики вперед: уступай молодцам дорогу.

Обомлели французы: что за чудо — голые всадники. Пронеслись казаки по лагерью, поработали пиками, развернули коней — и назад.

Скачут, смеются:

— Я память двоим оставил.

— Мы с Гаврей троих прикончили.

— Я офицера, кажись, пырнул.

Весело озорникам. Только рано они смеялись. Поднялся по тревоге кирасирский полк. Помчались французы вдогонку. Зашли слева, справа. Погнали казаков на камни к крутому, словно стена, обрыву Двины.

Подскакали лейб-казаки к обрыву, придержали коней:

— Братцы, стена!

А кирасиры все ближе и ближе.

— Н-да, плохи наши дела.

А кирасиры все ближе и ближе.

Вот уже взлетели в небо тяжелые кирасирские палаши.

— Эх, погибать, так со славою! — выкрикнул кто-то.

Похлопал казак скакуна по гриве:

— Спасай, выручай, родимый!

Взвился конь на дыбы. Метнулся, заржал — и в воду с обрыва.

Следом бросились остальные.

Дружна с удалцами удача. Никто не побился. Переплыли гвардейцы Двину. Ступили на берег. Прокричали:

— Привет французам!..

Бывший при полковом лагере штабной офицер возмущался:

— Голыми! Да по какому уставу! Его величества полк, и вдруг... Тут же конфуз для российского войска!

Доложил он Барклаю-де-Толли.

— Да, да, — соглашался Барклай. — А ну, садись-ка, пиши приказ: плетей казакам за бесстыдство, за геройство вручить медали.

ДВА КУРЬЕРА

Мчится курьер из Первой русской армии от генерала Барклая-де-Толли во Вторую русскую армию к генералу Багратиону.

Мчится курьер из Второй русской армии от генерала Багратиона в Первую русскую армию к генералу Барклаю-де-Толли.

Пробираются курьеры окружными дорогами. Объезжают французские сторожевые посты, обходят французские части. Стараются ехать то лесом, то балкой. Больше ночью и меньше днем.

Мчатся офицеры навстречу друг другу, съехались на половине пути.

— Ну как у вас в армии Первой?

— Ну как у вас во Второй?

Разговорились курьеры. Каждому хочется геройством похвастать.

— А мы под Полоцком девятьсот французов пленили, — заявляет первый курьер.

— А у нас под местечком Миром атаман Платов с казаками устроил засаду и порубал без малого целый французский полк, — отвечает курьер второй.

— А у нас генерал Коновницын под Островной сразился с самим Мюратом.

— А наш генерал Раевский под Дашковской побил Даву¹.

Спорят офицеры. Один другому не уступает.

— У нас солдаты самые смелые.

— Нет, у нас самые смелые.

— У нас генералы самые умные.

— Вот и неправда: умнейшие в нашем войске.

Чуть не подрались курьеры. Хорошо, что шел в это время лесом старик крестьянин. Остановили его курьеры:

— Рассуди-ка нас, старый.

Торопятся, перебивают один другого.

Выслушал молча крестьянин.

— Да-а, — произнес.

Полез в карман. Достал яблоко, вынул нож, разрезал на две половины:

— Ешьте.

Съели курьеры.

— Ну, какая доля вкуснее?

Смотрят офицеры удивленно на старого. Что за нелепый вопрос! Оно же из единого целого. Как же так, чтобы вкус у одного яблока и вдруг оказался разный!

Не ясен курьерам намек крестьянский.

— Да-а, — произнес старик. Смотрит — над лесом сокол кружит. Соколиными крыльями машет. Указал крестьянин рукой на небо. — Какое крыло сильнее?

Смотрят офицеры удивленно то на сокола, то на крестьянина. Что за нелепый вопрос! Как же так, чтобы у сокола и крылья по силе вдруг оказались разные!

Опять не понимают офицеры намек крестьянский.

— Ты нам головы не мути!

— Зубы не заговаривай!

— Э-эх! — обозлился старик, выломил две хворостины. — А ну-ка, снимай мундиры, — и вновь за свое: — Посмотрим, какая больнее хлещет.

Переглянулись офицеры. Хотели обидеться. И вдруг рассмеялись. Дошло наконец до спорщиков.

А до всех ли из вас дошло?

«ГДЕ ЖЕ ОНИ, ГЕРОИ?»

Соединились русские армии под Смоленском, приняли бой.

Два дня французы штурмуют город.

Атака. Снова атака.

Атака. Снова атака.

Топот солдатских ног. Пушек звериный рев. Груды людей побитых.

Рвутся солдаты навстречу французам. Не ожидая команд, ударяют в штыки. Безрассудны герои. Картечь так картечь. Гранаты — пусть будут гранаты. Нет страха в солдатских душах. Один на роту французов лезет. Двое — на целый полк.

Бьются рядом полки: Симбирский, Волынский, Уфимский. Бьются другие полки и роты. Не уступает в геройстве сосед соседу.

Солдат из симбирцев Егор Пинаев ранен штыком в ключицу. Брызжет по телу кровь. Не слышит Пинаев боли:

— В атаку! В атаку!

Оторвало волынцу Петру Занозе гранатой ухо. Вытер солдатской рубахой Заноза кровь, шуткой других забавляет:

¹ М ю р а т и Д а в у — прославленные французские маршалы.

— Муха не птица, овца не волчица, ухо не голова.

Уфимцу Рассаде перебило картечью ноги. Рухнул на землю солдат. Лежа целит, в врага стреляет:

— Братцы, вперед!

Бьются герои. Льется потоками кровь.

К исходу второго дня от страшной вражеской канонады загорелся город Смоленск.

Пламя рванулось к небу. Рассыпались в разные стороны тысячи искр. Дым повалил по улицам, повис над Днепром туманами. С треском рушатся здания. Нечем дышать от гарева. Негде укрыться от палева. Бушует, мечется огненный водоворот, идет по холмам смоленским.

Бьются симбирцы, волынцы, уфимцы. Бьются другие полки и роты. Неведом героям страх.

Подходят на помощь французам все новые и новые части. Понимает Барклай-де-Толли — не осилить французов русским, ночью отдал приказ отойти войскам. Снялись полки с позиций, бесшумно ушли за Днепр. Меряют новые версты. Шагает в строю Пинаев. Шагает в строю Заноза. Везут на возу Рассаду. Проходят симбирцы, волынцы, уфимцы. Проходят другие полки и роты. Проезжает вдоль войск генерал Барклай-де-Толли:

— Слава героям!

Переглядываются солдаты: «Кому это Барклай-де-Толли кричит привет?»

— Видать, волынцам, — решают симбирцы.

— Видать, уфимцам, — решают волынцы.

— Видать, симбирцам, — решают уфимцы.

Озираются солдаты по сторонам.

— Где же они, герои?

АФРИКА

Французы шли из Смоленска к Дорогобужу. Группа солдат во главе с молодым лейтенантом продвигалась вдоль днепровского берега. И вдруг из-за береговой кручи, из-за кустов и развесистых ив послышались выстрелы.

Один, второй, третий...

Без промаха бьют свинцовые пули. Что ни выстрел — французом меньше.

Приказал лейтенант остановить продвижение. Прижались солдаты к земле, открыли ответный огонь.

«Видать, значительный отряд, — соображает лейтенант. — Рота, а может быть, и больше». Стал он просить подмогу. Доложил по команде.

Явилась подмога. Прислали и пушку.

— Пушка, пали!

Грянула пушка. Пронеслось ядро по кустам, прошипело, волчком закружилось по круче. Второе ядро врезалось в старую иву. Расщепило, искалечило ствол. Качнулась, рухнула ива.

— Ура! — закричали французы.

Стреляют солдаты. Бьет, не смолкая, пушка. Идет настоящий бой.

— Целься сюда! — подает команду лейтенант. — Целься сюда! Левее, правее, еще правее...

Стреляют французы, а не знают того, что у Днепра в ивняке всего-навсего один русский солдат находится. Перебегает солдат от куста к кусту, от ивы к иве, стреляет из разных мест — вот и кажется со стороны, что целый отряд сражается.

До самого вечера шла перестрелка. Наконец русский солдат умолк.

— Франции viva! Императору слава! — закричали французы.

Доложил лейтенант начальству, что одержал он большую победу, уложил целую роту русских солдат.

Утром к этому месту прибыл сам генерал. Интересно ему взглянуть на побитых русских. Двинулись французы к берегу Днепра, под старые ивы. Идет лейтенант, сердце стучит. Думает: «Человек пятьдесят русских побил. — Потом поправляется: — Нет, сто». Ждет он наград за усердие.

— Там рота, целая рота легла, — докладывает генералу.

Вышли они к Днепру, идут по крутому берегу. Идут, да только русских не видно. Обошли берег и в одну и в другую сторону — всего один русский солдат валяется. Приник он к земле, словно в атаку бежать собрался.

— Ну где же ваша рота? — обратился генерал к лейтенанту.

Не может понять лейтенант, в чем дело. Где же действительно русские?!

— Тут они, тут они были. Видать, разбежались...

Усмехнулся генерал.

— М-да... Вот она, ваша рота, — ткнул рукой на русского егеря.

В тот же день о подвиге русского солдата доложили Наполеону.

— Один? — переспросил император. — С ружьем против роты солдат и пушки?

— Так точно, ваше величество.

— Лев, лев... — произнес Наполеон. Потом повысил голос и почти закричал: — Все они львы. Львы, а не люди. Не Россия, а Африка.

Глава вторая

НОВЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

ВОЕННЫЙ МАНЕВР

Нелегкая жизнь досталась Кутузову. Нелегкая, зато славная.

В 1812 году Михаилу Илларионовичу Кутузову исполнилось 67 лет.

Много всего позади. Не счесть боев и походов. Крым и Дунай, поля Австрии, Измаильские грозные стены. Бой под Алуштой, осада Очакова, у Кагула упорный бой.

Трижды Кутузов был тяжело ранен. Дважды в голову, раз в щеку. В одном из сражений Кутузову выбило правый глаз.

Пора бы уже в отставку, на стариковский покой, так ведь нет — помнит народ Кутузова. Вот и сейчас. Собирайся, мол, старый конь. Кутузов едет к войскам. Новый главнокомандующий едет.

Рады солдаты. «Едет Кутузов бить французов», — идет по солдатским рядам.

Бегут рысаки по дороге. Солнце стоит в зените. Мирно гудят стрекозы. Ветер ласкает травы.

Едет Кутузов, сам с собой рассуждает: «Плохи, плохи наши дела. Нехорошо, когда армия отступает. Непривычно для русских солдат этакое. Орлы! Да ведь силы наши пока слабы. Армию сберечь надо. Смерть без армии государству Российскому. Но и солдат понимать нужно. Душу русскую понимать».

Прибыл Кутузов к войскам.

— Ура! — кричат главнокомандующему солдаты. — Веди нас, батюшка, в бой. Утомились, заждались.

— Правда ваша, правда, — отвечает Кутузов. — Пора унять супостата.

Довольны солдаты, перемигиваются: вот он, настоящий боевой генерал.

— Что мы — не русские? — продолжает Кутузов. — Что нам, в силе господь отказал? Что нам, храбрости не хватает? Сколько же нам отступить!

— Вот это слова!

— Ура генералу Кутузову!

Довольны солдаты. «Ну, братцы, — ни шагу назад. Не сегодня-завтра решительный бой».

Спокойно заснули солдаты. Пробудились на следующий день, им объявляют первый приказ Кутузова. В приказе черным по белому значится — продолжать отступление.

Зароптали солдаты:

— А бой!

— Что-то непонятное, — разводят они руками.

— Может, приказ от старых времен остался?

Увидели солдаты Кутузова:

— Ваша светлость, так что же, опять отступление?

Посмотрел на солдат Кутузов, хитро прищурил свой единственный глаз:

— Кто сказал отступление? Сие есть военный маневр!

НОВЫЕ ПОРЯДКИ

Решил Кутузов объехать войска, посмотреть на боевые полки и роты. Взял он штабных генералов, тронулся в путь.

Едет, встречает пехотный полк. Лежат на привале солдаты.

Увидели пехотные командиры главнокомандующего и генералов:

— Встать!

Повскакали солдаты, застыли, как сосны.

Подъехал Кутузов:

— Не надо, не надо. Пусть лежат, отдыхают солдаты. На то и привал.

Подивились пехотные командиры: впервые так, чтобы перед главнокомандующим и генералами не надо было вставать во фронт, — распустили они солдат.

Едет Кутузов дальше, встречает уланский полк. Расположился полк у какой-то реки. Сняли уланы мундиры, засучили рукава и штаны, коней боевых купают.

Увидели уланские командиры Кутузова:

— Стройся!

Бросили уланы своих коней, построились в ряд.

Подъехал Кутузов:

— Отставить! — И строго на офицеров: — Тут не мне — коню боевому внимание.

Едет Кутузов дальше, встречает артиллерийскую батарею. Пушки солдаты чистят.

Увидели главнокомандующего артиллерийские командиры:

— Становись!

— Разойдись! — еще издали крикнул Кутузов. Подъехал ближе, стал отчитывать командиров: — Не смей отрывать пушкарей от дела. Пусть солдаты пушки к боям готовят.

Объехал Кутузов немало полков и рот. И всюду одно и то же. Увидят офицеры Кутузова:

— Стройся!

— Отставить! — кричит Кутузов. — Тут война, не военный парад.

Поражаются армейские офицеры:

— Порядки какие-то новые!

Прошло несколько дней.

Войска стояли у города Гжатска. В какой-то избе собрались офицеры. Пьют вино, веселятся, играют в карты. Шум и крики, как дым при пожаре, из окон столбом валют.

Проезжал Кутузов мимо избы, услышал разгульные крики. Решил посмотреть, что там в избе творится. Слез он с коня, заходит в избу.

Увидели офицеры главнокомандующего, соображают: встать им, не встать, бросить игру или нет? Вспоминают наказ Кутузова, решают остаться на месте. Продолжают в карты себе сражаться.

Постоял, постоял Кутузов, покачал головой: «Да, неплохо усвоили наказ офицеры. Поняли, что к чему».

— А ну-ка, голубчики, — вдруг произнес, — коли время у вас свободное, там у ворот Серко мой с дороги стоит нечищенный. Ступайте к нему. Ступайте, голубчики. Да поживее! — прикрикнул Кутузов.

Опешили офицеры. Приказ есть приказ. Вскочили, помчались вон из избы. Дорогой разводят руками:

— Чтобы офицеру да чистить коня! Порядки какие-то новые...

КТО КАК ДУМАЕТ

Вечер. Штабная изба. Тускло горят две свечи. Кутузов сидит за простым крестьянским столом, подписывает приказы и распоряжения.

Рядом вытянулся дежурный генерал, подает одну за другой бумаги.

При каждой новой бумаге Кутузов обращается к дежурному с одним и тем же вопросом:

— Про что тут, голубчик?

Генерал докладывает.

— Так, так... — кивает головой Кутузов. Затем начинает читать. Читает долго, не торопясь. Если глянуть со стороны, можно подумать: не заснул ли главнокомандующий? Но вот Кутузов берет перо — гусиным в то время еще писали, — макает его в чернильницу и осторожно выводит подпись.

Над одной из бумаг Кутузов задержался особенно долго. Прочитал раз, второй, повел своим единственным глазом на генерала, наконец произнес:

— Не пойму что-то. Перескажи-ка, голубчик.

— Прощение, ваша светлость.

— Так.

— От помещицы Смоленской губернии Нащекиной Глафиры Захаровны.

— Так.

— Драгунские фуражиры скосили, ваша светлость, зеленый овес на поле помещицы. Владелица просит о возмещении убытков в размере сорока четырех рублей.

— Так, — произнес Кутузов, посмотрел на генерала. — Как же нам быть, голубчик?

— Мародерство, ваша светлость, — отвечает генерал. — Тут по всей строгости надобно. Под арест бы виновных.

Кутузов закивал головой, повернулся к своему адъютанту:

— А ты как, голубчик?

— Надобно извиниться перед графиней. Солдатам — шпицрутенгов, ваша светлость.

— Так.

Кутузов поднялся из-за стола, прошел в сенцы, открыл выходную дверь.

— Эй, братец! — окликнул стоящего у избы караульного. — Ступай-ка сюда.

Солдат нерешительно переступил порог, вытянулся:

— Слушаю, ваша светлость.

Объяснил Кутузов, в чем дело. Ждет, что же ответит солдат. Караульный замялся, переступил с ноги на ногу.

— Так что же, голубчик?

— Лес рубят — щепки летят, — гаркнул солдат. — Россию отдаем, неужто, ваша светлость, овсом скупиться!

Кутузов поднял глаз на солдата:

— Родом откуда?

— Деревенька Глушково. В семи верстах от Смоленска.

— Так деревня твоя под французом?

— Сожгли мужики деревеньку.

— Та-ак, — произнес Кутузов. — Ладно, ступай. — Повернулся к своим офицерам. — Слыхали?! Как же нам быть?

Задел офицеров ответ солдата.

— Солдат — мужик, — заявил генерал. — Солдату чужого добра не жалко. Наш долг защищать дворянство.

— Дворянство — оплот царю и отечеству, — произнес адъютант. — Права графиня Нащекина, тут надобны строгости, в пример для других.

— Да-а, — протянул Кутузов, — «лес рубят — щепки летят...» — повторил он слова солдата, подошел к столу, взял в руки письмо, вновь прочитал, поморщился и вдруг разорвал на мелкие части. — Позорнейший документ для россиянина. Не смею в армейских делах хранить.

Затем Кутузов склонился к столу, открыл стоящий на нем деревянный ларец, отсчитал сорок четыре рубля из собственных денег, протянул адъютанту:

— На, отправь графине Нащекиной. Да, отпиши, что главнокомандующим отдан специальный приказ и произведен с виновных строжайший взыск.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ГУСЬ

Далеко прошли от русской границы французы. Без малого тысячу верст. Сколько их по пути побито! Тысячи в русской земле зарыты. Сколько вернется домой калек!

Начинают роптать солдаты:

— Куда нас ведут?..

— Нам бы отдых в Смоленске нужен...

— Нам бы дальше Днепра не ходить.

С каждым шагом врагу труднее. Обтрепаться успели солдаты. Голодно им в пути.

Попадется солдатам краюха хлеба — чуть ли не драка. Отобьют у крестьян скотину — прямо со шкурой ее едят.

Где-то за Вязьмой в Сычевском уезде ночевали солдаты у речки. Проснулись утром, видят — по лугу гусь здоровенный ходит.

Как он сюда попал? Деревни кругом пустые. Крестьяне со скарбом давно в лесах. То ли птица отбилась от общей стаи, то ли просто был любопытным гусь: пришел посмотреть на французов.

Вскочили солдаты:

— Лови!

- Окружай!
- За лапу хватай!

Хоть гусь и не очень прыткая птица, а все же поди схвати! Заметался гусак по лугу. Шею тянет, шипит. Как парусами, крыльями хлопает. Тяпнул клювом за штаны одного солдата. Тяпнул за палец второго. Отбивается длинношей, ускользает из самых рук.

Проснулись от шума солдаты. Бегут на подмогу новые.

— Заходи к нему сзади!

— От речки гони!

— С фронта!

— С тыла!

— Давай во фланг!.. — как в настоящем бою, раздаются над лугом команды.

Как ни бился, все же попался гусь. Схватили его солдаты. Глаза разгорелись, рты приоткрылись, слюна течет.

На лугу оказались солдаты разных частей. Были французы, были пруссаки, итальянцы и даже из дальних кустов примчался житель вольного города Гамбурга.

Возник у добытчиков спор.

— Гусь наш, — говорят французы.

— Гусь наш! — кричат пруссаки.

— Гусь наш! — шумят итальянцы.

— Гусь мой! — вопит житель Гамбурга. — Я первым его схватил.

Сцепились солдаты. Ругань стоит над лугом:

— Прусское рыло!

— Итальянская швабра!

— Эй, француз, лягушку живую съешь!

Приехал на шум генерал. Прикрикнул, навел порядок.

— В чем дело?

Мнутя солдаты.

— В чем дело? — повторил генерал.

— Гусь... — отвечают солдаты.

Смотрят, а где же гусь?.. Нет, не видно, не слышно нигде пернатого. Лишь перо, как память о нем, в руках у одного из солдат осталось.

Пока шумели, ругались солдаты, гусь юрк между ног и к речке быстрее ходу. С лапы на лапу, с лапы на лапу, с берега в воду поспешно прыг. Отплыл, залез в камыши. Лишь глазом оттуда удивленно посматривает. Видать, и впрямь любопытный гусь.

МЕШОК С ДЕНЬГАМИ

Богатый мужик Дормидонт Проскуров стал торговать с французами.

У других крестьян французы ни за какие деньги ничего не достанут. Лучше сожгут крестьяне, лучше в реке утопят, лучше в лес волкам отнесут — лишь бы не французам.

А Дормидонт Проскуров — пожалуйста!

Видит он, что французы на деньги нескупы. Чего упускать момент, не трижды живем на свете.

Продал Проскуров
зерно,
сено,
корову,

козу,
распродал гусей и кур.
Мешок специальный завел. Деньги в мешок собирает.
Рассуждает: чего бы еще продать?
Вспомнил он о соленьях. Продает огурцы и капусту, грибов небольшой остаток.
Небывалый у Дормидонта Проскурова торг.
— А репу возьмете?
— Возьмем.
— А морковь?
— Возьмем и морковь, — отвечают французы.
Разбухает мешок с деньгами. Даже жмых Дормидонт перегнивший продал.
Наконец Проскуров продал последнее. В общем, ни с чем остался.
«Бог с ним, — решает. — Денег мешок. Я теперь на всю округу самый богатый.
Раз в десять больше всего накоплю».
Был Дормидонт продавцом, стал теперь покупателем. Отправился верст за двадцать в не занятое французами село на базар. Ходит что гоголь.
Тут посмотрит, там приценится, и это и то пощупает.
Облюбовал
телку,
корову,
коня,
второго коня,
козу.
Ну и пригонит домой богатства!..
Вот и сошелся в цене. Начинает считать кредитки:
— Раз, два, три...
— Э, да ты подожди, постой... Они же фальшивые!
— Что! — заревел Проскуров. — Какие фальшивые? Они же французами плачены!..
Стал собираться народ. Стали смотреть кредитки. Так и есть, все, как одна, фальшивые.
А дело в том, что, отправляясь в Россию, Наполеон приказал напечатать фальшивых денег. Оттого-то французы и щедры.
Взвыл Дормидонт Проскуров. И туда, и сюда, к одному и к другому... Да только никто на фальшивые деньги продавать ему ничего не согласен.
Вернулся домой он черней чернозема. Есть хочется — никто не дает. Худеет страдалец бедный.
Наконец какой-то озорной мужичонка нашелся:
— Хочешь краюху хлеба?
— Давай!!!
— Только тащи свой мешок с деньгами.
Поскулил, поскулил Дормидонт, отдал мешок: есть хочется. «О господи, это за краюху-то и все-то мои богатства!»
Сожгли крестьяне фальшивые деньги.
Прошел день.
Снова Проскурову кушать хочется. Никто не дает. Никто не здоровается. Не желают знать крестьяне предателя.
Как же он жил? Да так вот и жил. Пока совсем не отощал и не помер.
Жалко? Нисколько.

ДЕЛИКАТНОСТЬ

Многие дворяне при подходе французов бросали свои имения и уезжали.

Однако были такие, которые и оставались. Не уехала и княгиня Затонская.

— Французы меня не тронут, — заявила княгиня. — Я во французском духе воспитана. Я романы на их языке читаю. Французы — сама деликатность.

Махнул старый князь рукой.

— Ну, как знаешь.

Взял и уехал.

Осталась одна княгиня, да девка при ней, Парашка.

Пришли французы под Вязьму. Какой-то отряд вступил и в имение князей Затонских.

Явились солдаты в дом выбирать ночлег для своего командира.

Прошли они длинным рядом различных комнат, облюбовали одну с окном к восходу. Комната небольшая, зато уютная. Кровать белым как снег застелена. Запахи ароматные. Столик, духи на столике.

— Как раз нашему офицеру.

Подошли княгиня и девка Парашка.

— Это комната моя, — объясняет княгиня.

— Это комната ее сиятельства, — уточняет Парашка.

«Какое еще сиятельство!» — смотрят на женщин солдаты.

— Это комната для нашего офицера, — говорят они грозно.

А в это время офицер вошел в дом. Услышал он разговор о комнате, подошел, поклонился княгине.

— Пардон, — произнес, — мадам. Виконт де Ланжерон, — представился. Поцеловал княгинину ручку. — Убирайтесь! — крикнул солдатам. Шаркнул ногой перед девкой Парашкой. — Пардон, мамзель...

Просияла княгиня. Предлагает она офицеру остаться, выбрать любую из комнат.

— Хотите ту, что с балконом, или нет, лучше ту, что в китайском стиле.

— Господину офицеру лучше бы княжеский кабинет, — предлагает девка Парашка. — Там ружья висят и сабли.

— Не смею, — отвечает виконт, — нарушать ваш покой. Время военное, пересплю по-солдатски.

Сказал, опять поклонился и тут же вышел наружу.

Стоят княгиня с Парашкой.

— Вот это француз! Сама деликатность.

Решил офицер переночевать рядом с княжеским домом в селе. Выбрал избу получше.

— Вот здесь, — указал солдатам.

Вошли солдаты в избу, минут через пять вернулись.

— Ваше благородие, там горница занята. Там восемь детей крестьянских. Мал мала меньше. Хозяйка больна — лежит в беспамятстве.

Глянул грозно офицер на солдат:

— Очистить избу немедленно!

Побежали солдаты.

Поздно вечером заглянула в село и девка Парашка. Встречает крестьян. Хвалится французским офицером, никак не нахвалится:

— Он ручку барыне поцеловал!.. Солдат из господского дома выгнал. По-кавалерски мне поклонился. И все говорил «пардон». Сие есть деликатность, — объясняла Парашка.

Чешут мужики свои бороды:

— Н-да, вóрон вóрону глаз не выклюет.

ЦАРСКИЕ ЛОШАДИ

В Екатеринославский драгунский полк поступило конное пополнение — 126 лошадей.

Кони не простые, из царских конюшен. Сам Константин Павлович Романов, родной брат царя Александра, их для полка пожаловал. Правда, за плату.

- Повезло, — рассуждают драгуны.
- Кони небось в сажень. С трудом на таких залезешь.
- Кабы не война, видал бы ты этих коней!
- Ныне и царский род для войны не скупится.
- А как же, и им не чужа Россия!

Потом пошел разговор, почем за коней уплачено.

- По двести двадцать пять рублей серебром за штуку.
- Деньги немалые. Тройная, выходит, цена.
- Так ведь и лошади царские.

Прибыли кони.

Стопились драгуны, стоят глазекот.

Кони какие-то странные. Ростом по грудь. Кожа к костям прилипла. Многие вовсе беззубые.

- Может, ошибка, — перешептываются драгуны.
- Царские, может, только еще в пути.

Ошибки не было. Пришел коновал. Стал проверять, здоровы ли кони. Порядок такой из веков в кавалерийских войсках. И вот — 45 оказались больными сапом. Чтобы не разносили заразу, тут же их пришлось пристрелить. 55 — не подходили по старости. Продали их немедленно. С трудом по 40 рублей — где уж серебром, в бумажных рублях — ассигнациями.

Лишь 26 лошадей были причислены в полк. И то, честно сказать, с натяжкой.

— Да-а, — рассуждают драгуны. — Выходит, царский братец того... устроил обман-коммерцию.

- Как купец, гнилое подсунул.
- На войне поднабил карман.

— Не кони, выходит, хворые, — тихо промолвил какой-то солдат, — в царевом роду, видать, червоточина.

ГОСПОДИ, ПОМОГИ!..

Где-то в глуши, в смоленских лесах и чащобах, затерялся мужской монастырь. Бьют монахи земные поклоны:

- Господи, помоги, уйми супостата, силу нашим войскам пошли!..

Бьют монахи земные поклоны. Молятся, молятся, молятся. Только не слышит их слов господь. Наступают кругом французы.

— Господи, не оставь! Помоги!.. — взывают монахи. Предают Наполеона они анафеме, беды всякие кличут, лютые кары ему сулят.

Однако господь, словно и нет-то его на небе, молчит и молчит. То ли спит, лежебока, на облаке, то ли просто, разбойник, ленится.

Нашлись среди монахов такие, которые сняли свои сутаны, надели мирское, ружья в руки вместо креста и влились в русское войско. А остальные остались. Продолжают у бога защиту вымаливать.

Просили, просили — не отозвался господь. Пришли в монастырь французы. какая-то конная часть.

Загадили кони подворье. Солдаты в погребах монастырских рыщут, в кельях песни свои кричат.

В испуге живут монахи. Днем с совками и метлами ходят — убирают конячий навоз. И лишь ночью, забившись в кельи, тихонько продолжают господа богу поклоны бить.

Приехал как-то французский полковник. Собрал он монахов.

— А ну молебен во славу императора Наполеона!

Замаялись монахи, да что же тут делать. Убьют их французы. Кто же тогда господа бога будет просить о спасении, кто же будет поклоны бить?!

Отслужили монахи молебен в честь императора Наполеона.

— И впредь служить ежедневно! — отдал строгий приказ полковник.

— Слушаем, — пискнули черносутанники.

Так и служат теперь монахи. Утром — за здоровье императора, ночью — за упокой.

— Уйми ты его, супостата!.. — гнут монахи свои спины до десятого пота. — Лютые кары ему пошли!..

Да только не отзывается что-то господь.

То ли в просьбах господь запутался, то ли просто всевышний ленится.

«ВОЙСКО ВТОРОГО СОРТА»

По всей России в срочном порядке собирали для армии новых солдат. Из губерний Санкт-Петербургской, Московской, Нижегородской, из других губерний и мест России походным маршем шли они на войну. Крестьяне бросали свою соху, мелкие торговцы до лучших времен закрывали лавки. Обозники, каретники, плотники, горожане любых ремесел оставляли свой дом и труд.

Называли новых солдат ополченцами.

Враг наступал. Для учений времени не было. Умел держать ружье, не умел — все равно, ты отныне есть боевой солдат.

— Братцы, в боях научимся!

Под городом Гжатском к регулярной русской армии присоединились сразу двадцать пять тысяч таких новобранцев.

— Эка сила какая прибыла! — подзадоривают новых солдат бывалые. — Что грибов в урожайный год. Значит, вас прямо в бой. Карасями на сковородку.

Ходят ополченцы, настоящим солдатам завидуют.

У солдат в разный цвет мундиры, панталоны в обтяжку, на ногах башмаки.

У ополченцев простые кафтаны, портки-шаровары, сапоги невоенного кроя.

У солдат шапки с султанами, кивера и кокарды.

У ополченцев просто фуражки.

У солдат ружья, штыки на ружьях.

У ополченцев ружье на троих.

— Вы рангом нас чуть пониже, — смеются солдаты. — Войско второго сорта.

Всюду вновь прибывшему меньший почет. Так и тут, на войне.

Под тем же городом Гжатском ополченцы имели первое «дело». Отличились они в бою. Отбили и в плен пригнали отряд французов.

Сгрудились у пленных солдаты.

— Ты смотри!

— Ну и бороды!

— Ну и кафтаны!

Рады ополченцы, что их солдаты бывалые хвалят. Осмелели. Стали просить, чтобы каждому дали ружья.

— Не давать им, не давать ружья! — смеются солдаты. — Да они с ружьями всех французов в плен заберут, нам ничего не оставят.

Конечно, дали бы новым солдатам ружья. Да ведь ружей в армии не хватало, многотысячной стала армия. Ружья — они не грибы. Их в лесу под кустами не сыщешь. Ружья делать и делать надо.

Да разве главное в ружьях? Ружье без солдата не стрельнет. Солдат и без ружья победит.

ГРИШЕНЬКА

Кутузов читал письмо:

«Милостивый государь, батюшка Михаил Илларионович!..»

Письмо было от старого друга-генерала, ныне уже вышедшего в отставку. Генерал вспоминал многолетнюю службу с Кутузовым, бывшие походы. Поздравлял с назначением на пост главнокомандующего. Желал новых успехов. Но главное, ради чего писалось письмо, было в самом конце. Речь шла о генеральском сыне, молодом офицере Гришенёнке. Генерал просил Кутузова в память о старой дружбе приграть Гришенёнку, взять в штаб, а лучше всего — в адъютанты.

— Да-а, — вздохнул Кутузов. — Не с этого мы начинали. Видать, молодежь не та уже нынче. Все ищут, где бы теплее, где жизнь поспокойнее. Все в штаб да в штаб, нет бы на поле боя.

Однако дружба есть дружба. Генерал был боевым, заслуженным. Кутузов его уважал и решил исполнить отцовскую просьбу.

Через несколько дней Гришенёнка прибыл.

Смотрит Кутузов — стоит перед ним птенец. Не офицер, а мальчишка. Ростом Кутузову едва до плеча. Худ, как тростинка. На губах пух, ни разу не тронутый бритвой.

Даже смешно стало Кутузову. «Да, не та пошла молодежь, офицерство теперь не то. Хлипкость в душе и теле».

Расспросил Кутузов Гришенёнку об отце, вспомнил о матушке.

— Ну ладно, ступай. Исполнил я просьбу Петра Никодимовича — шей адъютантский наряд.

Однако офицер не уходит.

— Ваша светлость!

Кутузов нахмурился. Понял, что молодой офицер начнет благодарить.

— Ступай, ступай!

— Ваша светлость!.. — опять начинает Гришенёнка.

Кутузов поморщился: «Эка какой прилипчивый».

— Ну что тебе?

— Михаил Илларионович, мне бы в полк... Мне бы в армию к князю Петру Багратиону, — пролепетал Гришенёнка.

Развеселился от этого вдруг Кутузов. Смотрит на малый рост офицера, на пух, что вместо усов над верхней губой. «Дите, как есть дите». Жалко стало юнца Кутузову. Куда же посылать такого птенца под пули...

— Не могу, не могу, — говорит. — Батюшке твоему другое обещано.

Дрогнули у офицера губы. Ну, право, вот-вот расплачется.

— Не могу, — повторил Кутузов. — Да куда тебе в полк! Тебя-то и солдаты в бою не приметят.

Обиделся офицер:

— Так и Суворов ведь был не саженого роста.

Кутузов удивленно поднял глаза. Понял он, что Гришенёнка не из тех, кто за отцовскую спину лезет. Подошел фельдмаршал к офицеру, расцеловал.

— Ладно, ладно. Вот и батюшка твой, бывало... — Кутузов не договорил: слеза подступила к глазу.

Постояли они минуту.

— Ступай, — махнул рукой наконец Кутузов. — Быть по сему: лети, крылатый, своей дорогой.

Гришенька вытянулся, ловко повернулся на каблуках, вышел. А Кутузов долго и задумчиво смотрел ему вслед. Затем он потребовал лист бумаги и принялся писать письмо старому генералу.

«Милостивый государь, батюшка Петр Никодимович!

Радость господь послал мне великую. Прибыл твой Гришенька. И сдавалось мне, что сие не новый побег, а юность наша с тобой явилась. Спасибо тебе за такой сюрприз. Уповаю видеть его в героях...»

Потом подумал и приписал:

«Просьбу твою исполнил. Отныне Гришенька у меня на самом приметном месте: при душе моей в адъютантах...»

Получив письмо, старый генерал долго ломал голову. «При душе» — как же это понять? Эх, приотстал я в военном деле: видать, при главнокомандующем новую должность ввели».

ТАТАРИН

У города Гжатска солдаты хоронили погибших товарищей. Вырыли большую могилу. Место выбрали на вышине, на холме у трех сосен.

Глянешь отсюда налево — речки-песчанки крутой изгиб. Глянешь направо — бежит дорога. Посмотришь вперед — поля и поля, необъятная даль России.

Спите спокойно, герои.

Перенесли солдаты погибших на холм, положили у края могилы. Ждут армейского батюшку для отпевания. Лежат, как в строю, убитые. Только глаза закрыты. Руки у всех на груди. Разные лица: молодые и старые, тощие, полные, усатые, с пухом на месте усов, с густыми бровями, с редкими, а вот и совсем безбровый, широкой лопатой скулы.

— Так это ж татарин!

Смотрят солдаты, как же им быть — татарин другой, не христианской веры. Какое ж ему отпевание? Как бы того, не покарал бы господь за такое дело.

Сгрудились, перешептываются между собой солдаты.

— Конечно, оно не по праву. Да ведь вместе сражался. Погиб за Россию. Хоть и не христианская, а тоже солдатская кровь. Нет, нельзя, не по-христиански его в сторонку. Пусть остается со всеми.

Явился батюшка, вынул кадило, пригладил свою поповскую бороду, приготовился.

Только хотел начинать отпевание, видит — лежит татарин.

Нахмурился батюшка:

— Убрать!

Не шевелятся солдаты.

— Убрать, — повторил священник.

— Ваше преподобие, — полезли солдаты, — пусть остается. Он же солдат. Господь не осудит.

Перекошилось от слов подобных лицо священника. Скула с бородой отвалилась, открылся и замер, словно в распорках, рот.

— Богохульники! — заревел на солдат батюшка. — Хриstopродавцы! Кайтесь, кайтесь святым угодникам!..

Переглянулись солдаты: не речи, а гром. Хотели они идти на попятную. Да что-то их удержало. Братство, видать, солдатское.

В это время холмом мимо трех сосен ехал Кутузов. Видит: священник, могила, лежат убитые. Снял Кутузов фуражку, слез с лошади, перекрестился.

— В чем дело, ваше преподобие?

Объяснил священник, в чем дело. Посмотрел Кутузов на побитых солдат, на татарина, посмотрел на живых солдат, обратился к священнику:

— А нельзя ли солдат уважить?

— Ваша светлость, побойтесь бога!..

— Ладно, ладно, — поморщился главнокомандующий. Глянул опять на солдат, опять на священника, показал на кадило. — Дай-ка сию вещицу.

Поп растерялся и отдал.

Кутузов взял и сам замахал кадилом.

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Много в русской армии разных полков: Московский пехотный, Московский драгунский, Полтавский, Смоленский, Елецкий, Иркутский, Литовский уланский, Ахтырский гусарский... Ингерманландский¹ драгунский полк.

Отходят войска от Гжатска, дорогой идут к Можайску.

Остановились ингерманландские драгуны на ночевку в селе Заболотном, расседлали коней.

Окружили драгун крестьяне:

— Откуда родом, служивые, будете?

— Новгородские.

— Вологодские.

— Из-под славного города Санкт-Петербурга.

— С Волхова.

— Из Ижорской земли.

— Понятно, — отвечают крестьяне. — А мы-то думали — вы нерусские.

— Как так? — поразились драгуны.

— Да название больно у вас диковинное.

— Так не мы же его придумали. По губернии нашей значимся.

— Ясно, — протянули крестьяне.

Переночевали драгуны в селе Заболотном, на следующий день ночевка в новом каком-то селе.

Обступили драгун крестьяне:

— Откуда, служивые, будете?

— Новгородские.

— Вологодские.

— Из-под славного города Санкт-Петербурга.

— С Волхова.

— Из Ижорской земли.

— Понятно, — отвечают крестьяне. — А мы-то думали — вы нерусские.

— Что, название больно диковинное? — усмехнулись драгуны.

— Нет, — говорят крестьяне. — Уж больно прытко русскую землю врагу отдаете.

Смутились драгуны. Ну и крестьянский язык — режет острее бритвы.

---

¹ Санкт-Петербургская губерния до 1710 года называлась Ингерманландской. Полк и сто лет спустя, в 1812 году, сохранил свое старое наименование.

— Так ведь это военный маневр, — повторяют слова Кутузова.

— Может, оно и маневр, — рассуждают крестьяне. — Только что же это за армия, если солдаты по-рачьи пьются.

Обидно слушать такое драгунам. Едут они к Кутузову. Ни шагу назад, решают драгуны. Станем как пень. Хватит сеих маневров.

А Кутузов и сам уже выбрал место для битвы. К этому месту теперь и подходили войска.

Разыскали солдаты Кутузова:

— Ваша светлость, сил больше нет. Отмени военный маневр. Дай команду побить французов.

Улыбнулся Кутузов:

— Час пробил. Быть по сему. С богом, служивые!

Доволен главнокомандующий, что пыл боевой в войсках.

— Значит, бой! — зашумели солдаты.

— Бой! — ответил Кутузов.

— Ура! — закричали драгуны.

Едут драгуны к себе в деревню, везут долгожданную весть. Встречают крестьян у околицы. Кричат для задора:

— Чем же ваше село известно?

Село как село. Чем же оно известно? Ничем.

— Поп у нас рыжий! — выкрикнул кто-то.

— То-то! — смеются солдаты. — Быть ему черным от гари и дыма.

Обомлели крестьяне. К чему бы такие речи?

А драгуны опять с вопросом:

— Как величать деревеньку?

— Бородино, — отвечают крестьяне.

Глава третья

БОРОДИНО

ПРОВАЛИЛАСЬ, КАК В ТОПЬ, ТИШИНА

Подымись на колокольню церкви, что стоит в самом центре села Бородина. Осмотрись внимательно по сторонам.

Здесь на огромном, изрытом оврагами поле 7 сентября 1812 года вскипела бессмертная битва. Великая слава России крепла на этих полях. Далекие прадеды наши завещали ее потомкам. Поклонись великому полю. Поклонись великому мужеству.

Помни!

Знай!

Не забудь!

Перед зарею, еще в темноте, никому не сказав ни слова, Кутузов сел на коня и, не доезжая версты полторы до Бородина, остановился на холме у небольшой деревеньки Горки. Он еще с вечера облюбовал это место. Тут во время боя будет ставка Кутузова.

Где-то вправо уходила река Колоча, образуя развилку с Москвой-рекою. Здесь начинался правый фланг русских позиций. Затем линия русских полков пересекала новую Смоленскую дорогу и уходила без малого на целых семь верст далеко

налево, где за Семеновским ручьем и селом Семеновским, у старой Смоленской дороги, лежала деревня Утицы.

В нескольких местах на возвышениях стояли русские батареи. Одной из них, той, что называлась Кургановой, суждено было стать главным местом Бородинской битвы.

Это знаменитая батарея Раевского. Левее ее, за селом Семеновским, были вырыты флешы — окопы углом к противнику. Это знаменитые Багратионовы флешы.

Правый фланг русских войск занимала армия Барклая-де-Толли. Левый — армия, которой командовал Багратион.

В нескольких верстах от основных сил в низинах и перелесках были укрыты резервные полки, казаки и кавалеристы.

Темно. Молча сидит на коне Кутузов. Не столько видит, сколько по свету догорающих бивачных костров угадывает расположение войск противника. Не столько слышит, сколько острым чутьем бывалого воина улавливает передвижения в неприятельском лагере.

Не торопясь, Кутузов слезает с коня. Трудно ему без помощи. Стар, телом грузен Кутузов. Не вернешь молодые годы.

Кряхтя, главнокомандующий становится на колени, нагибается, прикладывает ухо к земле. Проверяет свои догадки. Гулко отдает земля в ночной тишине. Без ошибки, как музыкант, определяет Кутузов малейшие звуки.

Затем он подымается. Снова садится верхом на коня. И снова смотрит и смотрит в ночную даль.

На востоке проглянула первая полоска зари. Грачи завозились на ветлах. Конь под Кутузовым дернул траву копытом, тихо заржал.

Подскакали обеспокоенные адъютанты, генералы из кутузовской свиты, офицеры из штаба. Окружили они Кутузова.

Все светлее, светлее восток. Округа с холма словно в твоей ладони. Притихло, замерло все. Недвижны войска. Немота над полями. Лишь тучки над лесом крадутся кошачьим шагом.

И вдруг рванули раскаты пушки. Провалилась, как в топь, тишина. Ударил час Бородинской битвы.

«ЭТО УДВОИТ СИЛЫ»

Размещая войска перед битвой, на левый фланг Кутузов поставил армию Багратиона.

Место здесь самое опасное.

Подходы открытые.

Понимает Кутузов, что тут французы начнут атаку.

— Не мало ли войска у князя Петра? — заволновался кто-то из штабных генералов.

— Там же Багратион, — ответил Кутузов. — Это удвоит силы.

Как и думал Кутузов, Наполеон действительно ударил на левый фланг. Взять Багратионовы флешы, а потом уже бросить войска на центр — таков план императора.

130 французских пушек открыли огонь.

Три кавалерийских корпуса ринулись к русским флешам. Десятки пехотных полков смешались на малом месте.

Лучшие маршалы Франции Ней, Даву и Мюрат лично ведут атаку.

— Это на одного генерала и столько-то маршалов, — шутят в русских войсках.

— Князю Багратиону хоть пять давай!

— Держись, не робей, ребята!

За атакой идет атака. Упорны французы. Страха не знают французы. Лезет на флешу вместо убитых новый солдатский ряд.

— Bravo, bravo! — кричит Багратион. Не может сдержать похвалы героям.

Но и русские сшиты не ржавой иглой. Не меньше у русских отваги.

Сошлись две стены. Бьются герой с героем.

Не уступает смельчак смельчаку. Словно коса и камень. Русские ни шагу назад, французы ни шагу вперед. Лишь курганы растут и растут из солдат побитых.

Не стихает у флешей бой. Солнце все выше и выше. Вот уже и совсем высоко. Вот и в зените.

Не сдаются упрямые флешу. Как утесы, как скалы держатся.

Негодует Наполеон. Срывается план императорский.

Посылает он двести, триста, четыреста пушек.

Грозен приказ императора:

— Все силы на левый фланг!

Бросаются в битву новые силы.

— Ну как, отступил Багратион?

— Нет, ваше величество.

ГДЕ ИСКАТЬ БАГРАТИОНА?

Скачут от Кутузова к Багратиону посыльные. Везут приказы, наказания, распоряжения. Трудно в бою разыскать генерала. Багратион не сидит на месте.

— Не генерал я, а первый солдат, — любит он шуткой ответить.

Ищут курьеры князя Петра.

— Тут он, — решают.

— Генерал вон там, — посылают курьеров в другое место.

Прискачут туда посыльные.

— Был, да отбыл, — слышат в ответ.

Скачут дальше курьеры. И опять без удачи. Теряют посыльные драгоценное время.

И лишь один Воейков, как только получит приказ от Кутузова, сразу же Багратиона находит.

Завидно другим посыльным. «Эка удачлив какой Воейков». Стали они у него допытывать, как это он без ошибки знает, куда скакать.

— Очень просто, — отвечает Воейков. — Князь Багратион самолично мне в том помогает.

— Ты головы нам не мути. Глупыми нас не считай. Признавайся, какой у тебя секрет.

Рассмеялся Воейков.

— Секрет? Вот он, секрет, — показал рукой в сторону Багратионовой армии.

Смотрят курьеры. Ничего необычного там не видят. Армия как армия. Бой как бой. Стрельба. Дым. Штыковые атаки. В столах земля содрогается.

— Зорче, зорче глядите! — кричит Воейков. — Где самое жаркое место?

Нашли офицеры.

— Вон там, — тычут поспешно пальцами.

— Туда и скачите, — ответил Воейков. — Там мой секрет. В самом пекле Багратиона ищите. Будет всегда удача.

НЕПОБЕДИМАЯ ШПАГА

Кирасир Адрианов во время Бородинской битвы был приставлен к Багратиону. Зрительную трубу подавал генералу, поддерживал за уздцы коня, во фляге таскал ключевую воду.

Неотступен, как тень, кирасир Адрианов. Посматривает он на князя Петра, на горбатый орлиный нос («грузинец», — рассуждает солдат), на длинные цепкие руки («такие шпагу не выпустят»), на ладную фигуру Багратиона («девкам на загляденье»).

Нравится Адрианову генерал. И за боевую удачу, и за то, как говорит с солдатами: все «братцы» или «ребята». И как воду из фляги пьет. Глотками большими, словно силу в себя вбирает.

Но больше всего Адрианову нравится тот момент, когда, приподнявшись на стременах и вытянув кверху руку, голосом зычным, аж дрожь по спине, Багратион прокричит:

— В атаку!

Вот и сейчас. Вот уже генерал подался в седле. Вот-вот призывное крикнет. И вдруг... о пригорок вналет ядро. И в ту же секунду Адрианов решил, что прикидилось. Из правой ноги генерала на землю хлынула кровь.

Осел генерал. Вцепился в поводья:

«Усидеть, усидеть. Виду войскам не подать».

Минута казалась годом. Качнулся Багратион. Без стопа повалился на землю.

Подбежала генеральская свита. Стащили сапог. Мундир расстегнули. Отложили стальную шпагу.

Явился армейский доктор. Осмотрел, покачал головой:

— Осколок. Смертельно.

Кое-кто потянулся к шляпам. Вырвался стон у пожилого полковника.

Адрианов пытался пробиться к Багратиону. Его оттеснили.

— Я же при генерале!..

— Ступай, ступай! — прикрикнули офицеры. — Больше не надобен.

«Убит, убит», — пошло по войскам.

И вдруг непонятное стряслось с кирасиром. Увидел он Багратионову шпагу. Секунду смотрел. Потом схватил — и навстречу французам. Добежал, пырнул одного, другого. Замерли офицеры. Затаили солдаты дыхание. Разит кирасир Адрианов врагов, лишь шпага на солнце сверкает. Багратионова, непобедимая шпага.

НАСТОЙ ВАЛЕРЬЯНОВЫЙ

В центре русских войск между левым и правым крылом возвышался курган — самая высокая точка на всем Бородинском поле.

На кургане была поставлена русская батарея. Теперь, после гибели Багратиона, когда французам наконец удалось потеснить левый фланг, все их силы были брошены к центру. Курганная батарея оказалась главным местом сражения.

К полудню батарея дважды переходила из рук в руки. Упорство и с той и с другой стороны достигло предела. Под генералом Барклаем-де-Толли убита пятая лошадь. Не стихает страшная канонада. Ядра, словно плуги, вздымают землю. Градом по полю стучит картечь. Хрипят недобитые кони. Одиноким воплем раздалось чье-то рыдание. Умирая, кто-то молится богу. Неистово бьют барабаны. Черное облако дыма закрыло солнце.

Французы опять потеснили русских.

Стоит Кутузов на возвышенном месте у Горок, зорко следит за битвой. Под-

зорная труба в руках у Кутузова. Окружают его адъютанты, курьеры, посыльные. То одного, то другого манит к себе Кутузов:

- А ну-ка, голубчик, скачи на Курганную.
- Ступай-ка, батенька, в корпус Дохтурова.
- Разведай, братец, как дела у Раевского.

Мягко, без крика отдает приказы Кутузов. Все у него на счету: куда подвести резервы, какому генералу сменить позицию, к какому месту подвинуть пушки.

Знает Кутузов, что в битве бывает всякое. Иногда и отступишь на шаг, зато после десять отмеришь вперед.

Хладнокровен в бою Кутузов. Видит он, что французы теснят у Курганной русских. Однако не это в бою главнейшее. Победу в конце считают.

В это время влетает на холм генерал Вольцоген. Конь генеральский взмылен. Лицо генерала бледное. Уздечка в руках мелкую дробь выбивает.

Осадил генерал коня.

— Отступаем, — кричит, — отступаем! Рушится, ваша светлость, центр!

Вольцоген был генерал не из храбрых, хотя на словах и бойкий. Недолюбливали его в армии. Недолюбливал и Кутузов.

Видит Кутузов, что центр действительно заколебался. Смотрит на это место, потом подымает взгляд на Вольцогена:

— Да что вы, голубчик, я ничего не вижу.

— Вот же, вот же! — кричит Вольцоген. — Взгляните, — и тянет подзорную трубу главнокомандующему.

Поднял Кутузов трубу, приложил к незрячему глазу, тому, что был выбит еще лет тридцать назад под Алуштой.

— Нет, — говорит, — ничего не вижу.

Понял Вольцоген хитрость Кутузова, промолчал. Повернулся он к месту боя. Смотрит, а там действительно отступление кончилось.

Ударили наши солдаты в штыки, сами гонят французов.

Усмехнулся Кутузов.

— Да вы, батенька, видать, стороны перепутали. Бывает, голубчик, бывает. Оно от усталости... — Подозвал адъютанта. — Генералу настой валерьяновый.

ЗАВТРАК ГЕНЕРАЛА МИЛОРАДОВИЧА

Пока Кутузов разговаривал с генералом Вольцогеном, у Курганной батареи произошло вот что. Сюда на помощь Барклаю-де-Толли с правого фланга по приказанию Кутузова прискакал генерал Милорадович. Как раз русские начали отступление.

Горяч Милорадович. Лихой, боевой генерал, суворовский. Не зря он послан сюда Кутузовым.

Кричит Милорадович что-то солдатам, глохнут, как в вате, в артиллерийском гуле слова. Решил генерал личным примером увлечь войска. Взял он с собой адъютанта и с места в карьер, галопом по полю навстречу французам. Влетел на пригорок, осадил скакуна, спрыгнул на землю.

— Распорядитесь, — командует адъютанту, — подать сюда завтрак.

Многое видел адъютант на своем веку, знал генеральскую лихость, однако такое... Стоит, растерялся.

Рвутся кругом гранаты. Картечь как дождем поливает — верная смерть.

— Завтрак подать! — кричит Милорадович.

Бросился адъютант выполнять приказание. Тащат генералу еду. Ухватил он утиную ногу, из фляги водой запивает.

Не стихает зловещий бой. Ядра бугор осыпают. Видят солдаты под огнем генерала.

— Господи, пищей, никак, занялся!

— Да ну!

— Ей-ей! Утиную ногу ест.

— Выходит, наши дела неплохи.

— Братцы, вперед!

Собрались солдаты с силами, бросились на французов. Этот момент и увидел с холма Вольцоген.

Уцелел под огнем Милорадович. Понял: не зря прискакал под пули. Отшвырнул недоеденный кус утятин. Снова вскочил на коня. Вернулся к своим полкам:

— Дружно, вперед! Герои!

Бьются, бьются солдаты. Огромным факелом пылает Бородино. Третий час после полудня. Кто сказал, что попятились русские?!

РУКА

Молодой офицер Бибиков, уходя на войну, мечтал о подвиге, о героизме.

Прибыл Бибиков в армию, надеялся попасть в боевой полк. Однако судьба поступила иначе. Определили его офицером в штаб, для переписки разных бумаг и приказов.

— Какое же в штабе героизм... — вздыхает Бибиков. — Где же я подвиг здесь совершу, чем же имя свое прославлю!..

Прошло два месяца. Наступил день Бородинской битвы. Сражение было в самом разгаре. Пушки палили и с той и с другой стороны с такой силой, что не только голосов, но и ружейной стрельбы не было слышно. Бой шел за Курганную батарею. В это время Бибиков был послан к командиру одного из полков с приказом оставить свои позиции и срочно идти на помощь к генералу Раевскому.

Вскочил Бибиков на коня, помчался выполнять важное поручение. Рад, что наконец из штаба вырвался. Едет, все о подвиге думает.

Торопится Бибиков, знает, — поручение срочное. Лихо мчит через гущу боя.

Разыскал он указанный полк, передает приказ командиру.

— Громче, громче! — кричит командир.

Заглушает канонада слова посыльного. Не может понять полковник, в каком направлении двигаться.

Привстал тогда Бибиков в стременах, протянул руку в нужную сторону. Только протянул, как просвистало, пролетело неприятельское ядро, ударило Бибикова в самый локоть. Обломилась, отлетела, как хворостина, рука. Вскрикнул Бибиков от боли, стал валиться с коня. Падает, а сам понимает, что не передал он важный приказ полковнику. Собрал офицер последние силы — вторую руку в том же направлении тянет.

— К Курганной батарее, на помощь Раевскому... — прохрипел, упал и тут же лишился сознания.

Понял полковник. Снялись солдаты, пошли на помощь товарищам.

Весть о подвиге молодого офицера быстро прошла по русским полкам. Достигла она и Кутузова.

— Молодец! — прослезился Кутузов. — Отменный, видать, офицер. К награде его. В списки героев. На вечные времена — внукам в пример, Отчизне во славу.

Пришел в себя Бибиков только вечером, уже в санитарной палатке.

Смотрит на то место, где еще утром была рука, сокрушается:

— Как же я подвиг теперь совершу, чем же имя свое прославлю!..

БОГАТЫРСКАЯ СИЛА

Батарея поручика Жабрина срочно меняла позиции. Впрягли солдаты коней, торопятся к новому месту. Полки генерала Милорадовича пошли в наступление. Срочно нужна подмога.

— Живей, живей! — командует Жабрин. — Душу вам наизнанку... Кому говорят: живей!

Дорога лежала местом недавней схватки. Спустились кони в низинку. Все поле завалено трупами. Русские, французы лежат вповалку. Крест-накрест, один на другом. словно бы вовсе не люди, а кто-то кули разбросал по полю.

Остановились солдаты.

— О господи!

Глянул Жабрин направо, глянул налево. Нет свободного места. Времени нет объехать. Перекрестился поручик.

— Прямо, вперед! Мертвый живого не схватит...

Солдат Епифанов чуть отстал от других. Страх обуял солдата. Прикрыл он глаза. Скорей бы проехать жестоким местом. Подбрасывает пушку как на ухабах. Мурашки идут по солдатской спине. Вдруг тихий протяжный стон. Приоткрыл Епифанов глаза. Прямо под пушкой, у самого колеса, шевельнулся седоусый капрал. Солдата аж пот прошиб.

— Тпру! — закричал на коней Епифанов. Спрыгнул на землю.

Лежит, стонет в бреду капрал. Бок в кровавых подтеках. Кивер лежит в стороне. Однако ружье при себе, под мышкой.

Подбежал Епифанов к капралу. Пытается вытащить из-под колес. Грузен, тяжел капрал. Другими телами придавлен.

Шевельнулся страдалец. Глянул на свет, на солдата, на пушку:

— Откуда?

— Канониры мы, — зачастил Епифанов. — С левого фланга на правый фланг. На подмогу идем рысями. Слышишь, дядя, пальба вокруг... Наступает генерал Милорадович.

— Наш, наш генерал! — закричал капрал. — А ну-ка выше, голову выше мне!

Смотрит капрал, а там, да бугре, лавиной идут солдаты. Слышит старый воин привычные звуки. словно товарищей слышит зов.

Улыбка прошла по лицу капрала.

— А ну, подмогни!

Помог подняться капралу с земли Епифанов.

— А ну-ка, кивер надень.

Надел Епифанов на седую голову кивер.

Подтянулся, словно в строю, капрал. Изготовил ружье, как в атаке. Шаг левой, шаг правой. С шага на бег перешел капрал. Опешил солдат Епифанов: кровь из капрала хлещет.

— Ура-а! — победно несется с холма.

— Ура-а! — ответно кричит капрал.

Пробежал он метров десять — пятнадцать и вдруг, словно дуб-великан под взмахом последним удальца дровосека, рухнул плашмя на землю.

Подлетел Епифанов к герою. Не стонет, не дышит капрал. Кончил воин свой путь солдатский.

Догнал Епифанов своих. Набросился Жабрин:

— Где пропадал?! Душа твоя воробыная!..

Объясняет солдат задержку. Никак не придет в себя. О старом капрале, сбиваясь, рассказывает.

Утихнул поручик Жабрин. Молча стоят солдаты.

— Так звать как? Как величать героя?

Разводит Епифанов руками:

— Капрал. Старый такой. С усами. Силы в нем совсем еще не было.

Сняли солдаты шапки.

— Силы в нем не было?! Дурак, богатырская сила в нем!

СОЛДАТСКОЕ СЕРДЦЕ

Сдружились они в походах: солдат молодой и солдат бывалый — Клим Дуга и Матвей Бородулин. Вместе отступали от самого Немана. Вместе бились у Витебска. Чуть не погибли у стен Смоленска. Вместе пришли к Бородинскому полю.

Матвей Бородулин при Климе Дуге словно бы дядька. Уму-разуму в военных делах наставляет: как порох держать сухим, как штык наточить, как лучше идти в походе, чтобы ноги не так устали. На привале Бородулин уступит младшему место поближе к костру.

Упрется Дуга:

— Да что я, дите какое?

— Ложись, ложись! — прикрикнет солдат. — Я привычный. Мне на холодку даже и лучше.

Делят кашу, и тут Бородулин о друге думает. Из миски своей в миску к нему добрую часть отвалит.

— Дядя Матвей, — отбивается Клим, — да что я — к откорму хряк?

— Ешь, ешь! Тебе в рост. Тебе в пользу.

В Бородинской битве солдаты сражались рядом. Клим — богатырь, Бородулин — усох с годами. Прикрывает Дуга старшего друга. Недоглядел: ранило вдруг солдата. Повалился Матвей Бородулин на землю, талым сугробом осел.

— Дядя Матвей! — закричал Дуга. Рухнул он на колени, тормошит Бородулина. Ухо к груди приложит. — Дяденька Матвей! Родненький!..

Приоткрыл Бородулин глаза, глянул на друга.

— Воды, — простонал и снова забылся.

Схватились солдаты за фляги — пусты солдатские фляги. Скоро десять часов, как бой. Не осталось во флягах глотка воды.

Нет воды. Ручья поблизости нет. Ближайший ручей в руках у французов.

— Воды! Воды! Воды! — идет по солдатским рядам.

Нет нигде, как в пустыне, воды.

Поднялся Дуга на ноги. Смотрит растерянным взглядом. И вдруг словно током прошло по солдату. Схватил он пустую флягу, руку задрал в вышину и рванулся навстречу французам, туда, где штыки и ружья, где за ними ручей в овраге.

Перехватило у тех, кто был рядом, дух.

— Господи, верная смерть...

— Леший!

— Достался Дуга французам.

Смотрят солдаты с тревогой вслед. Смотрят на бегущего русского и сами французы.

— Камрады, — кричит Дуга, — дядька Матвей погибает! Дядька просит воды! — И флягой пустой, как паролем, машет.

— Во-о-ды! — несется над полем.

Французы хотя и враги, а тоже ведь люди. Непонятна им русская речь. Однако сердцем людским понятно — неспроста побежал солдат.

Расступились французы, открыли дорогу к ручью. Стих на участке огонь. Не стреляет ни эта, ни та сторона. Замерло все. Лишь:

— Дядька Матвей погибает! — режут воздух слова солдата.

Добежал Дуга до оврага. Зачерпнул флягу воды студеной, в разворот — и помчался назад коридором солдат французских.

Подбежал он к дядьке Матвею, снова стал на колени, голову поднял, флягу поднес ко рту. Смочил лоб, височную часть.

Приоткрыл Бородулин глаза, вернулось к солдату сознание, признал молодого друга:

— Где же ты водицу, родной, достал?

Где?

Из сердца достал солдатского.

РЫЖИК

Родился он маленьким-маленьким, рыженьким-рыженьким, словно в беличью шубку одет. Поднялся на хилые ножки, удивленно глянул на белый свет и нежно заржал.

— Рыжик! — вырвалось у кого-то.

Так и остался лошадеенок при этом имени.

Прошло три года. Рыжик вырос, окреп. Не конь — загляденье. Шея тонкая, ноги стройные. Буйным ветром летит по полю.

Вскоре Рыжик попал на военную службу. Определили его в гусарский полк к самому командиру. Однако не понравился чем-то коню гусарский начальник. То ли годами полковник стар, то ли сердце имел недоброе. Не подпускает Рыжик к себе командира: бьет копытом, рвет удила.

Разозлился полковник, отдал коня своему адъютанту. Однако и тут неудача. То ли зелен-молод совсем адъютант, то ли душа у него нехрабрая. Не признает конь офицера, свечкой вздымает к небу.

Намучились в гусарском полку с конем. Наконец решили отчислить упрямца. Да только тут влились в русскую армию казаки генерала Платова. Казак Савостин и выпросил Рыжика.

Почуял Рыжик славную руку хозяина. Савостин лихой казак. Савостин всегда впереди. И Рыжик привык к почетному месту. Смирились другие кони, почтительно уступают ему дорогу.

Гордится Рыжик своим хозяином. И Савостин к Рыжику, как к лучшему другу. Сам его кормит, сам его поит. Сам чистит и гладит коня.

В самый разгар Бородинской битвы Кутузов отдал приказ казакам генерала Платова и кавалерийским полкам генерала Уварова быстрым маршем пройти по французским тылам, ударить противнику в спину.

Помчались лихие кавалеристы, с криком и шумом обрушились на неприятеля. Не ожидали французы русских в своем тылу. Завязался горячий бой. Дрогнула французская конница. Врезались казаки в ряды французской пехоты, прошлись, как ножом по маслу.

В это время Савостина ранило. Вылетел казак из седла, рухнул на землю.

Проскочил Рыжик с разгона сквозь французский заслон, остановился. Повел головой. Вначале тихо, потом громко заржал. Много тогда коней без седоков оказалось. Стали лошади собираться около Рыжика. Привыкли ходить за ним. Создался целый табун. Заметался по полю Рыжик — ищет хозяина. И другие кони за ним то в одну, то в другую сторону. Хоть лошади и без седоков, да в общей массе и они боевой отряд — завидя их, разбегаются враз французы.

Разыскал Рыжик Савостина. Взобрался казак на коня. Полетел догонять товарищей. Мчится Рыжик по полю, голову держит высоко-высоко.

Лихим назвать бы его, а не Рыжиком. Да только клички даются с детства.

ПТИЦА-СЛАВА

Солдат Изюмов до Бородинской битвы ни разу не отличился. Хотя и мечтал о славе. Все думал, как бы ее поймать.

Еще в самом начале войны у Изюмова произошел такой разговор с каким-то солдатом.

— Что такое есть слава? — спросил Изюмов.

— Слава есть птица, — ответил солдат. — Она над боем всегда кружится. Кто схватит — тому и слава.

То ли в шутку сказал солдат, то ли и сам в подобное верил, только потерял с той поры Изюмов покой. Все о птице чудесной думает. Как же ее поймать?

Думал об этом под Витебском. Другие солдаты идут в атаку, смело колют врагов. А Изюмов все время на небо смотрит. Эх, не прозевать бы волшебную птицу! И все-таки прозевал. Слава другим досталась.

Во время боев под Смоленском опять повторилось такое же самое. И здесь остался без славы солдат.

В огорчении страшном Изюмов. Пожаловался он товарищам на свою неудачу. Рассмеялись солдаты:

— Славу не ловят, слава сама за храбрым летит. Она и правда как птица. Только лучше о ней не думать. Отпугнуть ее можно враз.

И вот в Бородинском сражении солдат и вправду забыл о славе. Не то чтобы сразу, а как-то так, что и сам того не заметил.

Битва клонилась к концу. Французы стараются вырвать победу. На русскую пехоту были брошены кирасирские и уланские полки. Разогнали кавалеристы коней: сторонись — любого сметут с дороги.

Глянул Изюмов и замер. Замер и тут же забыл о славе. Об одном лишь, как устоять против конных, думает.

А кони все ближе и ближе. Растопчут они солдат. Обрушатся палаши и острые сабли на русские головы. Изюмов даже поежился. Стоял он в самом первом ряду.

— Ружья к бою! Целься. Подпускай на убойный огонь! — раздалась команда.

Вскинул ружье Изюмов. Стрельнул. А что дальше произошло, то точно и не расскажет. Со стороны-то оно виднее.

Стоял Изюмов секунду как столб, а потом вдруг вскинул ружье на манер штыковой атаки и ринулся навстречу французской коннице.

Побежали за ним солдаты. И получилось, что пеший пошел в атаку на конного.

— Ура! — голосит Изюмов.

— Ура! — не смолкают другие солдаты.

Опешили французские кирасиры и уланы. На войне еще не бывало такого. И хотя атаку свою, конечно, они не оставили, однако поколебался как-то у конных дух. А это в сражении главное. Наполовину пропал замах.

Подлетели солдаты к французам, заработали штыками. Чудо творится на поле — пеший конного вдруг побивает. Разгорелся солдатский пыл.

— Братцы, колите коня под брюхо! Бейте француза прикладом, коль штык у кого слетел! — разошелся вояка Изюмов.

Французы совсем растерялись. Все реже и реже взмахи французских сабель. Все тише руки удар. Минута — и дрогнули французы. Вот и действительно дрогнули. Дают вразворот коней.

Казалось бы, все. Победа уже одержана. Так нет.

— Братцы, вдогон! — закричал Изюмов.

Побежали солдаты вслед за французами. Пеший за конным бежит по полю. Глянешь — не поверишь своим глазам.

Конечно, лошадиные ноги быстрее солдатских ног. И все же немало нашлось французов, которым русский штык успел продырявить спины.

Даже отстав, солдаты продолжали, как копья, бросать во французов ружья свои со штыками.

Ускакали французы. Подобрали солдаты ружья, стали возвращаться к своим.

Идут солдаты, а навстречу солдатам:

— Героям слава!

— Изюмову слава!

— Храброму честь и почет!

Обалдели от боя солдаты. Идут, ничего не слышат. Идут, ничего не видят.

Не видят солдаты. Однако мы-то прекрасно видим: птица-слава над ними летит.

«ДАЙТЕ МНЕ ГВАРДИЮ!»

Возвышенное место у села Шевардино. Здесь напротив центра русских позиций ставка Наполеона. Император был одет в серую походную шинель. Сидел на складном стульчике, то и дело смотрел в подзорную трубу. За все долгие часы Бородинской битвы он ни разу не покинул этого места.

Иногда Наполеон поднимался и начинал молча расхаживать из стороны в сторону. В самые напряженные моменты битвы сюда долетали русские ядра. Несколько раз они подкатывались к самым ногам императора. Наполеон не сторонился. Он тихо отталкивал их ногой, будто то были простые камни, помешавшие во время прогулки.

За спиной у Наполеона толпилась свита. За свитой находился военный оркестр. Исполнялись военные марши. За холмом в низине стояла французская гвардия — главный резерв императора.

Генералы не узнавали своего императора. Куда-то пропала энергия Наполеона. Он был сумрачен, неразговорчив.

Император не узнавал своих генералов. Никогда он еще не видел столько тревоги на лицах своих подчиненных.

Генералы не узнавали своих солдат. Не то чтобы бились солдаты хуже, нет, героизма хоть отбавляй, да только никак не осият русских.

Все было не так, как всегда. Много Наполеон одержал великих побед. Не знал себе равных.

Но здесь... Целый день не смолкает битва. А где же победа? Смешно и сказать — сто метров русской земли отбито.

Понимает Наполеон, что изменяет счастье ему военное. Сумрачен император французский.

— А что, если гвардию бросить в бой? — советуют генералы.

Бережет император гвардию. Не решается бросить в бой.

Подлетает к Наполеону маршал Даву:

— Ваше величество, дайте мне гвардию! Я принесу вам победу.

Поводит император отрицательно головой.

Несется к императорской ставке Ней:

— Ваше величество, дайте мне гвардию! Победа, ручаюсь, у ваших ног.

Не дает император гвардию.

Появляется маршал Мюрат, самый любимый французский маршал:

— Дайте мне гвардию!..

Отправляет назад император Мюрата.

Ясно Наполеону, что и гвардия здесь не осилит. А гибель гвардии — верная смерть.

Французы отбили Курганную батарею, но дальше не двинулись. Стоят перед ними России солдаты, не солдаты — стальная стена.

День потухал. Солнце катилось к закату. Отгремели орудия. Кончился бой. Завершился кровавый день. Каждая из сторон осталась на старом месте.

ФИЛИ

Маленькая деревня Фили у самой Москвы. Крестьянская изба. Дубовый стол. Дубовые лавки. Образа в углу. Свисает лампада.

В избе за столом собрались русские генералы. Идет военный совет. Нужно решить вопрос: оставить Москву без боя или дать новую битву у стен Москвы?

Легко сказать оставить Москву. Слова такие — ножом, топором по русскому сердцу. За битву стоят генералы.

Нелегкий час в жизни Кутузова. Он только что произведен в чин. За Бородинское сражение Кутузов удостоен фельдмаршала. Ему, как старшему, как главнокомандующему, как фельдмаршалу, — главное слово: да или нет.

У Бородина не осилили русских французы. Но ведь и русские не осилили. Словом, ничейный бой. Бой хоть ничейный, да как смотреть. Наполеон впервые не разбил армию противника. Русские первыми в мире не уступили Наполеону. Вот почему для русских это победа. Для французов и Наполеона победы нет.

Рвутся в новый бой генералы. Солдаты за новый бой. Что же решить Кутузову?

Сед, умудрен в военных делах Кутузов. Знает он, что на подмогу к Наполеону торопятся войска из-под Витебска, из-под Смоленска. Хоть и изранен француз, да не убит. По-прежнему больше сил у противника.

Новый бой — окончательный бой. Ой как много военного риска! Тут мерь, перемерь, потом только режь. В армии главная ценность. Главное — войско сберечь. Будет армия цела — будет время разбить врага.

Все ждут, что же скажет Кутузов.

Поднялся фельдмаршал с дубового кресла, глянул на генералов.

Ждут генералы.

Посмотрел Кутузов на образа, на лампаду, глянул в оконце на клок сероватого неба, глянул себе под ноги.

Ждут генералы. Россия ждет.

— С потерей Москвы, — тихо начал Кутузов, — еще не потеряна Россия... Но коль уничтожится армия, погибли Москва и Россия.

Кутузов остановился. В оконце стучалась муха. Под грузным телом фельдмаршала скрипнула половица. Послышался чей-то глубокий вздох. Кутузов поднял седую голову. Увидел лицо атамана Платова. Предательская слеза ползла по щеке бывшего воина. Фельдмаршал понял: важны не слова, а приказ. Он закончил быстро и твердо:

— Властью, данной мне государем и отечеством, повелеваю... повелеваю, — вновь повторил Кутузов, — отступление...

...И вот войска оставляют Москву. Яузский мост. Понуро идут солдаты. Подъехал Кутузов. Смотрит на войско. Видят его солдаты. Видят, но делают вид, что не видят. В первый раз ему не кричат «ура».

КАКАЯ СЕГОДНЯ ПОГОДА

КЛЮЧИ

Наполеон подъехал к Поклонной горе. Поднялся конь на бугристое место — взору открылась Москва.

Шедшая за императором гвардия стала тесниться. Лезут солдаты вперед.

— Москва! Вот он, конец войне.

И опять, как тогда, при переходе через Неман:

— Слава! Слава! Слава!

— Императору viva!

— Франции viva! — несется со всех сторон.

Яркое солнце стояло в зените. Город, как чудо, лежал на своих холмах. Золотом крытые маковки церквей и соборов играли, светили, слепили глаза. Вот оно, русское диво.

Здесь при въезде в Москву Наполеон стал ожидать горожан с поклоном. Обычай такой — побежденным ключи приносить от города.

Наполеон не может скрыть торжества. Победа достигнута. Сейчас принесут ключи. Не сегодня-завтра русский царь Александр пришлет генералов, запросит мира. С новой славой вернется император в родной Париж.

И солдатам радость глаза закрыла. Смотрят на город: вот где квартиры, вот где отдых — покой, хлеба и мяса горы.

— Императору слава!

— Viva, viva, viva! — не умолкают солдатские крики.

Надел Наполеон любимый парадный наряд — мундир егерей гвардейских. Синий сюртук, белый жилет. В блеске, как хром, лосины.

Ожидает император послов. Важно, как победителю и подобает, взад-вперед по Поклонной ходит. Перчатки то снимет, то снова наденет. Платком проведет по лбу, сунет в карман, снова достанет. Шутка ли сказать — ключи от Москвы... Кому выпадало такое!

Проходит и час, и второй, и больше. Солнце уже не парит. В тучи ушел небосклон. В ногах и спине усталость. Император нахмурил брови:

— Что я — мальчишка? Сколько же можно ждать?!

Вдруг скачут офицеры, что были в Москве, в разведке.

— Ваше величество, жителей нет в Москве. За войском ушли горожане.

Сдвинул Наполеон треугольную шляпу:

— Что?!

— Город пуст.

— А ключи?!

Развели офицеры руками.

— Проклятье! — ругнулся Наполеон. Бросил в морду коню перчатки.

Думали французы: в Москве всему делу конец. Ошиблись. Настоящая война только теперь начиналась.

КОСТРЫ

Отступив из Москвы, Кутузов повел русскую армию по Рязанской дороге.

Тут же, не дав войскам остановки, вслед за русскими бросился маршал Мюрат.

Понял Наполеон, что Кутузов оставил Москву неспроста. Отдал ее как приманку. В сохранности русская армия.

— Хитрая лиса... Русская бестия! — ругается Наполеон. — Догнать, разгромить, уничтожить!.. — дает он строжайший приказ Мюрату.

Идет Мюрат по пятам Кутузова. Идет день, идет два... Взбивает пыль на Рязанской дороге. Остановится на ночь. Под самым носом полыхают русских биваков костры. Тут она — армия.

Проснутся французы утром — нет русской армии. И снова поход, снова вдогон. Ночью опять костры. Дымятся и слева и справа. Кажется, протяни только руку — и схватишь за горло русских солдат.

А утром опять никакого войска. Лишь головешки в кострах стреляют.

Несколько дней шел Мюрат по Рязанской дороге. Исчезла куда-то русская армия.

И правда исчезла. Отойдя от Москвы неполных два перехода, Кутузов неожиданно повернул всю свою армию резко на юг и проселочными дорогами, заметая следы, повел ее на Тульскую; передохнул и тронулся дальше, к старой Калужской дороге.

Догоняет Мюрат Кутузова по Рязанской дороге, а в это время русские совсем в другой стороне, обошли полукругом Москву, стоят на Калужской.

Идет Мюрат за ночными огнями. Не может понять, что это военная хитрость. Не армия жжет костры, а всего-навсего два казачьих полка, специально для этого здесь оставленных.

Стараются казаки. Разложат костры. Много костров. И дальше спешат. К новой ночи дрова припасают.

Не скоро раскрылась хитрость Кутузова. Вернулся Мюрат к Наполеону ни с чем.

В страшном гневе император французский. Забыв свой высокий императорский сан, как последний солдат ругается.

— Куль овсяный!.. Мозги лошадиные!.. — кричит на Мюрата. — Хитрая лиса... Русская бестия! — посылает проклятья Кутузову.

МОРЕМ ОГОНЬ КОЛЫШЕТСЯ

Русская армия расположилась южнее Москвы, у села Тарутино.

Кутузов немедленно занялся хозяйственными делами. Армия обтрепалась — надо ее одеть. Наступила осень — о теплой одежде надо подумать. С продовольствием плохо — надо пополнить запасы хлебом.

Много у Кутузова разных дел.

И у Наполеона в Москве не меньше. Не оправдались надежды французов. Ушли, увезли все с собою жители. Нет в Москве ни хлеба, ни мяса. Нечем кормить коней. Лишь вина в погребах без отказа. Напьются солдаты — идет грабеж. А где грабеж, там сразу пожары. Осень сухая. Огню раздолье. Запылал Китай-город, Гостиный двор. В Каретном ряду пожарище. В Охотном ряду пожарище. За Москвой-рекой Балчуг горит. Ночами светло как днем. Наполеон в Московском Кремле. Куда ни глянешь отсюда — огонь и огонь. Морем огонь колышется.

— Ваше величество, — обеспокоены французские маршалы и генералы, — опасно! Огонь подошел к Кремлю.

Не хочется Наполеону уходить из Кремля. Неловко и стыдно. Только занял Московский Кремль, и вдруг — будь мил, катись восвояси. Медлит Наполеон.

— Ваше величество, спасайтесь! Быстрее к реке... — умоляют императора генералы.

Медлит Наполеон.

— Ваше величество!..

И вот император нехотя надевает сюртук.

Бушует, мечется пламя.

Наполеон сбегает по широкой дворцовой лестнице: «Это дорога в ад», — вспоминает Наполеон слова Коленкура. В злобе кусает губы.

Четыре дня бушевали пожары.

К пятому дню — от Москвы пепелище.

Не город в руках французов — сплошные развалины.

Хороши дела у русских войск под Тарутином. Провианты сюда подвозят. Меняют солдатам одежду. Лошадьми пополняют конницу. Отдыхают спокойно солдаты.

Плохи дела в Москве у французов.

Есть над чем задуматься Наполеону: «Победитель я или нет?»

— Почему же мира не просят русские?!

Проходит три томительно долгих недели. Негодует Наполеон:

— Мир, немедленный мир с Россией!

Не дождался император русских послов. Вызывает своего генерал-адъютанта маркиза Лористона:

— В Тарутино, к этой старой лисице — марш!

КАКАЯ СЕГОДНЯ ПОГОДА

Едет маркиз Лористон к Кутузову. Сопровождает его в штаб-квартиру главного командующего поручик Орлов. Едет Орлов, говорит о погоде. Так наказал Кутузов. Ни о чем другом, только как о погоде. Это на всякий случай, чтобы офицер случайно секретов каких не выболтал.

Смотрит Лористон на округу:

— Удачные места под Тарутином.

— Погода сегодня хорошая, — отвечает Орлов.

— Говорят, у вас в войсках пополнение?

— Солнце словно бы летнее, а не осеннее, — опять о погоде Орлов.

Удивляется Лористон.

Приехал посол к Кутузову, передал привет от императора, завел разговор. Начал не сразу о мире. А с жалоб на то, что война эта какая-то странная. Нет бы, сражались армии, а то ведь крестьяне вступают в бой. Ведут же бои без правил.

— Простите, но это же лесные разбойники, — говорит Лористон.

«Эге, — думает про себя Кутузов, — молодцы мужички. Видать, хорошо насолили французам». А вслух:

— Ваша правда, генерал, — и вздыхает. — Да, распустились совсем крестьяне. Эка беда... Только ведь я крестьянами не командую.

— Зато казаки — люди военные, — продолжает о своем Лористон. — Но и они правил признавать не хотят.

«Молодцы казаки, — думает про себя Кутузов. — Сбивайте с француза спесь. Шкуру с него сдирайте». А вслух:

— Ох уж эти мне казаки, казаки... Я и сам не рад, что они при армии. В степях родились, деликатности не обучены.

Начинает Лористон бранить ополченцев. Мол, больно лютуют.

— Так это не войско, — отвечает Кутузов. — Сегодня они в строю, завтра опять разошлись по селам. Какой с ополченцев спрос!..

А сам про себя: «Молодцы ополченцы».

Ясна Лористону бесплодность его речей, стал говорить о мире.

Посмотрел Кутузов на Лористона:

— Я хоть сию секунду.

Обрадовался Наполеонов посыльный:

— Вот и наш император желает.

Развел Кутузов руками:

— Только я ведь всего солдат. Хожу под царем и богом.

— Но ваше слово... Ваш сан главнокомандующего...

— Я хоть сегодня, — опять повторил Кутузов. (А сам соорил в кармане фиг.)

Уехал ни с чем посыльный. Провожает его Орлов, опять говорит о погоде.

Трясется Лористон в седле. Вид унылый, насупился. Рассмеялся Орлов:

— Ба, да оно ведь и вправду, видать, погода сегодня для нас хорошая!

ТАРУТИНО

Понял Кутузов после посещения Лористона, что дела у французов плохи. Дал под Тарутином бой.

Опять загревели пушки. Скрестились штыки и сабли. Сила на силу опять пошла.

Проиграли французы бой. 36 пушек досталось русским.

Дня четыре спустя после битвы прапорщик Языков с казачьим отрядом находился в разведке. Обнагтели совсем казаки, к самой Москве подъехали.

Стоят, смотрят на спаленный город:

— Вот она, наша страдалища...

Дождик крапает осенний. Хотя и тепло и безветренно. Где-то раздался собачий лай.

— Ты смотри, а говорят — французы псов всех поели!

— Этот хитрый, видать, убежал.

— Да-а, пропала Москва-красавица...

— Дура, о мертвых плачь! Не смертник Москва — отстроится.

Перешептываются казаки. Вдруг слышат — страшный грохот и взрыв долетает из города. Переглянулись донцы, покосились на командира. Любопытство в душе казацкой. Переглянулись, помчались к Москве.

— Эх, была не была! Бог не выдаст — свинья не съест. На то и разведка.

Влетели они в пустынные улицы города. Ни французов, ни жителей. В молчанье лежат развалины. Лишь цокот от конских ног в тишине, как в гробу, отдается. Понеслись всадники к центру. Доскакали до самой Ордынки, почти к Кремлю. Нигде не видать французов.

Попался какой-то старик.

— Эй, борода, где басурманы?

— Ушли, ушли из Москвы французы. Ушли поутру, родимые.

Больше месяца пробыл Наполеон в Москве. Ждал император от русских посыльных с миром. Не явились к нему посыльные. Сам послал Лористона. Не привез согласия на мир Лористон. А тут еще бой под Тарутином. Да скоро зима. Да голод идет по армии. Что же, как в мышеловке, сидеть в Москве. Нет, пока есть

силы, пока не поздно — скорее домой. Ушли французы бесславно, как тень, из Москвы.

Узнали казаки небывалую новость, забыли про грохот и взрыв, завернули коней, стрелой понесли долгожданную весть Кутузову.

Потом и про взрыв, конечно, узнали. Злопамятен Наполеон. Мстит за свои неудачи. Приказал, уходя, взорвать, не жалея, Московский Кремль. К счастью, погибло немного. Пошедший дождь загасил фитили.

Выслушал Кутузов доклад Языкова, перекрестился:

— Свершилось. Вот оно, неизбежное... Спасена отныне Россия.

Потом повернулся к селу Тарутину:

— Спасибо тебе, Тарутино!

ВЫСШИЙ ПОЧЕТ

Весть о том, что Наполеон ушел из Москвы, как мяч о стенку, ударяла и отлетала. Верят — не верят в нее солдаты. Нужно верить — не верится.

— Ушел?!

— По собственной воле!

— Не может быть!

— Побожись!

Однако что же тут с правдой спорить. Все тут яснее ясного. Все тут белее белого. Ступай, посмотри Москву.

Собрались солдаты в круг, стали хвалить Кутузова:

— Ай да старик Кутузов!

— Кутузов — тертый калач!

— Кутузов — стреляный воробей!

— Провел, обхитрил... Как сурка, Бонапарта из первопрестольной выжил!

Слушает унтер-офицер солдатские разговоры.

— Эй, вы, какой же фельдмаршал вам стреляный воробей?

Смутились солдаты:

— Да это же к слову. Орел наш Кутузов!

Вспоминают солдаты, как уходили тогда из Москвы по Яузскому мосту и не кричали «ура» Кутузову, — совестно.

Еще роднее, ближе стал им теперь Кутузов. Все норовят увидеть фельдмаршала, исправить свою ошибку.

Куда ни покажется главнокомандующий — всюду «ура» и «ура». Ну, право, хоть сиди под замком в избе, не высовывай нос из штаба.

Но и этого мало солдатам. Собрались, явились к Кутузову:

— Михаила Илларионович, ваша светлость, не гневись на нас, батюшка... Тогда у Москвы-реки...

Прослезился Кутузов:

— Ступайте. Нет на душе обиды. Я и сам бы тогда молчал.

Но опять беспокойны солдаты. Узнали они, что любит фельдмаршал уху с наваром. Куда-то ходили, где-то искали, наловили ему стерлядей. Пусть рыбкой себя побалует.

— Ух ты, ушица!.. Откуда такая?! — поразился Кутузов.

Не спрашивай. Ешь, поправляйся фельдмаршал Кутузов! Что ордена, что там награды... Высший выпал тебе почет.

ТИШКА И МИНЬКА

Оставив Москву, Наполеон пошел на Калугу. В Калуге — городе, войной не разоренном, французы надеялись пополнить свои припасы. А затем уже свернуть на Смоленск, на Вильну и вон из России.

Кутузов понял расчет противника и со своей армией стал у него на пути. У города Малого Ярославца разгорелась новая битва. И снова, как при Бородине, сражение длилось с утра до вечера. Упорство и французов и русских было отчаянным.

Выбили французы русских из Малого Ярославца. Начинают атаку русские.

Выбили русские французов из Малого Ярославца. Начинают атаку французы. И так восемь раз. Город то и дело из рук переходит в руки.

Малоярославские мальчишки братья-двойняшки Тишка и Минька при первом же штурме французов забились в подвал. Маленькое оконце торчит наружу. Прилипли мальчишки к окну. Хоть и боязно, но интересно.

При подходе французов почти все жители оставили город. Ушли и родители Тишки и Миньки. Они и ребят с собой увели. Только братья от них сбежали. Затерялись в общей толпе и снова в город. Интересно им посмотреть на взаправдашний бой.

И вот ребята стоят у оконца. Ребятам впервые — им все интересно. И как солдаты идут в атаку, и как командиры в бою кричат, и как дым от ружей по улице стелется.

Вначале, когда атакowali французы, бой шел где-то в отдалении. До ребят доносились лишь страшные крики. Потом, когда в город ворвались русские, одна из схваток завязалась на той улице, где стоял дом Тишки и Миньки. Отряд русских возглавлял молодой офицер. Нарядный, красивый. Брови черные, чуть с изгибом, словно не брови, а ворон раскинул крылья.

Следят ребята за офицером.

— Генерал, — шепчет Минька.

— Молод для генерала, небось поручик, — поправляет братишку Тишка.

Рядом с оконцем произошла жаркая схватка. Солдаты сошлись в штыки.

— Дети! — кричит офицер. — Штык ржавеет без дела. Солдат не солдат без победы. Вперед! — И первым идет в атаку.

Минута — и штыки обагрились кровью. Заалели от ран мундиры. Кровавая лужа натекает на месте боя. Смешалась воедино французская, русская кровь.

Отпрянули от оконца ребята.

— Страшно? — спрашивает Тишка у брата.

— Нет, — отвечает Минька.

Говорит «нет», а руки дрожат. И у Тишки дрожат. Ходуном, непослушные, ходят.

Когда они вновь подошли к окну, то бой в этом месте уже окончился. Все стихло. Валялись убитые. А ближе всех лежал молодой офицер. Видят ребята, что офицер штыком при атаке ранен. Лежит и тихо, протяжно стонет.

Переглянулись мальчишки.

— Его бы в подвал, — произнес осторожно Тишка.

— Эге, — согласился Минька.

Однако выйти наружу они боятся. Постояли ребята и все же набрались храбрости. Крадучись вышли на улицу. Подхватили офицера под руки, поволокли.

— Тяжелый, — шепчет тихонько Минька.

— Так ведь харч офицерский, — соглашается Тишка.

Втащили они офицера в подвал. И вовремя. На улице снова начался бой. Однако ребята к оконцу уже не ходили. Крутились все время около офицера. Воду

ему на голову лили. Тишка от исподней рубашки оторвал, где почище, клок и приложил к тому месту, где на офицерском боку виднелась рваная рана.

Офицер метался в жару. Что-то кричал. Утихал, потом принимался снова.

Так было до самого вечера. Так было и ночью. Намучились с ним мальчишки. То по соседству загорелись дома. И страшный дым повалил в подвал. Хорошо, что дом, в котором сидели Тишка и Минька, был каменным. Уберегся он от пожара.

Потом началось самое страшное. Малый Ярославец остался в руках французов. Какие-то солдаты заняли дом. И ребята боялись, что вот-вот доберутся они до подвала.

— Тише, ваше благородие, тише... — уговаривают они офицера.

Офицер словно понимал их, умолкал, а потом снова метался в жару и крике. К счастью, все обошлось.

Среди ночи ребят свалил беспробудный сон. Очнулись они — солнце уже высоко. Кругом тихо. Подбежали к окошку — кругом безлюдье. Нет, нигде не видать французов.

А произошло вот что. Хоть и остался Малый Ярославец в руках у французов, да понял Наполеон, что на Калугу ему не прорваться. Впервые в своей жизни император не решился на новый бой. Отдал приказ отступить войскам.

Вылезли ребята из подвала, вышли наружу. Смотрят — в город вступают русские. А вместе с солдатами валят и жители. Вот и Тишкин и Минькин отец идет.

Увидел он сыновей:

— Ах вы разбойники! Ах шелудивые!

Застыли Тишка и Минька. А отец недолго думая снял поясной ремень и тут же, прямо на улице, начал ребят стегать.

Терпят братья-двойняшки. Отец у них строгий. Другого и нечего ждать. Наконец родитель устал, остановился, переводит дух.

— Тять, — полез Тишка, — а там раненый, — указал он рукой на торчащее из-под земли оконце.

— Офицер, — прогнусавил Минька.

Спустился отец в подвал. Верно, не врут ребята. Присмотрелся — лежит молодой полковник.

— Ого!

Побежал отец, доложил кому следует. Пришли санитары, забрали полковника.

А отец снова свернул ремень и продолжил свою расправу. Правда, теперь бил уже не так больно и не столько ругался, сколько ворчал:

— Мать бы хотя пожалели... Ироды вы окайные!..

Прошло несколько дней. И вдруг отец был вызван в городскую управу, и там ему вручили медаль. К медали был приложен приказ, в котором значилось, что житель города Малого Ярославца Кудинов Иван Михайлович, то есть отец Тишки и Миньки, награждается медалью за спасение жизни русского офицера.

Опешил отец. Стал было объяснять, что тут-то он и ни при чем, что это спас офицера не он, а Тишка и Минька. Однако в управе слушать его не стали.

— Кто там спас, разбирайтесь сами. Получил медаль и ступай, не задерживай.

Вернулся отец домой. Не знает, что с медалью ему и делать. На две доли, что ли, ее рубить.

— Тут вам медаль. Одна на двоих, — заявил он ребятам.

Смотрят Тишка и Минька на медаль. Глазки горят. Руки к ней сами собой тянутся. Вот бы такую на грудь надеть!

Однако отец у них строгий. Взял и спрятал медаль в ларец.

— Не для баловства подобные штуки, — заявил он сурово.

В ларце медаль и лежала.

Однако дважды в году, в рождество и на пасху, когда всей семьей Кудиновы отправлялись в церковь, отец доставал медаль.

В церковь шел при медали Тишка. Возвращался домой при медали Минька.

СЛУЧАЙ, КОГДА НЕ НАДО БЫЛО КРИЧАТЬ «УРА»

— И зачем кричали «ура»? И как оно вырвалось? — сокрушались донские казаки.

— Это Нечипор, Нечипор... Он за это в ответе.

Молодой казак Нечипор Худояк и вправду первым победное крикнул.

На следующий день после битвы у Малого Ярославца Наполеон с небольшой группой офицеров и генералов ехал из штаба к своим войскам.

Едет Наполеон, не торопится. Думы разные в голове. В это время на соседнем холме появился разъезд казацкий. Увидели офицеры и генералы конных, решили, что свой отряд.

А казаки сразу узнали французов. Вскинули пики, галопом летят к генералам.

— Ура! — кричит Худояк.

— Ура-а! — голосят другие.

Наполеон вздрогнул. Свита пришла в замешательство. Кто-то открыл стрельбу. Все ближе и ближе лихие донцы. Кони, почуяв удачу, словно не мчат, а летят над полем. Режет утренний воздух тяжелый храп.

У Наполеона мурашки прошли по телу.

— Вот он, конец бесславный...

Сгрудилась, окружила императора свита. Каждый последний момент считает.

Худо пришлось бы французам, да только тут, заслышав пальбу и крики, вдруг на помощь своим явились кирасирские эскадроны. Отогнали они казаков.

Долго не мог Наполеон позабыть об опасной встрече. Белость долго держалась в лице. Наконец успокоился, вызвал походного лекаря. Приказал он военному эскулапу немедленно же изготовить смертельный яд. Не хотел император живым попадаться в плен. Стал носить в пузырьке отраву.

Стали теперь более осторожными офицеры и генералы.

Но больше всех неудачу этого дня переживали русские казаки.

— Упустили... Эхма, упустили!.. И чего кричали «ура»?.. И как оно только вырвалось!

ЗЛАЯ ВОДИЧКА

Как-то еще во время Бородинской битвы какой-то полковник, бывший в кутузовской свите, потянулся к фляге и выпил глоток, второй. Заметил Кутузов, и ему захотелось.

— Э-ей, голубчик, подай-ка сюда водицу.

Растерялся полковник. Во фляге была не водица, а чистый спирт. Не нашелся полковник, как же ему ответить, отдал покорно флягу.

Поднес Кутузов флягу к губам, сделал глоток и чуть-чуть не задохнулся.

— Ух ты! — с трудом переводит дух. — Водичка какая злая.

— Так точно! — гаркнул полковник. — Пьем и терпим, ваша светлость.

Хотел фельдмаршал разгневаться на офицера. Однако полковник так ловко ответил, что вдруг остыл, рассмеялся Кутузов. Вернул он владельцу флягу и только пальцем ему погрозил.

Узнали другие офицеры, что Кутузов простил полковника. А у многих во флягах вместо воды было вино или спирт. Осмелели.

Заметил это Кутузов.

И вот снова такой же случай. Теперь уже у Малого Ярославца. Смотрит Кутузов на поле боя. Рядом крутится свита. И снова полковник, не тот, а другой, потянулся к армейской фляге. И снова Кутузов:

— Э-ей, голубчик, подай-ка сюда водицу.

Подбежал полковник, смело тянет фельдмаршалу флягу. Знает, что нужно ему ответить.

Поднес Кутузов флягу, однако не к губам на сей раз, а к носу. Понюхал:

— Спирт?

— Так точно! — гаркнул полковник. — Пьем и терпим, ваша светлость.

Отбросил Кутузов флягу. Подошел, взял офицера за ухо.

— Э, чужим умишком живешь! Слова повторяешь. Кто разрешил? — Пальцем сунул на флягу. — Что тут, питейный дом?!

Строг оказался Кутузов. Для острастки другим тут же приказал уволить полковника в тыл. К тому же без пенсии.

Струсил офицеры. Ты смотри, она и вправду водичка злая.

ДЕЛИКАТЕСНОЕ БЛЮДО

Отступает французская армия. Полк за полком, полк за полком. Бесславно идут к Смоленску. Самым последним отходит Мюрат.

Мюрат не только маршал французский, но еще и король. Было в Италии королевство — Неаполитанское. Захватили его французы. Отдал Наполеон королевство своему любимцу — Мюрату. Стал Мюрат королем.

Ночевал Мюрат со своими полками у Можайска, в городе Верее. Подошли сюда русские. Решительным штурмом ворвались в город. Две тысячи французов было убито. Полторы тысячи сдалось в плен.

Вошли солдаты в тот дом, где ставка была Мюрата. Осмотрелись — нет, не видать Мюрата. Маршал сбежал. Бежала и свита. Покрутились солдаты, наиболее шустрые — шмыг на кухню. Интересно, чем короли питаются. Яства, считай, заморские. Блюда невиданные, деликатесные...

На кухне плита распалена. Ножи, сковородки, кастрюли. Дозревает обед королевский. То-то попали солдаты вовремя!

Сгрудились они у плиты, крышку сняли с большой кастрюли. Наваром дыхнул пар. Ударили в нос непривычные запахи.

— Ну, что там, что там в сием сосуде?

— Уха из диковинных рыб?

— Из горных козлов солянка?

— Суп из нутра лебедей?

Запустили солдаты половник в кастрюлю, притихли — тащат здоровую кость, мясо при ней болтается.

— Оленины кус?

— Говядины кус?

— А может, что-то досель не виданное!

Вдруг видят солдаты — под лавкой лежит копыто. С подковой.

— Ба, да это же конь!

Потянули снова солдаты кастрюльный запах — конячий, смердячий дух.

Обалдели солдаты:

— Такое-то королю!

Бросились к печке. Тащат шипящий противень. Чудо какое-то жарится.

Смотрят солдаты:

— Братцы, так это же кот! Морда, гляди, кошачья!

Рассмотрели солдаты. И правда. Вот и хвост в стороне валяется.

Рассмеялись солдаты:

— Тощий кот и копыто! Ну, братцы, худо пришлось французам, раз такое к столу короля деликатесным выходит блюдом.

Отступает французская армия. Как зверь, огрызается. Сил у французов еще немало. Еды у французов мало.

Свечи едят вместо сала. Порох заместо соли. За конский навар дерутся.

Погнал их Кутузов по той же дороге, по которой наступали они к Москве. Места же здесь разоренные. Сами французы тому виной. Вот и прибыли дни расплаты.

Однако это только начало. Расплата еще впереди.

Глава пятая

НЕБО. ПОЛЕ. ПОЛОЗЬЕВ СКРИП

БОЛЬШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Еще до того как разгорелась Бородинская битва, в дни, когда русская армия отступала, к князю Петру Багратиону неожиданно явился подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов.

Багратион Давыдова знал давно — когда-то Давыдов служил у него адъютантом, — принял сразу и очень приветливо.

— Ну рассказывай, ну выкладывай. Начальство обидело?

— Нет, — отвечает Давыдов.

— Наградой обойден? В отпуск, наверное, просишься?

— Нет, — отвечает Давыдов.

Поразился Багратион. Ждет, что же скажет ему подполковник.

— Вот какую имею мысль, — произнес Давыдов.

И стал говорить о французской армии. Мол, растянулась армия на сотни и сотни верст. От самого Немана через всю Россию тащатся к ней обозы, идут подкрепления, порох, ядра везут.

— Верно, — бросает князь Петр.

— Все время туда и сюда мчатся курьеры с бумагами. Длинный французам путь.

— Так, так... — слушает Багратион. — Нового не открываешь.

— А новое в том, — вдруг заявил Давыдов, — что надо, ваше сиятельство, оставить у Бонапарта в тылу конные наши отряды. Пусть они обозы и мелкие части щупают. Будет немалый урон врагу. Прошу казаков и гусар — докажу, как возможное.

Пока Давыдов все это говорил, лицо Багратиона светлело, светлело и даже вовсе расплылось в улыбке.

— Молодец! Дай поцелую. — Поцеловал. — Жди.

Багратион тут же пошел к Кутузову. Начал с того, с чего и Давыдов. Мол, французская армия растянулась на сотни и сотни верст... И передал все слово в слово о просьбе Дениса Давыдова.

Выслушал Кутузов Багратиона:

— Фантазии разные...

Кутузов только что принял армию, готовился к бою и берег каждый отряд солдат.

— Ваша светлость, — обиделся Багратион, а был он на редкость вспыльчивым, — фантазии в том, что часто мы собственной выгоды не разумеем! — И потом уже тише: — В этом деле есть полный резон. Тут выйдут большие последствия.

— Ну ладно, голубчик, ладно. Я же ведь так. Человек-то надежный твой подполковник? Говоришь, из гусар? Им бы пыль по глазам начальству.

— Надежный, ваша светлость. Пять лет у меня в адъютантах был.

Подумал Кутузов:

— Ладно, может, и вправду дело будет сие значительным.

Распорядился Кутузов выделить Давыдову 50 гусаров и 80 казаков.

Так возник первый партизанский отряд. Русская армия отошла дальше, а Денис Давыдов ушел в леса.

Немало причинили партизаны вреда французам. Фельдмаршал вскоре оценил мудрое предложение Давыдова и теперь уже сам стал отправлять отряды солдат в тыл к неприятелю.

К солдатам все чаще и чаще присоединялись крестьяне. Они и сами создавали свои отряды. Сотни и тысячи крестьянских отрядов разили теперь врага.

Как в половодье река сокрушает округу, так и тут — на войне народной — прорвался крестьянский гнев. Спустя два месяца, когда русская армия уже перешла в наступление, Кутузов распорядился вызвать в ставку к себе Давыдова.

Он долго смотрел на гусара. Наконец произнес:

— Тут я как-то при жизни князя Петра назвал твой маневр фантазией. Прости старика. Только не думай, что я от слов своих отрекаюсь. То, что свершилось, доподлинно есть фантазия.

И так же, как тогда князь Багратион, подошел и крепко расцеловал Дениса Давыдова.

ТУДА И ОБРАТНО

Слухи о доблестных делах партизана Дениса Давыдова катили в русскую армию валом. Один за одним. То обозы с порохом перехватили, то разогнали идущую артиллерийскую часть. То схвачен курьер с бумагами очень ценными, то сам Давыдов в бою отличился — зарубил, как слизнул, четырех французов.

Стал молодой корнет Васильчиков мечтать о том, чтобы и ему попасть к партизанам. Эскадронного командира просил:

— Отпустите к Давыдову!

К полковому начальнику бегал:

— Отпустите к Давыдову!

Однако начальники не отпускают. Подумал корнет, подумал, взял и ушел без разрешения. Правда, оставил записку. Мол, не считайте, что я дезертир. Не могу я — ушел к партизанам.

Стал пробираться он в Гжатский уезд, туда, где были отряды Давыдова.

Едет, думает о Давыдове. Представляется ему партизанский начальник заправским гусаром, в гусарской куртке, в шнурках гусарских, в гусарской шапке с лихим султаном.

Добрался корнет до Гжатска удачно. Разыскал партизанский отряд. Вернее, партизаны у Гжатска его схватили и привели к Давыдову в лагерь.

Глянул корнет на Дениса Давыдова. А где же гусарская куртка, где султан и галун гусарский?!

Стоит перед ним настоящий мужик. Борода крестьянская, кафтан крестьянский, даже кушак крестьянский.

Растерялся Васильчиков. Забыл и представиться. Смеется Давыдов:

— Честь имею, подполковник Давыдов. Слушаю вас, корнет.

— Васильчиков, — пискнул Васильчиков.

Устал он с дороги, отправился спать.

Уложили его под сосной на шинели, укрыли каким-то рядном.

В общем, началась жизнь партизанская.

Утром стал Давыдов его поучать:

— Что важнейшее для партизана?

Разводит корнет руками.

— Внезапность, — отвечает Давыдов. — Какая позиция самая лучшая? — И опять отвечает: — Непрерывность в движении. В чем партизана главная сила? Бить не числом, а умением.

И вот — походы, походы, переходы, ночевки в лесах.

То мокнешь под ливнем, то зябнешь от стужи, то спишь на сырой земле.

Бои без плана, без всяких правил: то утром рано какое дело, то поздно вечером негаданный бой, то ночью — уснул — тревога.

Непривычен к такому корнет. Стал он жалеть, что ушел из части. Покрутился еще с неделю, взял и покинул партизанский отряд. Даже записки теперь и той не оставил.

Вернулся Васильчиков в армию.

Еще в те дни, когда он исчез, в армии было целое дело.

Самовольство для офицера — серьезная вещь. Доложили тогда Кутузову об уходе корнета.

Доложили теперь о его прибытии.

Выслушал Кутузов, распорядился:

— Наказать за самовольный отъезд. — Потом подумал и строго добавил: — А за то, что вернулся, за это — вдвое.

НАГРАДА

Много прославленных имен среди командиров партизанских отрядов: офицер Сеславин, простой крестьянин Герасим Курин, рядовой гусар Федор Потапов, по кличке Самусь, сельский староста Стулов, солдат Еременко, отставной майор Емельянов — в прошлом крепостной крестьянин, ветеран суворовских войн, произведенный за геройство Суворовым в офицеры.

Как-то в какую-то итальянскую часть приехал из штаба Наполеона посыльный. Тут-то зашел разговор и еще об одном русском герое, о молодом штабс-капитане артиллерии Александре Самойловиче Фигнере.

Лихость в Фигнере потрясающая. Он и в бою всегда впереди, и в походах не знает усталости, и на расправу с врагом жестокий, он и в разведку без страха ходит.

Фигнер даже в Москву к французам ходил, переодевшись, правда, крестьянином.

Много зла причинил Фигнер со своим партизанским отрядом французам. Слух об отважном штабс-капитане даже дошел до Наполеона. За поимку Фигнера император назначил большую сумму.

Приехавший к итальянцам из наполеоновского штаба офицер привез особую весть — где-то здесь, в местных лесах, скрывается Фигнер.

Заволновались итальянцы. И страшно, и вот бы прославиться — взять и поймать злодея. Вот бы сюрприз императору. К тому же... награда.

— Поймаем его! — кричат итальянцы. — В наших же жилах римская кровь!

Собрались одни офицеры. Рядовых с собой не брали. Не хотели делить богатства.

Подумал посыльный и тоже решил поехать. Интересно, что из того получится. А вдруг...

Тронулись итальянцы. Рыщут они по соседнему лесу. Нет, не видно партизанских примет. Направляются в лес, что подальше. И там все спокойно и тихо. Едут верст за десять в крутые балки. И там неудача.

Не хочется им возвращаться с пустыми руками домой. Да день на исходе. К тому же устали. И есть хочется. И дорога домой неблизкая.

«Да, пора бы домой», — понимает и Наполеонов посыльный. Да только в эту минуту что-то, как назло, за язык его дернуло.

— А не там ли они, вон за полем, в дубовой роще?

И офицеры о том подумали. Решили:

— Ну ладно, последний заход.

Дотащились они до дубовой рощи. И правда — вот он, свежий след от лошадиных копыт.

Поднялся дух в итальянцах.

— В наших жилах римская кровь! Вперед!

Втянулись они своей офицерской колонной в лес.

И вдруг слева и справа налетели на них партизаны. Крики, свисты, стрельба...

Туда итальянцы, сюда, да где там — они в окружении.

Согнали партизаны плененных в кучу. Стоят они, по-итальянски носы повесив. А где же тот, Наполеонов посыльный?

Смотрят — стоит он в первом ряду партизан, ручкой им нежненько машет:

— Приветствую вас, господа офицеры! Будем знакомы — штабс-капитан Александр Самойлович Фигнер.

СОЛДАТСКОЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

В бою под солдатом драгунского полка Ермолаем Четвертаковым была ранена лошадь. Четвертаков попал в плен. Привезли его в Гжатск. Из Гжатска солдат бежал.

Оказался он в тех местах, которые были заняты неприятелем.

Пришел драгун в деревню Басманы. Видит — крестьяне воинственны, французов чумой ругают. Злобой мужик кипит.

Тут-то и пришла Четвертакову мысль поднять крестьян на борьбу с французами, создать партизанский отряд. Заговорил.

И вдруг крестьяне замаялись. Мол, неизвестно, откуда прибыл солдат. Как знать, что из того получится.

Лишь один молодой рябоватый парень пошел за драгуном.

Поехали они вместе в деревню Задково — там поднимать крестьян. По дороге встретили двух французов. Убили. Потом еще двоих встретили. И этих прикончили.

— Ух ты! Двое — и вдруг четверых! — подивились крестьяне в Басманах.

— А если четверо — то получится восемь!

— А если восемь — то будет шестнадцать!

Заволновались в Басманах: а вдруг как мужики из Задкова прежде их создают отряд?

— Давай возвращай драгуна!

— Сами желаем иметь отряд!

Вернулся в Басманы драгун. Извинились сельские жители.

— Не обижайся. Хотели тебя проверить, — схитрили крестьяне. — Стоящий ли солдат.

Сразу же более двухсот мужиков дали свое согласие быть у него в отряде. Это стало началом. Вскоре из всей округи свыше четырех тысяч крестьян собралось под командованием Ермолая Четвертакова.

Стал Четвертаков признанным командиром. Порядки в войске завел военные: караулы, дежурства и даже учения. Следил строго, чтобы головы крестьяне держали высоко, животы не распускали.

— Да ты — что полковник, — смеются крестьяне. А сами довольны, что крепкой руки начальник.

— Что там полковник — сам генерал! Ваше превосходительство!

Жили крестьяне по-прежнему в селах. Поднимались они по тревоге, когда возникала нужда...

Едет французский отряд по русской дороге. Обоз, но с большой охраной. Порох доставляют для армии. Кони пушку везут впереди. Это чтобы пугать крестьян, ну и себя, французов, конечно, подбадривать.

Звенят, гудят, переливаются на церковных звонницах колокола. То медью удят, словно в набат, то трепетно, тонко зальются.

Приятно французам слушать.

Вот здесь отгремели. Ушли за бугор — там тоже деревня и церковь. Подхватились и слева и справа. Идет от села к селу перезвон. Эка приятные звуки...

Продолжают французы свой путь. Слушают звонную прелесть.

Идут и не знают того, что это не просто звон — это голос для них прощальный, погребальный, выходит, звон.

Четвертаков использовал церковные перезвоны, как сигналы для своих отрядов. Это не только сигналы тревоги. В каждом переливе свои команды. Слушай внимательно — будешь знать, куда идти и где собираться.

Продолжают французы свой путь. А в это время из разных окрестных сел выходят уже отряды. Приказ — собраться сегодня им у ручья, у Егорьевской балки.

Подошли французы к ручью — крестьяне со всех сторон. Несметно. Черно от кафтанов. Конный виден в крестьянских рядах — наверно, начальник.

Скомандовал конный. Бросилось воинство на французский обоз. Растерялись солдаты, что были с пушкой, — куда же палить, в какую же сторону! Всюду крестьяне. Стрельнули в конного, в старшего. Да, к счастью, того, перелет.

Выстрел был первый, он же последний. Не успели французы сунуть новый заряд. Ноги крестьянские быстры, руки проворны и очень цепки. Пушка, обоз и солдаты — все через минуту в крестьянских руках.

Возвращаются партизаны с отважного дела домой. Едет на коне солдат Четвертаков, Ермолай... как там тебя по батюшке? Эх, можно, пожалуй, без батюшки. Ермолай Четвертаков — генерал крестьянский. Ваше солдатское превосходительство!

ВАСИЛИСА КОЖИНА

Баба есть баба. Впрочем, не всякая.

Василиса Кожина была женой деревенского старосты. По-бабьи она проворная. В избе чисто, дети накормлены, скотина в хлеву в довольствии.

Да не только этим Кожина славилась. Муж у нее хоть и староста, да то ли с ленцой, то ли просто не очень проворный мужик. Вот и сложилось так, что по

всяким делам крестьяне ходили не к старосте, а к женке ленивого Кожина.

Оказалась старостиha первой в селе фигурой.

Баба она дородная, баба она степенная. И посмотреть на такую приятно, и услышать умный совет.

В общем, довольны крестьяне. Жаль, что женщин в старосты не избирают.

И вот накатилась война с французами.

Бегут к Василисе крестьяне:

— Как же нам быть?

— Бить неожиданных, непрощенных, — отвечает им Кожина.

Смотрят мужики на нее недоверчиво. Не шутит ли баба?

— Что же мы — войско?

— А где ружья?

— Где сабли?

Короче, впервые совет Василисы был для крестьян ничто. Посмеялись, и только.

Тогда собрала Василиса баб помоложе. Создался женский отряд. Без ружей, без сабель. Вилы, простые рогатины — вот все, чем богаты бабы.

Уходят крестьянки в соседний лес. Смеются крестьяне:

— Аники-воины!

— Бонапарту схватите в плен!

Впустую, конечно, ходили вначале по лесу бабы. Но вот наступил день, когда поймали они француза. Тянут трофей в село.

Глянули мужики, так и ахнули. Ходят вокруг француза, смотрят, не верят своим глазам:

— Гляди, настоящий!

— С усами!

— И сабля, смотри, была. И ружье!

Висит оно теперь на плече у Кожинoй. Сабля у рыжей молодки в руках.

Торжествуют сельские женщины:

— Ага!

— Не верили!

— Вот вам мужская работа!

— Ну, посмотрели? — спросила Кожина. — Теперь собирайтесь, очередь, значит, ваша.

— Подумаешь — раз повезло!

— Скопом штуку одну поймали.

— Ну меньше, ну больше одним — французская армия от этого, что ли, убавится?!

— Дурни! — ругнулась Кожина.

После первой удачи дело у женщин пошло успешнее. Второй, третий, четвертый француз попался.

Ружьишками женщины обзавелись. Василиса Кожина ходит теперь в шинели. Сабля гусарская сбоку висит.

Отводят женщины пленных в уездный город Сычевку. Слава о них гремит.

Задумались теперь мужики. Завидно им, глядя на женщин.

— Эх, зря мы тогда не поверили!

— И нам бы теперь почет.

Пересилили они мужское свое упрямство. Стали являться к Кожинoй, проситься в отряд.

— Ну что же, надо подумать, — отвечает с улыбкой им Кожина. — Тут как присудит наш бабий сход.

Сход порешил мужиков принять. Давно ведь женщины этого ждали. Не бабье дело вести войну.

Хоть и не бабье, да все же мало кто из женщин оставил ружья. Огромный теперь отряд. Старшим по-прежнему Кожина. Мужики послушны во всем.

— Приказывай, матушка, слушаем.

— Бей до конца француза! — ныне это единый приказ.

Вот такая она, Василиса Кожина, русская женщина, храбрая женщина. Ее не то что на место старосты, Кожину хоть в губернаторы назначай, хоть в военный совет сажай.

ОПАСНОЕ МЕСТО

В белорусских непроходимых лесах под Оршей расположился партизанский отряд — крестьяне из ближних сел. Тут под Оршей они воевали, тут же в лесах и жили.

В отряде среди других мужичонка, по имени Петрусь, по фамилии Глебка. Он и выбрал-то это место.

— Хорошее место для вас я выбрал, — любит похвастать Глебка. — Можно по французам отсюда ударить, можно и снова сюда утечь!

Так крестьяне и поступали. Ударят по обозу, небольшому отряду французских солдат или по фуражирам и снова к себе в леса.

— Нет, все же хорошее место я выбрал, — не унимается Глебка.

А место-то, по правде говоря, было не очень хорошее. Болота кругом да топи. Мошка безжалостно ест. Нет бы выбрать где выше, где суше.

— Зато неприятель сюда не сунется, — рассуждает все тот же Глебка. — Сиди тут, как лыцарь в каменном замке.

— Твой замок одни болота.

— Болота для нас тут потверже камня, — отбивается Глебка. — А главное, можно всегда утечь. Любому из любого места можно всегда утечь, — философствует Глебка.

И вот однажды крестьяне было напали на какой-то обоз. Да тут подоспела французская полурота, и партизанам пришлось бежать. Добежали они до леса — думали, дальше француз не тронется.

Однако полурота попалась отважная. Гнала она мужиков и дальше, шла по пятам и загнала в такие топи, что стой! Дальше вперед ни шагу. Тут, к счастью, спустился вечер. Французы тронуть крестьян не успели. Зато обложили со всех сторон — конечно, кроме той, где болото. Расположились солдаты на ночь. Противник надежно схвачен. Завтра ему конец.

— Ну вот тебе и твой замо́к! — кричат крестьяне на Глебку. — Лыцарь ты этакий... Вот тебе и утечь!..

— Да кто же думал! Француз какой-то чудной попался, — разводит руками Глебка. Он и сам понимает, что делу, поди, конец. Однако для храбрости и себе и другим: — Оно же, болото, не очень топкое.

Попробовали крестьяне — сплошная трясина. Шаг — и сразу по шею, два шага — катись с головой. Хотят они снова ополчиться на Глебку. Нет, не видно, пропал куда-то проклятый Глебка.

— Может, утоп?

А Глебка в это время пробирался все-таки по болоту. Сук у него длиннючий в руках. Щупает им тряси́ну. С кочки на кочку, где бухнет по пояс, где еле удержится, и все же пролез.

С той стороны болота была деревня. Поднял Глебка на ноги мужиков, объяснил поспешно, в чем дело. Набрали крестьяне сена, кладок и досок, пришли к опасному месту, соорудили шаткий настил. По настилу весь партизанский отряд и убрался из-под самого носа французов.

— Ну, говорил я, что можно любому всегда утечь! — опять торжествует Глебка. Вырвались мужики из окружения. Осмелели. Думают, а что, если им самим теперь захватить французов. Мысль озорная, всем нравится.

Обошли крестьяне болото сухими местами, взяли с собой мужиков из местной деревни, послали в другие, чтобы и из тех приходили на помощь. В общем, к рассвету все были на нужном месте.

Проснулись утром французы. Где же крестьяне?! А те у них за спиной. Вот уже и крики слышны, и самодельные пики пущены в ход, рогатины, косы, вилы. Правда, и ружей у мужиков с десятков, и две настоящие сабли. Заметались французы. Одни к трясине — тут их голубит верная смерть. Другие к крестьянам — навстречу им тянутся косы и вилы. Погибли французы.

Довольны крестьяне.

— Ну как?! — смеясь, обращаются к Глебке. — А говорил, что любому можно утечь!

МОТЯ

Отступают французы. Есть хочется. Нечего есть. Бродят французы по русским селам. Рыщут, где бы и чем поживиться.

Не забыта и деревня Ивановка. Недавно побывало здесь двадцать французских солдат. Сегодня явилось семеро.

Ходят французы по избам. Пусты закрома крестьянские. Скотина куда-то припрятана.

Явились они к деревенскому старосте, вцепились в белесую бороду:

— Отвечай, где зерно укрыто.

Разводит старик руками:

— Третье лето у нас недород.

— Недород?

— Недород.

Обозлились французы, хлесть старика нагайкой:

— Недород?!

— Недород!

— Ах ты мошенник старый! — кричат французы. — Не желаешь добром, силой сказать заставим.

Схватили солдаты деда. Швырнули, как сноп, на лавку. Теперь уже двое стоят с нагайками.

Крутилась здесь Мотя — внучка упрямого старосты. Жалко ей деда, знает она, где зерно зарыто.

Взлетели над спиной старика, как цепа в обмолот, нагайки. Зажмурилась Мотя:

— Стойте!

Остановились французы, смотрят на Мотю.

— Дедушка хворый. Не бейте. Я покажу.

— Ах ты душа окаянная, — сплюнул старик с досады, потянулся к печному ухвату.

Съежилась Мотя.

— Но, но, — вмешались французы. — А ну, собирайся! — командуют Моте.

Собралась девочка. Идет, от обиды и страха всхлипывает. Вывела она французских солдат за околицу. Повела за бугор к оврагу.

Кусты над оврагом. Место укрытое. Пойди разыщи здесь зерно без Моти.

Спустились французы в овраг. Отмерила Мотя четыре шага от какой-то коряги, указала:

— Вот здесь.

Отложили солдаты ружья. Сняли мундиры. Лопаты в руки. Довольны французы: близка удача.

— А ну, не мешайся! — кричат на Мотю.

Роят французы. Потееют французы. Французы вовсю стараются.

А в это время там наверху, над краем оврага, из-за кустов высунулась чья-то бородатая голова. Следом за ней другая: улыбнулся Моте безусый парень, глазом хитро моргнул.

Смешно, хихикнуть хотела Мотя. Однако сдержалась.

Зашевелились кусты над оврагом. Поднялись крестьяне в свой полный рост. Один за другим прыгают вниз партизаны.

Минута, вторая — вповалку лежат французы. Руки вожжами скручены.

Идут партизаны домой. Гонят солдат французских.

— Эка, удачлива ты, Матрена, — хвалит девочку тот бородатый.

— Ахтеры вы с нашим старостой, — хихикает парень.

— Семь штук — дела нешутейные, — рассуждает какой-то мужик.

— Подумаешь, семь, — улыбается Мотя. — Намедни их было двадцать.

Вот и все. Вот и рассказ про деревню Ивановку, про отважную Мотю, Мотю-Матрену — русскую девочку.

АРКАН

Наловчились крестьяне села Локотки арканом ловить французов. Спрячутся где-нибудь в кустах при лесной дороге, ждут — не пройдет ли какой отряд. Дождутся — конных ли, пеших. Подстерегут того, кто отстал, — аркан немедля ему на шею. И сразу к себе. Кляп ему в рот, пока тот не вскрикнул. И будь тут здоров, мусье. Как карась, на уду попался.

Как-то снова крестьяне засели на выгодном месте. Вначале была неудача — никто не движется. И вдруг конный отряд рысями. И, как всегда, кто-нибудь сзади. На сей раз рослый, с чубом француз. Подъехал француз к кустам, где притаились крестьяне. Взвился аркан. Полетел наездник с коня. Кляп во рту у него немедленно.

Приволокли мужики француза к себе в Локотки. Дорогой еще пристукнули. Уж больно ершистый француз попался. Все ногами крестьян пинал.

Положили крестьяне пленного в каком-то хлеву. Притащили воды, плеснули на голову. Вынули кляп. Решили вести в уезд, в Сычевку. Там принимали пленных.

Поднялся француз, как закричит:

— Путаны бороды! Сивые мерины! Рог вам бугаев под самое дыхало!

Крестьяне так и разинули рты. Икота на иных напала. Кто-то помчал в кусты.

Оказалось, то был не француз, а донской казак из отряда Дениса Давыдова. Казаки специально оделись во французскую форму. Ехали то ли в разведку, то ли еще по какому делу.

Опомнились, пришли, конечно, крестьяне в себя:

— Да откуда мы ведали.

— На лбу не написано.

— Скажи спасибо, что жив остался.

— Глаза поросячьи! Дубы неотесанны! — не утихает казак. — А это что?! — и тычет на чуб казацкий.

Конечно, чубов у французов не было. Да поди разгляди там в такую минуту.

— Ладно, — наконец приостыл казак. — Есть ли чарка у вас вина?

— Это найдется.

Выпил казак, тряхнул плечами:

— Ну, мужички, бывайте! Благодарствую за угощение.

Несколько дней крестьяне не решались выходить на дорогу.

— Ну их, снова не этого схватишь!

А потом опять принялись за дело. Однако теперь осторожнее. Схватят француза крестьяне, смотрят прежде всего на голову — не виден ли чуб казацкий.

В НЕБОЛЬШОМ ГОРОДКЕ БОРОВСКЕ

Приемный пункт для плененных французов в небольшом городке Боровске. С самого утра начинают тянуться сюда крестьяне. Доставляют свою добычу. Кое-кто приходит и с ночи — быстрее бы управиться. Дел у крестьян и помимо французов много.

Вот мужики привели офицера. Вот крестьяне целый отряд пригнали. Две молодухи, смеясь и лузгая семечки, приволокли усатого егеря. Снова какой-то отряд. Старуха с ружьем и два гренадера. А вот пришагал мальчишка. Маленький-маленький — мужичок с ноготок. Тоже привел француза.

— Дитятко!

— Родненький!

— Да как ты его довел?!

Топырит мальчонка губы:

— Это уже второй.

— Ух ты!

— Ох ты!

— Да кто же его споймал?

— Я, — отвечает мальчишка.

Собрались крестьяне вокруг. Верят — не верят.

— А ну, расскажи про геройство.

— Дуй!

— Не стесняйся!

— Бреши!

Обиделся было мальчонка. А потом рассказал:

— Мы с дедом его словили. Я и коза.

— Какая еще коза?!

— Манька, бодатая.

Интересно крестьянам.

— Ну, ну, поподробнее!

Оказывается, коза, привязанная к дереву у края дороги, своим видом приманивала поотставших французов, а дед оглушал их дубинкой. Первого даже до смерти.

— Хитры, хитры... — говорят крестьяне.

— Значит, и Манька вроде в героях.

— А дед, ты смотри, мужик еще сильный.

— Сильный, — соглашается мальчик. — Только он при одной ноге. В армии фельдмаршала Суворова при крепости Измаил покалеченный.

— Выходит, солдат. Понятно.

— Ну, а вести-то такого тебе не боязно?

— Он же связанный.

— А вдруг побежит.

— Убежит! — усмехнулся мальчонка. — А это вот что? — и показывает на самодельную пику.

— И ты бы пырнул?!

— Пырнул!

— Эка жестокости сколько в малом, — процедила одна из молодых.

— Да, обозлились сердца, — задумчиво бросил какой-то крестьянин.

— Мне ее дед смастерил, — снова заговорил о пике мальчишка.

— Да что ты все дед да дед. А где же твой отец?

— Убит на войне родитель.

ФРАНЦУЗСКАЯ ШАПКА

Агапка мечтал о французской шапке. Той, что носят гвардейцы: из медвежьего меха, с высоким красным султаном и медной бляхой.

Отец у Агапки в партизанском отряде. Раздобыл он в каком-то бою долгожданный гостинец сыну.

— На, получай!

Напялил Агапка — загляденье, не шапка.

Помчался мальчик по сельским улицам. Видят его крестьяне, смеются крестьяне:

— Басурман бежит, глядите!

Повстречались Агапке парни. Улюлюкают парни:

— Лови, окружай француза!

Попался Агапке шарик.

«Тяв-тяв, тяв-тяв!»

— Однако, глупый какой ты, Шарик. Ты что, не узнал Агапку?!

Увидел Агапку гусь:

«Га-га-га, га-га-га», — тянет к мальчишке шею.

Отбилса едва Агапка.

Примчался мальчик к друзьям и приятелям. Окружили его ребята.

— Дай поносить, Агапка.

Жалко Агапке. Шапка с султаном — такую ребятам!

Обозлились мальчишки:

— Француз. Бей, колоти француза!

Достается Агапке. Будь ты проклята, эта шапка!

ВАНЮШКА, МАРФУТКА, ФИЛЬКА И ТРОЕ ДРУГИХ РЕБЯТ

Собрались ребята, бродили по лесу. Было их шестеро: Ванюшка Валуев, Марфутка, Филька и трое еще ребят. Осень. Ни ягод тебе, ни грибов, ни птичьих гнезд на деревьях. Чем бы сейчас заняться? Вот бы поймать француза.

Размечтались ребята.

Француз здоровенный, конечно, с усами. Лошадиные скулы. Глазищи большие, размером с кулак. Ружье при французе, походная сумка.

Представляют ребята, как ловят французов в плен.

— Заходи! — кричит Ванюшка Валуев. — Окружай! Вали его наземь! Бей дубиной... Руки и ноги ему вяжи...

Ванюшка в компании старший. Исполняют ребята его команды. Вместо француза у них бревно.

Наигрались ребята, идут домой. Смотрят — под елкой, под сивой лапой, лежит настоящий француз.

Бредит солдат, лопочет что-то на своем языке. Глаза у него закрыты. Ружья при французе не видно. Нет и походной сумки. И совсем он безусый. И вовсе не страшный. Мундир весь изодран — сквозь дыры голое тело светит.

— Налетай! — закричал Ванюшка. — Вяжи ему руки и ноги...

Однако ребята не двинулись с места. Да и сам-то Ванюшка крикнул не очень бойко.

В общем, пропала вдруг у ребят охота брать француза лежащего в плен.

Стоят, перешептываются:

— Помирает, видать, француз.

— Раненый?

— Голод небось измучил.

Стали ребята думать, как же им быть.

— Может, в село, донести об этом?

— Правда, давай в село.

Только хотели бежать, да снова задумались.

— На вилы его мужики подымут.

— Топорами прикончат.

Жалко стало ребятам француза. Уж больно он стонет и мечется. Пусть помирает естественной смертью.

Вернулись в село, разошлись по домам.

Вошел Ванюшка в избу, на душе как-то тягостно. Все видит, как бредит в лесу француз. Он же с голоду там помирает. Покрутился Ванюшка с час — то на улице, то в огородах, даже к речке специально бегал, — никак не может забыть солдата. Наконец вернулся домой, сунул под одежонку краюху хлеба, снова помчался в лес.

Растолкал он француза. Приоткрыл тот глаза. Хотел рвануться с испуга, да слаб — остался на месте. Тычет Ванюшка ему краюху. Увидел солдат, потянулся. Слеза из глаза непрощено капнула.

В это время Ванюшка услышал шорохи. Обернулся — мелькнула тряпица. Так это же бежит Марфутка.

Подбежала Марфутка, видит Ванюшку, страшно смутилась: хлеб у нее в руках.

Вслед за Марфуткой явился Филька. За ним и трое других ребят.

Словом, снова ребята вместе в лесу собрались, и каждый еду принес.

С этого дня и стали они приходить к французу. Соорудили ему шалаш, рядом притащили, Марфутка — ниток: зашить мундир.

Завелась у ребят настоящая тайна. В селе — ни гугу.

Удивляются их родители. Где пропадают ребята?

— Да так мы... — уклончиво ответил Ванюшка.

— Я на хутор к подружке хожу, — заявит Марфутка.

— Да я тут, я все время у дома, — отвертится Филька.

— Мы в горелки в лесу играем, — скажут трое других ребят.

Стал француз поправляться. Явились как-то ребята. Смотрят — солдат кораблик из дерева выстругал. Весло кормовое к нему отдельно.

— Нате, для вас, — сует француз гостинец ребятам.

На следующий день вырезал им человечка. Человечек забавный — руками, ногами дрыгает. Веселит, как живой, ребят.

Стал француз подыматься. Даже ходить.

Явились ребята на третий день — нет в шалаше француза.

Ушел из тех мест солдат. Лишь кораблик и веселого человечка, как память свою, оставил.

Даже грустно стало ребятам. Вот так взял и ушел, ничего не сказал. Привыкли ребята к французам.

Вернулись домой опять невеселые.

— Да что тут с вами такое творится! — пристали снова родители.

Пожались, пожались ребята, а потом рассказали. Вначале Марфутка, затем Филька, затем трое других ребят. Даже Ванюшка и тот признался.

Рассказали про все: и про первую встречу, и о том, как, не сговорившись, хлеб ему потащили, и про слезы, что были тогда у француза в глазах, и как мундир зашивала Марфутка, и как шалаш ему строили. Потом отдельно про кораблик и забавного человечка.

Думали ребята, что будут в селе их ругать.

Однако крестьяне такую весть встретили как-то спокойно. Не журили ребят. А кто-то даже сказал:

— Ну что ж, дай ему господь дорогу добрую! Может, и он такой же, как мы, крестьянин.

Поражались ребята. Особенно на следующий день, когда те же самые мужики и в том же самом лесу трех новых французов подняли на вилы.

ШАПКУ ОБ ЗЕМЛЮ

Наслышавшись всяких донесений о действиях крестьянских отрядов, Кутузов решил взглянуть на живых героев.

Под городом Юхновом собрались к нему партизаны. Были всякие: и старые и молодые, подороднее и попроще, кое-кто с боевыми рубцами, и даже один без глаза, и тоже, как у Кутузова, — правого.

Набились крестьяне в избу. Расселись.

Стал угощать их Кутузов чаем. Пьют мужики осторожно, не торопясь, сахар вприкуску. За чаем зашел разговор. Конечно, прежде всего о войне, о французах.

— Французы народ геройский, — заявляют крестьяне. — Да только духом они слабее. Дал Бонапарт промашку: разве испугом возьмешь Россию!

— Тут Невский еще сказал, — вспомнил безглазый, — прибудешь с мечом, от меча и погибнешь!

— Верно! — шумят крестьяне.

Заговорили затем о Москве.

— Конечно, жалко. Немаленький город. Веками в народе славится. Да разве Москва — Россия? Отстроится город. Была бы жива держава.

Хвалит Кутузов крестьян за смелые стычки с французами.

— Мы что... Нам достается плотвичка. Тут армии первое слово.

Видит Кутузов — неглупый народ собрался. Приятно вести беседы.

— О Денисе Давыдове слышали?

— А как же! И в нашем уезде его отряды. Лихой командир. Зачинатель великого дела.

— Говорят, на Смоленщине женщина видная есть?

— Так это же Кожина, — отвечают крестьяне. — Старостиха Василиса. Гвардейская баба! Мужской хватки.

Вспомнили солдата Четвертакова.

— Природный начальник. Ему б в офицерах положено быть.

Потом как-то, Кутузов и не заметил, разговор перешел на другое. Заговорили крестьяне про озимые, про яровые. Про недород на Смоленщине. Потом о барах, и вдруг:

— Михайла Илларионович, ваша светлость, а как насчет воли? Чай, после победы крестьянам ее дадут?

— И как там с землей? — сунулся кто-то.

Не ожидал Кутузов такого. Ну что он скажет крестьянам про волю? Дикость, конечно, в России. Кутузов бы волю дал. Да он ведь только над войском начальник. Сие не ему решать.

Не знает, что и ответить фельдмаршал. Впервые попал впросак.

Ясно крестьянам, что трудный задали вопрос. Не захотели смущать Кутузова, снова вернулись к войне. Да только разговор как-то уже не клеился. Отпустил их Кутузов.

Идут по селу крестьяне:

— Да, воли оно не предвидится.

— И земля, как была, — у господ останется.

Замедлил ход вдруг какой-то парень. Скинул он шапку и с силой об землю:

— Только напрасно с французами бьемся! Жизнью своей рискуем.

— Цыц, молоко необсохшее! — выкрикнул тот, безглазый. — Тут вещи не равные — разные. Баре есть баре. Россия — Россия!

ЧТО-ТО ТОПОРЩИТСЯ

Забелело. Выпал недавно снег. Идет по дороге отряд французский. Ремни у солдат подтянуты. Холод, конечно. Одежда летняя. Только холод еще терпим. Голод французов мучает.

Вдруг навстречу сани крестьянские по первопутку. Мужик на санях. Мальчонка лошадкой правит. Бежит лошаденка трусцой. Снег пока неглубокий. Хорошо у полозьев накат.

Сани груженные. Что-то рядом укрыто. Что-то такое топорщится. Размечтались солдаты:

— Может, хлеба мешки печеного.

— Может, мясо отвозят в город.

— Может, боров рядом укрыт.

— Вот была бы удача!

Смотрят на лошаденку. Лошаденка хоть роста среднего, не кавалерийский, конечно, конь, да неплохо, видать, откормлена. Так и просится прямо с санями в котел. Разгораются страсти солдатские. Криком кричит аппетит.

— Эх, не свернул бы мужик с дороги!

Да нет. Не чувствует беды лошаденка. Не чувствует беды мальчишка. Глупо сидит мужик. Скользят по ухабам сани. Все ближе и ближе. Солдатский спирается дых. Еще минута, и знай что хватай.

И вдруг... Развернулись, как в танце, сани. Хвостом повернулась к французам лошадь. Послушно застыла. Спрыгнул мужик на землю. Тянет с саней рядом.

— Берегись! — закричали французы. Схватили поспешно ружья.

Пушка на них глядит.

И вот — запал в руках у крестьянина. Мальчишки восторженный вид. Пламя. Грохот. Картечи свист. Ответно раненых стон протяжный. Дорога в телах побитых.

Дело сделано. Что есть силы летит лошаденка. Небо. Поле. Полозьев скрип.

БАСНЯ КРЫЛОВА

Капитан Ивлев из Петербурга привез газетку, в которой была напечатана басня «Волк на псарне» стихотворца Крылова.

Стали офицеры ее читать:

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.

Далее речь шла о том, как поднялась тревога. И вот уже:

Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
«Огня! — кричат: — огня!» Пришли с огнем.

Взмолился волк, увидя свою погибель. Стал хитрить и ловчить. Уверяет, что пришел он сюда вовсе не с целью разбоя. Клянется, что отныне он овцам друг. Что больше никогда трогать мирных отар не станет.

Посмотрел на разбойника ловчий:

...«Послушай-ка, сосед...
Ты сер, а я, приятель, сед.
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делай мировой,
Как снявши шкуру с них долой». —
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

— Ба, да это же про французов! — кричат офицеры. — Про нашего главнокомандующего, Михаила Илларионовича. Он — ловчий. Слышали: «сед». Так это же наш фельдмаршал.

Схватили офицеры газетку, помчались к Кутузову.

— Батюшка, Михайла Илларионович! Басенка тут, в газете, про вашу светлость.

Взял Кутузов газету, не торопясь прочитал.

— Дельная басенка, дельная. Ты смотри — мастак Крылов, стихотворец. Только в сей басне один изъян.

— Нет изъяна! — кричат офицеры. — Все тут доподлинно верно.

— Вот и не все, — ответил Кутузов. — Про главное тут забыто.

Смутились офицеры.

— Главное в том, — произнес фельдмаршал, — что не ловчий выпустил гончих стаю. Мститель сам по себе поднялся.

Глава шестая

ПОСЛЕДНИЙ КРИК НАПОЛЕОНА

РАМА

Солдат Жорж Мишле шел в Россию с большой охотой: «Россия страна богатая. Немало добра домой привезу». Да что там Мишле, все солдаты в такое верили. Самим императором это обещано.

Стал Мишле припасать богатства. В Смоленске — шубу из горностая. В Вязьме достал дорогие подсвечники. В Гжатске — ковер из памирской шерсти. В Москве в каком-то большом соборе похитил икону в серебряной раме.

Доволен Мишле. Взял бы еще, да тяжесть и так большая.

«Ну, — рассуждает Мишле, — теперь пусть русские просят мир. Готов я домой к отбытию».

А русские мир не просят. Что день, то французам все хуже и хуже. Лютым местом стала для них Москва.

И вот покатились французы. Дай бог унести из России ноги.

Поспешно стал собираться Мишле. Вещи свои пакует. Ковер из памирской шерсти — в мешок, в ранец солдатский — подсвечники, шубу — поверх мундира. А раму куда? Раму надел на шею. Торчит из нее мародера лицо, словно лицо святого.

Гонят французов русские. Армия бьет. Партизаны в лесах встречают. У дорог стерегут крестьяне.

Быстрым маршем идут французы. Потеет Мишле.

Унести такое добро силы нужны немалые. Ранец плечи ему натирает. Рама тяжелая — полпуда в ней серебра, голову веткой к дороге клонит. Шуба длинная, полы волочатся — трудно в такой идти.

Отступает французская армия. Неустанно тревожат ее казаки. Кутузов в боях добивает.

Все больше и больше оставших среди французов. Плетется, как тень, Мишле. Отстает от своих солдат. Силы его покидают.

Нужно с добром расставаться.

Дошли до Гжатска. Тут, когда наступали, Мишле раздобыл ковер.

Вспомнил француз о хороших днях, поплакал. Кинул памирский ковер.

Дошли до Вязьмы. Тут достал дорогие подсвечники. Глянул на них. Вытер слезу. Бросил подсвечники.

Дошли до Смоленска — расстался с шубой.

Расстается с вещами Мишле. Жалко до слез добытого. Плачет Мишле. Ружье незаметно бросил, ранец откинул. Однако раму упорно тащит.

— Да брось ты проклятую раму! — кричат упряму товарищи.

И рад бы, да не может бросить Мишле. Не в силах Мишле расстаться. Ему богатства же были обещаны. Он, может, в Россию специально шел ради этой серебряной рамы.

Оставили вовсе солдата силы.

Отстал за Смоленском Мишле. Отстал, отбился и помер в дороге.

Лежит в придорожной канаве рама. Торчит из нее мародера лицо, словно лицо святого.

РУЖЬЕ

Штабной офицер Хитаров, докладывая Кутузову о действиях русской армии, всегда преувеличивал наши успехи.

— Сегодня, ваша светлость, столько-то французских солдат побито. (А побито в два раза меньше.)

— При таком-то деле, ваша светлость, столько-то взято в плен. (А взято — дай бог половина.)

Заметил это Кутузов и как-то:

— Выходит, голубчик, мы с одной Бонапартовой армией справились. Почитай, взялись за другую?!

Смутился Хитаров, сбавил свой пыл. Однако прошло какое-то время, и опять за то же.

— Сегодня столько-то пушек у французов отбито. (А их вовсе в этот день не отбито.)

— А партизаны доносят, что три знамени взято в плен. (И тоже, шельмец, придумал.)

Разозлился Кутузов:

— Да как ты, голубчик, смеешь доносить мне, прости старика, столь беспардонную ложь!

И тут-то Хитаров признался:

— Не могу я, ваша светлость! Оно же хочется, чтобы скорее. Чувства во мне говорят патриотические.

Подивился Кутузов:

— Скорее?

Подумал. Позвал адъютанта:

— Подай-ка ружье.

Опять повернулся к Хитарову:

— А знаешь ли что, голубчик? Чтобы было оно быстрее — на, получай ружье и ступай-ка в маршевый полк немедленно.

И тут же отдал приказ об этом.

НАГАЙКА

Кутузов никогда не расставался с казацкой нагайкой. Висела она у него через плечо, без всякого дела. Коня не стегал, руку на солдат не поднимал. Зачем же тогда нагайка?

Спросит об этом кто-нибудь у Кутузова.

— Пусть повисит, голубчик, пусть, — ответит Кутузов. — Даст бог, дело и ей найдется.

Наступили холода. По-разному одеты в частях солдаты. Там, где интенданты и офицеры заботливы, полки и роты в тепле. Там, где офицеры и интенданты с ленцой, мерзнут, бедуют солдаты.

Как-то приехал Кутузов в полк, где офицеры как раз ленивые. Пошел фельдмаршал по ротам. Явился в одну: одежка солдатская — старь, башмаки ни разу не чинены, форма к зиме не завезена. Посетил Кутузов вторую роту. И в этой роте все точь-в-точь как и в первой. То же самое в третьей роте.

Вернулся Кутузов в полковую избу, собрал офицеров:

— Как живете, господа офицеры?

— Бог милует.

— Как службу несете?

— Стараемся.

— Не холодно вам, господа офицеры?

— Согреты вашим присутствием, — льстиво отвечают ему офицеры.

Усмехнулся Кутузов. Видит — перед ним не только ленивцы, но и хитрецы к тому же отменные. Кряхтя, начинает снимать нагайку.

— Так, так... Ну, а солдаты чем же согреты?!

— Победами, ваша светлость! — гаркнули офицеры.

Кутузов остановился, глянул на офицеров. И вдруг передумал, снова надел нагайку. Находчивость офицеров поразила фельдмаршала. Решил он виновных простить.

— Виновны, — признались теперь офицеры, все еще с опаской поглядывая на нагайку. — Будет исполнено.

— Ладно, ступайте, — сказал Кутузов. А сам подумал: «А все же хорошо, что нагайка висит. Гляжу, она и без дела инструмент небесполезный».

РУКАВИЧКИ

В русскую армию в виде пожертвований от населения стали поступать теплые вещи. Раскрывали в гренадерском полку посылку: три пары валяных сапог, шапка-ушанка, шапка крестьянская — малахай, поддевка, еще раз поддевка, портянок суконных, считай, десяток.

— А это что?

Смотрят солдаты — лежат рукавички. Маленькие-маленькие. Из козьего меха. Узором цветным расшиты. Детские.

Вот так тебе подарок!

Посылка пришла из-под Вологды.

Собирали крестьяне солдатский гостинец. Тащили свое добро.

— Солдату тепло как родная мамка.

— Солдату память вещей дороже.

— Не жалея, мужички, служивым!

— Как не помочь героям!

Крутилась девочка Маша Докукина. Не хочется ей отставать от других. И она горой за служивых. Взяла и сунула рукавички.

Достали солдаты гостинец. Не знают они про Машу. Решают: видать, по ошибке.

Однако нашелся умный солдат:

— Нет здесь ошибки. Давай-ка сюда.

Отдали ему гостинец.

Принял солдат. И сразу про дом, про деревню вспомнил, жену и своих ребят.

Интересуются другие:

— Ну, как рукавички?

— Хороши, — отвечает солдат.

Хоть и в кармане лежат рукавички, да греют они солдата.

РОТНЫЙ

На полпути между Смоленском и Оршей, под селением Красным, разгорелась новая битва с французами. Продолжалась битва четыре дня.

Началось с того, что французская гвардия потеснила отряды русских. А какая-то рота и вовсе оказалась в кругу французов. Гвардия слева, гвардия справа, неприятель сзади и впереди. В роте три офицера. Старший из них — ротный — в перестрелке убит.

Расстроилась рота. Не слышат команд солдаты.

Нет бы оставшимся офицерам взять на себя начальство. Да, видимо, оба они растерялись.

Остались солдаты без старшего. Рассыпались в разные стороны. Ожидает гибель солдат. Как тисками, будут они раздавлены. А еще хуже — позорный плен.

И вдруг вышел вперед солдат Семен Перегудов:

— Братцы, стой! Братцы, не трусь! Братцы, слушай мою команду!

Кричал Перегудов громко. Роста был он приметного. Различили его солдаты. Тут же собрались в кучу.

— Братцы! — кричит Перегудов. — Бей в одно место. Все разом. Ломись, как в закрытую дверь! На гвардию сыщется гвардия. Братцы, вперед! — и первым полез на французов.

Бросились вслед солдаты. И вправду пробились. Не то чтобы дверь — ворота чугунные вынесли б.

Вернулись солдаты к своим.

— Живы?!

— Да как вас господь помиловал?!

Смеются солдаты:

— Перегудова нам послал!

Узнал Кутузов про доблестный подвиг солдата:

— Командовал ротой?

— Так точно. Роту из плена спас.

Подумал Кутузов, назначил солдата и впредь командовать ротой.

Говорят фельдмаршалу адъютанты: мол, в роте и так офицеры есть. Им бы по праву вместо солдата пойти в повышение, раз так уж случилось, что ротный начальник в бою был убит.

— Ах, и офицеры в той роте были?!

— Так точно, ваша светлость. Были и есть...

— Нет, были, — прервал Кутузов. — Нынче нет таких офицеров. Остались они в окружении.

Как так?! Не могут понять адъютанты. Офицеры же вместе со всеми вернулись.

— Нет, — повторил Кутузов. — Вернулся лишь один офицер — Семен Перегудов. А те не вернулись, — и поправил повязку, что прикрывала правый, выбитый пулей глаз.

Четыре дня продолжались бои под Красным. На пятый день французы бежали.

КАЗАКИ ХОТЯТ ЖЕНИТЬСЯ

Когда казаки не схватили Наполеона под Малым Ярославцем, свою неудачу переживали не только они.

Сокрушался и сам донской атаман генерал Платов. Лестно ему, если бы вдруг такое случилось.

Решил атаман раззадорить своих казаков. Пообещал он за того из них, кто поймает Наполеона, выдать дочь свою и богатства большие в придачу.

Дочь у атамана красавица. Стройна и румяна. Соловьиным голосом песни поет. Живет в столице войска донского городе Новочеркасске. В Питере часто бывает. С самой царицей знакомство водит.

— Вот бы на ком жениться!

Взыграла казацкая лихость. Рыщут вокруг отступающих войск казаки, ищут свою удачу.

Только Наполеон не щегол, не белка. В силки не поймаешь. Орехом не подзовешь. Отходит Наполеон под защитой гвардии. Пойди подступись.

Нет, не видать казакам невесты, остывает казацкий пыл.

Понимает Платов, что малоярославская удача не повторится. Подумал и сбавил.

— Ладно, приведите любого французского маршала.

Опять казаки за дело. Целыми днями в седле трясутся — где бы маршал какой попался.

Да ведь и маршалы тоже не перепелки. По полю одни не ходят. Трудна, непосильна такая задача.

И вдруг под городом Красным казаки набрали на обоз Даву.

Налетели со всех сторон. Окружили, побили стражу. А где же хозяин? Смотрят: вот он в кибитке — маршал и маршальский жезл. Схватили, торопятся к Платову.

Сияет казак Самодвига. Он первым схватил Даву. То-то будет донцу награда.

Примчались удачники к Платову. Глянул Платов на жезл — настоящий маршальский жезл. Все верно — его, Даву.

Жезл настоящий, а маршал поддельный. Не было Даву тогда при обозе. Приволокли казаки кого-то другого.

— Тыфу ты! — В досаде казацкие лица. Выходит — ничто старание.

Пуще всех огорчен Самодвига. Из-под носа ушла невеста. Чуть не плачет лихой казак.

— Атаман, Матвей Иванович! Поцеловать бы хотя красавицу...

Глянул Платов на казака. Жезл достать — дело тоже геройское.

— Ладно. Воротясь из похода.

Однако не пришлось молодцу целоваться с донской красавицей. Через день казака убило.

Казак погиб, а жезл сохранился. Он и ныне в музее храним, как память о днях героических.

«СЧАСТЬЕ ИМЕЮ»

Начальником штаба при Кутузове был генерал Беннигсен. Намучился с ним Кутузов.

Кутузов скажет одно — Беннигсен, словно назло, другое. Кутузов ругает кого-нибудь из офицеров — Беннигсен берет под защиту. Главнокомандующий награждает — начальник штаба чинит помехи.

Но главное было не в этом, а в том, что Беннигсен не столько помогал, сколько мешал успешным и правильным действиям русской армии.

То он настаивал, чтобы Кутузов сразу же после Бородина дал новую битву французам. Мол, нельзя оставлять Москвы. А дать битву — значило не видеть дальше своего носа, не думать о будущем. Таким и был Беннигсен.

Потом, когда только что отошли от Москвы, еще до Тарутина, Беннигсен снова за битву. Мол, смотрите, какой он, Беннигсен, великий патриот — так и рвется в бой с неприятелем. А о том, удачно ли место для боя и пора ли его давать, генерал и не думает. Честно говоря, генералом он был просто неважным.

Тут Кутузов впервые по-настоящему разозлился.

— Ладно, — говорит, — принимайте командование. А я уйду в рядовые. Берите весь штаб, ступайте, ищите место для боя.

Обрадовался Беннигсен, собрал генералов, помчался высматривать место для битвы.

Выбрал одно.

— Нет, — говорят генералы, — место плохое.

Выбрал новое место.

— Нет, — говорят генералы, — место совсем непригодное.

Выбрал третье, и это не лучше.

Ездил, ездил Беннигсен по разным местам, замучил штабных генералов. Нет ничего подходящего.

Вернулся понурый назад.

— Ну как? — спрашивает Кутузов.

Разводят генералы руками. Стоит Беннигсен сконфужен.

— В таком случае, я снова главный, — сказал Кутузов. — Будьте добры, выполняйте мои приказы.

Все знали, что Беннигсен просто завидует главнокомандующему. Отсюда во всем упрямство. Не любили в армии генерала. Зато Беннигсен был любимцем царя. Царь же ненавидел Кутузова. Он и назначил-то Кутузова на пост главнокомандующего лишь потому, что другого выхода не было, не имелось в русской армии второго, равного Кутузову генерала. Весь народ тогда стал за Кутузова.

Зная отношение Александра к фельдмаршалу, Беннигсен писал царю на Кутузова разные недобрые письма — короче, шпионил и наговаривал.

Под Красным терпение Кутузова лопнуло.

Вызвал он Беннигсена:

— Генерал, у вас бледность я замечаю в лице. Вы болезнью какой-то страдаете.

«Какая бледность, какая болезнь?» — удивляется Беннигсен. Он и румян, и здоров, и аппетит у него хороший.

— Здоров я, ваша светлость.

— Нет, нет. Это вам кажется, — отвечает Кутузов. — Вам лечиться, батенька, надобно. Непременно лечиться. Немедля, прямо сейчас. Сию же минуту. Поезжайте-ка, друг мой, в Калугу. Там воздух для вас полезный.

И отправил его в Калугу. Тут же позвал адъютанта, потребовал лист бумаги и сел писать письмо государю.

«По случаю болезненных припадков генерала Беннигсена и по разным другим обстоятельствам, — писал Кутузов, — предписал я ему отправиться в город Калугу... — Фельдмаршал задумался. Написал: — О чем счастье имею вашему величеству донести».

В то время, обращаясь к царю, обычно писали «счастье имею» (мол, обратиться к вам). Вот и использовал Кутузов такую форму. А сам, конечно, имел в виду другое. Фельдмаршал был счастлив, что выпроводил наконец Беннигсена. Пусть себе ломает царь Александр голову, о каком тут счастье ведется речь.

ЧЕТЫРЕ ГУСАРА

Четыре гусара. Веселых гусара. Четыре друга отправились в русский поход. Смеялись гусары, шутили гусары:

— Подумаешь, русский поход!

Прошли они Неман, в Витебске бились, блуждали в смоленском огне.

Смеются гусары:

— Война есть война!

На Багратионовы лазили fleши.

Шутят гусары:

— Fleши есть fleши!

Однако время не знало шуток. Грозный приблизился час. Побежали французы домой.

Не унывают гусары. Четыре гусара. Веселых гусара. Старинных четыре друга.

— Домой так домой!

Голод пошел по войску. Крошки съестного нет.

— Что нам голод! — смеются гусары. Принялись есть лошадей.
Съели первую.
Трое едут — четвертый идет пешком.
Съели вторую.
Двое едут — двое идут пешком.
Съели третью.
Один едет — трое идут пешком.
Съеден последний конь. Остались они безлошадными.
Идут, не унывают гусары. Четыре гусара. Веселых гусара. Четыре надежных друга.
Однако чем дальше, тем хуже и хуже. Голод есть голод. Истомились мои гусары — хоть кости свои глодай.
Переглянулись гусары. Прошла минута. Прошла вторая. Может быть, больше. Кто их тогда считал?
И вдруг исчезли, пропали, как сон, гусары. Словно и вовсе их свет не видал.
Что за чудо?! Где же гусары? Четыре гусара. Веселых гусара. Верных четыре друга.
Съели друг друга гусары.

ИЗЫСКАННЫЕ МАНЕРЫ

Отступает французская армия. Снегом весенним тает. Редуют полки, исчезают роты. В батальонах — по двадцать душ.

После Красного без оглядки бежит неприятель.

Река на пути французов. Белорусских полей красавица — знаменитая Березина.

Берега низкие, ровные. Далекий открытый вид. Снегом поля занесены. Правда, река еще не замерзла. Льдины, как стаи, плывут.

Подошли, остановились французы. Надо строить мосты.

К Березине вместе с другими прибыл и Поль Шайно. Вот как сложилась судьба француза.

В России в те годы среди богатых дворян было модным приглашать для воспитания своих детей иностранцев. Чаще всего французов. У них манеры изысканны. Язык французский певучий. «Мсье и пардон, бонжур и плезир»¹ — вот какие слова приятные. Потянулся в Россию разный жадный на деньги люд. Брали всех без разбора — лишь бы француз. Явился и Поль Шайно. Был каретником он в Париже. В России стал гувернером.

Неплохо Шайно устроился. Сыт, обут, деньги хорошие платят. Живет под Смоленском в имении князя Нарышкина.

И вдруг война. Наступают французы. Победа идет за победой. Подумал Шайно: «Э, в такую минуту лучше быть в армии. Так скорее богатым станешь».

Вступил он во французскую армию. А так как солдатскому делу Шайно был не очень обучен, определили его в обоз. «Это ничего, — рассуждает француз. — Тут даже оно спокойнее. Будет к тому же богатства на чем везти». В общем, стал он опять каретником.

---

¹ Мсье, пардон, бонжур, плезир — господин, простите, здравствуйте, удовольствие (франц.).

Приехал Шайно в Москву. А что случилось дальше, вам уже хорошо известно. Покатались французы вспять.

«Э, — соображает обозник, — дело недобрым пахнет». Взял и сбежал он из армии. Снова вернулся к себе под Смоленск. «Ну что ж, опять гувернером буду».

Да только ошибся Шайно. Встретили барские крестьяне его немило. Чуть не убили. Пришлось французу брать ноги в руки, иными словами — бежать. У Березины и догнал он ушедшую армию. Строят французы мосты. Сидит Шайно дожидается. Скорей бы на правый берег.

Сгрудились у Березины остатки французской армии: недобитая гвардия, уцелевшие при кое-каких корпусах обозы, тысячи раненых, тысячи пообмороженных. Столпились солдаты, ждут.

И вот началась переправа. Мосты построены наспех. На чем только держатся! Доски шатаются. Перил — тех и вовсе нет.

Все жмутся к мостам. Все хотели бы в первую очередь. Да нет, пропускают вначале гвардию. Затем отбирают наиболее годных для боя солдат. Остальные — пока дожидайтесь. Идут по мостам солдаты, торопятся. Срываются крайние в воду. Моржами среди льдин ныряют.

Лезет на мост Шайно. Отгоняют его солдаты:

— Куда!

В наряде Шайно гражданском.

— Куда!!

— Я же француз! — голосит Шайно. — Я же ваш подданный. Я же солдат.

Не признают, не пропускают его солдаты.

В это время французов настигла русская армия. Наполеон отдал приказ немедленно же сжечь мосты. Бросить остатки армии. Полыхнули мосты пожарищем. Остался Шайно и другие ни с чем.

Заметался Шайно, подлетает к русским:

— Я же ваш! Я гражданский... Я гувернер у князя Нарышкина.

Усмехнулись солдаты:

— Раз гувернер, так зачем же ты здесь!

Подняли ружья. Рванулся Шайно — и в воду с разбегу прыг. Где он погиб, никому не известно. Ближе к тому, ближе ли к этому берегу. Только не выплыл к своим француз.

Много французов тогда погибло. И здесь, на земле, и там, в реке. В знаменитой Березине, белорусских полей красавице.

...На следующий день ударили страшной силы морозы.

ДВА ГРЕНАДЕРА

Лютует, лютует, лютует мороз. Страхи кругом летают. Сугробы — белым-бело — небо с землей ровняют. Ветер бьет шомполами по полю. Нелегкая выдалась доля: отбились от армии два гренадера. Сидят под сосной, замерзают.

Одеты солдаты во что попало. Давно обтрепались мундиры.

Продувает метель солдат. Мороз как штыком пыряет.

Замерзают, кончают свой век солдаты. Замерзая, вздыхают солдаты:

— Когда бы не эти метели...

— Когда бы не эти морозы...

И вдруг утихли метели. Пропали морозы. Зажурчали ручьи и реки. Солнце огнем взошло. Расправили плечи солдаты. Лица — под солнечный жар. Опалило

солдатскую кожу. До боли в костях обожгло. Открыли глаза солдаты. Да это же ветер лютует и снег.

Снова вздыхают солдаты:

— Когда бы не лютый голод...

— Когда бы краюха хлеба...

И вдруг словно скатерть пришла самобранка. Под сосной у солдат еда. Хлеб, что в печке, румян набрался. Из котла вылезает каша. Сала огромный кус.

Рванулись к еде солдаты. Замерзшие тянут пальцы. Ледяная крупа в руках.

Снова вздыхают солдаты:

— Когда бы не русская сила...

— Когда бы не этот поход...

— Будь проклят! — кричат императору.

И вдруг из бури, из ночи-тумана бесшумно является Наполеон. Шляпа горбом — треуголка. Серый знакомый сюртук. Он глазами сурово поводит. Брови плывут к облакам.

Вскочили солдаты. Застыли солдаты.

Приблизился к ним император. По лицам наотмашь бьет.

Встрепенулись солдаты. Исчезла привычная шляпа. Не виден знакомый сюртук. То ветер гуляет по полю. Лица солдатские бьет.

Упали на снег солдаты. Буря кругом лютует.

Все реже и реже солдатские вздохи. Слова на губах замирают. Отбились от армии два гренадера. Лежат под сосной, замерзают.

СВАДЬБА

В каком-то селе под Сморгонью Кутузов попал на крестьянскую свадьбу.

Пригласили — не отказался.

Изда-пятистенки. Столы и лавки в длиннющий ряд. Место для плясок. Ведра с рассолом — для тех, кто начнет хмелеть. В ярких одеждах гости. Жених в рубашке небесного цвета. В розовых лентах невестин наряд.

Сидят молодые. Рядом Кутузов.

Вот так невидаль в русской деревне! Свадьба не то чтобы с каким генералом, а прямо с самим фельдмаршалом!

Вкруг избы все село собралось. Буйно идет веселье. Пьют за невесту.

— За жениховье здоровье!

— Горько, горько! — кричат крестьяне.

Целуются молодые.

Идут полноверхие чары:

— За то, чтобы полная чаша в доме!

— За здоровье отца невесты!

— За женихова родителя!

— За матерей! (И разом, и по отдельности.)

И вдруг:

— За его светлость фельдмаршала князя Кутузова!

Поднялся Кутузов с почетного места:

— Увольте, увольте! Я не жених, — и сам подымает чару. — За матушку нашу — Россию. За богатырский народ!

— За Россию! — кричат крестьяне.

Вернулся Кутузов в штаб свой с веселья. Окружили его генералы.

— Ваша светлость, вам ли по свадьбам мужицким ездить, здоровье свое не беречь. — И в адрес крестьян с укоризной: — Война кругом полыхает, а им хоть бы что, свадьбы себе играют. Как-то оно не совсем прилично.

— Прилично, прилично, — ответил Кутузов. — К мирной жизни народ стремится. Чует конец войны. Мир, а не бой, жизнь, а не смерть исконно в душе россиянина.

В ЛЕСУ НА ПОЛЯНЕ

В лесу на поляне, меж сосен и елей, присмотрели солдаты отличное место. К ночлегу готовятся русские.

Мороз. Без малого тридцать. Утоптали солдаты сугробы, отбросали от центра снег. Навалили огромных бревен. Пожаром дыхнул костер. Пламя мороз съедает.

Греют солдаты спины, греют солдаты руки, шинели, развесив, сушат.

Сварили солдаты щи, приготовили кашу. Достали ложки, уселись есть.

А в это время в той же округе блуждали по лесу, сбившись с дороги, остатки какой-то французской промерзшей голодной роты.

Огонь приманил французов. Вышли они к поляне. Застыли при виде костра и каши. Желудки готовы прыгнуть наружу.

Не удержался какой-то солдат. Бросился к русским. Миску схватил у крайнего и кинулся снова в лес. Однако увяз в сугробе. Схватили его солдаты, притащили к огню.

Француз тощий. Кожа да кости. Лишь глаза, как у зверя, огнем горят.

— Тьфу, басурман, лишь кашу мою испортил! — ругнулся тот, что лишился миски.

— Ладно, Куняев, в Париже отдаст, — шуткой ответил кто-то.

То ли больно жалкий вид у голодного, то ли от огня размякли сердца солдатские, то ли чувствуют — конец войне, — только не тронули наши француза.

Усадили его к костру, дали миску и ложку.

— На, наедайся.

— Откуда ты взялся?

— Как леший тебя не съел?

Уплетает солдатскую кашу француз, как удав, не жуя, глотает. А сам в сторону леса рукою тычет.

Смотрят туда солдаты. Не видно им ничего — от огня в темноту. А из леса французам видно. Видят они, что русские пленного не обижают. Смелый опять нашелся. За ним третий, четвертый, пятый... Потянулись французы к костру.

Разглядели их русские. Батюшки светы! Не люди идут, а тени. А одежонка!.. Один, как священник, в поповской рясе. Другой по-бабьи в платок укутан. У третьего ноги, что куль, в рогожах. Четвертый, как конь, — в попоне.

Поднялись солдаты. Что им с такими делать?

— Ладно, садись к огню!

— У, да вас тут человек пятнадцать!

— Может, и сам император из леса за вами выйдет?! — снова шутку роняет кто-то.

Накормили врагов солдаты. Что-то лопочут французы. Что — не поймешь. Небось говорят спасибо.

Утром солдаты стали решать, что им с пришельцами делать. Как их считать? Казалось — за пленных. Да они же по собственной воле. Взять таких — какое же тут геройство.

Решали солдаты, решали.

— А ну их — пускай-ка себе идут!

Сообщают они французам.

Не уходят французы. Не верят.

— Да ступайте, ступайте!.. Лежачего русский не бьет!

— Куа? Куа?¹ — лопочут французы. Не верят в такое чудо.

Поднялся тогда Куняев, тот, чью кашу француз похитил:

— Да катитесь, мусью проклятые! Не стойте. Не злите солдатскую кровь, — и ругнулся. Да так, что французы сразу все поняли.

Подхватили они попоны свои и рясы.

— Мерси, гран мерси...² — И подальше от этого места.

Уходят остатки французской, чудом уцелевшей в России роты.

— Да, — переглянулись солдаты. — Выходит, и вправду близок конец войне.

НОВЫЙ ПОХОД

1812 год. Декабрь. Неман. Граница России. Тот же мост, что летом полгода тому назад.

Идут по мосту солдаты. Только не в эту — в обратную сторону. Не чеканят больше солдатский шаг. Не бьют барабаны. Не пыжаты дудки. Знамен не колышется строй. Горстка измученных, крупца оборванных — чудом еще в живых, покидают французы российский берег. Жалкий остаток великой силы. Доказательство силы иной.

Вышли русские к Неману, остановились. Вот он, конец похода.

— Выходит, жива Россия!

— Жива, — произнес седоусый капрал.

Смотрят солдаты — капрал знакомый.

— Ба, да не ты ли нам сказку тогда рассказывал?

— Я, — отвечает капрал.

— Значит, вырос телок в сохатого, — смеются солдаты. — Копытом злодея на-смерть!

— Выходит, что так.

Легко на душе солдата — исполнен солдатский долг.

Стоят солдаты над обрывом реки, вспоминают былое время. Витебский бой, бои под Смоленском, жуткий день Бородинской сечи, пожар Москвы... Да, нелегко стал путь к победе. Будут ли помнить дела потомки... Немало пролито русской крови. Многих не счесть в живых.

Взгрустнулось чуть-чуть солдатам. Поминают своих товарищей. И радостен день, и печален.

В это время сюда же, к реке, подъехал со свитой Кутузов.

— Ура-а! — закричали солдаты.

— Спасителю отечества слава!

— Фельдмаршалу слава!

---

¹ Куа? — Что? (*франц.*)

² Мерси, гран мерси — спасибо, большое спасибо (*франц.*).

— У-у-ура!

Поклонился Кутузов солдатам:

— Героям отечества слава! Солдату русскому слава!

Потом подъехал поближе к солдатам:

— Устали?

— Устали, — признались солдаты. — Да ведь оно же конец похода.

— Нет, — говорит Кутузов. — Вам новый еще поход.

Смутились солдаты. К чему тут фельдмаршал клонит? А сами:

— Рады стараться! — Так армейский устав велит.

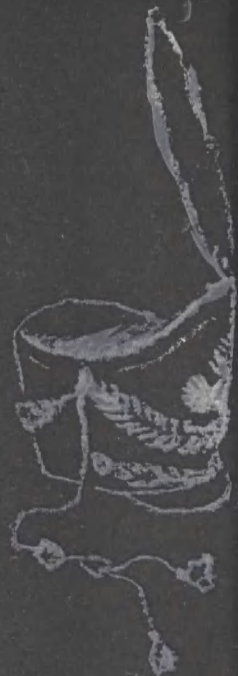
Отъехал Кутузов на видное место. Обвел он глазами войска. И голосом зычным (куда стариковская хрипь девалась!):

— Герои Витебска, герои Смоленска, соколы Тарутина и Ярославца, Бородинского поля орлы — незабвенные дети России! — Кутузов приподнялся в седле. — Живые, мертвые — стройся! Героям новый поход — в века!

Конный казак

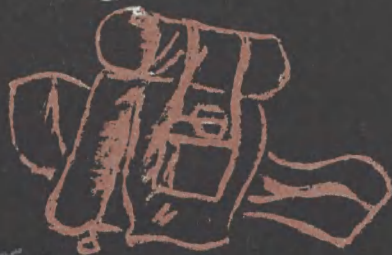
Кивер

Труба

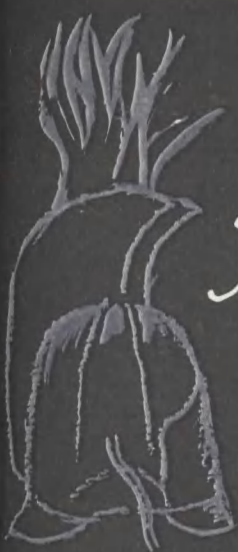
Ранец
солдатский

Подзорная
труба

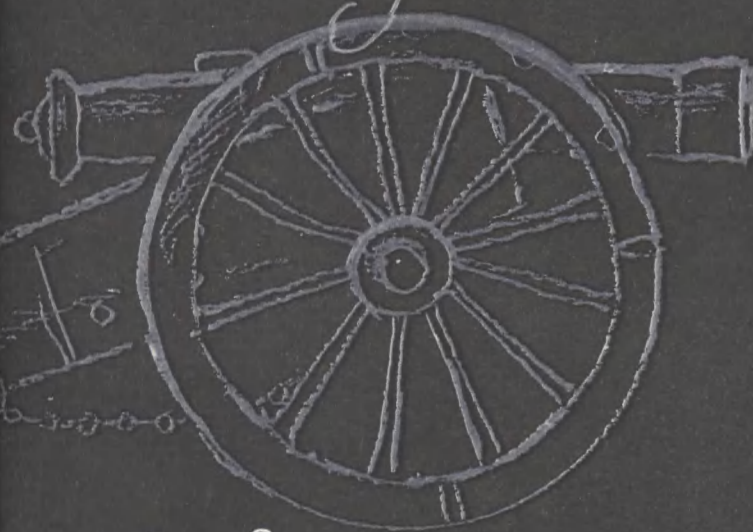

Турасирская
каска

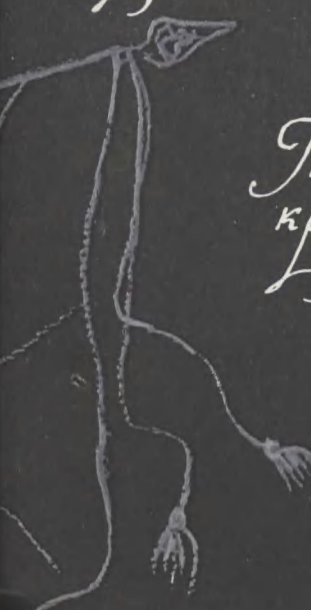

Пашка
гусарская

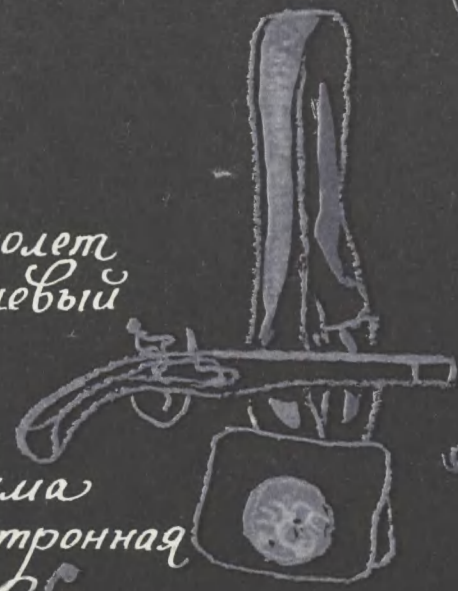
Гусар

Полевая
пушка

Тарабан

Пистолет
кремневый

Суша
патронная

Ружье
кремневое

Сабля гусарская

Часть вторая

**РАССКАЗЫ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ**

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА НА РАССВЕТЕ
ВОЙСКА ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ ВЕРОЛОМНО,
БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАПАЛИ НА НАШУ РОДИНУ.
ФАШИСТЫ ПЫТАЛИСЬ ЛИШИТЬ НАС СВОБОДЫ,
ЗАХВАТИТЬ НАШИ ЗЕМЛИ И ГОРОДА.
НАЧАЛАСЬ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
СОВЕТСКОГО НАРОДА
ПРОТИВ ФАШИСТСКИХ ПОРАБОТИТЕЛЕЙ.
У ФАШИСТОВ НА ГЛАВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ
БЫЛО БОЛЬШЕ ПУШЕК, САМОЛЕТОВ, ТАНКОВ,
ХОРОШО ОБУЧЕННЫХ СОЛДАТ.
ПЕРЕД ТЕМ КАК НАПАСТЬ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ,
ФАШИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ ЗАХВАТИЛА
АВСТРИЮ, ЧЕХОСЛОВАКИЮ, ПОЛЬШУ, ФРАНЦИЮ,
РЯД ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЫ.
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЭТИХ СТРАН
СТАЛА РАБОТАТЬ НА ФАШИСТОВ.
ВРАГИ РАССЧИТЫВАЛИ РАСПРАВИТЬСЯ С НАМИ
БЫСТРЫМ, СТРЕМИТЕЛЬНЫМ УДАРОМ.
ОНИ ДАЖЕ ПРИДУМАЛИ ВЫРАЖЕНИЕ «БЛИЦКРИГ»,
ТО ЕСТЬ МОЛНИЕНОСНАЯ ВОЙНА.
НО ФАШИСТЫ ГЛУБОКО ПРОСЧИТАЛИСЬ.
КАК ОДИН, ПОДНЯЛИСЬ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ
НА ЗАЩИТУ СВОЕЙ РОДИНЫ И СВОБОДЫ.
НА УКРАИНЕ, В БЕЛОРУССИИ, В ПРИБАЛТИКЕ,
НА ЗЕМЛЯХ СМОЛЕНСКА,
НА ЮГЕ У ОДЕССЫ И СЕВАСТОПОЛЯ,
НА СЕВЕРЕ У ЛЕНИНГРАДА РАЗВЕРНУЛИСЬ ОГРОМНЫЕ БИТВЫ
С ФАШИСТАМИ.
ОДНО ИЗ НАИБОЛЕЕ УПОРНЫХ СРАЖЕНИЙ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ПРОИЗОШЛО НА ПОДСТУПАХ К МОСКВЕ.
О ТОМ, КАК РАЗВИВАЛАСЬ
ГРАНДИОЗНАЯ БИТВА У СТЕН МОСКВЫ,
О ГЕРОИЗМЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ,
СТАВШИХ ГРУДЬЮ НА ЗАЩИТУ СОВЕТСКОЙ СТОЛИЦЫ,
ВЫ И УЗНАЕТЕ
ИЗ «РАССКАЗОВ О ВЕЛИКОЙ МОСКОВСКОЙ БИТВЕ».

РАССКАЗЫ
О ВЕЛИКОЙ
МОСКОВСКОЙ
БИТВЕ

РОДИНА-МАТЬ
ЗОВЕТ!

Глава первая

АРИФМЕТИКА

ХОЛМ ЖИРКОВСКИЙ

сень коснулась полей Подмосковья. Падает первый лист.

30 сентября 1941 года фашистские генералы отдали приказ о наступлении на Москву.

«Тайфун» — называли фашисты план своего наступления. Тайфун — это сильный ветер, стремительный ураган. Ураганом стремились ворваться в Москву фашисты.

Обойти Москву с севера, с юга. Схватить советские армии в огромные клещи. Сжать. Раздавить. Уничтожить. Таков у фашистов план.

Верят фашисты в быстрый успех, в победу. Более миллиона солдат бросили они на Москву. Тысячу семьсот танков, почти тысячу самолетов, много пушек, много другого оружия. Двести фашистских генералов ведут войска. Возглавляют поход два генерал-фельдмаршала.

Началось наступление.

На одном из главных участков фронта фашистские танки двигались на населенный пункт Холм Жирковский.

Подожли к поселку фашисты. Смотрят. Что он танкам — какой-то там Холм Жирковский. Как льву на зубок горошина.

— Форвертс! Вперед! — прокричал офицер. Достал часы. Посмотрел на время: — Десять минут на штурм.

Пошли на Жирковский танки.

Защищали Холм Жирковский 101-я мотострелковая дивизия и 128-я танковая бригада. Засели в окопах солдаты. Вместе со всеми сидит Унечин. Не лучше других, не хуже. Солдат как солдат. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Ползут на окопы танки. Один прямо идет на Унечина. Взял Унечин гранату в руку. Зорко следит за танком. Ближе, ближе фашистский танк.

— Бросай, бросай, — шепчет сосед по окопу.

Выжидает Унечин.

— Бросай же, леший тебя возьми! — уже не шепчет — кричит сосед.

Не бросает Унечин. Выждал еще минуту. Вот и рядом фашистский танк. Сосед уже было глаза зажмурил. Приготовился к верной смерти. Однако видит: поднялся Унечин, швырнул гранату. Споткнулся фашистский танк. Мотором взревел и замер.

Схватил Унечин бутылку с горючей жидкостью. Вновь размахнулся. Опять швырнул. Вспыхнул танк от горючей смеси.

Улыбнулся Унечин, повернулся к соседу, пилотку на лбу поправил.

Кто-то сказал:

— Вот это да, браток! Выходит, дал прикурить фашистам.

Рассмеялись солдаты и снова в бой.

Слева и справа идет сражение. Не пропускают герои танки.

Новую вынул солдат гранату. Бутылку достал со смесью. Рядом поставил гранату и жидкость. Ждет.

Новый танк громыхнул металлом. И этот идет на Унечина. Кто-то опять сказал:

— Зверь на ловца бежит.

Выждал Унечин минуту, вторую, третью...

«Бросай же, бросай!» — снова крикнуть хотел сосед. Однако губы зажал, сдержался.

Еще минута, и вновь граната кошкой под танк метнулась. А следом бутылка с горючей смесью. Вспыхнул и этот танк.

Улыбнулся Унечин. Пилотку на лбу поправил. Третью достал гранату. Вынул бутылку с горючей смесью. Рядом ее поставил.

Слева и справа грохочет бой. Не пропускают герои танки.

Десять минут прошло... тридцать минут прошло. Час продолжается бой, два — не стихает схватка. Смотрят с тревогой на часы фашистские офицеры. Давно уже нужно пройти Жирковский. Застрали они в Жирковском.

Более суток держались советские бойцы под Холмом Жирковским. Подбили и подожгли 59 фашистских танков. Четыре из них уничтожил солдат Унечин.

К исходу суток пришел приказ на новый рубеж отойти солдатам. Меняют бойцы позиции. Вместе со всеми идет Унечин. Солдат как солдат. Не лучше других, не хуже. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Идут солдаты. Поднялись на бугор, на высокое место. Как на ладони перед ними лежит Холм Жирковский. Смотрят солдаты — батюшка свет! — все поле в подбитых танках: земли и металла сплошное месиво.

Кто-то сказал:

— Жарко врагам досталось. Жарко. Попомнят фашисты наш Холм Жирковский.

— Не Жирковский, считай, Жарковский, — кто-то другой поправил.

Посмотрели солдаты опять на поле:

— Конечно же, Холм Жарковский!

Слева, справа идут бои. Всюду для фашистов Холмы Жарковские.

Наступают фашисты. С юга идут на Брянск, на Орел. С севера движутся к Калинин. Идут на Вязьму, Калугу, Юхнов.

Город Юхнов. Река Угра. Здесь на Угре под Юхновом обороняли солдаты мост.

Вышли к мосту фашисты. Танки столпились. Сгрудилась артиллерия. Пехота забила весь правый берег. Необходима для войск переправа. Нужен фашистам мост.

Смотрят солдаты на фашистские пушки, на танки, на правый берег:

— Братцы, сила смотри какая!

Глянешь на эту силу, и вправду, как молот, сила. Мало здесь наших войск. Обороняет мост совсем небольшой отряд, немногим больше стрелковой роты. Защищает мост и солдат Гаркуша.

Молод совсем Гаркуша. Первый бой впереди у солдата. Расположились бойцы в окопах. Обещали солдатам помощь. Ждут защитники свежей силы.

Пошли фашисты на штурм моста. Открыли пулеметный огонь по нашим. Изрешетили весь левый берег. Несутся теперь в атаку. Вот-вот и захватят мост.

Бьются солдаты отважно. Не подпускают к мосту фашистов. И все же понимает Гаркуша: не устоять им без свежей силы. Ожидают бойцы подкрепления.

— Где же помощь? — тревожиться стал Гаркуша. — Не удержим мы левый берег.

И вдруг смотрит солдат — отходят назад фашисты.

Доволен Гаркуша:

— Ура!

Видимо, помощь прибыла.

Только «Ура!» прокричал солдат, как открыли фашисты минометный огонь по нашим. Минным градом штурмуют берег. Снова идут в атаку. Вот-вот и захватят мост. Вместе со всеми в бою Гаркуша. Присмотрелся к другим молодой солдат. Грозен в бою Гаркуша.

— А ну, подходи. А ну, подходи! — Это фашистам кричит Гаркуша. Винтовка в руках у Гаркуши как пулемет стреляет.

Стойко дрались солдаты. Смотрит Гаркуша — отходят фашисты.

Доволен Гаркуша: значит, добавилась к нашим сила, значит, помощь и вправду прибыла.

Ударил по нашему берегу фашистская артиллерия. Всковырнули, как плуги, снаряды землю. Вспахали металлом берег.

Снова фашисты в атаку идут на мост. Не сдается упрямый мост. Не пропускают солдаты вперед фашистов. Оживился совсем Гаркуша:

— Ура! Братцы, не трусь! Братцы, вперед!

На атаку врагов ответили наши солдаты своей атакой. Вместе с другими бежит Гаркуша. Кончик штыка, как алмаз, сверкает.

Смотрит Гаркуша — отходят фашисты.

Доволен солдат Гаркуша: значит, снова добавилась к нашим сила, значит, вовремя помощь прибыла.

Повернулся Гаркуша назад, посмотреть на героев, на тех, кто прибыл. За спиной у солдата пустое поле. Глянул налево, глянул направо. Не видно нигде пополнения. Все те же кругом бойцы — друзья по героической роте.

— Где же сила? Была же сила? — смотрит солдат на соседа. — Где же оно, пополнение?

Пожимает сосед плечами: о чем, мол, солдат толкует?

Смутился Гаркуша, стоит в удивлении.

Где она, сила? Была же сила! Клянется солдат — была!

Три дня бойцы у Угры держались. Не пропускали вперед фашистов.

Отступают наши войска. Отходят. Сильнее враг.

С юга дорогу на Москву пробивает танковая армия под командованием генерала Гейнца Гудериана.

Рвутся, рвутся вперед фашисты. Прорвали фашистские танки советский фронт. Мчатся вперед машины.

Дорога к Москве открыта! Дорога к Москве открыта!

С хода ворвались фашисты в Орел. Мчатся дальше, спешат на Тулу.

Между Орлом и Тулой — Мценск.

К Мценску подходят фашистские танки. Утро. Встал Гейнец Гудериан. Помылся. Побрился. Сел генерал за завтрак.

Гейнец Гудериан генерал заслуженный. В особом почете среди фашистов. Ценят его в Берлине.

«Кто самый примерный у нас генерал?»

«Гейнец Гудериан».

«Кто самый у нас решительный?»

«Гейнец Гудериан».

«Кто знает одни победы?»

«Гейнец Гудериан. Гейнец Гудериан. Гейнец Гудериан!»

Льются к Гудериану рекой награды. Привык генерал к победам, к успехам, к наградам, к почестям. «Быстроногий Гейнец», — называют его в Германии.

Завтракает Гудериан, сидит за столом, рассуждает:

— Сегодня мы будем в Мценске. Завтра мы будем в Плавске. В Плавске, в Плавске... — стал напевать генерал.

Рад генерал успехам.

— Завтра мы будем в Плавске, послезавтра мы будем в Туле. В Туле, В Туле, — сказал Гудериан.

Задумался, что-то в уме прикинул:

— Послезавтра мы будем в Туле. Еще день, еще два...

Позавтракал, собрался, отправился в штаб генерал. Углубился в штабные карты. Смотрит на стрелки, смотрит на даты:

— Еще день, еще два...

И вот уже видит Москву Гудериан.

— Москва, Москва... — стал напевать генерал.

Вдруг вбегает к нему адъютант:

— Танки! Танки, мой генерал!

Не понимает Гейнец Гудериан, почему так кричит адъютант и какие танки.

— Русские танки! — кричит адъютант.

Под городом Мценском дорогу фашистам преградили советские танки.

Мало танков советских было. Однако силен удар. Умно поступали танкисты: применяли засады, заслоны, били прямой наводкой, атаковали фашистов в борт — там, где на танках броня слабее. 133 танка потеряли фашисты в боях под Мценском.

Задержались и здесь фашисты. Приводят себя в порядок. Даже комиссия специальная была созвана. Изучает комиссия — как это так, почему, чудом каким подбито здесь столько фашистских танков.

Не напевает уже генерал Гудериан. Не поется ему. Нет желания. Нет настроения.

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы.

Слова из были не выкинешь. Под городом Вязьмой большая группа советских войск попала к врагу в окружение. Довольны фашисты.

Сам Гитлер, предводитель фашистов, звонит на фронт:

— Окружены?

— Так точно, наш фюрер, — рапортуют фашистские генералы.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?

Вот смелый один нашелся.

— Нет. Осмелюсь доложить, мой фюрер... — Генерал что-то хотел сказать.

Однако Гитлер отвлекся чем-то. На полуслове прервалась речь.

Вот уже несколько дней, находясь в окружении, советские солдаты ведут упорные бои. Сковали они фашистов. Срывается фашистское наступление. Застрали враги под Вязьмой.

Снова Гитлер звонит из Берлина:

— Окружены?

— Так точно, наш фюрер, — докладывают фашистские генералы.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?

— Нет.

Страшная брань понеслась из трубки.

— Осмелюсь доложить, мой фюрер, — пытается что-то сказать тот, смелый. — Наш Фридрих Великий еще сказал...

Однако не слушает дальше фюрер. Бросил с досадой трубку.

Снова проходят дни. Не утихают бои под Вязьмой. Застрали, завязли враги под Вязьмой. Вяжет их Вязьма, вяжет. За горло рукой взяла!

В гнев великом фюрер. Снова звонок из Берлина.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?!

— Нет, — за всех отвечает смелый.

Снова брызнул поток нехороших слов. Заплясала мембрана в трубке.

Притих генерал. Переждал. Уловил минутку:

— Осмелюсь доложить, мой фюрер, наш великий, наш мудрый король Фридрих еще сказал...

Слушает Гитлер:

— Ну, ну так что же сказал наш Фридрих?

— Фридрих Великий сказал, — повторил генерал, — русских нужно дважды застрелить. А потом еще и толкнуть, мой фюрер, чтобы они упали.

Буркнул что-то невнятное в трубку фюрер. Отсоединился берлинский провод.

Целую неделю под Вязьмой не утихали бои. Неоценимой была для Москвы неделя. За эти дни защитники Москвы успели собраться с силами и подготовили для обороны удобные рубежи.

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы. Здесь на полях, на холмах под Вязьмой сотни лежат героев. Здесь, защищая Москву, совершили советские люди ратный великий подвиг.

Знай! Запомни!

Светлую память о них храни!

ГЕНЕРАЛ ЖУКОВ

Командующим Западным фронтом — фронтом, в состав которого входило большинство войск, защищавших Москву, был назначен генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Прибыл Жуков на Западный фронт. Докладывают ему штабные офицеры боевую обстановку.

Бои идут у города Юхнова, у Медыни, возле Калуги.

Находят офицеры на карте Юхнов.

— Вот тут, — докладывают, — у Юхнова, западнее города... — и сообщают, где и как расположены фашистские войска у города Юхнова.

— Нет, нет, не здесь они, а вот тут, — поправляет офицеров Жуков и сам указывает места, где находятся в это время фашисты.

Переглянулись офицеры. Удивленно на Жукова смотрят.

— Здесь, здесь, вот именно в этом месте. Не сомневайтесь, — говорит Жуков.

Продолжают офицеры докладывать обстановку.

— Вот тут, — находят на карте город Медынь, — на северо-запад от города, сосредоточил противник большие силы, — и перечисляют какие силы: танки, артиллерию, механизированные дивизии...

— Так, так, правильно, — говорит Жуков. — Только силы не вот здесь, а вот тут, — уточняет по карте Жуков.

Опять офицеры удивленно на Жукова смотрят. Забыли они про дальнейший доклад, про карту.

— Слушаю дальше, — сказал командующий.

Вновь склонились над картой штабные офицеры. Докладывают Жукову, какова боевая обстановка у города Калуги.

— Вот сюда, — говорят офицеры, — к югу от Калуги, подтянул противник мотомехчасти. Вот тут в эту минуту они стоят.

— Нет, — возражает Жуков. — Не в этом месте они сейчас. Вот куда передвинуты части, — и показывает новое место на карте.

Остолбенели штабные офицеры. С нескрываемым удивлением на нового командующего смотрят. Уловил Жуков недоверие в глазах офицеров. Усмехнулся.

— Не сомневайтесь. Все именно так и есть. Вы молодцы — обстановку знаете, — похвалил Жуков штабных офицеров. — Но у меня точнее.

Оказывается, побывал уже генерал Жуков и под Юхновом, и под Медынью, и под Калугой. Прежде чем в штаб — поехал прямо на поле боя. Вот откуда точные сведения.

Во многих битвах принимал участие генерал, а затем Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков — выдающийся советский полководец, герой Великой Отечественной войны. Это под его руководством и под руководством других советских генералов советские войска отстояли Москву от врагов. А затем в упорных сражениях и разбили фашистов в великой Московской битве.

МОСКОВСКОЕ НЕБО

Было это еще до начала Московской битвы.

Размечтался в Берлине Гитлер. Гадает: как поступить с Москвой? Мучается — что бы сделать такое необычное, оригинальное? Думал, думал...

Придумал такое Гитлер. Решил Москву затопить водой. Построить огромные плотины вокруг Москвы. Залить водой и город, и все живое.

— Сразу погибнет все: люди, дома и Московский Кремль!

Прикрыл он глаза. Видит: на месте Москвы бездонное плещется море.

— Будут помнить меня потомки!

Потом подумал: «Э-э, пока набежит вода...»

— Ждать?!

Нет, не согласен он долго ждать.

— Уничтожить сейчас же! В сию минуту!

Подумал Гитлер, и вот приказ:

— Разбомбить Москву! Уничтожить! Снарядами! Бомбами! Послать эскадрильи!

Послать армады! Не оставить камня на камне! Сровнять с землей!

Выбросил руку вперед, как шпагу:

— Уничтожить! Сровнять с землей!

— Так точно, сровнять с землей, — замерли в готовности фашистские генералы.

22 июля 1941 года, ровно через месяц после начала войны, фашисты совершили первый воздушный налет на Москву.

Сразу 200 самолетов послали в этот налет фашисты. Нагло гудят моторы.

Развалились в креслах своих пилоты. Все ближе Москва, все ближе. Потянулись фашистские летчики к бомбовым рычагам.

Но что такое?! Скрестились в небе ножами-шпагами мощные прожекторы. Поднялись навстречу воздушным разбойникам краснозвездные советские истребители.

Не ожидали фашисты подобной встречи. Расстроился строй врагов. Лишь немногие самолеты прорвались тогда к Москве. Да и те торопились. Бросали бомбы куда придется, скорей бы их сбросить и бежать отсюда.

Сурово московское небо. Крепко наказан непрошенный гость. 22 самолета сбито.

— Н-да... — протянули фашистские генералы.

Задумались. Решили посылать теперь самолеты не все сразу, не общей кучей, а небольшими группами.

— Будут наказаны большевики!

На следующий день вновь 200 самолетов летят на Москву. Летят небольшими группами — по три, четыре машины в каждой.

И снова их встретили советские зенитчики, снова их отогнали краснозвездные истребители.

В третий раз посылают фашисты на Москву самолеты. Неглупыми, изобретательными были генералы у Гитлера. Новый придумали план генералы. Надо самолеты послать в три яруса, решили они. Одна группа самолетов пусть летит невысоко от земли. Вторая — чуть выше. А третья — и на большей высоте, и чуть с опозданием. Первые две группы отвлекут внимание защитников московского неба, рассуждают генералы, а в это время на большой высоте незаметно к городу подойдет третья группа, и летчики сбросят бомбы точно на цели.

И вот снова в небе фашистские самолеты. Развалились в креслах своих пилоты. Гудят моторы. Бомбы застыли в люках.

Идет группа. За ней вторая. А чуть поотстав, на большой высоте, — третья. Самым последним летит самолет особый, с фотоаппаратами. Сфотографирует он, как разрушат фашистские самолеты Москву, привезет напоказ генералам...

Ждут генералы известий. Вот и возвращается первый самолет. Заглохли моторы. Остановились винты. Вышли пилоты. Бледные-бледные. Едва на ногах стоят.

Пятьдесят самолетов потеряли в тот день фашисты. Не вернулся назад и фотограф. Сбили его в пути.

Неприступно московское небо. Строго карает оно врагов. Рухнул коварный расчет фашистов.

Мечтали фашисты и их бесноватый фюрер уничтожить Москву до основ, до камня. А что получилось?

Биты фашисты. Москва же стоит и цветет, как прежде. Хорошеет от года к году.

Продолжают рваться к Москве фашисты. Гудериан на Москву наступает с юга. С запада движется Гепнер. Гепнер тоже танковый генерал. Сотни танков в полках у Гепнера. Прорвали фашистские танки советский фронт.

Прорван фронт, но знает Гепнер, что это еще не все. Там, впереди, еще главные русские силы. Мечтает Гепнер разбить эти силы.

— Вперед, к победе!

Наступают танки, и вдруг задержка. Вот они, главные силы, решает Гепнер. Вот он, главный, последний бой. Закипело сражение. Кончилась схватка.

— Разбиты?

— Разбиты.

— Главные силы?

— Нет, — отвечают Гепнеру.

— Наши потери?

— Двенадцать танков.

— С кем же сражались?

— Стрелковый батальон.

— Н-да... — протянул недовольно Гепнер.

Двигутся вперед фашисты. Сокрушают танки округу гулом. Прошли немного. Опять остановка. Закипело сражение. Кончился бой.

— Разбиты?

— Разбиты.

— Главные силы?

— Нет, — отвечают Гепнеру.

— Наши потери?

— Шестнадцать танков.

— С кем же сражались?

— Сводный отряд курсантов.

Нахмурился Гепнер. Жилка под глазом дернулась.

Тронулись танки дальше. Моторы режут как звери. Прошли немного. Опять преграда. В новом бою фашисты. Закончилась схватка. Снова Гепнер спешит с вопросом:

— Разбиты?

— Разбиты.

— Главные силы?

— Нет, — отвечают Гепнеру.

Сплюнул с досады Гепнер:

— Наши потери?

— Семнадцать танков.

— С кем же сражались?

— Саперная рота.

Наморщился Гепнер. Grimаса лицо схватила.

Двигутся, движутся вперед фашисты. Там остановка, и здесь задержка. Там задержка, и здесь остановка. Бой переходит в бой. Схватку сменяет схватка.

Считает Гепнер потери: двенадцать танков, шестнадцать танков, семнадцать танков, опять двенадцать, пятнадцать, двадцать, четыре, десять, опять пятнадцать...

Считает, сколько прошли километров: двадцать, пятнадцать, двенадцать, пять, стояли, опять стояли, девять, семнадцать, четыре, три, стояли, стояли, опять стояли.

Считает, сколько пройти осталось...

Уткнулся Гепнер, как школьник, в цифры. Слагает, вычитает. Делит. Множит. Опять слагает. Сидит, как бухгалтер, как счетовод. Смотрит на цифры. Смотрит на карту. Снова на карту. Опять на цифры.

Огромны потери в войсках у Гепнера. Как ни крути, как ни верти, как ни считай, ни складывай, но если так дальше пойдет, останется Гепнер вскоре совсем без танков. Придется дальше шагать пешком.

Сокрушают фашистов советские воины. Наносят удары по хваленной фашистской технике.

Считают фашисты потери. Печальная арифметика.

ТУЛЬСКИЕ ПРЯНИКИ

Тульский пряник вкусный-вкусный. Сверху корочка, снизу корочка, посередине сладость.

Встретив героическое сопротивление советских войск на западе и на других направлениях, фашисты усилили свою попытку прорваться к Москве с юга. Фашистские танки стали продвигаться к городу Туле.

Здесь вместе с Советской Армией на защиту города поднялись рабочие батальоны.

Тула — город оружейников. Тульские рабочие сами наладили производство нужного вооружения.

Одно из городских предприятий стало выпускать противотанковые мины. Помогали этому производству готовить мины и рабочие бывшей кондитерской фабрики. Среди помощников оказался и ученик кондитера Ваня Колосов. Изобретательный он паренек, находчивый и веселый.

Как-то явился Ваня в цех, где производили мины. Под мышкой папка. Раскрыл папку, в папке лежат наклейки. Наклейки были от коробок, в которые упаковывали на кондитерской фабрике тульские пряники. Взял Ваня наклейки. Подошел к готовым минам. Наклейки на мины — шлеп, шлеп. Читают рабочие, на каждой мине написано: «Тульский пряник».

Смеются рабочие:

— Вот так фашистам «сладость».

— Фрицам хорош «гостинец».

Ушли мины на передовую к защитникам города. Возводят саперы на подходах к Туле противотанковые поля, укладывают мины, читают на минах — «тульский пряник».

Смеются солдаты:

— Ай да «сюрприз» фашистам!

— Ай да «гостинец» фрицам!

Пишут солдаты письмом рабочим: «Спасибо за труд, за мины. Ждем новую партию «тульских пряников».

В конце октября 1941 года фашистские танки подошли к Туле. Начали штурм города. Да не прошли. Не пропустили их советские воины и рабочие батальоны. На минах многие машины подорвались. Почти 100 танков потеряли фашисты в боях за Тулу.

Понравилось советским солдатам выражение «тульские пряники». Все, что из Тулы приходило теперь на фронт — снаряды и патроны, минометы и мины, — стали называть они тульскими пряниками.

Долго штурмовали фашисты Тулу. Да все напрасно. Бросали в атаку армады танков. Безрезультатно. Так и не прорвались фашисты к Туле.

Видимо, «тульские пряники» хороши!

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

1941 год. 7 ноября. Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

Враг рядом. Советские войска оставили Волоколамск и Можайск. На отдельных участках фронта фашисты подошли к Москве и того ближе. Бои идут у Наро-Фоминска, Серпухова и Тарусы.

Но, как всегда, в этот дорогой для всех граждан Советского Союза день, в Москве, на Красной площади, состоялся военный парад в честь великого праздника.

Когда солдату Митрохину сказали, что часть, в которой он служит, будет принимать участие в параде на Красной площади, не поверил солдат вначале. Решил, что ошибся, ослышался, что-то неверно понял.

— Парад! — объясняет ему командир. — Торжественный, на Красной площади.

— Так точно, парад, — отвечает Митрохин. Однако в глазах неверие.

И вот замер Митрохин в строю. Стоит он на Красной площади. И слева стоят от него войска. И справа стоят войска. Руководители партии и члены правительства на Ленинском Мавзолее. Все точь-в-точь как в былое мирное время.

Только редкость для этого дня — от снега бело кругом. Рано нынче мороз ударил. Падал снег всю ночь до утра. Побелил Мавзолей, лег на стены Кремля, на площадь.

8 часов утра. Сошлись стрелки часов на кремлевской башне.

Отбили куранты время.

Минута. Все стихло. Командующий парадом отдал традиционный рапорт. Принимающий парад поздравляет войска с годовщиной Великого Октября. Опять все стихло. Еще минута. И вот вначале тихо, а затем все громче и громче звучат слова Председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР товарища Сталина.

Сталин говорит, что не в первый раз нападают на нас враги. Что были в истории молодой Советской Республики и более тяжелые времена. Что первую годовщину Великого Октября мы встречали окруженными со всех сторон захватчиками. Что против нас тогда воевало 14 капиталистических государств и мы потеряли три четвертых своей территории. Но советские люди верили в победу. И они победили. Победят и сейчас.

— На вас, — долетают слова до Митрохина, — смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков.

Застыли в строю солдаты.

— Великая освободительная миссия выпала на вашу долю, — летят сквозь мороз слова. — Будьте же достойными этой миссии!

Подтянулся Митрохин. Лицом стал суровее, серьезнее, строже.

— Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. — И вслед за этим Сталин сказал: — Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

И сразу же вслед за речью Верховного Главнокомандующего по Красной площади торжественным маршем прошли войска. Шла пехота, шла артиллерия, кавалерийские части прошли по площади, прогремели металлом танки.

И все это здесь, на Красной площади, в этот тревожный час, казалось чудом, почти видением. И все это, как в сказке, возникнув здесь, в центре Москвы, снова

ушло на фронт, туда, где совсем рядом решалась судьба и Москвы, и всего Советского Союза.

Шли солдаты. Шел рядовой Митрохин. А рядом шагала песня:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

ПОДВИГ У ДУБОСЕКОВА

В середине ноября 1941 года фашисты возобновили свое наступление на Москву. Один из главных танковых ударов врага пришелся по дивизии генерала Панфилова.

Разъезд Дубосеково. 118-й километр от Москвы. Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама. Здесь на холме, на открытом поле, герои из дивизии генерала Панфилова преградили фашистам путь.

Их было 28. Возглавлял бойцов политрук Клочков. Врылись солдаты в землю. Прильнули к краям окопов.

Рванулись танки, гудят моторами. Сосчитали солдаты:

— Батюшки, двадцать штук!

Усмехнулся Клочков:

— Двадцать танков. Так это, выходит, меньше, чем по одному на человека.

— Меньше, — сказал рядовой Емцов.

— Конечно, меньше, — сказал Петренко.

Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама.

Вступили герои в бой.

— Ура! — разнеслось над окопами.

Это солдаты первый подбили танк.

Снова гремит «Ура!». Это второй споткнулся, фыркнул мотором, лязгнул броней и замер. И снова «Ура!». И снова. Четырнадцать танков из двадцати подбили герои. Отошли, отползли уцелевших шесть.

Рассмеялся сержант Петренко:

— Поперхнулся, видать, разбойник.

— Эка же, хвост поджал.

Передохнули солдаты. Видят — снова идет лавина. Сосчитали — тридцать фашистских танков.

Посмотрел на солдат политрук Клочков. Замерли все. Притихли. Лишь слышен железа лязг. Ближе все танки, ближе.

— Друзья, — произнес Клочков, — велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва.

— Понятно, товарищ политрук, — ответили солдаты.

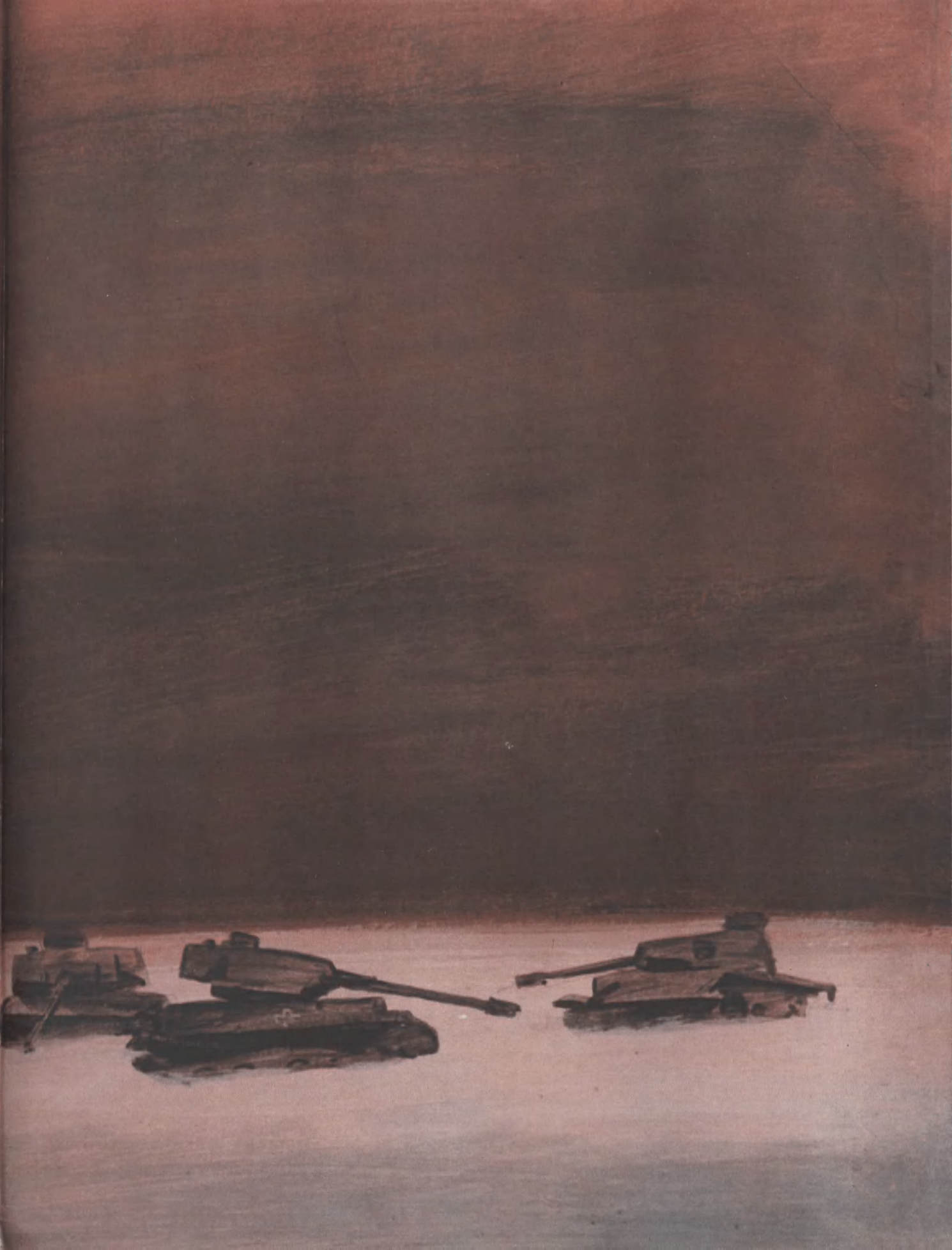
— Москва!

Вступили солдаты в битву. Все меньше и меньше в живых героев. Пали Емцов и Петренко. Погиб Бондаренко. Погиб Трофимов. Нарсунбай Есебулатов убит. Шопов. Все меньше и меньше солдат и гранат.

Вот ранен и сам Клочков. Поднялся навстречу танку. Бросил гранату. Взорван фашистский танк. Радость победы озарила лицо Клочкова. И в ту же секунду сразила героя пуля. Пал политрук Клочков.

Стойко сражались герои-панфиловцы. Доказали, что мужеству нет предела. Не пропустили они фашистов.

Разъезд Дубосеково. Поле. Холмы. Перелески. Где-то рядом петляет Лама. Разъезд Дубосеково — для каждого русского сердца дорогое, святое место.

«ЗНАЙ НАШИХ!»

Явилась она, как птица.словно с неба, словно из снега, словно из дивной сказки.

Суровые бои идут на северо-западе от Москвы на Ленинградском шоссе. Фашисты прорвались к городу Клину. Отходят советские роты. Поднялись бойцы на пригорок. Слева низина. В низине покрытая льдом река. Здесь собрались фашисты. Жмутся один к другому. Много их — сотни, а то и тысяча. К новой атаке тут сборный пункт.

Смотрят бойцы на фашистских солдат. Кто-то сказал:

— Э-эх, картечью бы в это месиво.

— Верно — картечью, — подтверждает второй.

— Да, картечью бы в самый раз, — соглашается кто-то третий.

Размечтались солдаты.

— Эх бы пушку сюда, — произнес один.

Второй добавляет:

— А к ней — снаряды.

— И смелых ребят к орудию, — включается третий.

Мечтают солдаты. И вдруг с той, с другой стороны оврага, на такой же высокой, как эта, круче появилась артиллерийская упряжка.

Протерли глаза солдаты — считай, мерещится. Нет! Все настоящее. Лошади. Пушка. Два солдата. Офицер при пушке.

Посмотрели артиллеристы в низину. Тоже заметили там фашистов. Остановились.

Смотрят солдаты на пушкарей.словно с неба, словно из снега, словно из сказки они явились.

Постояли артиллеристы минуту над кручей и ближе к фашистам — на полном карьере — слетели вниз. Видят фашисты артиллеристов. Гадают: куда это мчит упряжка? Да и чья, сразу не разобрали. Пока разбирались — упряжка рядом. Развернули солдаты пушку. В ствол вложили снаряд с картечью.

— Ну, знай наших! — прокричал офицер. — Огонь!

Чихнула картечью пушка. Выстрел, за ним второй.

— Знай наших! Знай наших! — кричал офицер. — Огонь! Огонь!

Третий выстрел. Четвертый. Поднял снежные вихри пятый.

— Знай наших! Знай наших!

Покрылась телами фашистов низина. Те, кто остался жив, бросились вверх по крутому склону, как раз туда, где стояли солдатские роты. Встретили их пулеметным огнем солдаты. Довершили отважное дело.

Когда бойцы вновь посмотрели вниз, не было там упряжки. Скрылась она из вида. Как птица, как песня. Как пришла, так и ушла, словно вернулась в сказку.

Долго стояли над кручей солдаты.

Кто же герои? Кто эти дерзкие артиллеристы? Так и не узнали о том солдаты.

«Знай наших!» — вот и все, что на память об отважных бойцах осталось.

Не утихают бои под Москвой. Рвутся и рвутся вперед фашисты. В середине ноября 1941 года особенно сильные бои развернулись на подступах к городу Истре. Немало и здесь героев. Гордятся солдаты младшим лейтенантом Кульчинским, гордятся заместителем политрука Филимоновым, гордятся другими. На смерть стоят солдаты. Отважно разят врага. Выбивают фашистских солдат и фашистскую технику.

Как-то после тяжелого дня собрались солдаты в землянке, заговорили о подвигах. О летчиках речь, о танкистах — вот кто народ геройский!

Сидит в сторонке солдат Воронович. Тоже о смелых делах мечтает. Только не танкист Воронович, не летчик. Скромная роль у него на войне. Связист Воронович. Да и характером тих, даже робок солдат. Где уж такому мечтать о подвиге!

И вдруг порвали где-то фашистские мины связь. На поиски повреждения и отправился солдат Воронович.

Шагает, идет Воронович, пробирается лесом, полем, и вот у овражка, у прошлогоднего стога сена, стоят четыре фашистских танка. Всмотрелся солдат. Кресты на боках. Дула пушек на него, на Вороновича, глазом змеиным смотрят.

Неприятно солдату стало. Холодок пробежал по телу. Прилег Воронович на землю. Зорче еще всмотрелся. Видит — у танков в кружок собрались фашисты. Соображает солдат — привал у врагов. И верно — достали фашисты еду.

Лежит Воронович. Громко стучит сердце. Один солдат и четыре танка! Уйти? Отступить? Отползти? Укрыться?

Еще громче забилося сердце, в висках молотком застучало. А что-то внутри: «Вот минута твоя, солдат. Вперед, вперед — там ожидает подвиг!»

Четыре танка, один солдат. Да разве тут сила к силе. Лежит Воронович: «Четыре танка! Конечно, не к силе сила».

Но снова какой-то голос: «Вперед! Не мешкай, солдат. Вперед!»

Лежит Воронович: «Четыре танка! Отряд фашистов!» А мысли одна за другой: «Смелее, солдат, смелее! Время не трать, солдат!»

Пополз Воронович к фашистам. Остановился. Поднялся. Швырнул гранату. Тех, кто выжил от этой гранаты, тут же гранатой второй скошил.

Поражались потом солдаты.

— Один — и четыре фашистских танка. Орел! Орел! — смеялись солдаты. — Не Воронович ты вовсе. Нет! Есть ты у нас Орлович!

ЛОПАТА

Война есть война. Всякое здесь бывает. Лопата и та стреляет. Москва готовилась к схватке с врагом. Вокруг города возводились оборонительные рубежи. Рылись окопы. Создавались баррикады, завалы, возводились проволочные заграждения, устанавливались «ежи» и надолбы. Тысячи женщин, стариков и подростков брали в руки кирки, ломы, лопаты...

Длинной полоской уходит ров. Вот он прямо идет, вот чуть изогнулся, коленце сделал. Пополз чуть на взгорье. Сбежал к низинке. Пересек оголенное поле. Ушел за ближайший лес. Это противотанковый ров. Много их у границ Москвы. И этот. И чуть правее. И чуть левее. И дальше — за лесом. И дальше — за полем. И дальше, и дальше — перекрывшие горизонт.

Костя Незлобин — студент-текстильщик. В землеройной студент бригаде. Просится Костя в армию:

— Я в роту хочу. Я — в снайперы.

Не взяли Незлобина в армию. Слаб оказался зрением. И вот в землекопах теперь Незлобин. Вместе с другими копает ров. Девушки рядом, подростки, женщины. Старшим — старик Ордынцев.

Объясняет Костя:

— Не взяли в снайперы.

— Тут тоже, Незлобин, фронт, — отвечает Ордынцев.

— Подумаешь, фронт, — усмехнулся Костя, — канава, ров.

— Не ров, а военный объект, — поправляет старик Ордынцев.

Только сказал, как в небе низко, совсем над землей, над людьми, над окопом пронесся фашистский летчик. Бросил он бомбу. Открыл огонь.

— Ложись! — закричал Ордынцев.

Бросились люди на дно окопа. Переждали огонь врага. Трижды в тот день приходили сюда фашисты.

— Ну, чем же тебе не фронт, — посмотрев на Костю, усмехнулся старик Ордынцев.

Ночь опустилась над лесом, над полем. На отдых ушли отрядники. Рядом на взгорке стоит деревня. Расположились в уютных избах.

Только стал засыпать Незлобин, вдруг голос:

— Тревога! Тревога!

Вскочил Незлобин. Момент — на улице. Узнал, в чем дело. Оказалось, с воздуха сброшен фашистский десант. Проснулись люди. Бегут на поле. Промчались кони — наряд охраны. Вернулся Костя к избе, к сараю. Схватил лопату — вперед, за всеми.

Бежит к окопам, где место сбора. А здесь девчата, а здесь Ордынцев. Вдруг с неба — солдат фашистский. Повис на стропе. И прямо в группу.

Не ожидали девчата «гостя».

— Ай, ай! — с испуга.

А Костя словно лишь ждал момента. Схватил Незлобин секиру-заступ. Фашиста в спину.

— А-а-а! — взревел десантник. Осел и рухнул. Лежит, раскинул руки.

Расцеловали Костю друзья-девчата.

— Снайпер, ну, право, снайпер, — сказал Ордынцев.

Отбили люди десант фашистов. Вернулись в избы, ко сну, к покою. А утром снова трубит побудка. И снова люди в суровом поле.

Смешались с фронтом тылы, обозы. Кругом девизом, кругом паролем:

«Врага не пустим!»

«Врага осилим!»

И взмах лопаты, как взрыв снаряда. И если надо, она копает. И если надо, она стреляет.

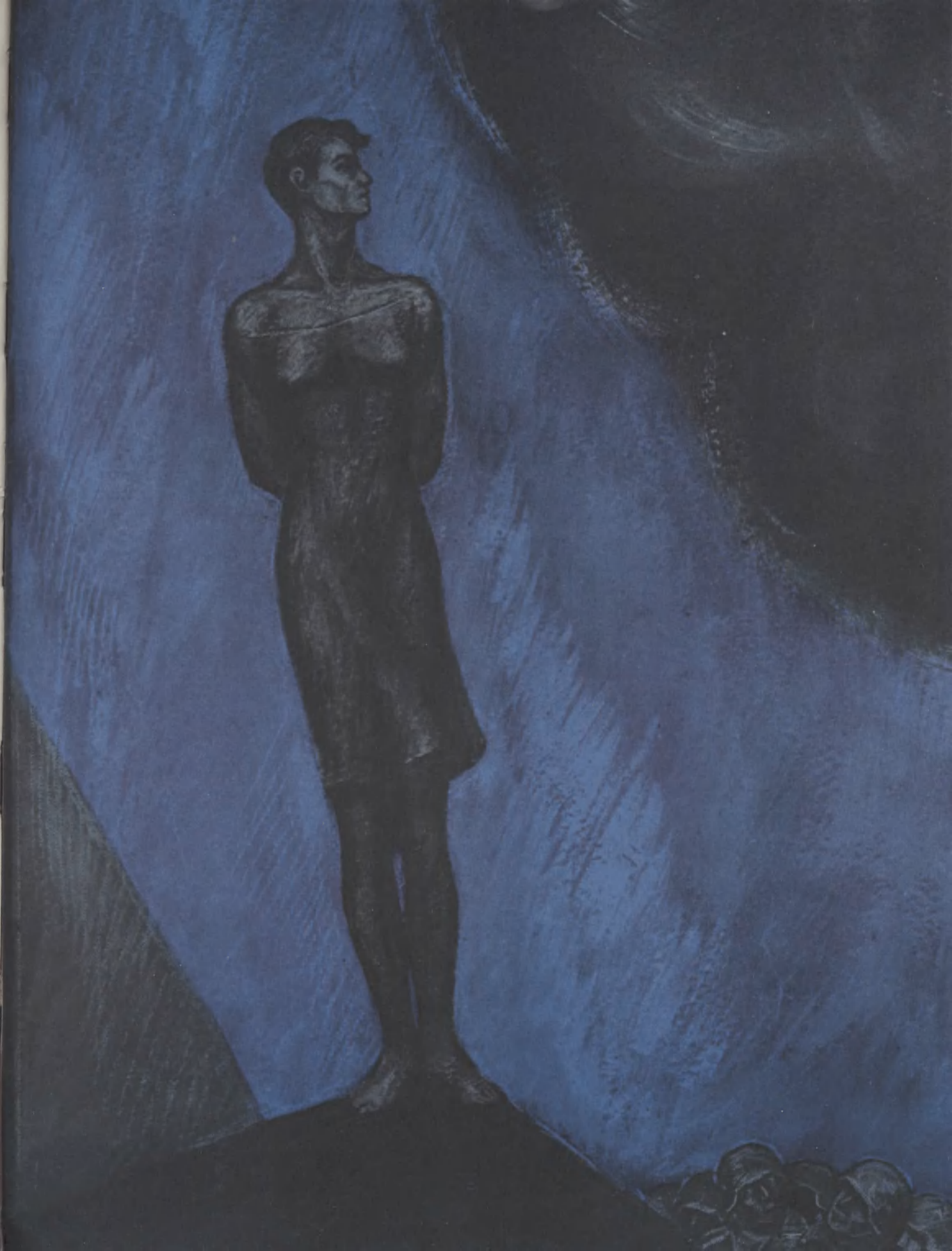
ЗОЯ

Сизой лентой на запад бежит шоссе. Мчат по шоссе машины. 85-й километр от Москвы. Присмотрись налево. Мраморный пьедестал. На пьедестале застыла девушка. Связаны руки. Гордый, открытый взгляд.

Это памятник Зое. Зое Космодемьянской.

Зоя училась в московской школе. Когда враг стал подходить к Москве, она вступила в партизанский отряд. Девушка перешла линию фронта и присоединилась к народным мстителям. Многие жители Подмосковья против фашистов тогда под-
нялись.

Полюбили в отряде Зою. Отважно переносила она все тяготы и невзгоды опасной жизни. «Партизанка Таня» — так называли в отряде Зою.

В селе Петрищево остановился большой фашистский отряд. Ночью Зоя проникла в Петрищево, перерезала телефонные провода и подожгла дома, в которых остановились гитлеровцы. Через два дня Зоя снова пришла в Петрищево. Но враги схватили юную партизанку.

Допрашивал Зою сам командир дивизии подполковник Рюдерер:

— Кто вы?

— Не скажу.

— Это вы подожгли дома?

— Да, я.

— Ваши цели?

— Уничтожить вас.

Зою начали избивать. Требовали, чтобы она выдала своих товарищей, сказала, откуда пришла, кто послал ее на задание.

«Нет», «Не знаю», «Не скажу», «Нет», — отвечала Зоя.

И снова пошли побои.

Ночью Зою подвергли новым мучениям. Почти раздетую, в одном нижнем белье, ее несколько раз выгоняли на улицу и заставляли босую ходить по снегу.

И снова:

— Скажите, кто вы? Кто вас послал? Откуда пришли?

Зоя не отвечала.

Утром Зою повели на казнь. Устроили ее в центре деревни на деревенской площади. К месту казни согнали колхозников.

Девушку повели к виселице. Поставили на ящик. Набросили петлю на шею.

Последняя минута, последний миг молодой жизни. Как использовать этот миг? Как остаться бойцом до конца?

Вот комендант приготовился дать команду. Вот занес руку, но остановился. Кто-то из фашистов в это время припал к фотоаппарату. Комендант приосанился — нужно получиться достойным на снимке. И в это время...

— Товарищи! Не бойтесь, — прозвучал голос Зои. — Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!

Стоявший рядом фашист подбежал к Зое, хотел ударить, но девушка оттолкнула его ногой.

— Мне не страшно умирать, товарищи, — говорила Зоя. — Это счастье — умереть за свой народ. — И, чуть повернувшись, прокричала своим мучителям: — Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Все равно победа будет за нами!

Комендант дернулся. Подал рукой команду...

Минское шоссе. 85-й километр от Москвы. Памятник героине. Люди, пришедшие поклониться Зое. Синее небо. Простор. Цветы...

ОТДЕЛЬНЫЙ ТАНКОВЫЙ БАТАЛЬОН

Продолжается жестокая схватка с фашистами. Тяжелые бои идут у поселка и станции Крюково. С особой силой здесь жмут фашисты. Не хватает солдатских сил. Вот-вот отойдут солдаты.

Звонят командиры старшим начальникам. Просят о срочной помощи. Нет у старших начальников помощи. Все резервы давно в бою. Все тяжелее дела под Крюковым. Снова звонят командиры начальникам.

— Хорошо, — говорят начальники. — Ждите танковый батальон.

И верно, вскоре на командный пункт сражающегося здесь полка явился офицер-танкист. Молод, красив танкист. В кожаной куртке, в шлеме танкистском. Глаза синие-синие.словно в мае с неба схватил лазурь и сунул себе под веки.

Подошел танкист к командиру полка, руку к шлему поднес, представился:

— Товарищ командир полка, отдельный танковый батальон прибыл в ваше распоряжение. Докладывает командир батальона старший лейтенант Логвиненко.

Доволен — нет сил — командир полка. Мало того, что доволен — счастлив. Обнял офицера:

— Спасибо, браток, спасибо. — И сразу конкретно к делу: — Сколько в батальоне танков?

— Одна машина, — отвечает танкист. И небесной лазурью на командира смотрит.

— Сколько-сколько? — не верит своим ушам командир полка.

— Одна машина, — повторяет танкист. — Одна осталась... Танк типа «Т-37».

Большие потери несли под Москвой фашисты. Но и у наших они немалые... Вся радость с лица у командира полка — словно кто-то огромный дунул — секундой сле-тела. Танк «Т-37» самый устаревший советский танк. Самый старый и самый малый. Один пулемет — вот и все вооружение. Броня толщиной с мизинец.

— Жду боевую задачу, — сказал танкист.

«Катись к черту — вот и вся боевая задача», — хотел было сказать командир полка. Однако сдержался, себя осилил.

— Направляйтесь в распоряжение первого батальона, — сказал командир полка. Этот батальон больше всего и атаквали сейчас фашисты.

Прибыл танкист к батальону и сразу с пехотинцами ринулся в бой. Умно поступал танкист. То в одном месте поддержит броней пехотинцев, то быстро меняет позиции. И вот уже виден на новом месте. Видят броню солдаты. Легче в бою солдатам. Слух от солдата идет к солдату — прибыл танковый батальон.

Устояли тогда герои. Не пустили вперед фашистов.

И вторую отбили атаку солдаты. А за этой еще четыре. Теперь уж не только первому батальону — всему полку помогал танкист.

Закончился бой. Стоит танкист — молодой, возбужденный, красивый. Глаза синие-синие. Майской горят лазурью.

Подошел к танкисту командир полка, крепко обнял героя:

— Спасибо, браток, спасибо. Вижу, что прибыл действительно танковый батальон.

АЭРОСТАТЧИК

Среди защитников Москвы находился отряд аэростатчиков. Поднимались аэростаты в московское небо. С помощью металлических тросов создавали заслоны против фашистских бомбардировщиков.

Спускали как-то солдаты один из аэростатов. Однотонно скрипит лебедка. Стальной трос, как нитка, ползет по бобине. При помощи этого троса и спускают аэростат. Все ниже он, ниже. С оболочки аэростата свисают веревки. Это фалы. Схватят сейчас бойцы аэростат за фалы. Держась за фалы, перетаскают аэростат к месту стоянки. Укрепят, привяжут его к опорам.

Аэростат огромный-огромный. С виду как слон, как мамонт. Послушно пойдет за людьми машина. Это как правило. Но бывает, заупрямится аэростат. Это если бывает ветер. В такие минуты аэростат, словно скакун норовистый, рвется и рвется с привязи.

Тот памятный для солдата Велигурь день выдался именно ветреный.

Спускается аэростат. Стоит рядовой Велигура. Стоят другие. Вот схватят сейчас за фалы.

Схватил Велигура. Другие же не успели. Рвануло аэростат. Слышит Велигура какой-то хлопок. Потом Велигуру дернуло. Земля отошла от ног. Глянул боец, а он уже в воздухе. Оказалось, лопнул трос, с помощью которого спускала лебедка аэростат. Поволок Велигуру аэростат за собой в поднебесье.

— Бросай фалы!

— Бросай фалы! — кричат Велигуре снизу товарищи.

Не понял Велигура вначале, в чем дело. А когда разобрался — поздно. Земля далеко внизу. Все выше и выше аэростат.

Держит солдат веревку. Положение просто трагическое. Сколько же может так человек удержаться! Минутой больше, минутой меньше. Затем силы его покинут. Рухнет несчастный вниз.

Так бы случилось и с Велигурой. Да, видно, в сорочке боец родился. Хотя, скорее, просто Велигура боец находчивый. Ухватил он ногами веревку. Легче теперь держаться. Дух перевел, передохнул. Петлю ногами на веревке старается сделать. Добился солдат удачи. Сделал боец петлю. Сделал петлю и в нее уселся. Совсем отошла опасность. Повеселел Велигура. Интересно даже теперь бойцу. Впервые так высоко поднялся. Парит, как орел, над степью.

Смотрит солдат на землю. Проплывает под ним Москва лабиринтом домов и улиц. А вот и окраина. Кончился город. Над дачным Велигура летит районом. И вдруг понимает боец, что ветер несет его в сторону фронта. Вот и район боев, вот и линия фронта.

Увидели фашисты советский аэростат. Открыли огонь. Разрываются рядом снаряды. Неуютно бойцу на воздушном шаре.

Несет ветер солдата все дальше и дальше вдоль линии фронта. Положение катастрофическое. Сколько же продержится человек над огнем на воздушном шаре? Минутой больше, минутой меньше. Пробьют оболочку аэростата. Рухнет машина вниз.

Так бы случилось, конечно, и с Велигурой. Да, видно, и впрямь в сорочке боец родился. Не задевают, мимо проходят взрывы.

Но главное — вдруг, как по команде, изменил направление ветер. Понесло Велигуру опять к Москве. Вернулся боец почти туда же, откуда отбыл. Благополучно спустился вниз.

Жив солдат. Невредим. Здоров.

Вот и вышло, что рядовой Велигура на аэростате к врагам слетал почти так же, как в свое время в неприятельскую крепость верхом на ядре знаменитый барон Мюнхаузен.

Все хорошо. Беда лишь в одном. Мало кто в этот полет поверил. Только Велигура начнет рассказывать, сразу друзья кричат:

— Ну, ну, ври, загигай, закручивай!

Не Велигура теперь Велигура. Только откроет бедняга рот, сразу несется:

— Барон Мюнхаузен!

Война есть война. Всякое здесь бывает. Бывает такое, что сказкой потом считают.

«АЙН, ЦВАЙ, ДРАЙ!»

Бывалый солдат во взводе, что вожак в журавлиной стае.

Бой шел южнее Москвы, в Тульской области, около города Венева. Фашистские танки стали заходить в тыл советским войскам. Пришлось войскам отступить. Не успел уйти из Венева лишь взвод полковой разведки. Укрылись бойцы в одном из сараев на окраине города.

Захватили фашисты Венев. Стоят часовые при въезде, при выезде. Не прорваться к своим разведчикам.

— Нет тут выхода!

— Нет спасения!

— Верный плен.

Вдруг вышел вперед разведчик сержант Мисанов:

— Разговорчики! Как нет выхода, нет спасения?!

Смотрят бойцы на Мисанова. Известен во взводе боец Мисанов. Если такое сказал Мисанов, значит, надежда и вправду есть. Притихли солдаты в сарае. Смотрят сквозь щели в стене на улицу. Смотрит и сам Мисанов.

Ноябрь. Морозно на улице. Падает снег. Ветерок колесит по улице. Гонит вперед поэмку.

Проходят через город по улице совсем рядом с сараем, в котором сидят советские бойцы, маршевые колонны фашистской пехоты. Идут в колоннах по два человека. Зябко фашистам. Ссутулили плечи, подняли воротники.

— Айн, цвай, драй! — командуют фашистские командиры.

«Айн, цвай, драй!» — отдается в ушах у Мисанова.

«Что же сержант придумает?» — гадают солдаты.

Смотрит Мисанов на фашистских солдат:

— Эка вон как ссутулили плечи.

— Так ведь от холода, — поясняют бойцы.

— Эка ж задрали воротники.

— Так ведь за уши мороз хватает.

Наступил вечер. Стемнело вокруг. Ни звезд, ни луны на небе. Лишь раздаются за стенами сарая немецкие голоса, лишь слышен топот солдатских ног.

Прошло какое-то время, и вдруг Мисанов подал команду:

— Становись! Стройся по два в колонну.

Построились солдаты. «Что же такое будет?»

— Поднять воротники! — командует Мисанов.

Подняли солдаты воротники.

— Сутулься, сутулься. Плечи сутуль сильнее.

Вогнали шеи солдаты в плечи.

Распахнул Мисанов ворота.

— Шагом марш! — скомандовал тихо и тут же громко: — Айн, цвай, драй!

Тронулись солдаты. Вышли на главную улицу, по которой шли фашистские роты, пристроились к хвосту одной из колонн.

— Айн, цвай, драй! — командует Мисанов. И тут же тихо: — Братцы, плечи сутуль, плечи сутуль сильнее. — И снова громко, во всю солдатскую мочь: — Айн, цвай, драй!

Прошли солдаты мимо фашистского часового, переступили границу города, вышли в открытое поле. Приотстали солдаты, оторвались от фашистских колонн, свернули с дороги. К утру и достигли своих.

— Да как вы?!

— Откуда? — пошли вопросы.

— Не гадали в живых вас видеть.

— Так ведь с нами Мисанов!

— Ах, Мисанов — так это другое дело.

Бывалый солдат из любой беды живым, невредимым выйдет. Бывалый солдат во взводе, что вожак в журавлиной стае.

БЛИЖЕ ДРУГИХ

Не умолкают бои под Москвой. От станции Крюково по направлению к Москве прорвались два неприятельских танка.

Несутся вперед машины.

Прорвались фашисты. Уверены — сзади идут другие. Однако другие не одолели рубеж обороны. Остались на прежних местах другие. Лишь эти двое вперед несутся.

Совсем пустяки до Москвы осталось.

— Быстрее! Быстрее! — командиры торопят водителей. Не знают они, что другие на прежних местах остались. Боятся, как бы другие не опередили их.

Подгоняет танкистов желание ворваться в Москву непременно первыми.

— Первыми!

— Первыми!

— Первыми!

Несутся вперед враги. Вот он, долгожданный момент удачи.

— Первыми будем в русской столице!

— Первыми!

Опасный прорыв совершили фашисты. Да только и здесь у Москвы — защитники. Прикрывают подходы к Москве зенитчики. Получен такой приказ: передвинуть из города навстречу фронту зенитные батареи, направить стволы по наземным целям.

Приспустили стволы зенитчики. Готовы к стрельбе по наземным целям.

Сидят у орудий бойцы, следят не за небом — за дорогой, за полем.

Вдруг возглас:

— Танки!

Смотрят — и верно танки.

— Орудия к бою!

— Орудия к бою!

Вступили зенитчики в бой с противником.

— Огонь!

— Огонь!

А танки все ближе и ближе.

— Целься прямой наводкой!

Припали солдаты к пушкам. Крикнул снова сержант:

— Огонь!

Взвизгнул снаряд — и сталью о сталь. Споткнулся первый фашистский танк. Крутанул, как волчок, на месте. Вздогнул. Лязгнул железом. Просел. Затих.

Снова гремит команда:

— Огонь!

Взвизгнул снаряд — и металлом в металл. Угодил он второму танку как раз под брюхо, туда, где броня не такая прочная. Замер и этот танк.

Два фашистских экипажа ближе других подошли к Москве. Чем же эти вошли в историю? Могилы их ближе других к Москве. Нет других, чтобы были ближе.

ПУШКА

Был один из самых тяжелых моментов Московской битвы.

Бои шли севернее Москвы, на Рогачевском шоссе.

Ударили фашистские танки встык между двумя соседними советскими армиями, устремились в прорыв, понеслись к Москве. Пали селения Белый Раст, Озерцевоe,

Мышецкое, рабочий поселок Красная Поляна. Враги подошли к станции Лобня, к Савеловской железной дороге.

До Москвы оставалось около 30 километров. Это — расстояние, на которое могла стрелять фашистская дальнобойная артиллерия.

Привезли фашисты в Красную Поляну дальнобойную пушку. Стали ее устанавливать. Дали приказ подвозить снаряды.

Возьются фашистские солдаты у пушки. Площадку ровняют. Лафет укрепляют. В прицел, как в бинокль, заглядывают.

Не могут скрыть торжества солдаты:

— Мы первыми из всех по Москве ударим!

— Награда от фюрера будет!

Суетится артиллерийский офицер. И этот о том же думает: будет ему награда — рыцарский крест на шею, известность по всей Германии.

Торжествуют фашисты удачу. А в это время навстречу прорвавшимся врагам срочно двигались наши части. Подходили полки и роты, с марша вступали в бой.

Возьются фашистские солдаты у пушки. Привезли им как раз снаряды.

— Шнель, шнель! — покрикивает офицер.

Предвкушает фашист успех. Вот заложат солдаты в пушку сейчас снаряд. Вот вскинет он руку. В три горла рванет команду. Вот она, радость боя!

— Шнель, шнель! — покрикивает офицер.

Возьются солдаты у пушки, слышат шум боя. Только не дальше, не к Москве почему-то отходит бой, а кажется солдатам, что сюда, к Красной Поляне, ближе.

Переглянулись солдаты:

— Ближе!

Переглянулись:

— Ближе!!

Вот и несется уже «Ура!». Вот и ушанки с красной звездой мелькнули.

Выбили советские войска фашистов из Красной Поляны. Досталась пушка советским бойцам. Обступили ее солдаты. Любопытно на пушку глянуть.

— Вот бы сейчас — по Гитлеру!

— Прихватим с собой к Берлину!

Однако пришел приказ пушку отправить в тыл. И все же задержались чуть-чуть солдаты. Подождет пять минут приказ!

Развернули солдаты пушку. Вложили снаряд. Прицелились. Ударила пушка сто-кратным басом. Устремился снаряд на запад, весть о нашей победе врагам понес.

Проходят наши роты мимо фашистской пушки. Видят солдаты гигант трофеей:

— Ух ты, мама!

— Неужто взяли?!

— Взяли, родные, взяли!

Смотрят солдаты опять на пушку:

— Ну, если такую фашисты бросили, значит, примета добрая.

Все больше у наших упорства, силы. Все слабее напор врагов. И снова солдаты:

— Выдыхается, знать, фашист.

Понимают бойцы — быть повороту, быть переменам. Сердцем солдатским чувствуют.

КАШИРА

Рвутся, рвутся к Москве фашисты. Напрягают последние силы. Ищут, где бы, в месте каком пробиться. Не прорвались на западе, не пробились на севере. Вновь наносят удары с юга. Тут по-прежнему наступает танковый генерал Гудериан. Рвутся танки к Кашире, к реке Оке, к мостам через реку Оку.

Помощь нужна Кашире. Нет в запасе у Советской Армии свежих сил. Всюду идут бои. И все же помощь нашлась Кашире — конный корпус генерала Белова.

— Куда же на танки — конницу, — кое-кто говорил тогда.

Да и правда: конница против танков!

— Конница — день вчерашний.

— В отставку пора кавалерии.

— На покой!

— По домам!

— В музей!

— Посмотрим, посмотрим, — сказал генерал Белов.

И вот явились к Кашире конники. И сразу с хода, с дороги в бой. Смешалось все на полях под Каширой. Танки и лошади, пушки и люди. Лязг гусениц, грохот орудий, храп лошадей, команды, крики, призывы раненых. Вот танки теснят кавалерию. Вот отступают под градом гранат и снарядов танки. Оставили всадники седла, сражаются в пешем строю. Но только успех наметится, снова они в стремях, мчатся по снежному полю.

Гуляет отвага на полях под Каширой. Удаль узоры свои плетет.

Дрогнули фашистские танки. Не устояли. Не пробились они к Кашире. Конечно, не только кавалеристы одни сражались. Пехотинцы здесь бились. Танкисты. Советская артиллерия помогла. Вместе и задержали они фашистов.

Через три дня Гудериан начал новое наступление. И снова войска генерала Белова — а теперь генерал Белов командовал не только кавалерийским корпусом, но и всеми войсками, оборонявшими Каширу, — остановили фашистскую армию. И не только остановили, но и погнали прочь от Москвы.

Шутили над Гудерианом тогда солдаты:

— Наш-то Белов того — дернул, выходит, его копытом.

Услыхал генерал про копыто:

— А что же, верно. — И сам смеялся: — Только не я, генерал Белов, витязь советский побил фашистов...

Потом повернулся к тем — к неверующим, кто о кавалерии сказал, как о дне вчерашнем:

— Ну что — по домам? На покой? В музей?!

Смутились «неверующие», однако тут же нашлись.

— В музей, — говорят и добавляют: — В музей нашей доблести русской и русской славы.

БРОНЯ

В 112-й танковой дивизии, которой командовал полковник Андрей Лаврентьевич Гетман, служил старшина Илларион Махарадзе.

Патриот он своей дивизии. Считает, что все у них в дивизии самое лучшее. И командир дивизии полковник Гетман лучше всех других командиров, а замполит,

то есть заместитель командира по политической части, лучше всех других замполитов, и командир батальона, в котором служил Махарадзе, лучше всех других командиров, и командир танка лейтенант Огнивцев, непосредственный начальник старшины Махарадзе, лучше всех других командиров танков. И лучший повар на весь Западный фронт именно у них, в их 112-й танковой дивизии. И лучший парикмахер тоже у них в дивизии. И лучший начпрод (это начальник по продовольствию), и лучший начхоз (это начальник хозяйственной части). И танки самые лучшие тоже у них в 112-й.

А надо сказать, что большинство танков в дивизии было как раз устаревшего типа. Не тягаться им с лучшими советскими танками.

Уступали они и фашистским. И моторы у них слабее, и броня тоньше. Крепче были фашистские танки.

— Нет, наши крепче, — утверждает старшина Махарадзе.

— Да где же крепче, — возражают солдаты, — раз броня у них тоньше, раз силы в моторах меньше.

— Крепче, крепче, — стоит на своем танкист.

К инженеру солдаты его водили, к командиру батальона его водили, в инструкции и наставления носом сунули.

— Нет, наши танки крепче, крепче, — повторяет опять Махарадзе. — Неточность, видать, в инструкциях.

Вот ведь кавказец. Вот ведь упрямец.

Дивизия полковника Гетмана входила в войска, оборонявшие подходы к столице с юга. Дралась она за Тулу, сражалась за Серпухов, под Каширой помогала генералу Белову.

Немало геройских дел на счету у танкистов. И вот выпал дивизии новый подвиг.

30 ноября 1941 года фашисты предприняли еще одну попытку ударить на Москву с юга. Бой разгорелся у селений Манышино и Суходол. 89 первоклассных фашистских танков обрушились на дивизию полковника Гетмана.

Отважно сражались танкисты. Вместе с подоспевшими сюда пехотинцами останавливали они фашистов. Как ни пытались фашисты подмять дивизию Гетмана, в какие ни ходили они атаки — и в лоб, и во фланг, и строем клин, и строем таран, — удержались советские танки. Сами танкисты потом поражались: откуда в танках такая крепость, как устояли они в сражении.

Закончился бой.

— Ага, а я что говорил! — торжествует старшина Махарадзе. И снова свое: — Крепче наши танки, крепче. Не чета им фашистские.

— Да как же — крепче, — кто-то снова полез из спорщиков.

— Крепче, — подтвердил Илларион Махарадзе. — И поясняет, почему они крепче. — Броня — это раз, — загнул палец старшина Махарадзе, — упорство в бою — это два. Вера в победу — три. Геройство, считай, — четыре. Так у кого же танки, выходит, крепче?

Смотрят солдаты на старшину Махарадзе.

— Ты смотри, правду, поди, говорит кавказец. От геройства и верно металл крепчает.

«НАПИШУ ИЗ МОСКВЫ»

Не удастся фашистам прорваться к Москве ни с юга, ни с севера.

— Брать ее штурмом, брать ее в лоб! — отдают приказ фашистские генералы.

И вот вечер накануне нового наступления. Обер-лейтенант Альберт Наймган

спустился к себе в землянку. Достал бумагу, начал писать письмо. Пишет своему дядюшке, отставному генералу, в Берлин. Уверен Наймган в победе.

«Дорогой дядюшка! — строчит Наймган. — Десять минут тому назад я вернулся из штаба нашей гренадерской дивизии, куда возил приказ командира корпуса о последнем наступлении на Москву...» Пишет Наймган, торопится: «Москва наша! Россия наша! Европа наша! Тороплюсь. Зовет начальник штаба. Утром напишу из Москвы».

Новую свою попытку прорваться к Москве фашисты начали с самого кратчайшего, Западного направления. Прорвали вражеские дивизии фронт под городом Наро-Фоминском, устремились вперед.

Торжествуют фашистские генералы:

— Путь на Москву открыт!

Посылают депешу быстрее в Берлин:

«Путь на Москву открыт!»

Мчат к Москве фашистские танки и мотоциклетные части. Пройдено пять километров... десять... пятнадцать, деревня Акулово. Здесь, под Акуловом, встретил враг заслон. Разгорелся смертельный бой. Не прошли здесь фашисты дальше.

Пытаются враги пробиться теперь южнее Наро-Фоминска. Прошли пять километров... десять... пятнадцать. Село Петровское. И здесь, у Петровского, преградили дорогу фашистам наши. Разгорелся смертельный бой. Не прорвались фашисты дальше.

Повернули фашисты на север. Устремились к станции Голицыно. Прошли пять километров... десять... пятнадцать. У деревень Бурцево и Юшково — стоп! Стоят здесь на страже наши. Разгорелся смертельный бой. И здесь не прорвались фашисты дальше. Захлебнулась и здесь атака.

Отбили советские воины новый прорыв на Москву. Отползли, отошли фашистские танки к своим исходным рубежам.

Отошли фашисты и все же не верят в силу советских войск.

Успокаивают сами себя фашистские генералы:

— Ничего, ничего — отдохнем, поднажмем, осилим!

А в это время на север, на юг от Москвы и здесь, на Западном направлении, собирали советские части свежие силы. К Москве подходили новые дивизии, в войска поступали новые танки и новые пушки. Советская Армия готовилась нанести сокрушительный удар по врагу.

Готовы войска. Нужен лишь сигнал к наступлению.

И он поступил.

На одних участках фронта 5-го, а на других 6 декабря 1941 года войска, оборонявшие Москву, перешли в грандиозное наступление. Советская Армия стала громить врага и погнала его на запад.

Ну, а как же с письмом Наймгана? Дописал ли его офицер?

Нет, не успел. Погиб лейтенант Наймган. Вместе с письмом в снегах под Москвой остался.

«Тайфуном» назвали фашисты свое наступление.

Взвился «Тайфун», как ястреб.

Рухнул, как камень, в пропасть.

Укrotили его советские солдаты.

Глава вторая

«КАКОЙ РОД ВОЙСК СРАЖАЕТСЯ?»

ПЕРЕЛОМИЛОСЬ

Переломилось. Свершилось. Сдвинулось. Наступает Советская Армия. Рванулись войска вперед.

Громят фашистов армии генералов Говорова, Рокоссовского, Лелюшенко, Кузнецова, Голикова, танкисты Катюкова, Гетмана, Ротмистрова, конники Доватора и Белова, герои-панфиловцы и много других частей.

Успешно идет наступление. Много отважных солдат из разных сел, городов, областей, республик защищало Москву. Здесь москвичи и рязанцы, украинцы и белорусы, латыши и казахи и много других бойцов. Перед самым наступлением прибыло в войска пополнение — сибиряки и уральцы.

В канун наступления командующий Западным фронтом генерал армии Георгий Константинович Жуков направился к войскам. Приехал сначала как раз к уральцам. Рослый уральцы народ, красивый.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!

Поговорили о том о сем.

— Как настроение?

— Боевое, товарищ командующий!

— Как доехали?

— Люксом, люксом!

А сами в теплушках ехали.

— Готовы идти в наступление?

— Готовы, товарищ командующий!

— Ну что же, удачи, товарищи. До встречи на поле боя!

Простился Жуков с уральцами, поехал в дивизии к сибирякам. Ядреный сибирский народ, смекалистый.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!

Пошли разговоры о том о сем. Как настроение? Как доехали? Как вас тут встретили? И наконец:

— Готовы идти в наступление?

— Хоть сию минуту, товарищ командующий!

— Ну что же, удачи, товарищи. До встречи на поле боя!

Поехал Жуков в полки к москвичам.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!

И тут разговоры о том о сем. О Москве, о войне, о московской хватке. Закаленный народ москвичи. В боях и в защите стойкий.

Смотрит Жуков на москвичей:

— Ну как, товарищи, готовы идти в наступление?

— Заждались, товарищ командующий!

Объехал Жуков другие дивизии. Встречался с казаками и белорусами, с латышами и украинцами. Побывал у рязанцев, у каширцев, у туляков. Всюду один ответ. Скорее ударить по лютomu зверю. Скорее разить врага.

Ехал Жуков назад, на командный пункт, смотрел на снег, на поля Подмосковья.

«Момент наступил. Самый момент», — рассуждал Жуков.

Доложил он в Ставку Верховного Главнокомандования, что готовы войска к наступлению.

Дала Ставка приказ к боям.

ХОДИКИ

Наступает Советская Армия. Отходят фашисты, сжигают все на своем пути, минируют.

В одном из уцелевших крестьянских домов временно разместился штаб генерала Константина Константиновича Рокоссовского. Прославилась армия Рокоссовского в боях за Москву. Герои-панфиловцы сражались именно в этой армии.

Очистили саперы дом от фашистских мин. Штаб приступил к работе. Рокоссовский, начальник штаба армии генерал Малинин и член Военного совета армии генерал Лобачев склонились над картой. Нужно подготовить и передать войскам срочные распоряжения.

Однако в избу то и дело входят различные люди. Свои же штабные работники рады поздравить генералов с успехом, от местных жителей поблагодарить за освобождение, офицеры из штаба фронта — за сводками новостей.

Отрывают от срочной работы посетители генералов. Ко всему — приехали корреспонденты. Много и разные. Просто журналисты, фотокорреспонденты и даже один кинооператор с огромным штативом и неуклюжей камерой. Набросились корреспонденты на генералов, как соколы на добычу. Особенно усердствует фотокорреспондент.

— Подойдите, подойдите сюда поближе, товарищ командующий! — командует Рокоссовскому.

— Присядьте, товарищ генерал, присядьте. — Это к начальнику штаба генералу Малинину.

— Привстаньте, товарищ генерал, привстаньте. — Это к члену Военного совета генералу Лобачеву.

Машет руками, командует. Словно не они здесь генералы, а он генерал.

Посмотрел на корреспондента генерал Малинин. Человек он резкий, вспыльчивый. Шепчет Рокоссовскому:

— Гнать их отсюда, товарищ командующий!

— Не деликатно. Нет, нет, — шепчет в ответ Рокоссовский.

Висят на стене часы-ходики. Тик-так, тик-так... — отбивают время. Пропадают дорогие минуты у генералов. Часы старые-старые. Циферблат со щербинкой. Одна стрелка чуть-чуть подогнута. Вместо гирь висят мешочки с какими-то грузилами.

Глянул Рокоссовский на ходики, затем на корреспондентов и говорит:

— Дорогие товарищи, только очень прошу не прикасайтесь и не подходите близко к часам, они заминированы.

Сказал и хитро глянул на генерала Малинина.

«Как заминированы? Тут все проверено», — хотел было сказать Малинин. Однако Рокоссовский делает ему знак: молчи, мол, молчи.

Промолчал генерал Малинин. Понял, что Рокоссовский решил припугнуть журналистов.

— Заминированы, — вновь повторил Рокоссовский.

Рассчитывал Рокоссовский — уйдут журналисты. А те и не думают.

По-прежнему больше других старается фотокорреспондент:

— Станьте сюда, станьте сюда, товарищ командующий...

— Передвиньтесь чуть-чуть. Левее. Левее. Еще левее. Отлично. Благодарю. — Это к генералам Малинину и Лобачеву.

Затем совсем вплотную подошел к ходикам. Изловчился и снял так, что на одном снимке и генералы, и ходики.

— Осторожно, они заминированы, — вновь говорит Рокоссовский.

— Ничего-ничего, — отвечает фотокорреспондент. — Это даже еще интереснее. Редкостный будет снимок.

Щелкнул отдельно ходики. Повернулся опять к генералам. И другие журналисты идут в атаку. И эти терзают военачальников.

Так и не получилось ничего с выдумкой у Рокоссовского. Развел он руками, посмотрел на Малинина, на Лобачева:

— Не ожидал!

Повернулся к корреспондентам. Руки поднял:

— Сдаюсь!

Пришлось Малинину «взяться» за журналистов.

Ушли журналисты. Усмехается Рокоссовский:

— Ишь, боевой народ.

Глянул на ходики.

Тик-так, тик-так... — отсчитывают время ходики.

ДОМ

Советские войска стремительно продвигались вперед. На одном из участков фронта действовала танковая бригада генерал-майора Катуква. Догоняли врага танкисты.

И вдруг остановка. Взорванный мост впереди перед танками. Случилось это на пути к Волоколамску в селе Новопетровском. Приглушили танкисты моторы. На глазах уходят от них фашисты. Выстрелил кто-то по фашистской колонне из пушки, лишь снаряды пустил по ветру.

— Ауфвидерзеен! Прощайте! — кричат фашисты.

— Бродом, — кто-то предложил, — бродом, товарищ генерал, через речку.

Посмотрел генерал Катуква — петляет река Маглуша. Круты берега у Маглуши. Не подняться на кручи танкам.

Задумался генерал.

Вдруг появилась у танков женщина. С нею мальчик.

— Лучше там, у нашего дома, товарищ командир, — обратилась она к Катукву. — Там речка уже. Подъем положе.

Двинулись танки вперед за женщиной. Вот дом в ложине. Подъем от речки. Место здесь вправду лучше. И все же... Смотрят танкисты. Смотрит генерал Катуква. Без моста не пройти тут танкам.

— Нужен мост, — говорят танкисты. — Бревна нужны.

— Есть бревна, — ответила женщина.

Осмотрелись танкисты вокруг — где же бревна?

— Да вот они, вот, — говорит женщина и показывает на свой дом.

— Так ведь дом! — вырвалось у танкистов.

Посмотрела женщина на дом, на воинов.

— Да что дом — деревяшки-полешки. То ли народ теряет... О доме ль сейчас печалиться, — сказала женщина. — Правда, Петя? — обратилась к мальчику. Затем снова к солдатам: — Разбирайте его, родимые.

Не решаются трогать танкисты дом. Стужа стоит на дворе. Зима набирает силу. Как же без дома в такую пору?

Поняла женщина:

— Да мы в землянке уж как-нибудь. — И снова к мальчику: — Правда, Петя?

— Правда, маманя, — ответил Петя.

И все же мнутя, стоят танкисты.

Взяла тогда женщина топор, подошла к краю дома. Первой сама по венцу ударила.

— Ну что ж, спасибо, — сказал генерал Катуков.

Разобрали танкисты дом. Навели переправу. Бросились вслед фашистам. Проходят танки по свежему мосту. Машут руками им мальчик и женщина.

— Как вас звать-величать? — кричат танкисты. — Словом добрым кого нам вспоминать?

— Кузнецовы мы с Петенькой, — отвечает, зардевшись, женщина.

— А по имени, имени-отчеству?

— Александра Григорьевна, Петр Иванович.

— Низкий поклон вам, Александра Григорьевна. Богатырем становись, Петр Иванович.

Догнали танки тогда неприятельскую колонну. Искрошили они фашистов. Дальше пошли на запад.

Отгремела война. Отплясала смертями и бедами. Утихли ее сполохи. Но не стерла память людские подвиги.

Не забыт и подвиг у речки Маглуши. Поезжай-ка в село Новопетровское. В той же ложине, на том же месте новый красуется ныне дом. Надпись на доме: «Александре Григорьевне и Петру Ивановичу Кузнецовым за подвиг, совершенный в годы Великой Отечественной войны».

Петляет река Маглуша. Стоит над Маглушей дом. С верандой, с крылечком, в резных узорах. Окнами смотрит на добрый мир.

ФРАНЦУЖЕНКА

Французенка — так солдаты называли пушку.

Когда сержанту Барабину впервые ее вручили, глянул солдат и ахнул. Пушка была выпуска 1897 года. Выходит, из нее деды еще стреляли.

— Да-а-а... — протянул солдат.

— Зато — французенка, — говорят Барабину.

Пушка действительно была французской. Во Франции ее изготовили. Еще в первую мировую войну попала она в Россию. Оказалась пушка на батарее, в которой служил Барабин в самые тяжелые часы Московской битвы. Много требовалось тогда вооружения. И вот случайно где-то на артиллерийских складах было обнаружено несколько старых пушек. Были здесь пушки русские, были английские, была и французская. Отправили их на фронт. Французская и досталась сержанту Барабину.

Артиллерийская батарея, как правило, состоит из четырех пушек. Из четырех состояла и батарея Барабина. Три пушки современные, новые, только что пришедшие с заводов. Четвертая, барабинская, — французская.

Долго бурчал артиллерист. Смотрел на пушку, как на дите нелюбимое. Все раздражало солдата в пушке. И вид старинный, и бьет ближе других, и много возни, пока перезарядишь.

— Утиль, — бурчал солдат. — Доисторический век.

Солдаты смеются.

— Зато — французенка.

Побурчал-побурчал Барабин, а затем и привык к француженке. А когда подбил первый фашистский танк, даже расцеловал пушку.

Кто-то сказал:

— Любовь начинается.

И не ошибся.

Сержант Барабин был прекрасным артиллеристом. Прекрасным оружием стала в его руках и француженка.

Сражалась пушка на Минском шоссе в армии, которой командовал генерал Леонид Александрович Говоров. Сдерживала вместе с другими бешеный натиск фашистов. И вот теперь вместе со всеми пошла вперед.

Проезжал как-то генерал Говоров мимо артиллерийской позиции. Увидел необычную пушку. Спросил у офицера, что за пушка.

— Француженка, — ответили генералу.

Объяснили офицеры генералу, откуда пушка и как к ним попала.

— Да, нелегкие были дни, — сказал генерал Говоров.

А когда узнал, что француженка танк подбила, даже похлопал ее по стволу.

— Спасибо, — сказал, — француженка.

Недолго после этого пробыла пушка в войсках. Поступили с Урала новые пушки. Много тогда нового оружия для наступающих армий под Москву приходило. Нет уже больше нужды во француженке. Прислали новую пушку и для сержанта Барабина.

Уперся было Барабин. То да се. Привык, не отдает он свою француженку. Однако приказ есть приказ. Пришлось артиллеристу расстаться с пушкой.

Обнял он ее, расцеловал:

— Ну что ж, прощай, родимая.

Покатила на склады опять француженка. Случилось так, что генерал Говоров через несколько дней вновь встретил Барабина. Признал он сержанта. Спросил:

— Ну, как француженка?

Показал Барабин на новую пушку. Была она дальнобойной, скорострельной, самой последней, самой совершенной конструкции.

— Да, время другое, другая сила, — сказал Говоров.

СЕРЖАНТ-ЛЕЙТЕНАНТ

Сержант Павел Бирюков служил адъютантом у командира стрелкового батальона. Произошло это перед самым нашим наступлением. Получил Бирюков от командира задание отправиться на передовую, установить связь с ротами.

Отправился Бирюков. Идет по обочине леса, вдруг видит — из леса выходит колонна фашистов. Схватил Бирюков автомат, бросился за сосну, открыл по врагам огонь. Побежали фашисты. Однако быстро пришли в себя. Поняли, что перед ними всего-то один русский боец. Ответили они на огонь Бирюкова своим огнем. Но и на помощь советскому солдату пришли товарищи. Завязалась перестрелка.

Точно стрелял Бирюков. Уже не стоит за сосной, а прилег. Выбирает, как снайпер, цели.

Прицелится. Скажет:

— Понеслись! — и выпускает пули.

Снова прицелится. И снова:

— Вперед, голубушки.

Не ошибаются пули, точно летят в фашистов.

Не устояли фашисты. Отползли от опасного места. Побежали к своим окопам. Нет бы Бирюкову на этом бой посчитать оконченным. А он поднялся и вслед за фашистами.

— Да куда ты! — кричат товарищи.

Не услышал, видать, боец. Несется, кричит:

— Сдавайтесь!

Фашистов много, а он один.

— Сдавайтесь! — кричит. — Сдавайтесь!

Подбежали фашисты к своим окопам. Укрылись. Но не спасли их окопы на этот раз. Вслед за ними влетел и Бирюков в траншею.

— Рус! — закричали фашисты. — Рус!

Кричат и те, кто прыгнули только сейчас в окопы, и те, кто в окопах уже сидели. Не поняли фашисты в горячке боя, что из русских у них в окопе только один солдат. И Бирюков в той же горячке боя, видимо, тоже не очень понял, что он один. Увлёкся солдат погоней. Влетел в окоп, полоснул автоматом, схватил гранату, швырнул гранату.

Побежали фашисты. Те, что остались живы, укрылись в других траншеях.

В это время подоспели на помощь к Бирюкову наши солдаты. Поравнялись они с окопом. Видят: жив, невредим Бирюков. Стоит в неприятельском окопе, трофеи считает. Подобрали солдаты трофеи: автоматы, миномет, фашистские пулеметы — восемь пулеметов одних досталось, — вернулись к своим позициям.

За свой героический подвиг сержант Бирюков был награжден орденом. Одновременно ему было присвоено звание лейтенанта.

Поздравляли его товарищи. Радовались успеху. Солдаты всегда солдаты. Любят солдаты шутку. Обнимают Бирюкова, бросают шутки:

— В окопы вбежал сержантом, выбежал — лейтенантом. Еще два окопа — майором будешь.

Через день началось наше наступление. Офицером шел Павел Бирюков в наступление.

ДОВАТОР

В боях под Москвой вместе с другими войсками принимали участие и казаки: донские, кубанские, терские...

Лих, искрометен в бою Доватор. Ладно сидит в седле. Шапка-кубанка на голове.

Командует генерал Доватор кавалерийским казачьим корпусом. Смотрят станичники на генерала:

— Наших кровей — казацких!

Спорят бойцы, откуда он родом:

— С Дона.

— С Кубани!

— Терский он, терский.

— Уральский казак, с Урала.

— Забайкальский, даурский, считай, казак.

Не сошлись в едином мнении казаки. Обратились к Доватору:

— Товарищ комкор, скажите, с какой вы станицы?

Улыбнулся Доватор:

— Не там, товарищи, ищите. В белорусских лесах станица.

И верно. Совсем не казак Доватор. Белорус он. В селе Хотино, на севере Белоруссии, недалеко от города Полоцка — вот где родился комкор Доватор.

Не верят Доватору казаки:

— Шутки комкор пускает.

И снова:

— Терский!

— Оренбургский!

— Донской!

— Кубанский!

— Уральский!

— Братцы, да он же, считай, забайкальский, даурских кровей казак.

Еще в августе — сентябре конная группа Доватора ходила по фашистским тылам. Громила склады, штабы, обозы. Сильно досталось тогда фашистам. Пошли слухи — 100 тысяч советских конников прорвалось в тыл. Успокаивают солдат фашистские генералы. Отдают даже специальный приказ. А в этом приказе: «Не верьте слухам! Слухи о том, что в тыл наших войск прорвалось 100 000 кавалеристов противника, преувеличены. Линию фронта перешло всего 18 000». А на самом деле в конной группе Доватора было только 3000 человек.

Когда советские войска под Москвой перешли в наступление, казаки Доватора снова прорвались в фашистский тыл.

Боятся фашисты советских конников. За каждым кустом им казак мерещится.

Назначают фашистские генералы награду за поимку Доватора — 10 тысяч немецких марок.

Рыщут любители денег и славы. Ловят в мечтах Доватора. Исчезает, как дым, Доватор.

Повышают фашисты цену. 20 тысяч марок за поимку советского генерала. Рыщут любители денег и славы, хватают в мечтах Доватора.

Как гроза, как весенний гром идет по фашистским тылам Доватор.

Бросает фашистов в дрожь. Проснутся, ветра услышав свист.

— Доватор! — кричат. — Доватор!

Услышат удар копыт.

— Доватор! Доватор!

Повышают фашисты цену. 50 тысяч марок назначают они умелому. Лежат без хозяина эти деньги. Как сон, как миф для врагов Доватор.

Едет верхом на коне Доватор. Легенда следом за ним идет.

НАТАШКА

Среди лесов и полей Подмосковья затерялось небольшое село Сергеевское. Стоит оно ладное-ладное. Избы словно только родились на белый свет.

Любит Наташка свое Сергеевское. Резные ставни. Резные крылечки. Колодца поют здесь песни. Калитки поют здесь песни. Басом скрипят ворота. Соревнуются в крике голосистые петухи. Хороши здесь леса и рощи. Малина в лесах, орешник. Хоть на возах вывози грибы.

Любит Наташка свое Сергеевское. Речка журчит здесь Воря. Хороши берега у Вори. Травка. Песочек. Склонились ивы. Рыбий под вечер всплеск.

И люди в Сергеевском тоже особые. Добрые-добрые!

Солнце Наташке светит. Люди Наташке светят. Дарит улыбки мир.

И вдруг оборвалось все, как сон, как тропа над кручей. Кончилась мирная жизнь в Сергеевском. Опалила война округу. Попало к врагам Сергеевское.

Вступили в село фашисты. Разместились фашисты в крестьянских избах. Выгнали жителей всех на улицу.

В погребах и землянках укрылись люди. Живут все в страхе, как темной ночью. До самой зимы, до снега в руках у врагов находилось Сергеевское. Но вот долетела сюда канонада. Сверкнула радость — идут свои!

— Свои!

Ждут в Сергеевском избавления. Ожидают Советскую Армию. И вдруг обежали фашисты погреба и землянки. Выгнали снова людей на улицу. Согнали в сарай, что стоял на краю Сергеевского. Закрыли на все засовы.

Смотрит Наташка: вот мамка, вот бабка, соседи, соседки. Полно народа.

— Чего нас, мамка, в сарай загнали? — лезет Наташка.

Не понимает, не знает, не может ответить мать.

Сильнее слышна за селом канонада. Радость у всех:

— Свои!

И вдруг кто-то тихо, затем что есть силы:

— Горим!

Глянули люди. Дым повалил сквозь щели. Огонь побежал по бревнам.

— Горим!

Бросились люди к дверям сарая. Закрыты двери на все засовы. Даже снаружи чем-то тяжелым подперты.

Все больше и больше в сарае огня и дыма. Задохаться начали люди. Не хватает Наташке воздуха. Пламя ползет к шубейке. Уткнулась, прижалась Наташка к матери. Ослабла, забылась девочка. Сколько времени прошло — не знает. Вдруг слышит:

— Наташка! Наташка!

Открыла глаза Наташка. Не в сарае она, на снегу, под чистым небом. Ясно Наташке — успели наши, пришло спасение. Улыбнулась Наташка и вновь забылась.

Перенесли ее в дом. Отлежалась, к утру поправилась. А утром побежала девочка по селу. Как именинник стоит Сергеевское. Запели опять калитки. Запели опять колодцы. Заговорили ворота басом. Бежит Наташка. Снег под ногами хрустит, искрится, озорно белизной сверкает. Добежала до речки Вори. Взлетела на кручу. Остановилась вдруг, замерла. Холм из свежей земли над Ворей. Красная звездочка сверху вкопана. Дощечка под звездочкой. На дощечке идут фамилии. Смотрит на холм Наташка. Два солдата рядом стоят с лопатами.

— Кто здесь такие, дяденьки? — показала на холм Наташка.

Посмотрели бойцы на девочку:

— Спаситель здесь твой лежит.

Войны без смертей не бывает. Свобода нелегкой ценой достается.

ТУЛУПИН

Стрелковая рота вступила в село. Правда, не первой. Освободили село другие. Еще утром бежали отсюда фашисты.

Идут солдаты вдоль главной улицы. Сохранилось село. Быстро бежали фашисты. Ни сжечь, ни разрушить ничего не успели.

Подошли солдаты к крайнему дому. Дом-пятистенок. Калитка. Ворота. На воротах написано что-то. Заинтересовались солдаты. Читают: «Прощай, Москва, уходим в Берлин. Ефрейтор Беккерс».

— Вот это здорово, — рассмеялись солдаты. — Значит, прощай, Москва, прощай, надежды.

— Хоть и фашист, а верную надпись сделал.

Присмотрелись солдаты, а внизу и еще слова. Кто-то приписку сделал. Читают бойцы приписку: «Ничего, догоним. Рядовой Тулупин».

Рассмеялись солдаты:

— Вот это по-нашему!

— Вот молодец Тулупин!

— Мужик с головой, выходит.

Понравилось бойцам солдатское добавление. Интересно им узнать о судьбе Тулупина.

Может, Тулупин фашиста уже догнал?

Идут вперед солдаты. Всюду наводят о Тулупине справки. Кого ни встретят — пехотинцев, танкистов, артиллеристов, — сразу с вопросом:

— Нет ли у вас Тулупина?

Фамилия не очень частая. Скорее редкая. Не попадаете им Тулупин.

Зашли солдаты за Можайск, за Медынь, дальше фашистов гонят. Нет и нет, не встречается им Тулупин. И вдруг в одном месте...

— Есть, — говорят, — Тулупин.

Кинулись солдаты к бойцу:

— Тулупин?

— Тулупин.

— Писал на воротах?

— На каких на воротах? — поразился боец.

Объясняют солдаты.

— Нет, не писал, — отвечает Тулупин.

Огорчились солдаты:

— Не тот Тулупин.

Продолжает армия ратный путь. Двигутся вперед солдаты, освобождают родную землю. Наступают солдаты и всюду:

— Есть ли у вас Тулупин?

— Есть ли у вас Тулупин?

И вот...

— Есть, — говорят, — Тулупин.

Бросились солдаты к бойцу:

— Тулупин?

— Тулупин.

— Писал на воротах?

— На каких на воротах? — поразился боец.

Объясняют солдаты.

— Нет, не писал, — отвечает Тулупин.

— Э-эх, снова не тот, — огорчились солдаты.

— Не повезло.

Много километров прошагали вперед солдаты. Продолжают искать Тулупина. Тревожиться стали солдаты:

— Может, ранен, попал в санбат?

— Может, убит Тулупин?

И вдруг:

— Есть Тулупин!

— Тулупин?

— Тулупин.

— Тот самый?

— Сдается, тот.

Повстречались солдаты с Тулупиным и сразу ему про Беккерса.

— Беккерс... Беккерс? — стал вспоминать солдат. — Ах, Беккерс! Догнали, догнали его, родимые!

Оживились солдаты:

— Давно?

— С месяц уже, считай.

Довольны солдаты — попался Беккерс. Лезут опять к Тулупину:

— Здорово ты на воротах...

— Что на воротах?

— Здорово ты написал.

— Что написал? — поразился боец. — На каких на воротах?! — стоит, на солдат удивленно смотрит.

Вот так дела. Ясно солдатам — снова не тот Тулупин.

Заговорили опять о Беккерсе.

— Помню Беккерса, помню, — повторяет Тулупин. — Как же, помню — полковник Беккерс. Нашей ротой был схвачен в плен.

— Полковник? — смутились солдаты. (На воротах писал ефрейтор.)

— Полковник, — сказал Тулупин.

Ясно теперь солдатам, что и Беккерс совсем не тот.

Простились солдаты. Дальше пошли походом.

Сожалеют солдаты:

— Эх, Беккерс не тот и не тот Тулупин.

Тут же со всеми шагает старшина Задорожный. Посмотрел на друзей Задорожный:

— Тот — не тот! Да в этом ли разве дело. Братцы, хватай за суть. Время смотри какое. Не беккерсы ныне теснят Тулупиных. Фашистов Тулупины нынче бьют.

Наступает Советская Армия. На нашей улице нынче праздник. Множится счет побед.

ТРОЕ

Осташевский район — глубинный, дальний в Московской области. Деревня Бутаково в Осташевском районе — дальняя. Отступали фашисты через Бутаково. Тянулись с утра и до самого вечера. Не успели пройти все засветло. Один из фашистских отрядов остался в деревне на ночь. Избы здесь спалены. В землянках укрылись жители.

Однако на окраине деревни сохранился большой сарай. В нем и разместились фашисты на ночь.

Хорошо им под крышей. Ветер не дует. Снег не сыплет. Только холод страшный стоит в сарае.

О тепле, о костре стали мечтать фашисты. Покрутились вокруг сарая: не видно ли рядом дров? В лес же идти опасно. Разыскали щепок, собрали малость. Зажгли. Огонь улыбнулся теплом и замер. Лишь запах дыма, тепла оставил. Дразнит фашистов запах.

Прижались солдаты крепче друг к другу. Стали дремать фашисты. Вдруг слышат скрип на снегу за сараем. Встрепенулись солдаты. Автоматы немедленно в руки. Ясно врагам: «Партизаны!» Однако видят — идут ребята. Школьники. Трое. Сапоги на одном огромные. Другой в треухе добротном заячьем. Третий солдатским ремнем затянут.

Подошли мальчишки, остановились. Смотрят на них фашисты. Не опускают пока автоматы.

— Партизаны?! — взвизгнул один из фашистов. Взвизгнул и сам смутился. Видит же он и другие видят — перед ними стоят ребята.

Отделился от мальчишек тот, что в треухе. Был он ростом чуть-чуть повыше. Шагнул к сараю. Рассмотрели фашисты за спиной у подростка что-то.

— Цурюк! Назад! — закричали фашисты.

Остановился мальчишка. Ношу на землю сбросил. Смотрят фашисты — охапка лежит с дровами.

— Берите, — сказал мальчишка.

Вырвалось тут у солдат удивление:

— О-о-о! Гут! Карашо!

Опустили они автоматы. Дал подросток сигнал товарищам. Отошли на минуту двое. Отошли и тут же вернулись. И у этих охапки в руках с дровами.

Вспыхнул огонь в сарае. Потянуло теплом от дров. Греют руки солдаты, спины. Чуть ли не лезут в костер с ногами.

Понравились им ребята. И тот, что в треухе заячьем, и тот — в сапогах огромных, и тот, что солдатским ремнем затянут.

Пылает костер. Дрова, как сахар в горячем стакане, тают. Показал на дрова тот, что в треухе, обратился к фашистам:

— Нох? Еще?

— Нох! Нох! — закричали в ответ фашисты.

Ушли ребята. Где-то ходили. Вернулись снова. Снова дрова в руках. Сложили ребята дрова в сторонку. А тот, что в треухе, явился со связкой хвороста. Скинул он хворост — и прямо в костер всю связку. Еще сильнее взметнулось пламя.

Побежало тепло ручьями. Довольны фашисты:

— О-о-о! Гут! Карашо!

Смотрят, а где же мальчишки? Сдуло их словно ветром.

Посмотрели солдаты на тьму, в ворота. И в ту же секунду раздался страшный взрыв. Разнес он сарай, а с ним и фашистов. В связке хвороста были заложены две противотанковые мины.

Много отважных подвигов совершили под Москвой партизаны. Чем могли, помогали взрослым подростки и дети. Особенно тут, в Осташевском районе. Юным советским патриотам ныне памятник здесь стоит. В Осташеве. На площади. В самом центре.

ПАПКА

Погиб у Филиппки отец. В первые дни войны. В боях под городом Минском. Мал Филиппка — четыре года. Скрыла горе от сына мать.

Лезет Филиппка к матери:

— Наш папка воюет? Нас защищает? Фашистов бьет?

Прижмет женщина сына к груди покрепче:

— Воюет, сыночек, воюет. Так точно, Филиппка, бьет.

Бежит по селу Филиппка:

— Наш папка фашистов бьет! Наш папка фашистов бьет!

Живет Филиппка в Московской области. Недалеко от города Рогачева.

Отпыхало военное лето. Осень пришла на смену. Навалилась беда не село, на округу. Черной сворой прорвались сюда фашисты. Танки, пушки вошли в село.

— Славянское быдло! — кричат фашисты.

— Партизаны! — кричат фашисты.

Страшно Филиппке, прижмется к матери:

— А где же папка? Спасет нас папка?

— Спасет, — отвечает женщина.

Шепчет Филиппка друзьям, соседям:

— Спасет нас папка, побьет фашистов...

Ждут не дождутся колхозники избавления. И вот радость как ветер в село ворвалась. Разбиты фашисты. Гонят наши врагов от Москвы на запад.

Скоро и здесь, под Рогачевом, послышался звук канонады.

— Папка идет! Папка идет! — закричал Филиппка.

Дождались колхозники светлого часа. Проснулся Филиппка как-то, узнает: бежали фашисты, село свободно.

Бросился мальчик к матери:

— Папка пришел? Папка пришел?

— Пришел, — как-то тихо сказала мать.

— Где же папка?! — кричит Филиппка.

— Дальше пошел, сынок...

Побежал Филиппка по сельской улице:

— Нас папка освободил! Нас папка освободил!

Повстречался Филиппке Гришка. В два раза старше Филиппки Гришка. При-
свистнул Гришка:

— «Освободил»! Да он под Минском еще убитый.

Насупился Филиппка. В кулачки собрались ручонки. На Гришку волчком смотрит. Какой убитый! Скажет же этот Гришка!

— Освободил! Освободил! — вновь закричал Филиппка.

Проходил здесь старик Тимофей Данилыч. Бросился мальчик к деду. Торопится, про отца, про Гришку ему рассказывает.

— Правда, папка побил фашистов?

Посмотрел дед на Филиппку, вспомнил про Минск, где грудью стал на пути у фашистов Филиппкин отец, другие места, где другие бойцы грудью, как камнем, стали.

— Правда, — сказал Тимофей Данилыч. Прижал он к себе Филиппку. — Без него, без отца твоего, не было бы нашей, сынок, победы.

Побежал по селу мальчишка:

— Папка принес победу! Папка принес победу!

Кто же скажет: не прав Филиппка?

Не каждому выпало в той грозной войне дожить до великого Дня Победы. Но каждый, кто бился тогда с врагом под Брестом, под Минском, под Ленинградом, Одессой, под Севастополем, Киевом, Смоленском, Вязьмой, по всем просторам земли советской, — был частью великой победы нашей. Каждый — живой и мертвый.

Верно кричал Филиппка. Вырастет мальчик, по праву скажет: «Папка Родине нашей принес победу. Папка Родину нашу от рабства спас».

Слава вам, наши отцы и деды. Сыновний поклон героям.

АКТИВНЫЙ ОТДЫХ

Наступала стрелковая рота. Шагала, шагала она на запад. Устали бойцы от боев, от военного грома. Дали солдатам отдых.

Расположилась рота в селе над Гжатью. Спит подо льдом, под снегами Гжать. Тишь сковала сейчас округу. Отгремели кругом бои. Явились солдаты в село под вечер. Разместились в уцелевших от боя избах. Уснули, как в детстве, блаженным сном.

Только уснули:

— Тревога! Тревога!

Гремит:

— Подъем!

Поднялись в момент солдаты. Полушубки — на плечи, винтовки — в руки. Снова в строю солдаты.

Оказалось, из наших тылов к своим долиной Гжати прорывалась какая-то часть фашистская. Вступили солдаты в бой. Окружили, разбили они фашистов.

Вернулись солдаты к покою, к избам.

Утром проснулись, прошли по улице. В деревне лишь треть домов. Лизнула деревню война огнем. Уходя, спалили две трети домов фашисты. Трубы торчат и печи.

В землянках, в ямах, чуть ли не в норах живут погорельцы. Смотрят солдаты на трубы, на печи, на ямы, норы. Кто-то сказал несмело:

— А ну-ка, братва, поможем!

Закипела кругом работа. Топоры, как дятел, носами в бревна. Пилы бульдогом вцепились в сосны.

Из пепла, из снега поднялись избы. Трубы, как стражи, венчают крыши.

Завершили солдаты в селе работу. Осмотрели теперь округу. Вышли к замерзшей Гжати. Сваи торчат из Гжати. Был здесь недавно мост.

Посмотрели солдаты на лед, на сваи:

— А ну-ка, братва, наладим!

Закипела опять работа. День не прошел, как снова доски легли над Гжатью, перила схватились за оба берега.

Закончили мост солдаты. Снова идут округой. Смотрят — на взгорке школа. Вернее, то, что осталось теперь от школы.

Посмотрели солдаты на битый камень. Кто-то сказал несмело:

— А ну-ка, братва, докажем!

Закипела и здесь работа. Лихи солдаты в труде, в работе. Много умельцев в стрелковой роте. Снова школа на прежнем месте. Снова наряжен взгорок.

Довольны солдаты. Идут в деревню. Пришли в деревню. Гремит команда:

— Стройся! Стройся! Закончен отдых!

Повзводно стала в шеренгу рота.

— Смирно! Налево! Песню!

Шагнула стрелковая рота. Взылась над ротой песня. Зашагали солдаты в свою дивизию.

Явились они в дивизию. Генералу доклад о роте:

— Прибыла с отдыха рота.

— Как отдыхалось?

— Полный во всем порядок.

— А точнее?

Узнал генерал про бой с фашистами, про мост, про дома, про школу. Посмотрел генерал на солдат, на роту:

— Благодарю. Ну что ж, активный, выходит, отдых.

АЛИ-БАБА

В одной из наступавших советских стрелковых дивизий сражался солдат Захаркин.

Был раньше Захаркин цирковым актером — иллюзионистом, фокусником. Прознали об этом солдаты. Полезли к нему с вопросами:

- Что же ты можешь? Карты отгадывать можешь?
- Могу.
- Ленты вытаскивать изо рта?
- Могу.
- Вынимать из пустого цилиндра живого голубя?
- Могу, — отвечает Захаркин.
- Шпагу глотать?
- Умею.

Гадали солдаты, что бы еще придумать. И вот какой-то шутник нашелся:

— А можешь так, чтобы фашисты из собственных пушек по своим же войскам ударили?

— Надо подумать, — сказал Захаркин.

— Думай, думай, — смеются солдаты. Довольны солдаты — озадачили, выходит, они Захаркина. Да разве такое кто-нибудь сможет! Даже хотя бы старик Хоттабыч, хотя бы сказочный Али-Баба!

Прошел день, прошло два. Еще день после этих двух.

— Ну как? — полезли солдаты опять к Захаркину. — Сможешь ли так, чтобы фашисты из собственных пушек по своим же войскам стреляли?

— Смогу, — заявил Захаркин.

Сошли усмешки с солдатских лиц. На Захаркина недоверчиво, косо смотрят.

— Смогу, — повторил Захаркин.

Отступают фашисты, отходят, однако чуть что — огрызаются. В это время как раз на наши позиции начался налет фашистской авиации. Прижались солдаты к земле. Укрылись в блиндажах и окопах. О Захаркине думают: «Эка ж шутник Захаркин».

Отбомбили, ушли фашистские самолеты.

— Ну что ж, смотрите, — сказал Захаркин.

Взял он ракетницу, что-то непонятное пошептал. Выстрелил трижды в сторону фашистских позиций. Опять зашептал.

И вдруг завывла, заиграла фашистская артиллерия. Бьют, словно взбесившись, орудия по своим.

Остолбенели солдаты, опешили. То на Захаркина смотрят, то в сторону вражеских позиций, где рвутся снаряды, кроша фашистов.

Отстреляла фашистская артиллерия. Не верят солдаты произошедшему:

— Может, привиделось!

— Может, обман, гипноз!

Кто-то сказал:

— Оно бы пойти проверить.

Вызвались смельчаки. Поползли к переднему краю, к фашистским окопам. Вскоре вернулись.

— Взаправду, — кричат, — взаправду лупили фашисты! На побитом лежит побитый!

Вот так дела!

Смотрят солдаты на Захаркина, как на чудо.

Смеется Захаркин. Не мучил долго бойцов Захаркин. Постоял, помолчал, наслаждался эффектом. А затем объяснил солдатам, в чем дело.

Оказалось, все эти три дня Захаркин зорко следил за фашистами. Приметил он, что в обстреле советских позиций у гитлеровцев был один и тот же порядок, один и тот же шаблон. Вначале бомбила наши позиции авиация. Затем в воздух взлетали ракеты. Ракеты и указывали фашистским артиллеристам, в какую сторону стрелять артиллерии.

Запомнил Захаркин, какими цветами ракет давали фашисты сигнал. Вот и использовал теперь этот сигнал — выстрелил ракетами того же цвета в сторону фашистских позиций.

За наблюдательность и находчивость рядовой Захаркин был награжден медалью.

Довольны солдаты:

— Ай да старик Хоттабыч! Ай да Али-Баба!

ПАСТЬ

Рядовой Евстегнюк фашиста поймал на палец. Как карась на крючок, фашистский солдат на палец к бойцу попался. Вот как случилось это. Зима. Наступали наши. Был Евстегнюк в разведке. В разведке не в первый раз. Задание важное — нужно добыть «языка», то есть схватить кого-нибудь из фашистских солдат и невредимым доставить в часть.

Вышел солдат в разведку. Пересек незаметно передний край, перешел через линию фронта, оказался в «гостях» у фашистов.

Вечер. Зимний. Ранний. Река Протва. Прорубь в Протве. Тропа. Ходят по этой тропе за водой фашисты. Тут у тропы и засел солдат. Поджидает боец добычу.

Только осторожны на редкость стали сейчас фашисты. Нет бы бежать к воде в одиночку. Ходят к воде с охраной.

Наблюдает за ними советский разведчик. Вот шагает один с ведром, следом другой — с автоматом. Вот трое прошли. Один с ведром, двое других с автоматами. Вот снова трое — один с ведром, с ручным пулеметом двое.

Таких не возьмешь без шума.

Сидит Евстегнюк, выжидает. Час просидел, на исходе второй. Продрог Евстегнюк, промерз. Коченеют спина и руки. Однако сидит, выжидает. Знает: лишь упорных удача ждет.

Дождался разведчик своей минуты.

Видит — на тропе появился смелый. Без охраны бежит фашист. Перебирает ногами, торопится. Вот добежал до проруби. Зачерпнул фашист воду. Бежит назад. Тут и вырос перед ним Евстегнюк. Попытался схватить за горло, чтобы пикнуть солдат не мог. Да, видать, в темноте Евстегнюк промахнулся. Двинул в этот момент головой фашист. Рот приоткрыл для крика. И вот угодил Евстегнюк гитлеровскому солдату пальцем прямо в открытый рот. Угодил, и в ту же секунду фашистский рот, как капкан, захлопнулся. У фашиста от страха случился шок. Сжались зубы, назад ни с места. Мертвой хваткой схватили палец. Что же тут делать? Так и повел через линию фронта советский разведчик фашиста в плен.

Прибыл разведчик в часть. Видят его солдаты. Не сразу поймут, в чем дело:

— Глянь, глянь — Евстегнюк за губу волочит фашиста!

И верно, издали кажется, что разведчик ведет за губу солдата.

Узнав, в чем дело, смеялись до слез солдаты:

— Евстегнюк карася поймал!

— Сом на крючок попался!

Пытались солдаты челюсти разжать у фашиста. Старались и так и этак.

— Щипом, щекоткой его возьми!

— Штыком надави!

— Дерни за нос, за ухо!

Бьются солдаты. Не растянут упрямые челюсти. Хоть волокни домкрат.

Стоит Евстегнюк под обстрелом смешков солдатских. Ситуация — глупее не может быть. Рука с зажатым пальцем, как назло, у солдата правая. Ни честь отдать

начальству. А вдруг как тревога! А вдруг как бой! Будь ты проклят, «язык» фашистский!

Кончилось тем, что повели к врачам в медсанбат солдата. Тут и разжали фашисту пасть.

Довольны солдаты:

— Ура! Разжали!

Нашелся один смекалистый:

— Не эта важна. Не эта. Занеслись на Москву фашисты. Вот какую разжали пасть!

«КАКОЙ РОД ВОЙСК СРАЖАЕТСЯ?»

Наступают советские войска. Бьют фашистов с востока, с севера, с юга. Несокрушимо идут вперед.

Приехал как-то командующий Западным фронтом генерал армии Жуков вместе со штабными офицерами к переднему краю боя. Смотрит, как наступают войска, любуется.

— Молодцы, молодцы! — приговаривает.

Смотрел-смотрел и вдруг к офицерам, стоявшим рядом:

— Какой род войск сражается?

В это время с криком «Ура!» как раз устремилась вперед пехота.

— Пехота, — ответили офицеры, — товарищ командующий. — Пехота — матушка полей.

— Верно, верно, пехота, — соглашается Жуков.

Постоял-постоял и снова:

— Так какой же род войск дерется?

Переглянулись офицеры. Разве неверно они ответили?

В это время как раз усилила огонь артиллерия. Хорошо, отлично стреляют советские пушки. Нет фашистам от них пощады.

А вот и «катюши» послали залп. Метнули металл и пламя. Сровняли с землей фашистов.

Повернулся Жуков к офицерам, ждет, что ответят ему.

— Артиллерия, товарищ командующий! — крикнули офицеры. — Артиллерия — бог войны.

— Верно, верно, артиллерия, — соглашается Жуков.

Продолжает следить за боем.

— Эх, молодцы, эх, молодцы! — И снова к офицерам с тем же вопросом: — Так какой же род войск дерется?

Пожали офицеры плечами. Как же понять командующего? Разве ошиблись они в ответе? Видят офицеры — ждет генерал ответа. Загрохотали в это время советские танки. Железным потоком пошли вперед.

— Танки, товарищ командующий. Танки! — крикнули офицеры.

— Верно, танки, — соглашается Жуков. — Орлы, молодцы танкисты!

Любуется сокрушительным натиском генерал. Постоял-постоял и снова:

— Так какие войска сражаются?

Стоят офицеры в недоумении. Притихли, не рвутся вперед с ответом.

В это время как раз начали атаку советские самолеты. Ухнули молотом бомбы. Земля устремилась к небу.

— Ну, ну, — ожидает ответа Жуков.

— Авиация, — кто-то сказал несмело. — Авиация, товарищ командующий. Наши воздушные соколы.

— Верно, — соглашается Жуков. — Слава советским соколам. — Наклонился к своим офицерам и тихо: — Так какой же род войск дерется?

Сбились с толку совсем офицеры. Не знают, что и ответить. Выждал минуту Жуков. Показал рукой на штурмующих.

— Непобедимый, — сказал, улыбаясь, Жуков.

Победным шагом идут войска. Давят они фашистов.

11 тысяч населенных пунктов освободила Советская Армия в боях под Москвой. Разгромила 38 фашистских дивизий. Во всей Европе не было силы, которая могла бы нанести поражение гитлеровцам. И вот оказалась такая сила — наша Советская Армия. На 100, а во многих местах и на 250 километров отогнали от Москвы наши войска захватчиков. Великая битва под Москвой закончилась сокрушительным разгромом фашистов.

Стоит Жуков, смотрит, как наступают войска. Любуется.

— Так какой же род войск сражается? — переспросил командующий у офицеров.

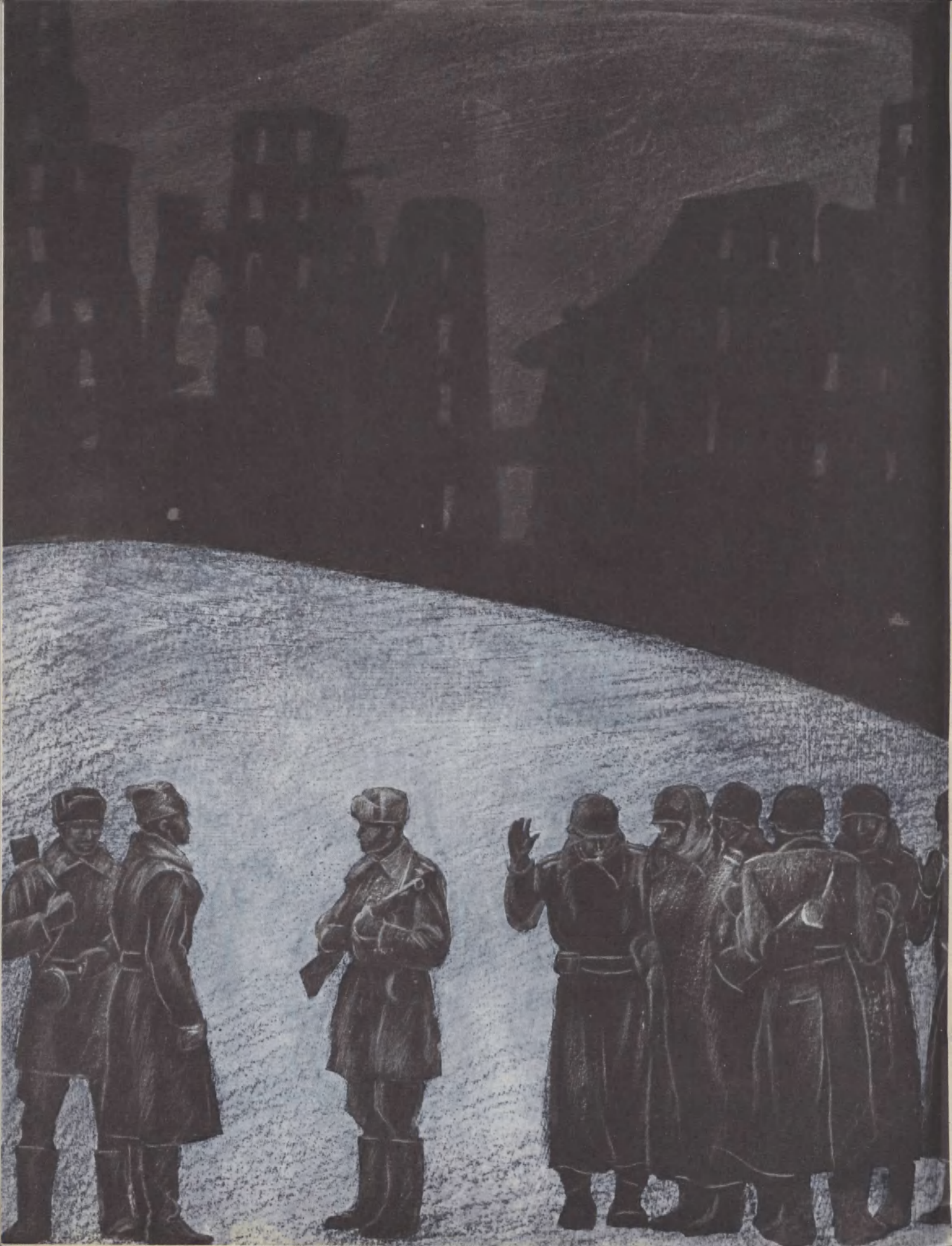
— Непобедимый! — ответили дружно ему офицеры.

ПОТЕРПЕВ ПОРАЖЕНИЕ ПОД МОСКВОЙ,
ЛЕТОМ 1942 ГОДА
ФАШИСТЫ НАЧАЛИ НОВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ЮГЕ.
ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ ВОЙНЫ,
ДЛЯ ТАНКОВ, САМОЛЕТОВ,
АВТОМАШИН, САМОХОДНЫХ ОРУДИЙ
НУЖНО МНОГО ГОРЮЧЕГО.
НЕФТЬЮ, ИЗ КОТОРОЙ ДЕЛАЮТ ГОРЮЧЕЕ,
БОГАТ СОВЕТСКИЙ КАВКАЗ.
ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ КОРМИТЬ МИЛЛИОННУЮ АРМИЮ,
НЕОБХОДИМО МНОГО ПРОДУКТОВ.
ХЛЕБОМ БОГАТА СОВЕТСКАЯ КУБАНЬ.
ФАШИСТЫ СТРЕМИЛИСЬ ВЫЙТИ К ВОЛГЕ,
ЗАХВАТИТЬ КАВКАЗ И КУБАНЬ И ОТРЕЗАТЬ ИХ
ОТ МОСКВЫ И ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ РОССИИ.
И КОНЕЧНО, ОНИ ПО-ПРЕЖНЕМУ ПЫТАЛИСЬ
УНИЧТОЖИТЬ СОВЕТСКУЮ АРМИЮ
И ЗАКОНЧИТЬ ВОЙНУ БЫСТРОЙ ПОБЕДОЙ.
ГРОЗНЫМ БЫЛО ЛЕТО 1942 ГОДА.
СОБРАВ НОВЫЕ СИЛЫ, ФАШИСТСКИЕ ПОЛЧИЩА
УСТРЕМИЛИСЬ НА ДОН И К ВОЛГЕ.
23 АВГУСТА ВРАГИ ПРОРВАЛИСЬ К ВОЛГЕ
И НАЧАЛИ ШТУРМ СТАЛИНГРАДА.
СТАЛИНГРАД!
КРЕПОСТЬ НА ВОЛГЕ.
ГОРОД-ЛЕГЕНДА. ГОРОД-ГЕРОЙ.
ЗДЕСЬ ЛЮДИ СТОЯЛИ КАК СКАЛЫ.
ЗДЕСЬ ЖИЗНЬ ПОБЕДИЛА СМЕРТЬ.
О ГЕРОИЗМЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ, ЗАЩИТИВШИХ
В СМЕРТЕЛЬНОЙ СХВАТКЕ С ВРАГОМ СТАЛИНГРАД,
А ТАКЖЕ О ТОМ, КАК РАЗВИВАЛОСЬ
НАЧАТОЕ ЗАТЕМ КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ
СОВЕТСКИХ ВОЙСК,
КАК БЫЛА ОКРУЖЕНА И РАЗГРОМЛЕНА ОГРОМНАЯ
330-ТЫСЯЧНАЯ ФАШИСТСКАЯ АРМИЯ
ГИТЛЕРОВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА ПАУЛЮСА,
А САМ ПАУЛЮС
ВЗЯТ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ В ПЛЕН,
ВЫ И УЗНАЕТЕ ИЗ РАССКАЗОВ,
ПОСВЯЩЕННЫХ ВЕЛИКОМУ СРАЖЕНИЮ
НА БЕРЕГАХ ВОЛГИ.

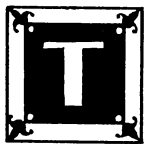
РАССКАЗЫ
О ВЕЛИКОМ
СРАЖЕНИИ
НА БЕРЕГАХ
ВОЛГИ

Глава первая

СЕМЬ ТЫСЯЧ ЯРОСТНЫХ АТАК

«НИ ШАГУ НАЗАД!»

ретий месяц идут упорные, кровопролитные бои на юге. Горит степь. Сквозь огонь и дым фашисты рвутся к Сталинграду, к Волге. Шло сражение на подступах к Сталинграду. 16 солдат-гвардейцев вступили в неравный бой.

— Ни шагу назад! — поклялись герои.

Бросились фашисты в атаку. Удержали рубеж гвардейцы. Перевязали друг другу раны, снова готовы к бою.

Второй раз в атаку идут фашисты. Их больше теперь, и огонь сильнее. Стойко стоят гвардейцы. Удержали опять рубеж. Перевязали друг другу раны. Снова готовы к бою.

Четыре атаки отбили солдаты.

Не взяла смельчаков пехота, поползли на героев фашистские танки.

С танками бой — жесточайший бой.

Вот из шестнадцати двенадцать бойцов осталось.

— Ни шагу назад!

Вот десять, вот девять.

— Ни шагу назад!

Вот восемь, вот семь.

Запомните их фамилии — Кочетков, Докучаев, Гушин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

А танки ползут и ползут. Нет у солдат ни пушек, ни противотанковых ружей, ни минометов. Кончились даже патроны.

Бьются солдаты. Ни шагу назад! А танки все ближе и ближе.

Остались у героев одни гранаты. По три на солдата.

Посмотрел Докучаев на танки, на боевых друзей, на свои три гранаты. Посмотрел. Снял с гимнастерки ремень. Ремнем затянул гранаты. На руке почему-то взвесил. Посмотрел еще раз на Гушина, Бурдова — они были его соседями по окопу. Улыбнулся друзьям Докучаев. И вдруг поднялся солдат из окопа.

— За Родину! — крикнул герой. Бросился вперед навстречу врагу. Прижал покрепче к груди гранаты. Рванулся под первый танк.

Вздрогнула степь от взрыва. Качнулись опаленные боем травы. Замер, вспыхнул фашистский танк.

Переглянулись Гушин и Бурдов. Храбрость рождает храбрость. Подвиг рождает подвиг. Поднялся Гушин. Поднялся Бурдов. Связки гранат в руках.

— Нас не возьмешь! — прокричали солдаты.

Рванулись вперед герои. Два взрыва качнули землю. А танки идут и идут.

Поднялись тогда Кочетков, Степаненко, Чирков, Шуктомов:

— Свобода дороже жизни!

Вот они четверо — на огненном рубеже. Навстречу фашистским танкам идут герои.

— Смерть фашистам! Захватчикам смерть!

Смотрят фашисты. Люди идут под танки. Взрыв. Еще взрыв. Снова и снова взрыв. Страх охватил фашистов. Попятились танки, развернулись, поспешно ушли отсюда.

Отгремели бои пожаром. Время бежит, как ветер. Годы текут, как реки. Но память хранит былое. Посмотрите туда, на поле. Как утесы, как скалы стоят герои. Бессмертен их славный подвиг. Запомните их фамилии — Кочетков, Докучаев, Гушин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

ТРИДЦАТЬ ТРИ БОГАТЫРЯ

Их было 33. Как в сказке. 33 богатыря. 33 отважных советских солдата. Западнее Сталинграда защищали бойцы важную высоту. Не смогли здесь фашисты вперед прорваться. Обошли высоту фашисты. Попали бойцы в окружение.

Не дрогнули смельчаки, 27 танков подбили в бою герои. Уничтожили 150 фашистов.

Кончились боеприпасы. Прорвались солдаты сквозь окружение. Вернулись к своим войскам. Все оказались целы, все невредимы. Лишь один рядовой Жезлов неопасно осколком ранен.

Обступили солдаты героев. Интересно узнать подробности. Вот стоит Семен Калита. Отличился в бою Калита. Первым уничтожил фашистский танк.

— А ну, Расскажи, Расскажи про героизм, — атаковали его солдаты.

Засмутился Семен Калита:

— Да я... Да что я... Вот Иван Тимофеев. Вот это да. Вот это герой.

И это верно — рядовой Иван Тимофеев уничтожил два неприятельских танка.

Повернулись солдаты к Ивану Тимофееву:

— А ну, Расскажи, Расскажи про героизм.

Засмутился Иван Тимофеев:

— Да я... Да что я... Вот Владимир Пасхальный — вот кто герой. Вот кто лучше других сражался.

И верно. Младший сержант Владимир Пасхальный три фашистских танка вывел из строя. Вот кто герой, конечно.

Не отпускают солдаты Пасхального:

— Ну, ну, расскажи про подвиг.

Засмутился Владимир Пасхальный:

— Да я... Да что я... Вот товарищ младший политрук Евтифеев — вот кто из героев герой настоящий.

И верно. Младший политрук Евтифеев подбил четыре фашистских танка. Поражаются солдаты:

— Вот это да!

— Вот так стрелок!

— Провел, выходит, среди фашистов политбеседу!

Окружили солдаты политрука:

— Товарищ Евтифеев, расскажи про геройство.

Усмехнулся Евтифеев, начал рассказывать.

Рассказал о героях: о младшем сержанте Михаиле Мингалева, о солдате Николае Власкине, о старшине Дмитрие Пуказове и о других бойцах.

— Про себя, про себя! — закричали солдаты.

Засмутился Евтифеев.

— Да я... — Глянул вокруг, увидел Семена Калиту, того, кто первым подбил неприятельский танк: — Вот пусть вам Семен Калита про себя расскажет. Он всему положил начало...

Сталинград. Штаб Сталинградского фронта. Командующий фронтом генерал-полковник Андрей Иванович Еременко.

Доложили о подвиге 33 отважных генералу Еременко:

— Товарищ командующий, подбили двадцать семь танков. Живыми назад вернулись.

— Двадцать семь?

— Так точно, двадцать семь.

— Герои, — сказал Еременко, — герои. — Помолчал, добавил: — А то что смерть победили, что жизнь сберегли — дважды они герои. Богатыри!

33 советских богатыря — так и окрестили солдаты героев прославленной высоты.

А вскоре и награды пришли к героям. Ордена и медали засверкали у них на груди.

«ГВОЗДИЛЬНЫЙ ЗАВОД»

Бои шли на улицах Сталинграда. Недалеко от вокзала в подвале одного из домов солдаты обнаружили склад с гвоздями. «Гвоздильный завод» — в шутку называли солдаты дом.

Вместе с другими здесь сражалась группа солдат во главе с младшим лейтенантом Колегановым. Не все здание находилось у советских воинов. Часть у фашистов. Глухая стена разделяла две половины.

Стреляют бойцы из окон. Ведут огонь на три стороны. Четвертая — и есть та глухая стена, которая отделяет их от фашистов. Спокойны солдаты за эту сторону. Стена кирпичная, толстая, ни окон нет, ни дверей. Хорошо за плечами такую защиту чувствовать.

Среди солдат — Василий Кутейкин. И ему хорошо оттого, что стена защищает сзади.

И вдруг от страшного взрыва качнулся дом. Это фашисты подорвали глухую стену. Едва улеглась пыль — показался огромный проем в стене. Только рассмотрели его бойцы, как оттуда, с фашистской стороны, полетели в советских солдат гранаты.

Вот уже первая с шумом коснулась пола. Вот сейчас последует взрыв. Упала граната рядом с Кутейкиным. Солдат побледнел, зажмурился. Ждет, а взрыва все нет. Приоткрыл он глаза. Видит — схватил младший лейтенант Колеганов гранату, размахнулся и бросил назад в проем, то есть вернул фашистам. Там и раздался взрыв.

Улыбнулся Кутейкин. Полегчало на сердце. И вдруг видит — вторая летит граната. И снова прямо к нему, к Кутейкину. Вновь побледнел солдат, снова зажмурился. Ждет он бесславной смерти. «Раз, два, три», — про себя считает. А взрыва все нет. Открыл Кутейкин глаза — взрыва нет и гранаты нет. Это рядовой Кожушко по примеру младшего лейтенанта Колеганова схватил гранату и тоже бросил назад к фашистам.

Удачлив Кутейкин. Минует солдата смерть.

Посмотрел Кутейкин на младшего лейтенанта Колеганова, на рядового Кожушко. И вдруг ушла из сердца минутная робость. Неловко бойцу за себя. Сожалеет, что это Кожушко, а не он подхватил гранату. Даже желает, чтобы прилетела еще одна. Смотрит — и вправду летит граната.

— Моя! — закричал Кутейкин.

Бросился ей навстречу:

— Не подходи — моя!

Схватил гранату и тут же ее туда — к фашистам за стену.

Секундой позже подвиг Колеганова, Кожушко и Кутейкина повторили старшина Кувшинов и рядовой Пересветов.

Подбежали солдаты затем к проему. Открыли огонь из винтовок и автоматов. Когда закончился бой и утихли выстрелы, подошли, заглянули бойцы в проем.

Там, громоздясь один на другого, валялись десятки фашистских трупов.

— Да, нагвоздили, — произнес младший лейтенант Колеганов.

Улыбнулись солдаты:

— Так ведь «гвоздильный завод».

Много в Сталинграде таких заводов. Что ни дом, то для фашистов «завод гвоздильный».

РАНЕН В БОЮ СОЛДАТ

Лежал он без стога, без крика, без плача. Ранен в бою солдат. Кровь сквозь рубаху на пол сочится.

Окраина Сталинграда. Полуразрушенный дом. Третий этаж. Лежит на полу солдат.

Сражался солдат в составе родного стрелкового взвода. Обороняли вот этот дом. Вдруг прибыл приказ занять бойцам по соседству другие позиции. Двинулись воины к новому месту. Солдат прикрывал переход. Покинули дом боевые друзья. Сделал выстрел последний солдат. Хотел устремиться за всеми следом. В эту минуту его и ранило. Вскрикнул. Согнулся. Упал солдат.

Лежит на полу солдат. Из раны на пол кровь сочится.

Утихает за окнами бой. Передвинулась дальше стрельба — туда, куда ушли боевые товарищи.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает.

Вот Вася Сидоркин. Родом они из одного заводского поселка. Вместе на фронте с первого дня войны. Отходили по огненным дорожкам тогда солдаты. В бою под Минском был ранен боец. Вынес с поля боя, унес от смерти друга тогда Сидоркин.

Вот ефрейтор Семен Капусто. Под Вязьмой вместе они сражались. Попали бойцы

в окружение. Неделю снегами брели по ночам к своим. Одним на двоих сухарем питались.

Вот Такен Токобаев. Это с Такеном они вдвоем привели «языка» под Можайском. Породнила судьба солдат. Вместе вручили героям тогда медали.

Вот Самойлов, Ильин, Головин. Вместе громили фашистов они под Москвой. Испытали радость победы вместе.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает. До слез обидно лежать солдату. Там где-то дальше на улице бой. Там в смертной схватке с врагами сошлись товарищи. Как же помочь друзьям?

Приподнялся солдат. Но тут же от боли вскрикнул. Опять опустился на пол. Прошла минута. Вновь приподнялся. Боль пересилил. Встал. Сделал шаг, сделал два к окну. Взял винтовку. Высунул дуло в проем окна. Выбрал цель. Нажал на курок. Щелкнул курок, и только. Прикрывая своих, растратил воин последние патроны. Нечем сражаться солдату.

Опустился боец на пол. Покидают солдата последние силы. Все сильнее сочится кровь.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает. Все громче и громче слышна стрельба. Нелегко там сейчас товарищам. Чем же отвлечь фашистов?

Глянул боец на раны. На рубаху. И вдруг мысль осенила солдата. Собрал он последние силы. Рванул гимнастерку. Скинул рубаху. Оторвал от рубахи солдат полотнище. Провел им по ранам. Цветет кумачом полотнище. Покрылось солдатской кровью.

Подобрался солдат к окну. К винтовке, к штыку прикрепил материю. Высунул штык в окно. Рубином зажглось полотнище. Затрепетало оно по ветру. Заиграло, забилося в небе.

Не ошибся солдат. Увидев красное знамя, вновь повернули сюда фашисты. Забили опять снаряды. Зацокали снова пули.

Не утих, продолжается бой у дома. Реет над домом красное знамя. Рубином фашистов бьет. Где-то за домом гремит «Ура!». Это в атаку идут товарищи. Но не видел, не слышал того солдат. Закончил свой путь боевой солдат. До конца исполнил свой долг солдатский.

Лежал на полу солдат. А рядом знамя, как часовой, стояло.

БУЛЬ-БУЛЬ

Не стихают бои в Сталинграде. Рвутся фашисты к Волге.

Обозлил сержанта Носкова какой-то фашист. Траншеи наши и гитлеровцев тут проходили рядом. Слышна из окопа к окопу речь.

Сидит фашист в своем укрытии, выкрикивает:

— Рус, завтра буль-буль!

То есть хочет сказать, что завтра прорвутся фашисты к Волге, сбросят в Волгу защитников Сталинграда.

Сидит фашист, не высовывается. Лишь голос из окопа доносится:

— Рус, завтра буль-буль. — И уточняет: — Буль-буль у Вольга.

Действует это «буль-буль» на нервы сержанту Носкову.

Другие спокойны. Кое-кто из солдат даже посмеивается. А Носков:

— Эка ж, проклятый фриц! Да покажись ты. Дай хоть взглянуть на тебя.

Гитлеровец как раз и высунулся. Глянул Носков, глянули другие солдаты. Рыжеват. Осповат. Уши торчком. Пилотка на темени чудом держится.

Высунулся фашист и снова:

— Буль-буль!

Кто-то из наших солдат схватил винтовку. Вскинул, прицелился.

— Не трожь! — строго сказал Носков.

Посмотрел на Носкова солдат удивленно. Пожал плечами. Отвел винтовку.

До самого вечера каркал ушастый немец: «Рус, завтра буль-буль. Завтра у Вольга».

К вечеру фашистский солдат умолк.

«Заснул», — поняли в наших окопах. Стали постепенно и наши солдаты дремать. Вдруг видят, кто-то стал вылезать из окопа. Смотрят — сержант Носков. А следом за ним лучший его дружок рядовой Турянчик. Выбрались дружки-приятели из окопа, прижались к земле, поползли к немецкой траншее.

Проснулись солдаты. Недоумевают. С чего это вдруг Носков и Турянчик к фашистам отправились в гости? Смотрят солдаты туда, на запад, глаза в темноте ломают. Беспокоиться стали солдаты.

Но вот кто-то сказал:

— Братцы, ползут назад.

Второй подтвердил:

— Так и есть, возвращаются.

Всмотрелись солдаты — верно. Ползут, прижавшись к земле, друзья. Только не двое их. Трое. Присмотрелись бойцы: третий солдат фашистский, тот самый — «буль-буль». Только не ползет он. Волокут его Носков и Турянчик. Кляп во рту у солдата.

Притащили друзья крикуна в окоп. Передохнули и дальше в штаб.

Однако дорогой сбежали к Волге. Схватили фашиста за руки, за шею, в Волгу его макнули.

— Буль-буль, буль-буль! — кричит озорно Турянчик.

— Буль-буль, — пускает фашист пузыри. Трясется, как лист осиновый.

— Не бойся, не бойся, — сказал Носков. — Русский не бьет лежащего.

Сдали солдаты пленного в штаб.

Махнул на прощанье фашисту Носков рукой.

— Буль-буль, — прощаясь, сказал Турянчик.

МАМАЕВ КУРГАН

Лейтенант Чернышов красавец. Брови дугой, как месяц. Кудри черны, как смоль.

14 сентября 1942 года. С новой силой фашисты идут в атаку. Семь дивизий штурмуют город. Три тысячи орудий ведет огонь. Пятьсот фашистских танков железной ползут лавиной.

Особенно кровопролитные бои идут за Мамаев курган. Мамаев курган — самая высокая точка в городе. Видно отсюда далеко-далеко. Видно и Волгу, и степи, и левый заволжский берег.

Уже несколько раз вершина кургана переходила из рук в руки. То теснят фашисты наших бойцов, то прорвутся к вершине наши. То держат вершину наши. То вновь у фашистов она в руках. Пять раз водил солдат в атаку лейтенант Чернышов. Брови дугой, как месяц. Кудри черны, как смоль.

Начинает Чернышов шестую атаку, а сам вспоминает первую.

Добежали тогда бойцы почти до вершины. Шли перебежками. Залегали. Пережидали страшный огонь противника.

Поднимались и снова бежали вперед.

— Вперед! Вперед! — до хрипоты, обезумев, очумев от боя, кричал лейтенант Чернышов.

Вновь залегли солдаты. Переждал лейтенант Чернышов и опять:

— Вперед!

Лежат солдаты, не поднимаются.

— Вперед! — кричит Чернышов. Схватил автомат, тронул дулом одного, второго. — Вперед!

Лежат солдаты.

Подкатила здесь к сердцу злость. Перекосилось лицо от крика. Саблей сломались брови. Скулы корежат рот.

— Вперед! — кричит лейтенант Чернышов.

Лежат солдаты.

Вдруг объявился рядом с лейтенантом сержант Куценко.

— Они же мертвые, товарищ лейтенант, — тихо сказал Куценко.

Вздрогнул лейтенант Чернышов, глянул кругом, на курган, на солдат. Понял — солдаты мертвые. Живы только они вдвоем — он, Чернышов, и сержант Куценко. Отошли назад с высоты к своим.

Здесь внизу у кургана назначили Чернышова командовать новой группой. Снова в атаку ходил Чернышов. Вновь захлебнулась в крови атака. Не достигли они вершины ни в третий, ни в четвертый, ни в пятый раз.

Ночь наступила. Вся ночь в атаках. А когда забрезжил рассвет — страшно взглянуть кругом. Склоны кургана в солдатских трупах. Словно устав в походе, прилегли на часок солдаты. Сыграй им побудку — сейчас проснутся.

Не проснутся уже солдаты. Сном непробудным спят.

— В атаку! — снова прошла команда.

Снова к вершине ведет Чернышов солдат. «Эх, силы бы свежей, силы!» Вдруг слышит — раскатом грома гремит «Ура!». «Что бы такое?» Решает — причудилось. Обернулся. К кургану подходят свежие роты. В шеренгах бойцы как литые: один к одному по мерке. Это из-за Волги с левого берега пришли на помощь гвардейцы из 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Родимцева.

— Ура! Ура!

Влетели бойцы на вершину. Как волны в прибой, ударили.

В наших руках вершина.

Стоит на вершине лейтенант Чернышов. Рядом стоят солдаты. Тут же сержант Куценко. Смотрят на Волгу, на дальние дали, на левый заволжский берег.

— Все же наша взяла, — произнес лейтенант Чернышов и вдруг по-детски радостно рассмеялся. Скинул пилотку. Вытер пилоткой вспотевший лоб.

Поднял на Чернышова глаза Куценко. Что-то хотел сказать, да так и застыл. Смотрит: где же лейтенантские черные кудри? Как лунь, в седине голова Чернышова. Лишь брови все так же дугой, как месяц.

ЗЛАЯ ФАМИЛИЯ

Стеснялся солдат своей фамилии. Не повезло ему при рождении. Трусов его фамилия.

Время военное. Фамилия броская.

Уже в военкомате, когда призывали солдата в армию, — первый вопрос:

— Фамилия?

— Трусов.

— Как-как?

— Трусов.

— Д-да... — протянули работники военкомата.

Попал боец в роту.

— Как фамилия?
— Рядовой Трусов.
— Как-как?
— Рядовой Трусов.

— Д-да... — протянул командир.

Много бед от фамилии принял солдат. Кругом шутки да прибаутки:

— Видать, твой предок в героях не был.

— В обоз при такой фамилии!

Привезут полевую почту. Соберутся солдаты в круг. Идет раздача прибывших писем. Называют фамилии:

— Козлов! Сизов! Смирнов!

Все нормально. Подходят солдаты, берут свои письма.

Выкрикнул:

— Трусов!

Смеются кругом солдаты.

Не вяжется с военным временем как-то фамилия. Горе солдату с этой фамилией.

В составе своей 149-й отдельной стрелковой бригады рядовой Трусов прибыл под Сталинград. Переправили бойцов через Волгу на правый берег. Вступила бригада в бой.

— Ну, Трусов, посмотрим, какой из тебя солдат, — сказал командир отделения.

Не хочется Трусову оскандалиться. Старается. Идут солдаты в атаку. Вдруг слева застрочил вражеский пулемет. Развернулся Трусов. Из автомата дал очередь. За-молчал неприятельский пулемет.

— Молодец! — похвалил бойца командир отделения.

Пробежали солдаты еще несколько шагов. Снова бьет пулемет. Теперь уже справа. Повернулся Трусов. Подобрался к пулеметчику. Бросил гранату. И этот фашист утих.

— Герой! — сказал командир отделения.

Залегли солдаты. Ведут перестрелку с фашистами. Кончился бой. Подсчитали солдаты убитых врагов. Двадцать человек оказалось у того места, откуда вел огонь рядовой Трусов.

— О-о! — вырвалось у командира отделения. — Ну, брат, злая твоя фамилия. Злая!

Улыбнулся Трусов.

За смелость и решительность в бою рядовой Трусов был награжден медалью.

Висит на груди у героя медаль «За отвагу». Кто ни встретит — глаза на награду скосит.

Первый к солдату теперь вопрос:

— За что награжден, герой?

Никто не переспросит теперь фамилию. Не хихикнет теперь никто. С ехидством слово не бросит.

Ясно отныне бойцу: не в фамилии честь солдатская — дела человека красят.

ДАНКО

Данко — сказочный герой одного из рассказов Максима Горького. Спасая людей в темном лесу, Данко вырвал из своей груди сердце. Вспыхнуло сердце ярким пламенем, осветило дорогу людям.

Сталинград необычный город. Длинной полосой на 65 километров протянулся он с севера на юг вдоль правого берега Волги.

К исходу сентября 1942 года наиболее грозные бои развернулись в северной части города. Тут заводской район. Вот завод «Красный Октябрь», вот «Баррикады», а вот и знаменитый Сталинградский тракторный. Гордились сталинградцы своими заводами, славой своей рабочей. Сюда в заводской район и рвались теперь фашисты. С утра до вечера гудела здесь страшная битва. Сила ломала силу. Упорство сошлось с упорством.

От страшного дыма, огня и пыли день превращался в ночь. От бескрайних ночных пожаров ночь превращалась в день.

Ничем особо не приметен комсомолец матрос Михаил Паникаха. Роста среднего. Силы средней. Матрос как матрос. Бескозырка. Тельняшка. Правда, матросские клешши убраны в сапоги.

Михаил Паникаха морской пехотинец. Вместе со своим батальоном он сражался здесь в заводском районе.

Бросили фашисты против морских пехотинцев танки. Завязался неравный бой.

У танков броня, пушки и пулеметы. У матросов одни гранаты. И те на исходе.

Михаил Паникаха сидел в окопе. Как и все, отбивался от пулеметов, брони и пушек. Но вот наступил момент — нет у Паникахи больше гранат. Осталось лишь две бутылки с горючей смесью. А танки идут и идут. И бою конца не видно.

Один из танков движется прямо на Паникаху. Не уйти от судьбы солдату. В схватке сошлись человек и сталь.

Прижался матрос к окопу. Подпускает поближе танк. Держит в руках бутылку с горючим. Приготовился. Лишь бы не промахнуться. Лишь бы попасть. Вот и рядом фашистский танк. Приподнялся матрос в окопе. Занес бутылку над головой, только хотел швырнуть в стальную громаду, как вдруг ударила пуля в стекло. Разлетелась на осколки бутылка. Воспламенилась жидкость, хлынула на Паникаху. Мгновение — и факелом вспыхнул матрос.

Замерли люди. Замерло небо. Остановилось на небе солнце...

Остальное случилось в одну секунду.

— Нет, не пройти фашистам! — прокричал матрос.

Схватил Паникаха вторую бутылку с горючей смесью. Живым пламенем выскочил из окопа. Подбежал к фашистскому танку. Занес бутылку. Ударил по решетке моторного люка. Взревел, поперхнулся фашистский танк. К небу брызнул огонь фонтаном.

Давно отгремели бои. Разошлись по домам солдаты. Многие стерла память. Но бессмертны дела бесстрашных. Живет, не старея, память о подвиге Паникахи.

Сталинградский Данко — назвали его товарищи. Таким он вошел в историю.

ДОБРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Запомнился танк рабочим. Добрым знакомым стал.

Бои идут рядом с тракторным заводом. Стараются фашисты захватить Сталинградский тракторный. Бьют по заводу из пушек. Бомбят его с воздуха. Однако стоит, держится тракторный. И не только держится, но и работает. Там, где цеха разрушены, работа идет под открытым небом. Стоят у станков слесари, токари, механики. А рядом стоят винтовки. Если возникнет нужда, к бою готовы рабочие.

Гудит, шумит, не умолкает Сталинградский тракторный. Кипит работа и днем и ночью. Только, конечно, не тракторы выпускает сейчас завод. Стал он заводом танковым. Привозят сюда подбитые, искалеченные, обгоревшие танки. Возвращают им жизнь рабочие.

Прибуксировали как-то на завод и танк под номером 214. Восстановили его рабочие. Отремонтировали. Ушел он снова на поле боя.

Прошло несколько дней. Новые танки прибыли на завод. Глянули рабочие — среди них тот самый, 214-й.

— А, старый знакомый. Здравствуй! — приветствуют танк танковые мастера.

Восстановили рабочие танк. Загудел он опять мотором. Ушел за заводские ворота, отважно ринулся снова в бой.

Все жарче, жарче кругом сражения. Справа и слева, среди рвов и оврагов, среди ближних холмов и курганов, и дальше за ними, куда лишь хватает глаз, грохочет пламя огромной битвы.

Снова проходит несколько дней. И снова рабочие на заводском дворе видят танк 214-й. На башне трещина. Накренился на правую сторону — перебита у танка гусеница. Узнали знакомого рабочего.

— Что же ты, старина?

— Да так уж случилось, — ответил танк.

Подлечили рабочие танк. Швы на броню положили. Надели новую гусеницу, чтобы не было хромоты.

Кивнул благодарно, прощаясь, танк. И снова туда, где вскипает битва. Бьется отважно танк. Бросается в самую гущу схваток. Смело идет на фашистские пушки. Давит, утюжит фашистских солдат. Прикрывает своих броней, словно рыцарь щитом и латами.

Снова проходит день. Все сильнее, сильнее битва. В ранах опять и в шрамах пересекает заводские ворота танк. Пригнулся он весь, ссутулился. Башню склонил, как голову. Казалось, перед рабочими извиняется.

— Не грусти, старина, — говорят мастера. — Всякое в жизни бывает.

— Как же таким я в бой?

— Подлечим, браток, подлечим.

Вновь воскресили рабочие руки танк. Полная сил и задора уходит машина в бой. Смотрят рабочие танку вслед.

— Нашивки б ему за ранения. Орден ему за подвиги.

И танк о рабочих думает:

«Памятник им в века за их золотые руки».

ЗНАМЕНИТЫЙ ДОМ

Удивителен этот дом. Стоял он в городе, в самом центре. Бомбили его фашисты. Стоял, не сдавался дом. Прямой наводкой из пушек в него стреляли. Стоял, не сдавался дом. Минометным огнем, словно дождем, поливали фашисты дом. Стоял он, как дуб на ветру, не сдавался. Не пал на колени дом.

Защищали его солдаты огромной твоей страны. Здесь русский рядом стоял с казахом. Вместе бились украинец, грузин, узбек. Абхазец, таджик, татарин воду из общей фляжки пили.

Соберутся, бывало, солдаты в недолгий момент затишья. Присядут в солдатский круг.

О просторах родной России, о далекой любимой лесной стороне вспоминает боец Александров. О шири казахских родных степей вспоминает казах Мурзаев. В общем союзе советских республик расцветает родная Татария. О милой Казани, о Казанке-реке речь заводит татарин Рамазанов. Высоки на Памире горы. Бездонны в горах ущелья. О милых сердцу, родных горах песнь запеваёт таджик Турдыев. Могуч, и широк, и приволен Днепр. Об Украине родной, о ее колосистых полях и нивах украинца Глущенко думы. О ласковом солнце, о ласковом ветре, о ласковом небе, о ласковом море вспоминает грузин Мосиашвили. Родные арыки и белого хлопка поля представляет узбек Тургунов.

Вот такая твоя страна. Вот такая она огромная. Стоит в Сталинграде дом, не дом, а целый союз советских республик.

Русский, татарин, грузин, узбек за общую родину бьются.

Здесь на Волге решается все: судьба Украины, судьба Кавказа, участь родной земли. Знают об этом солдаты. В общем строю солдаты.

Обжились солдаты в доме. Даже баню в подвале себе устроили.

— Сандуны! Сандуны! — смеются солдаты. (Сандуны — это московская лучшая баня.)

— Гочило! Гочило! (Это тбилисская лучшая баня.)

Хорошо помыться солдатам в бане. На десять сражений вперед зарядка.

Кричат фашистам:

— А ну к нам в баню!

Молчат фашисты. Боятся бани.

Второй месяц атакуют фашисты дом. Изводят батальоны свои и роты. Стоит, не дрогнет упрямый дом. Кинжальным клином в оборону фашистов врезался.

По траншеям, по скрытым ходам сообщений нет-нет да приходят к солдатам гости. То разведчики, пробираясь в тылы к фашистам, задержатся тут на минутку. То минеры пройдут, то отряд минометчиков.

— Как тут у вас, гарнизон, дела?

— Служба идет, и солдат не дремлет, — отвечают бойцы с достоинством.

Стоит на виду у фашистов дом. Как мозоль на ступне, как бельмо на глазу. Не дает он врагам покоя. Начинают фашисты атаку.

— Не возьмешь! — отвечают бойцы фашистам.

— За Советскую нашу Родину! — открывают огонь по врагам.

— За наш нерушимый великий Союз! — И летят во врагов гранаты.

— За то, чтобы цвести державе!

— За свободу!

— За радость встреч!

— За Родину нашу — страну Россию!

Бьются в общем строю солдаты. Стоит нерушимо дом. За атакой идет атака. Отбивают бойцы атаки.

Оборону знаменитого сталинградского дома возглавляли лейтенант Иван Афанасьев и сержант Яков Павлов. По имени Героя Советского Союза сержанта Якова Федотовича Павлова часто этот дом называют Домом Павлова. Однако у дома есть и второе имя. Домом солдатской дружбы окрестили его солдаты.

Идет с фашистами бой-сражение.

— Огонька им, ребята. Побольше! Побольше! — командует сержант Яков Павлов. — Чтобы знали, чтобы не забывали, чья эта улица, чей этот дом.

СТАЛИНГРАДСКАЯ ОБОРОНА

Защищают советские войска Сталинград. Отбивают атаки фашистов.

Армией, оборонявшей центральную и заводскую часть города, командовал генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков.

Чуйков — боевой, решительный генерал.

Наступая в заводском районе, фашисты прорвались к командному пункту штаба армии. До противника триста метров. Вот-вот и ворвутся сюда фашисты.

Забеспокоились штабные офицеры и адъютанты.

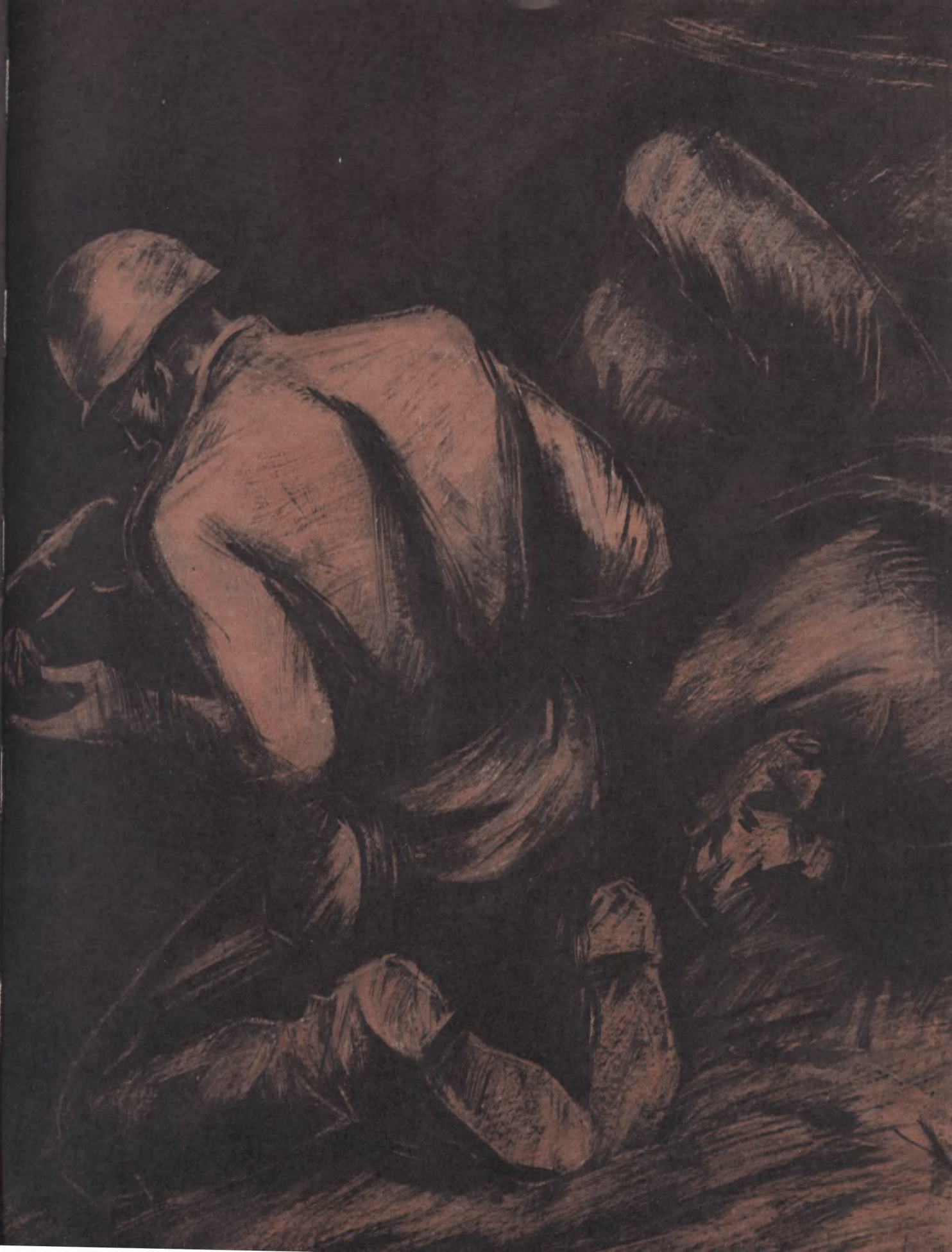
— Товарищ командующий, противник рядом, — доложили Чуйкову.

— Вот и прекрасно, — сказал Чуйков. — Он как раз нам и нужен.

Узнали солдаты боевой ответ генерала. Бросились на фашистов, уничтожили неприятеля.

Рядом с командным пунктом Чуйкова находился нефтяной склад. На территории склада — открытый бассейн с мазутом. Разбомбили фашистские самолеты бассейн, подожгли мазут. Устремился огненный поток в сторону командного пункта. День не стихает пожарище. Два не стихает пожарище. Неделю над пунктом и пекло, и чад, и ад.

Вновь беспокоятся адъютанты:

— Опасно, товарищ командующий, — рядом огонь!

— Вот и отлично, — сказал Чуйков. Глянул на дым, на огонь. — Прекрасная, товарищи, маскировка.

Бои идут совсем рядом со штабом Чуйкова. Так близко, что даже когда приносят сюда еду, в котелках и тарелках то и дело бывают осколки мин и снарядов.

Прибежал к Чуйкову штабной повар Глинка:

— Товарищ генерал, да где это видано — осколки в тарелках, мины в каше, снаряды в супе!

Усмехнулся командарм:

— Так это же прекрасно, Глинка. Это же боевая приправа. Фронтowej витамин на злость.

— «Витамин»! — пробурчал Глинка.

Однако ответ понравился. Рассказал он другим солдатам. Довольны солдаты — боевой у них генерал.

Командует Чуйков армией, защищающей, обороняющей Сталинград. Однако считает, что лучшая оборона — это атака. Атакует все время Чуйков противника. Не дает фашистам покоя.

Прибыла в распоряжение Чуйкова новая дивизия. Явился командир дивизии к командующему, ждет указаний. Соображает, где, в каком месте прикажут занять ему оборону. Вспоминает устав и наставления — как, по науке, лучше стоять в защите.

Склонился Чуйков над картой. Рассматривает, приговаривает: «Так, так, где же вам лучше занять оборону? И тут дыра. И тут нужны. И эти спасибо скажут!» Взял наконец карандаш, поставил кружок, от кружка провел стрелку.

— Вот здесь, — сказал, — завтра вместе с соседом справа начнете атаку. Цель — уничтожить скопление врага и выйти вот к этой отметке.

Глянул командир дивизии на генерала:

— Так это, выходит, целое наступление, товарищ командующий. А не оборона.

— Нет, оборона, — сказал Чуйков. — Сталинградская оборона.

Чуйков — атакующий, наступательный генерал. Во многих сражениях Великой Отечественной войны участвовал генерал. В 1945 году возглавляемые им войска одними из первых вошли в Берлин.

Ныне Василий Иванович Чуйков — Маршал Советского Союза.

ГЕННАДИЙ СТАЛИНГРАДОВИЧ

В сражающемся Сталинграде, в самый разгар боев, среди дыма, металла, огня и развалин солдаты подобрали мальчика. Мальчик крохотный, мальчик-бусинка.

— Как тебя звать?

— Гена.

— Сколько ж тебе годов?

— Пять, — важно ответил мальчик.

Пригрели, накормили, приютили солдаты мальчишку. Забрали бусинку в штаб. Попал он на командный пункт генерала Чуйкова.

Смышленным был мальчик. Прошел всего день, а он уже почти всех командиров запомнил. Мало того, что в лицо не путал, фамилии каждого знал и даже, представьте, мог назвать всех по имени-отчеству.

Знает кроха, что командующий армией генерал-лейтенант Чуйков — Василий Иванович. Начальник штаба армии генерал-майор Крылов — Николай Иванович. Член Военного совета армии дивизионный комиссар Гуров — Кузьма Акимович. Командующий артиллерией генерал Пожарский — Николай Митрофанович. Начальник бронетанковых войск армии Вайнруб — Матвей Григорьевич.

Поразительный был мальчишка. Смелый. Сразу пронюхал, где склад, где кухня, как штабного повара Глинку по имени-отчеству зовут, как величать адъютантов, связных, посыльных.

Ходит важно, со всеми здоровается:

- Здравствуйте, Павел Васильевич!..
- Здравствуйте, Аткар Ибрагимович!..
- Здравия желаю, Семен Никодимович!..
- Привет вам, Каюм Калимулинович!..

И генералы, и офицеры, и рядовые — все полюбили мальчишку. Тоже стали кроху по имени-отчеству звать. Кто-то первым сказал:

— Сталинградович!

Так и пошло. Встретят мальчонку-бусинку:

— Здравия желаем, Геннадий Сталинградович!

Доволен мальчишка. Надует губы:

— Благодарю!

Кругом полыхает война. Не место в аду мальчишке.

— На левый берег его! На левый!

Стали прощаться с мальчишкой солдаты:

- Доброй дороги тебе, Сталинградович!
- Сил набирайся!
- Мужай!
- Расти!
- Честь с юных лет береги, Сталинградович!

Уезжал он с попутным катером. Стоит у борта мальчишка. Машет ручонкой воинам.

Проводили солдаты бусинку и снова к ратным своим делам. Словно бы не было мальчишка, словно бы сон привиделся.

Вырос Геннадий Сталинградович. Жив и здоров. Школу закончил, затем институт. Живет он в счастливое наше время.

За него, за счастье других ребят в тот памятный год, в той страшной войне за нашу страну, за Советскую власть стояли насмерть отцы и деды.

МАЙОР УСТИНОВ

Не утихают бои в Сталинграде. Сентябрь проходит, а город сражается. Октябрь на улице, а город сражается.

Летят из Берлина грозные предписания:

«Взять Сталинград! Взять Сталинград! Сутки — и чтобы взять!»

14 октября 1942 года фашисты начали новое наступление. Снова сила крушила силу. Упорство сошлось с упорством. И снова от страшного дыма, огня и пыли день превращался в ночь. Стонала земля от боли. От ожогов кричало небо.

Неравны по-прежнему силы. Пал Сталинградский тракторный. Фашисты прорвались к заводу «Красный Октябрь». Бои развернулись на территории завода «Баррикады».

Десять дней не утихает ужасный бой. Идет он в цехах, корпусах, отделах — за каждую пядь заводской земли. Москитной тучей висят над заводскими трубами фашистские самолеты. Пушки бьют очумело прямой наводкой.

Вместе с другими завод «Баррикады» защищал и 895-й стрелковый полк. Здесь же, на территории завода, находился и командный пункт командира полка майора Устинова.

Прорвались фашисты к командному пункту. Все ближе и ближе бой. Вот совсем рядом раздаются голоса и крики фашистских солдат. Все меньше и меньше кругом защитников. И вот наступил последний момент — майор Устинов один остался.

Заполнили фашисты заводской двор. Все больше их, больше и больше. Левее командного пункта, правее, перед ним, а вот уже и за ним. Черно кругом от фашистских мундиров.

«Эх бы рвануть «катюшами», — подумал майор Устинов. Подумал и тут же бросился к рации. Торопится наладить связь с артиллеристами. Наладил.

— Дорогие, — кричит Устинов, — умоляю — залп реактивными! По скоплению неприятеля. Верная цель.

И тут же сообщает координаты, то есть то место, куда стрелять. А место это как раз и есть то самое, где находится командный пункт полка и на котором майор Устинов сейчас стоит.

— Стреляйте! — кричит Устинов. — Стреляйте!

Заметили фашисты советского майора. Бросились к нему:

— Рус, сдавайся! Рус, капут!

— Стреляйте!

Рванули «катюши». Огнем осветили небо. Словно плуги по пашне, по рядам фашистов прошли снаряды. Молодцы, точны артиллеристы. Без отклонения в цель попали. Взрыли «катюши» землю, кирпич и камни. Уничтожили все живое.

А как же майор Устинов? Цел, невредим. Стоит улыбается. Словно бы он заколдованный. Словно бы он замороженный.

Недаром безумству храбрых гимны народ слагает. Недаром в песне одной поется: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет».

ГОСПИТАЛЬ

Солдат Шараф Кулиев был ранен в бою за тракторный завод. Переправили его на левый берег Волги. А оттуда эвакуировали в тыловой госпиталь под Уфу. Оформляют солдата в госпиталь. Задают вопросы. В том числе и такой:

— Откуда прибыл?

— Из Сталинграда, из госпиталя пятьсот два, — отвечает солдат.

— Откуда-откуда?

— Из госпиталя пятьсот два, — повторяет солдат.

Удивляются врачи. Нет под Сталинградом такого госпиталя.

— Нет такого госпиталя, — говорят солдату.

— Нет, есть, — отвечает Шараф Кулиев.

— Ошибаетесь, товарищ боец. Нет такого госпиталя, — повторяют врачи.

— Нет, есть, — стоит на своем солдат.

Решили не спорить медики с раненым. Ясно врачам, что солдат ошибся.

Прошел день. Вновь поступила под Уфу группа раненых бойцов из-под Сталинграда.

- Откуда прибыли? — задают и этим врачи вопрос.
- Из госпиталя пятьсот два, — отвечают солдаты.
- Откуда-откуда?
- Из госпиталя пятьсот два, — повторяют солдаты.
- Нет такого госпиталя, — говорят врачи.
- Нет, есть, — утверждают солдаты.

Смутились медики. Решили перепроверить. Навели справки. Перепроверили. Нет под Сталинградом такого госпиталя.

- Нет, есть, — стоят на своем солдаты.

Прошло еще несколько дней. Новая группа сталинградских солдат прибыла под Уфу.

- Откуда прибыли? — задают обычный вопрос врачи.
- Из госпиталя пятьсот два, — отвечают солдаты. — Из-под Сталинграда.
- Что?

Смотрят врачи на бойцов. Сговорились, шутят, что ли, над ними солдаты.

- Нет же такого госпиталя, — объясняют врачи.

- Нет, есть, — улыбаются солдаты. — Мы же оттуда.

Приподнялся один на носилках — весь в бинтах, пожилой, с усами:

- Есть, родимые, есть. Имеется.

Поражаются медики. Решили еще раз перепроверить. Послали запрос под Сталинград. Вскоре пришел ответ.

«И нет такого госпиталя, — значит в ответе, — и есть».

Вовсе сбиты с толку теперь врачи. Как же понять ответ?!

А дело вот в чем. На левом берегу Волги, как раз напротив тракторного завода, стоял домик бакенщика. Жили в нем бакенщик Семен Михайлович Пряхин и его жена Евгения Федоровна. Все погибло от артиллерийского огня на берегу. А домик уцелел. Не брали его снаряды. Вот и повелось, что здесь, в этом домике, и делали первую остановку раненые бойцы, когда их перевозили со сталинградского берега, от тракторного завода. Здесь они дожидались машин. Случалось, на день, на два оставались тут раненые. Ухаживали за ними Семен Михайлович и Евгения Федоровна. Сил не жалели. Кормили, поили, перебинтовывали.

Домик бакенщика имел свой номер. Числился он как пост № 502. Запомнили солдаты этот номер. Окрестили бойцы домик бакенщика госпиталем. Вот и появился новый госпиталь.

Многим помог самозванный госпиталь. Спасибо, Семен Михайлович, спасибо, Евгения Федоровна. За доброе дело — поклон вам низкий.

БЕРЛИНСКАЯ ЗНАМЕНИТОСТЬ

Много прославленных снайперов было на Сталинградском фронте: Виктор Медведев, Гильфан Авзалов, Анатолий Чехов... Самый известный — Василий Зайцев. Почти триста убитых фашистов на счету у знаменитого снайпера.

Решили фашисты уничтожить меткого стрелка. Назначили большую награду тому, кто убьет советского снайпера. Только осмотрителен, опытен Зайцев. Никак не удастся определить фашистам, откуда, с какого места солдат стреляет. Меняет боец позиции. Сегодня сидит в окопе. Завтра за каменной кладкой подвала укроется. Из окон разбитого дома стреляет он на третий день. Забравшись под брюхо сгоревшего танка, бьет по врагу на четвертый.

Не помогает обещанная награда. Нет среди фашистов под Сталинградом стрелка, который был бы равен Василию Зайцеву.

Увеличили фашисты награду. Рыщут повсюду охотники. Только нет никому уда-

чи. Нет среди немцев под Сталинградом стрелка, который смог бы осилить Зайцева.

Досадно фашистам. Вспомнили гитлеровские командиры, что в Берлине есть знаменитый немецкий стрелок майор Конингс — руководитель школы фашистских снайперов. Вызвали срочно Конингса в Сталинград. На специальном самолете прибыл берлинский снайпер.

Узнал Конингс фамилию русского умельца.

— Зайцев? Хо-хо! — рассмеялся.

Сыскался среди немецких солдат находчивый:

— Господин майор, есть среди них и Медведев!

А Виктор Медведев и вправду после Василия Зайцева был самым метким стрелком на фронте.

Понял шутку берлинский гость:

— О-о!

Конингс рослый, плечистый. На шее — Железный крест.

Смотрят немецкие солдаты на Конингса — вот кто покончит с Зайцевым. А заодно и с Медведевым, Авзаловым, Чеховым...

И вот сошлись майор Конингс и Василий Зайцев в снайперской схватке.

Осторожен, сама осторожность Конингс. Зайцев еще осторожнее.

Глазаст Конингс. Зайцев еще глазастее.

Терпелив Конингс. Зайцев еще терпеливее.

Четыре дня сидели стрелки друг перед другом. Ждали, кто первым выдаст себя, кто первым допустит промах.

Идет Конингс на разные хитрости. Все пытается сделать так, чтобы советский снайпер хоть бы на секунду из-за укрытия высунулся. И Зайцев о том же думает: как бы заставить майора Конингса на секунду оставить свое укрытие.

Хитер Конингс. Зайцев еще хитрее. Подозвал он к себе солдата Николая Куликова, наставляет: сиди, мол, со мною рядом. Возьми палку, надень каску на палку, чуть высунь ее из окопа. Если грянет выстрел, вскинь руки, вскрикни и падай.

— Ясно?

— Ясно! — солдат ответил.

Высунул Куликов из окопа каску, и сразу по каске — пуля. Вскинул, как договорились, Куликов руки, вскрикнул и повалился на дно окопа. Рад Конингс своей удаче. Уверен, что поразил Зайцева. Любопытно ему посмотреть: высунул голову из-за укрытия, глянул. Глянул, и тут же пуля Василия Зайцева сразила майора Конингса.

Лежит неподвижно на сталинградской земле берлинская знаменитость. На шее Железный крест надгробным крестом торчит.

НАПИЛСЯ

Обер-лейтенант Карл Иоганн Мария Нушке дал клятву напиться воды из Волги.

Поклялся отцу и деду. Поклялся невесте. Отцу невесты. Соседу. Соседке. Служивцам по части. Командиру части. В ресторане швейцару. Почтальону. Лифтеру. Поклялся родному дому.

Прибыл Нушке на фронт недавно. Туго фашистам под Сталинградом. За пополнением гонят сюда пополнения. Из ближних, из дальних мест. Карл Иоганн Мария Нушке приехал из немецкого города Бремена.

Попал Карл Иоганн Мария Нушке в заводской район Сталинграда. По-прежнему рвутся тут к Волге фашисты. Рвется со всеми вперед и Нушке. Он клятву недаром дал. Волга рядом — рукой подать. Триста каких-то метров.

Собрали фашисты свежие силы. Прорвались к Волге и здесь, в заводском районе, захватили крохотный пятачок.

Вот она, Волга — царица рек. Вышел к берегу Нушке. Остановился. Глянул на-лево. Глянул направо. На волжскую воду с гордостью посмотрел.

Вспомнил отца и деда. Невесту. Отца невесты. Соседа. Соседку. Сослуживцев по части. Командира части. Швейцара. Почтальона. Лифтера. Портного. Вспомнил кры-лечко родного дома.

Наклонился Нушке к Волге, к воде. Подхватил ладонью студёные капли. Сделал глоток, второй. Расправился.

Нушке стоит не один. Вот рядом Генрих Штольц, вот Отто Шульц, вот Вилли Шольц. Все трое из того же города Бремена. Есть у Нушке свидетели — как и обе-щал, напился Карл Иоганн Мария Нушке воды из Волги.

Улыбнулся Нушке. Улыбнулись свидетели.

И вдруг просвистело над Волгой что-то. И в ту же секунду — бух!

Отбежали свидетели. Глянули на то место, где стоял Нушке. Был. Стоял. И нет Нушке. Воронка на этом месте.

Нет Нушке, зато сохранились свидетели. Напишут в Бремен они письмо.

Узнает отец и дед, невеста, отец невесты, сосед, соседка, сослуживцы по части, командир части, швейцар, почтальон, лифтер, узнает родимый дом, что выполнил клятву Нушке — напился воды из Волги.

Только решили свидетели, как вдруг вновь просвистело над Волгой что-то. И в ту же секунду — бух!

Стояли свидетели. Были. И нет. Воронка на этом месте.

Ждут в Бремене вестей от Нушке. Ждут вестей от Шольца, от Шульца, от Штоль-ца. Ждут вестей и в других городах, от тысяч других немецких солдат.

Что-то молчат солдаты...

ОСТРОВ ЛЮДНИКОВА

Прорвались фашисты к Волге в районе завода «Баррикады», отрезали от других 138-ю стрелковую дивизию. Командовал дивизией полковник Людников. Занимала дивизия очень небольшую территорию у волжского берега. С севера, с запада, с юга — фашисты, с четвертой, с восточной, стороны — Волга. Островом Людникова называли солдаты эту часть сталинградской земли.

Всюду было трудно защитникам Сталинграда. А здесь, на острове Людникова, и того труднее. Стояла середина ноября. Ни зима, ни осень. Волга еще не замерзла, но уже шел по ней лед — шуга. И на лодках в такое время года не переправишься, и по льду не перейдешь. Трудно было сюда доставлять продовольствие и боеприпасы. Бойцы получали по 25 граммов сухарей и по 5 граммов сахара в день. Но держались.

Здесь же, на острове Людникова, оказалось много раненых. Собралось их около четырехсот человек. И их переправить нельзя на левый берег. Укрыли раненых в землянках, которые были вырыты в отвесных волжских кручах. Называли землянки госпиталем.

И вот как-то к полковнику Людникову прибегают врачи:

— Товарищ полковник, бунтуют раненые.

— Как бунтуют?!

— Не слушаются, не подчиняются, — уточняют медики.

— Чему не подчиняются?

— Лечебному режиму, — сказали врачи.

Оказывается, не хотят раненые оставаться в госпитале. Знают они, что их то-варищи по дивизии там наверху, на кручах, ведут тяжелые бои с фашистами, просят, чтобы и им разрешили принять участие в этих боях.

— Не подчиняются, — повторяют врачи. — Не выполняют раненые наших распо-ряжений, товарищ полковник.

Собрался Людников, пошел вместе с врачами к раненым. Вошел в одну из землянок. Узнали солдаты полковника Людникова:

— Товарищ полковник, несправедливо.

— Что несправедливо?

— А то, что мы здесь лежим, — отвечают солдаты, — а там наверху каждый из наших товарищей один против пяти фашистов сражается.

— Так ведь вы раненые. Так ведь здесь госпиталь. Так ведь медицинский порядок такой, — пытается объяснить солдатам полковник Людников.

Объясняет, но видит, что солдаты не воспринимают его слова. Понимает Людников — не переубедить ему бойцов. Отошел, посоветовался с врачами. Разрешили врачи, чтобы легкораненые вернулись в строй.

— Только легкораненые, — повторили они.

— Только легкораненые, — повторил и полковник Людников.

Вот тут-то началось самое главное. Каждый стал утверждать, что он легкораненый. Стали легкораненые отходить к выходу из землянки. Смотрит Людников — пожилой солдат вместе с другими двинулся. Плечо у солдата туго перебинтовано. Кровь сквозь бинты проступила. Ясно: ранение тяжелое.

— Куда же вы, папаша? — обращается к нему Людников.

— В строй, товарищ полковник, — отвечает солдат.

— Да как же вы с таким-то плечом — и в строй?!

— А мне тяжести не грузить. Я минометчик, — отвечает солдат.

Видит Людников — за этим пожилым молодой тянется. Костыль под мышкой, нога волочится.

— А куда же вы, товарищ боец, с костылем? — говорит ему Людников.

— Так я пулеметчик, — отвечает боец. — Для меня нога не самое главное.

Вернул полковник бойцов назад, и молодого и старого. Многих задержал Людников.

Утром те, кто был отпущен из госпиталя, составили пополнение и вместе с другими бойцами вступили в бой с фашистами. И вот зоркий глаз Людникова заметил, что бойцов, пришедших из госпиталя, оказалось намного больше того числа, которым вчера разрешили вернуться в строй. Заметил командир дивизии и тех двух — пожилого с тяжелым ранением в плечо и молодого бойца-пулеметчика.

Подошел Людников к солдатам. Готов разозлиться, повысил голос:

— А вы почему здесь, товарищи бойцы?!

Ухватился пожилой за последнее слово — бойцы.

— Оттого и здесь, что бойцы, — ответил.

Поставил в тупик он Людникова. Заговорил Людников о тяжелых ранениях у солдат, о том, что просто трудно с такими ранениями быть в бою.

— А ему что — легко? — опять не сдается пожилой. — А он что — не раненый? Да он нас посильнее раненый. Однако стоит и держится.

— Кто — он? — не понял Людников.

— Сталинград, — сказали бойцы, молодой и старый.

Сорок пять дней, до самой нашей сталинградской победы, удерживали советские воины остров Людникова. Так и не отдали его фашистам.

ТИТАЕВ

Ноябрь. Завьюжило. Выпал снег.

Незавидная жизнь у связистов. Снег, непогода, грязь, бомбят самолеты с неба, снаряды вздымают землю, пули разносят смерть — будь к походу готов, связист. Повредило проводку бомбой, оборвало снарядом провод, фашистский разведчик разрушил связь — собирайся, солдат, в дорогу.

В ноябре вновь завязались бои за Мамаев курган. В самый разгар сражения прервалась телефонная связь с командным пунктом дивизии. С командного пункта как раз артиллеристам давали команды к стрельбе по целям. Оборвались теперь команды. Прекратился огонь артиллерии.

На исправление повреждения вышел связист Титаев. Ползет Титаев вдоль провода, ищет, где произошел обрыв. Висят над Титаевым низкие облака. Метет поземка. Слева неприятельские окопы. Бьют минометы. Строчат автоматы. Грохочет бой.

Ползет Титаев, впился глазами в провод, ищет конец обрыва. Свистят над солдатом пули. Сбивает с пути поземка.

— Эн, не собьешь!.. — крикнул солдат метели. — Эн, не возьмешь!.. — крикнул Титаев пулям.

Ползет солдат. А там, на кургане, грохочет бой. И нужен, как воздух, огонь артиллерии. Понимает это Титаев. Торопится. Метрах в тридцати впереди показалась воронка от взрыва. Вот где оно, повреждение. Десять метров осталось. Пять. Дополз до воронки солдат. Вот он у самого края. Вот лежит провод, рассеченный стальным осколком. Подхватил Титаев один конец. Тянет быстрее второй...

Молчал, молчал телефон на командном пункте и вдруг заработал. Облегченно вздохнул командир.

— Молодцы, — похвалил связистов.

— Так это ж Титаев, — ответил кто-то. — Первой статьи солдат.

Знают Титаева. Любят в дивизии. Ждут в связной роте, когда же вернется назад Титаев. Не возвращается что-то боец. На поиски связиста отправились два солдата. Ползут они тем же следом. Висят над ними низкие облака. Ветер метет поземку. Слева неприятельские окопы. Все так же бьют пулеметы. Стучат автоматы. Грохочет бой. Заработала советская артиллерия. Перекрывает шум боя, радует слух солдатский.

Ползут, смотрят вперед солдаты. Видят — воронка. На краю воронки признали Титаева. Прижался к земле боец.

— Титаев!

— Титаев!

Молчит Титаев.

Подползли солдаты поближе. Глянули — мертв, недвижим Титаев. На войне солдаты ко многим вещам привыкли. Не удивишь их в сражении подвигом. Но тут...

Оказалось, что в тот момент, когда Титаев, обнаружив обрыв провода, пытался соединить его концы, настигла солдата смертельная пуля. Нет у солдата сил устранить повреждение. Но, прощаясь с жизнью, теряя сознание, в последнюю эту секунду успел солдат поднести провода ко рту. Зажал, как в тиски, зубами.

— Огонь! Огонь! — несется команда по проводу.

И тут же ответ:

— Есть огонь. Как связь, как связь?

— Отлично работает связь.

И снова:

— Огонь! Огонь!

Громили наши войска противника. А там, у края воронки, лежал солдат. Нет, не лежал — стоял на посту солдат.

Стоял на посту солдат.

КРЕПОСТЬ

Не могут фашисты взять Сталинград. Стали утверждать, что Сталинград неприступная крепость: мол, окружают город непроходимые рвы, мол, поднялись вокруг Сталинграда валы и насыпи. Что ни шаг — то мощные оборонительные сооружения и укрепления, разные инженерные хитрости и ловушки.

Не называют фашисты городские кварталы кварталами, пишут — укрепрайоны. Не называют дома домами, пишут — форты и бастионы.

— Сталинград — это крепость, крепость, — твердят фашисты.

Пишут об этом немецкие солдаты и офицеры в письмах к себе домой. Читают в Германии письма.

— Сталинград — это крепость, крепость, — трубят в Германии.

Генералы строчат донесения. В каждой строчке одно и то же:

«Сталинград — это крепость. Непрístupная крепость. Сплошные укрепрайоны. Неодолимые бастионы».

Фашистские газеты помещают статьи. И в этих статьях все о том же:

«Наши солдаты штурмуют крепость».

«Сталинград — сильнейшая крепость России».

«Крепость, крепость!» — кричат газеты.

Даже фронтовые листовки об этом пишут.

А Сталинград крепостью никогда и не был. Нет никаких особых в нем укреплений. Город как город. Дома, заводы.

Одна из фашистских листовок попала к советским солдатам. Посмеялись солдаты: «Ага, не от легкой жизни фашисты такое пишут». Потом понесли, показали листовку члену Военного совета 62-й армии дивизионному комиссару Кузьме Акимовичу Гурову: мол, посмотри, товарищ комиссар, какие небылицы фашисты пишут.

Прочитал комиссар листовку и вдруг поразил солдат.

— Все тут верно, — сказал солдатам. — Правду фашисты пишут. А как же, конечно, крепость.

Смутились солдаты. Может, оно и так. Начальству всегда виднее. Однако с недоверием все же на комиссара смотрят.

— Крепость, — повторил Гуров. — Конечно, крепость.

Смотрят солдаты — вот это да! Не будешь с начальством спорить.

Улыбнулся Гуров, покосился хитро на солдат:

— Ваши сердца и мужество ваше — вот она, непрístupная крепость, вот они, неодолимые рубежи и укрепрайоны, стены и бастионы.

Улыбнулись солдаты. Понятно сказал комиссар. Приятно такое слушать.

Прав Кузьма Акимович Гуров.

О мужество советских солдат — вот о какие стены сломали в Сталинграде фашисты шею.

Глава вторая

КАРАЮЩИЙ МЕЧ СТАЛИНГРАДА

19 НОЯБРЯ 1942 ГОДА

Давно уже Ставка Верховного Главнокомандования разрабатывала грандиозный и дерзкий план разгрома фашистов у стен Сталинграда. Генералы Жуков, Василевский, Воронов, другие советские военачальники провели десятки бессонных ночей, разрабатывая детали будущей битвы. Вот как выглядел ее план. Решительными ударами с севера и с юга окружить фашистов в районе Сталинграда, зажать их в огромное кольцо и уничтожить.

Немало пришлось потрудиться советским людям для того, чтобы Советская Армия смогла выполнить этот план.

Нужно было намного увеличить выпуск советских танков. Советские люди добились этого.

Нужно было создать новые совершенные и быстроходные самолеты. Советские люди решили и эту задачу.

Нужны были тысячи новых пушек, миллионы винтовок и автоматов, миллиарды снарядов и патронов. Все это выпустили советские заводы.

Нужны были тысячи высокообразованных командиров. Советская Армия получила таких командиров.

Петр Еремин и Василий Дудочкин — два неразлучных друга. Два лейтенанта. Два комсомольца. Оба — танкисты. Окончили вместе училище. Сдружились еще в училище. У обоих одна мечта — вместе, рядом хотят сражаться. Рвутся оба в героический Сталинград.

Да только мечты мечтами. На деле порой другое. Разошлись их солдатские службы. Еремин попал на Юго-Западный фронт. Дудочкин, как назло, от Сталинграда к югу. Стоит их механизированный корпус почти у самых калмыцких степей, между озерами Цаца и Барманцак.

Обидно друзьям до слез. Не исполнилось их желание.

Тихо на Юго-Западном фронте. Еще тише здесь — на Сталинградском, между озерами Цаца и Барманцак. Битва кипит на Волге. Рвутся танкисты в бой. Пишет Еремин рапорт начальству. Пишет про лучшего друга, лейтенанта Дудочкина: мол, разлучили, мол, вместе желают биться. Просит направить в сражающийся Сталинград.

И Дудочкин рапорт строчит начальству. Пишет про лучшего друга, лейтенанта Еремина, и тоже, конечно, про Сталинград. Что-то не отзываются, молчат командиры.

Настойчивым был лейтенант Еремин. Обошел в пять этажей начальство. Добрался до важного генерала. И генералу про друга, про встречу с другом, про сражающийся Сталинград. Улыбнулся генерал. Посмотрел на Еремина:

— Похвально. И о друге — похвально. — Затем наклонился и тихо: — Надеюсь, исполнится ваше желание.

И лейтенант Дудочкин парень упорный. Обошел в пять этажей начальство. Добрался до важного генерала. Посмотрел генерал на Дудочкина:

— Ну что ж, надеюсь, исполнится ваша просьба.

Доволен Еремин. Доволен Дудочкин. Собрали вещички. Готовы к отбытию. Только что-то отправки нет. Хотели снова бежать к начальству. Да тут...

1942 год. Раннее утро. 19 ноября.

— По танкам! — прошла команда.

Бросился Еремин к танку. Здесь узнает приказ. Начинается грандиозное наступление. Цель — окружить под Сталинградом фашистов. Пошел с севера в наступление их Юго-Западный фронт.

А через день и лейтенанту Дудочкину сообщают приказ. Пошел в наступление с юга их Сталинградский фронт.

Оглушительный грохот потряс Приволжские степи. Это начала стрелять советская артиллерия. Заработали минометы. Ударили знаменитые «катюши». Затем в бой ринулись грозные танки. И, наконец, с криком «Ура!» неудержимо рванулась вперед всепобеждающая советская пехота.

Наступление началось.

ЗАЖДАЛИСЬ

Южную часть Сталинграда и территорию вниз по Волге обороняла 64-я армия генерала Михаила Степановича Шумилова. Немало испытаний выпало на долю этой армии. Вместе с войсками генерала Чуйкова она выдержала самые тяжелые дни Сталинградской битвы.

И вот теперь вместе с другими частями солдаты Шумилова идут в наступление.

В великом порыве идут солдаты. Застоялись, заждались они победы. Рвутся сердца вперед. Не ожидали фашисты такого удара. Выдвигают быстрее заслоны. Сокрушают бойцы заслоны, шагом победным вперед идут.

Встречает Шумилов солдат в походе:

— Трудно, братцы?

Вспоминают солдаты былое время. Бои у Дона. Бои на подходах к городу. Горящую Волгу. Горящее небо. Атаки. Атаки. Атаки фашистов. Худое время. Тот горестный час.

— Не трудно, легко, — отвечают солдаты.

В великом порыве идут солдаты. Рвутся сердца вперед.

В контратаку идут фашисты. Вводят в сражение танки. Бросают в бои резервы. Цепляются за каждый выступ, куст, бугорок. Не жалеют огня фашисты. Не жалеют людей фашисты. И все же сметают врагов солдаты. Неудержимо идут вперед.

Встречает Шумилов солдат в походе.

— Трудно, братцы?

Вспоминают солдаты былое время. Мамаев курган. Бои на сталинградских улицах. Заводы «Красный Октябрь», «Баррикады», Сталинградский тракторный. Атаки. Атаки. Атаки фашистов. Небо с овчинку. Весь мир с кулак.

— Не трудно, легко, — отвечают солдаты.

В великом порыве идут солдаты. Рвутся сердца вперед.

Морозы стоят на улице. То туман, то поземка, то жгучий ветер, то колкий снег. Застревают в снегу машины. Буксуют в сугробах танки. Надрываясь, кони постромаки орудий рвут. Нелегким походом идут солдаты. Толкают машины. На себе волокут орудия. Мозолят плечи. Трамбуют снег.

Встречает Шумилов солдат в походе:

— Трудно, братцы?

Вспоминают солдаты былое время. Недоброе время. Тот грозный час.

— Не трудно! Не трудно! — кричат солдаты. — Не чужая ноша, — кричат, — своя!

— А если всю правду? — спросил Шумилов.

— Всю правду?

— Всю, — произнес Шумилов.

— Трудно, — признались солдаты. И тут же: — На сердце зато легко.

Походом, боями идут солдаты. Радость цветет на лицах. Заждались солдаты победного боя. Рвутся сердца вперед.

КОММУНИСТЫ

В походе, в боях солдаты. Рождают бои героев.

На одном из участков фронта встретили советские войска особенно сильное сопротивление фашистов. Между нашими войсками и противником пролегало минное поле. Как раз здесь, в этом месте, через это минное поле, и должна была состояться атака советских танков. Прибыли саперы, стали разминировать поле, делать проходы для наших танков.

Всю ночь до рассвета трудились саперы. Проложили они в минных полях проходы. Правда, пока еще узкие-узкие. Едва пройдет по этим полоскам танк. Надо проходы еще расширить. Продолжают саперы свою работу. И вдруг подошли сюда наши танки. Оказывается, получили танкисты приказ срочно пройти через минное поле. Танки двигались на помощь советской пехоте. Срочно, немедленно нужна эта помощь.

Подошли танкисты к минному полю.

— Стойте, стойте! — кричат саперы.

Остановились танкисты. Объясняют саперы — проходы узкие, подорвутся танки на вражеских минах, надо выждать, пока расширят дорогу саперы.

Выждать! Легко сказать. Пока ждут здесь танкисты, не осилит пехота одна фашистов. Не поддержат пехоту танки — погибнет под фашистским огнем пехота.

Стоят саперы, стоят танкисты. Как поступить? Что делать? Выход только один — стать солдатам вдоль узких проходов, указать танкистам пути через минное поле.

И вот вышел вперед комиссар саперов. Посмотрел на солдат, скомандовал:

— Коммунисты, вперед!

Вышли вперед коммунисты.

— Стать у границ проходов!

Стали они у границ проходов.

— Поднять каски над головой! — командует комиссар.

Подняли бойцы-коммунисты каски. Держат каски над головой. Виден танкистам путь. Пошли по минному полю танки. Заметили фашисты советские танки, открыли по ним огонь. Рвутся кругом снаряды. Стоят под огнем коммунисты. Выполняют свой долг. Редуют ряды отважных.

Снова голос звучит комиссара:

— Коммунисты, вперед!

Снова шагнули вперед коммунисты. Цепочкой вдоль смерти стали. Не ослабевает огонь фашистов. Снова нужны смельчаки на поле.

— Разреши, комиссар! — раздался солдатский голос.

— Коммунист?

— Коммунист!

— Становись.

За этим другие пошли голоса.

— Коммунист? — переспрашивает комиссар.

— Коммунист!

— Становись.

— Коммунист?

— Коммунист!

— Коммунист?

— Комсомолец.

На бойца внимательно комиссар глянул.

— Становись! — произнес комиссар.

И снова раздался голос:

— Комиссар, комиссар! Разреши, комиссар.

— Коммунист?

— Нет, — ответил боец. И тут же: — Разреши, комиссар. — И тише: — Если погибну, считай коммунистом.

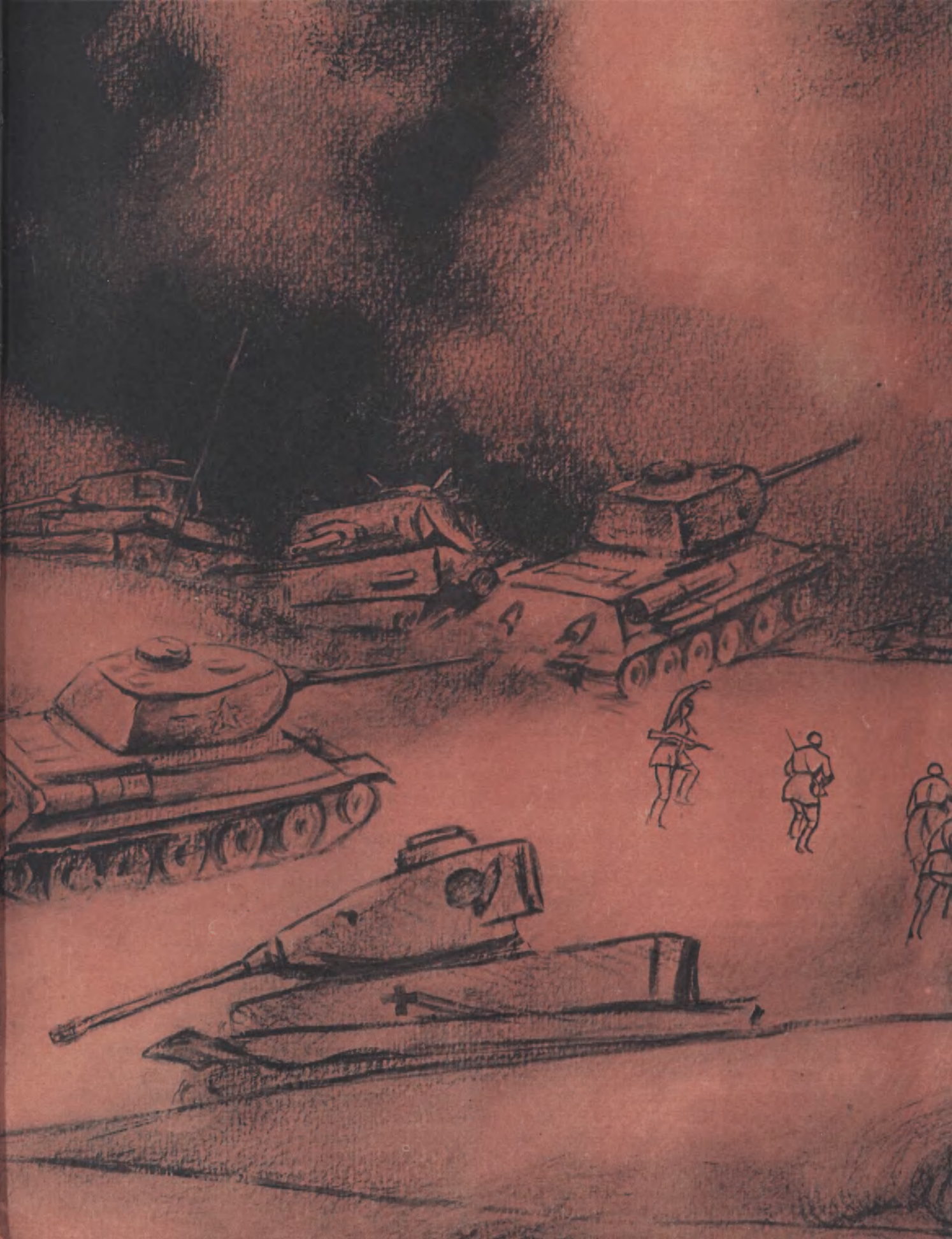
— Становись! — произнес комиссар.

Прорвались танкисты сквозь минное поле. Не опоздали. Пришли на помощь своей пехоте.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ПИСАТЬ О ГЕРОЯХ...

Быстро наступают советские части. Передовой отряд 26-го танкового корпуса смелым налетом захватил мост через Дон, а вскоре нашими танкистами был взят и город Калач. Приехали на Дон в район боев корреспонденты армейских газет. Стали интересоваться подробностями, выяснять имена героев.

Первый вопрос:

— Кто взял мост?

— Передовой танковый отряд, — отвечают корреспондентам.

— Кто командир?

— Подполковник Филиппов.

И тут же объясняют корреспондентам, как был взят мост. Совершил подполковник Филиппов со своими танками стремительный налет на мост. Не ожидали фашисты советских воинов. Вначале даже подумали, что это свои. А когда разобрались — поздно. На мосту советские танки.

Записали корреспонденты сообщение о танковом рейде в свои фронтовые блокноты. Поехали дальше, в город Калач. Повстречалась им танковая колонна. Обратились корреспонденты к танкистам:

— Кто взял Калач?

— Передовой танковый отряд.

Записывают корреспонденты.

— Знаем, — говорят, — вашего командира. Подполковник...

— Так точно, подполковник. Подполковник Филиппенко, — уточняют танкисты.

— Как Филиппенко? Филиппов! — крикнули журналисты.

— По танкам! — прошла тут команда.

Скрылись под бронированными крышками люков танкисты. Остались корреспонденты со своими блокнотами. Смотрят на записанную фамилию командира передового отряда, гадают, какая же из фамилий подполковника правильная — Филиппов или Филиппенко.

Решили перепроверить. Попался один из солдат.

— Как фамилия командира передового танкового отряда? — спрашивают корреспонденты.

— Подполковник Филиппов, — отвечает солдат.

«Значит, все же Филиппов», — решают корреспонденты. И все же вторично решили проверить.

— Как фамилия вашего командира? — спросили у пробежавшего мимо лейтенанта танкиста.

— Подполковник Филиппенко, — отвечает лейтенант.

— Он командует передовым танковым отрядом?

— Так точно, он.

Совсем в недоумении корреспонденты. Вовсе теперь запутались. «Филиппов? Филиппенко? Как же в статьях писать?»

Торопились они в газеты. Вернулись в свои редакции. Сидят гадают, какую же из фамилий указывать.

Сидят гадают. А гадать-то и нечего.

Оказалось, что среди наступающих танкистов были и подполковник Филиппов и подполковник Филиппенко. Оба они командовали передовыми отрядами. Оба получили и звание Героя Советского Союза. Первый — за взятие моста на Дону, второй — за город Калач.

Много под Сталинградом героев. Много похожих фамилий. Иванов, Иваненко, Иванян, Иванидзе, Иващенко; радистки: Литвина, Литвиненко, Литвинова; танкис-

ты: Григорян, Григоренко, Грищенко; пехотинцы: Петров, Петрашвили, Петросян, Петронавичус. Много героев, много фамилий.

Хочешь писать о героях? Не ошибешься — бери любого, фамилию выбирай любую.

ХУДОЖНИК-БАТАЛИСТ

Из Германии, из города Лейпцига, прибыл под Сталинград в штаб фашистской армии, которая штурмовала Сталинград, известный художник-баталист.

Прибыл. Представился. Уже немолод. В годах художник.

Приехал художник по приказу самого Гитлера. Получил он задание — нарисовать огромную картину о сталинградской победе фюрера.

Усердно трудился на фронте художник. Собрал материал для картины. Сделал бесчисленные зарисовки. Одних портретов чуть ли не тысячу нарисовал.

Закончил художник свою работу, стал собираться в Лейпциг. Сложил полотна свои и краски. Простился с чинами штаба. И вдруг:

— Танки! Танки! Русские танки! Советский прорыв!

Не поверил никто вначале. Не верит и сам художник. Какой прорыв? Какие советские танки?! Откуда?! Ведь штаб далеко, в армейском тылу.

Однако все верно. Мчатся советские танки. Навстречу идут друг другу. В клещи берут фашистов.

Прорвались танки в тыл к фашистам. Началась паника, переполох. Устремились штабные службы быстрее на запад, к станции Нижнечирской, к мосту через Дон.

— Танки! Советские танки!

Вместе со всеми бежал к Нижнечирской и прославленный баталист. Ехал в штабной машине. В давке, в сутолоке слетела в кювет машина. Офицеры, его соседи — а были они посильней, помоложе, — пристроились быстро к другим машинам. Остался художник в степи один.

Ветер крепчает. Метет поземка. Стоит у дороги, как столб, художник:

— Я — баталист! Я — баталист!

Машет руками, взывает о помощи. Держит эскизы свои и краски.

— Я — баталист! Я — баталист!

Мимо несутся как вихрь машины.

— Я — художник-баталист! — надрывает несчастный глотку.

Никому баталист не нужен.

Стоит художник. Чуть-чуть не плачет. Вот и заплакал. Слезы к носу текут из глаз.

— Я из Лейпцига. Я — баталист!

Все больше и больше солдат на дороге. Толкая друг друга, текут вперед. В общей массе бредет художник. Еле ноги, бедняга, двигает.

Скользко. Все сильнее метет поземка. Крепчает, крепчает ветер. Поскользнулся, упал художник. Хочет подняться, да нету сил. Понимает — не встать ему с этой пади. И вот, как бы сквозь дрему, сквозь страшный сон, лишаясь чувств, еще осознал художник: колесо от повозки прошло по телу, ударил копытом конь, тяжелый, как жернов, огромный, как жернов, навалился автомобильный скат...

— Я — баталист... — прохрипел художник. И отдал последний вздох.

Лежит баталист на дороге. Рядом краски лежат и эскизы. Кто же картину теперь напишет? Кто же фюреру славу теперь воздаст?

«ХЕНДЕХОХНУЛИ!»

Наступает Советская Армия. Сдаются фашисты в плен.

20 ноября. Утро. Штабная машина. Полковник в машине. Едет полковник, командир дивизии, к своим наступающим войскам. Навстречу попались пленные. Семь человек. Сзади шагает советский солдат. Молод, безус солдат. Держит автомат наизготовку, сопровождает пленных.

Остановилась машина.

— Откуда ведешь, герой?

— Вот там за высоткой стоит деревня, товарищ полковник.

— С кем их пленил?

— Один.

— Один?!

— Так точно, товарищ полковник. Я в проулок. Они из хаты, — стал объяснять солдат. — «Стой!» — им кричу. Занес гранату. Увидели гранату и тут же хендехохнули!

— Что-что? — не понял полковник.

— Руки вверх подняли, хендехохнули, товарищ полковник.

Полковник рассмеялся.

— Ну что ж, благодарю за службу, герой. Как фамилия?

— Синеоков, товарищ полковник.

Вечером полковник, командир дивизии, докладывал о том, как идет наступление его дивизии, генералу, командующему армией:

— Товарищ генерал, сегодня перед фронтом моей дивизии девятьсот фашистов хендехохнули!

— Что-что? — не понял генерал.

— Хендехохнули, сдались в плен, товарищ генерал.

— Ах, хендехохнули!

Улыбнулся генерал — понравилось, видно, ему словечко.

В тот же вечер генерал, командующий армией, докладывал об успехе армии командующему фронтом:

— Товарищ командующий, за истекший день вверенной мне армией разбиты... — и стал перечислять фашистские полки и дивизии, которые разбиты армией. А в конце: — Товарищ командующий, три тысячи фашистских солдат и офицеров хендехохнули!

— Что-что? — переспросил командующий.

— Хендехохнули, капитулировали, сдались в плен, товарищ командующий.

— Ах, хендехохнули! — рассмеялся генерал. Поздравил командующего армией с успехом.

Прошел час, и командующий фронтом докладывал по телефону о том, как прошел день на фронте, Верховному Главнокомандующему.

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, сегодня в течение дня войсками фронта уничтожены... — и стал перечислять фашистские дивизии, которые уничтожены в этот день под Сталинградом. Доложил, а в конце торжественно: — Семь тысяч солдат и офицеров противника хендехохнули, товарищ Верховный Главнокомандующий.

— Что-что? — раздалось в трубке. Голос был мягкий, но чуть раздраженный.

Сообразил командующий, что зря употребил он неуставное, непривычное слово, но что тут делать? Сказал тише, без прежней бодрости:

— Хендехохнули, то есть сдались в плен, товарищ Верховный Главнокомандующий.

— Ах, хендехохнули! — ответила трубка. Ответила весело. Без прежней раздраженности. Даже смешок раздался: — Значит, хендехохнули?

— Так точно, хендехохнули, товарищ Верховный...

23 НОЯБРЯ 1942 ГОДА

Четыре дня советские танкисты, пехотинцы, артиллеристы, конники, наступая навстречу друг другу, громили фашистов.

Продолжали двигаться вперед и танковые соединения, в которых служили молодые лейтенанты Петр Еремин и Василий Дудочкин.

Танки проходили через отвесные овраги и глубокие рвы, прорывали проволочные заграждения, подминали вражеские пушки и пулеметы и снова с боями шли вперед и вперед.

Мчится на танке лейтенант Еремин. Весь он в великой битве. Жалеет лишь об одном: «Эх бы сюда Василия!»

А в это время с юга навстречу лейтенанту Еремину лейтенант Дудочкин летит на танке. Весь он в великой битве. Об одном лишь жалеет Дудочкин, что так и не успел он с лейтенантом Ереминым встретиться: «Вот бы сюда Петра».

Стремительно движутся танки. И вот 23 ноября 1942 года рядом с Доном, за Калачом, встретились части двух разных фронтов.

Видит Еремин — танки летят навстречу.

— Наши! Наши! — кричат кругом.

Встретились танки двух разных фронтов — Юго-Западного и Сталинградского, замкнули кольцо окружения.

Отбросил Еремин крышку танкового люка. Вылез наружу. Спрыгнул на снег. Смотрит — бросились люди навстречу друг другу. Не скрывают солдаты радости. Обнимают один другого. Шлемы бросают вверх.

Не отставать же Петру Еремину. Обнял одного, обнял другого. Бросился к третьему. Расцеловал. По плечу похлопал. Глянул — да это же Дудочкин! Василий Дудочкин.

— Вася! — закричал Еремин.

— Петя! — вскрикнул Дудочкин.

Повстречались друзья, как в сказке. Обнялись до боли в плечах.

Повстречались, обнялись. Смотрят, а рядом — два генерала, их генералы, те самые. Обнимаются генералы. Друг друга до боли в костях сжимают.

— Леня! — кричит один.

— Саня! — в восторге кричит другой.

Увидели генералы Еремина и Дудочкина.

— Ну как?

— Встретились! Встретились! — закричали Еремин и Дудочкин.

Улыбаются генералы:

— Ну что ж, добрая встреча, добрая. Побольше таких бы встреч.

Наступление Юго-Западного и Сталинградского фронтов завершилось полным успехом. Огромная 330-тысячная фашистская армия, штурмовавшая Сталинград, оказалась, как волк, в капкане.

ОЧЕНЬ ДАЖЕ ЗАСЛУЖИЛ

Нелегкая жизнь у разведчиков. Со смертью в обнимку ходят.

Вместе с Юго-Западным и Сталинградским фашистов в приволжских степях гро- мил и Донской фронт.

Было это на Донском фронте, как раз накануне тех дней, когда наши войска перешли в наступление. Младшего лейтенанта Волкова посылали в разведку. Задание важное, срочное. Стоят трое: командующий армией генерал Батов, командир дивизии полковник Меркулов, разведчик младший лейтенант Волков. Полковник Меркулов объясняет задание. Штабу фронта нужен срочно немецкий «язык».

— Ясно, товарищ полковник, — ответил Волков.

Знает полковник Меркулов Волкова. Уверен, что точно и в срок выполнит тот задание.

Выполнил Волков задание. Привел пленного гитлеровца. Доложил Меркулову. Доложил генералу Батову.

— Благодарю, молодец, — сказал генерал.

— Служу Советскому Союзу, — отчеканил Волков. — Разрешите идти?

— Идите.

Повернулся младший лейтенант. Вышел.

— Молодец, ну и молодец, — повторил Батов.

Улыбнулся полковник Меркулов. Приятно ему похвалу о своем подчиненном слышать. Посмотрел на командующего, сказал не без гордости:

— Так точно, молодец, товарищ командующий. Он девять «языков» уже взял. Это десятый.

— Десятый?!

Доволен Меркулов. Знает, что взять десять «языков» — нелегкое это дело. Пони- мает, что произвел впечатление на командующего.

— Так точно, десять!

— Да-а, — протянул задумчиво Батов и вдруг: — А что же наград у него не видно, товарищ полковник?

Не ожидал Меркулов такого, развел руками.

— Обстановка неподходящая, товарищ командующий. Какие же здесь награды, раз армия то отступала, то стояла, то вновь отступала, да вот и сейчас стоит. Вот пойдем вперед. Вот прорвем фашистов...

Батов нахмурился:

— Значит, неподходящая обстановка?

— Так точно, товарищ генерал.

Нахмурился Батов еще больше, искоса посмотрел на Меркулова.

— Согласен, — сказал. — Для наград комдиву — неподходящая. Не заслужил еще комдив. И командарм, — Батов показал на себя, — не заслужил. А вот младший лейтенант Волков заслужил, — произнес генерал резко.

Поднялся Батов, прошелся по землянке и повторил, теперь уже тихо, не смотря на Меркулова, как бы для себя:

— Очень даже заслужил!

В тот же день отважный разведчик был награжден орденом. Сам команду- ющий Донским фронтом Константин Константинович Рокоссовский награду ему вручил.

«ЧЕРЧИЛЛЯ» ПОДКОВАЛ!»

Подполковник Иван Игнатьевич Якубовский сражался в составе Донского фронта, командовал танковой бригадой.

Мало ли в Советской Армии подполковников. Всех не упомнишь. А этого знали.

— Якубовский? Знаем Якубовского. Это тот подполковник, который «Черчилля» подковал!

Да, был такой случай. Вместе с Советским Союзом против фашистской Германии воевали Англия и Соединенные Штаты Америки. Они были нашими союзниками. Союзники помогали нам самолетами, танками и некоторым другим вооружением. Не всегда то, что присылали нам союзники, было самым лучшим. Самолеты были не самыми быстроходными, не самыми маневренными. Танки часто горели, не всегда справлялись с нашими дорогами. Но и за такие, как говорят, спасибо. Не хватало в первые годы войны у нас собственного вооружения. Пришли на пополнение Советской Армии и английские танки, которые назывались «Черчилль». Черчилль — это имя собственное. Это фамилия. Уинстон Черчилль был в те годы премьер-министром, то есть главой правительства в Англии.

Прибыли танки «Черчилль» и в бригаду подполковника Якубовского. Красивые танки, новенькие. Башни, пушки, пулеметы, броня — все на своих местах. Неплохие танки. Вот лишь буксуют по дорогам, размытым дождями, танки.

Смотрят солдаты на эти танки, посмеиваются:

— Интеллигенция. Им бы галошки носить для грязи.

Услышал про галошки подполковник Якубовский. Подумал: правы, конечно, солдаты. Надо наклепать им на гусеницы шипы, решил подполковник.

Попробовали, наклепали шипы на гусеницы. Побежали танки. Не страшны им теперь проселки и лужи, вязкая глина и рыхлый снег.

И снова меткие солдатские разговоры:

— Подковал он его, подковал. «Черчилля» подковал!

Стали и в других частях приделывать шипы к танковым гусеницам. Пошла слава о подполковнике Якубовском по всей армии.

— Якубовский? Знаем Якубовского. Это тот подполковник, который «Черчилля» подковал!

Танкисты Якубовского с отвагой и умением громили фашистов под Сталинградом. Подполковник Иван Игнатьевич Якубовский прошел всю войну. Многими наградами были отмечены его ратные подвиги. Он стал дважды Героем Советского Союза, а затем и Маршалом Советского Союза.

ЗИМНЯЯ ГРОЗА

22 фашистские дивизии, 330 тысяч фашистских солдат, окружила под Сталинградом Советская Армия.

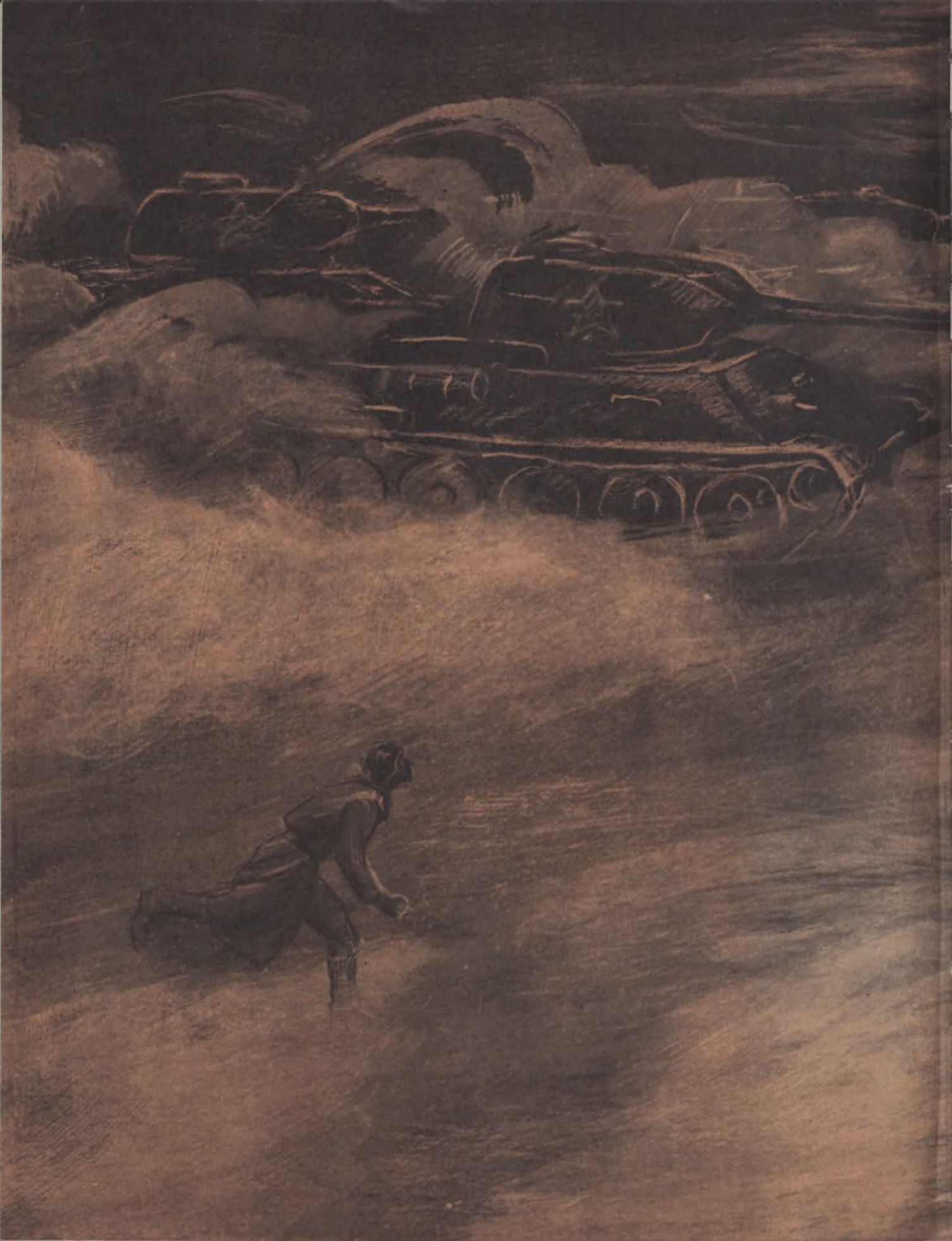
Дал Гитлер клятву спасти окруженных фашистских солдат.

Выбрал надежного человека. Им оказался опытный фашистский военачальник генерал-фельдмаршал Манштейн. Поручил Гитлер Манштейну прорвать кольцо советского окружения, деблокировать Сталинград.

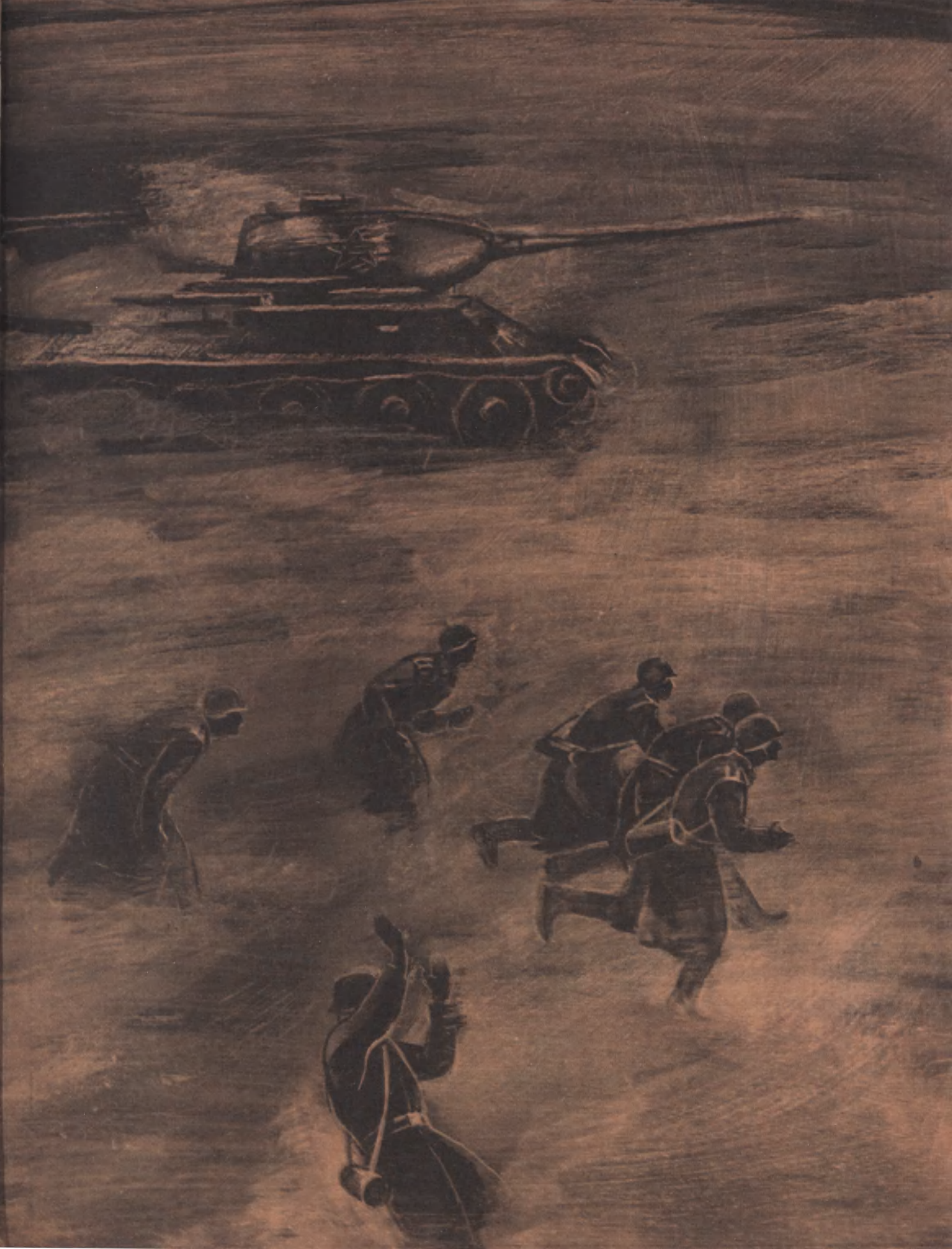
— Хайль! — прокричал Манштейн.

«Манштейн» в переводе на русский — «человек-камень». Верит в Манштейна Гитлер. Верят в Манштейна солдаты. Манштейн — горы свернет. Манштейн — скалы пробьет. Если надо, Манштейн остановит реки.

— Держитесь! Я к вам иду! Я вас спасу! — заявил фашистский генерал-фельдмаршал.

Собрали фашисты войска. Из Германии новые части прибыли, из захваченной Гитлером Польши, из захваченной Гитлером Франции. Пришли и с других фронтов.

«Зимняя гроза», — назвали фашисты свое наступление.

12 декабря 1942 года. Устремились вперед фашисты. Танки, самоходки идут впереди, сзади ползут обозы. Везут боеприпасы, горючее, одежду, продовольствие для окруженных. И вот опять в степях между Доном и Волгой в жесточайшей схватке сошлись войска. В районе поселка Верхне-Кумский разгорелось огромное танковое сражение. Поселок несколько раз переходил из рук в руки. Всюду горели подбитые танки. И снова — не счесть погибших. Героически бились советские воины. И все же под натиском грозных сил пришлось отойти солдатам.

Через шесть дней после начала фашистского наступления гитлеровские войска, окруженные под Сталинградом, слышали шум канонады.

— Мы спасены! Это идет Манштейн!

Готовят фашисты Манштейну достойную встречу. Время назначили. Место. Час. Порядок торжеств и парад в честь победы.

Однако встречу Манштейну не только они готовят. Срочным маршем навстречу Манштейну идут и советские части. Идет гвардейская армия под командованием генерала Родиона Яковлевича Малиновского. Цепок в боях Малиновский. Стремителен в маршах, быстр.

В ожидании дивизий Малиновского советские воины укрепились у реки Мышкова.

Подошли фашисты к реке Мышкова. Споткнулись, застряли, остановились.

— Вперед! — не утихает Манштейн. — Вперед!

Однако фашисты вперед ни шагу.

— Вперед! Вперед! — кричат в полках, батальонах и ротах.

— Вперед! — даже кричат в обозах.

Однако советские солдаты крепко стоят в обороне.

— Вперед!

Ни шагу вперед фашисты.

— Отставить. Отложим до завтра, — сказал Манштейн.

— До завтра! — прошла команда.

А на завтра прибыли сюда главные силы армии Малиновского. Ударили гвардейцы по фашистам так, что лишь перья от тех полетели.

Побежали враги.

Хотели грозу фашисты. Получили грозу фашисты.

БЕЛЫЙ И ЧЕРНЫЙ

Командир танкового корпуса генерал Василий Тимофеевич Вольский принимал пополнение. Подходили командиры танковых частей, докладывали, представлялись.

Подошел первый:

— Товарищ генерал, командир танкового полка подполковник Черный прибыл в ваше распоряжение.

— Здравствуйте, — сказал генерал Вольский. Посмотрел на подполковника, понравился ему офицер. Коренастый, крепкий. Глаза веселые. Взгляд открытый.

Поинтересовался генерал, как доехал полк, сколько танков в полку, каково у бойцов настроение.

— Отличное настроение, — отвечает подполковник Черный. — Танки новые. К боям готовы.

— Вот и прекрасно, — сказал Вольский. — Желаю успехов по новому месту службы.

Представился подполковник Черный, сделал шаг в сторону. Новый офицер подходит к генералу Вольскому. Смотрит генерал — строен, высок офицер. Глаза серьезные. Взгляд орлиный. Звание у офицера, как и у подполковника Черного, тоже подполковник.

Подошел подполковник к генералу:

— Товарищ генерал, командир танкового полка подполковник Белый прибыл в ваше распоряжение.

Посмотрел генерал на подполковника:

— Как? Повторите фамилию.

— Подполковник Белый, — повторил подполковник.

Смотрит генерал Вольский на стоящего перед ним подполковника. Черный — Белый... Вот это да! «Шутят, что ли?» — даже подумал. Да нет, глаза у подполковника серьезные, взгляд не озорной — орлиный.

Расхохотался тогда генерал. Понял, произошло совпадение. Подозвал он вновь подполковника Черного, показал на Белого:

— Знакомьтесь.

— Подполковник Черный, — представился Черный.

— Подполковник Белый, — представился Белый.

Теперь наступило время рассмеяться и самим подполковникам.

Стали подполковники Белый и Черный служить в одном корпусе. Немало шуток об этом тогда ходило. Даже сам корпус порой называли то черно-белый, то бело-черный. Даже в стихах шутили:

— Белый Черного спросил: где ты бороду красил?..

Доходили шутки и до генерала Вольского.

— Били бы хорошо врага, — отвечал генерал Вольский. — А Белый или Черный — не имеет значения.

А вот врагов, нужно сказать, и подполковник Белый и подполковник Черный били действительно умело. Это они в числе других со своими танковыми полками завершили стремительное окружение фашистов под Сталинградом. Это они вместе со своими танкистами умело колотили дивизии генерал-фельдмаршала Манштейна, отведив на фашистскую грозу нашей грозой — советской.

Шутили солдаты:

— Бьет их Белый, бьет их Черный. Жизнь фашистам не мила. Белый свет им ныне черный.

ВОЗДУШНЫЙ МОСТ

Разбит Манштейн. Не прорвались к своим фашисты.

— Мы не прорвались, но есть самолеты!

Боеприпасы, горючее, продовольствие стали поступать к фашистам в Сталинградский «котел» по воздуху. Организовали фашисты воздушный мост. Бороздят самолеты небо.

Началась эта история еще до того, как попали фашисты в котел, в Сталинградское окружение. Атаковали как-то фашистские асы колонну советских танков. Изрядно нашим тогда досталось. Беснуются в небе, как вихрь, самолеты. Стали над танками в замкнутый круг. Пикируют вниз на танки.

Приметил его танкист, механик-водитель старший сержант Гаврилов. Самолет был под номером 22. Именно бомбой с этого самолета был подорван гавриловский танк. Именно пулей с этого самолета был ранен стрелок Носак.

Стоит на земле Гаврилов. В бессильной злобе грозит кулаком самолету.

С той минуты не было большей мечты у Гаврилова, как отомстить фашисту. Крепко держит в памяти номер 22.

Смеются друзья над Гавриловым:

— Рожденный ползать летать не может.

— Да где это видано, чтобы танк отомстил самолету!

— Отомщу, — упрямо твердил Гаврилов.

Уж, видимо, очень был зол Гаврилов. Гора с горой, говорят, не сходится. Снова сошлись самолет и танк.

Случилось это в конце декабря, в самый разгар боев, когда добивали наши войска Манштейна. Танковая бригада, в которой служил Гаврилов, получила приказ прорваться к фашистам в тыл и выйти к станции Тацинской. Рядом с Тацинской большой фашистский аэродром. На аэродром и был нацелен удар танкистов.

Тронулись танки в рейд. Хмурое утро. Ползет туман. Укрылись машины в молочной мари. Проскочили танкисты десятки километров, вышли незаметно к аэродрому. Не ждут их фашисты. Забит аэродром машинами. Стоят самолеты сплошными рядами. Ряд подпирает ряд.

— Бей по хвостам! Бей по хвостам! Топчи по хвостам! — пронеслась команда.

Хвост — самая уязвимая часть самолета. На хвосте крепят рули. Сбиты рули, самолет — игрушка.

Устремились танки к самолетным шеренгам. Режут хвосты, как бритвой. Вместе со всеми крошит фашистов и старший сержант Гаврилов.

Мчит сквозь огонь Гаврилов. Выскочил к взлетному полю. Смотрит — выруливает самолет. Глянул Гаврилов: сердце ударило в грудь, как молот.

— Он! — закричал Гаврилов.

— Он! — сверху из башни кричит Носак.

Видят номер 22 на борту самолета. Развернул Гаврилов танк, устремился за самолетом. Увидел фашистский летчик советский танк, дал мотору полные обороты и прямо поперек взлетного поля пошел на взлет. Бежит машина. Перебирают колеса заснеженные бугорки. Бежит самолет, а следом несется танк.

— Стреляй, стреляй! — кричит Носаку Гаврилов.

Да только мешкает что-то Носак. Никак фашиста в прицел не схватит.

Танк не чета быстрокрылому. Все быстрее, быстрее бежит самолет. От неровностей поля словно гусь с ноги на ногу переваливается. Не уменьшается между ними — растет расстояние. Уходит из рук стервятник.

Добежал самолет до границы поля. Тут проходил овражек. Подпрыгнул. Повис в воздухе. Вот-вот начнет набирать высоту.

— Стреляй! — дико кричит Гаврилов.

В это время и танк подскочил к овражку. Коснулся овражной кручи и — о чудо! — как лыжник с трамплина, за самолетом — в воздух. В эту минуту Носак и стрельнул. Вышел снаряд смертоносным жалом. Лизнул самолетную твердь. Рухнул фашист на землю.

Танк хотя и свалился тогда в овражек, но цел, невредим и счастлив.

Более 300 самолетов уничтожили в этот день советские танкисты на аэродроме в Тацинской. Да и не только здесь. И на другие аэродромы совершили танкисты рейды. Сбивали фашистов метким огнем зенитчики. Советские истребители встречали фашистов в небе. Ничего не получилось у фашистов с мостом небесным.

Рухнул воздушный мост.

МИННОЕ ПОЛЕ

8 января 1943 года наши командиры обратились к окруженным под Сталинградом фашистским войскам с предложением капитулировать.

Благородными были наши предложения. Вот они. Всем сохранялась жизнь. Всем раненым оказывалась немедленная медицинская помощь. Всем гарантировалась без-

опасность, еда и кров. Как только закончится война, все возвращались к себе на родину. Но и это еще не все. Всем сохраняли военную форму. Знаки различия. Разрешали носить ордена. А старшим офицерам оставлялось даже холодное оружие.

Подписали эти условия командующий Донским фронтом генерал Константин Константинович Рокоссовский (он командовал всеми нашими войсками, добивавшими фашистов в Сталинградском «котле») и представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал Николай Николаевич Воронов.

Отказались фашисты капитулировать.

Через несколько дней мы снова повторили свои предложения.

Фашисты вторично ответили нам отказом.

Тогда был отдан советским войскам приказ возобновить решительное наступление на фашистов.

Начался последний, завершающий этап Сталинградской битвы.

На одном из участков советского наступления саперный взвод получил задание разминировать неприятельское минное поле. Прибыли саперы, принялись за работу. Дни стояли как раз холодные. Мороз злился, кусался волком. Дул леденящий ветер. Спирало дух.

Проклинают саперы мороз и ветер, продвигаются по минному полю, ищут мины. Не попадаются что-то мины.

Чуть дальше прошли. Землю до миллиметра кругом прощупали. Не попадаются мины. Нет.

Сообщают саперы в штаб. Не обнаружены на минном поле мины.

— Ищите, — приходит приказ из штаба. — Были мины. Ищите лучше!

Ищут саперы. И правда мина одна попалась. Одна попалась, а больше нет. Вдоль, поперек исходили поле. Не находят больше саперы мин.

Снова сообщают в штаб.

И снова приказ из штаба:

— Ищите! Сведения наши точные: мины есть.

И опять саперы по полю рыщут. Проклинают мороз и ветер.

Ищут саперы. Аппараты специальные ищут. Проверяют саперы на слух, на щуп. Кто-то даже на запах ищет. Не попадаются мины. Нет.

Опять доложили в штаб.

Прибыл работник специальный из штаба. Сам облазил, обшарил поле. Нет здесь в помине мин.

Были, а нынче нет.

Разводит штабист руками:

— Поразительный прямо случай! Исчезло, испарилось, что ли, минное поле?!

Наступление шло стремительно. Некогда было тут разбираться с полем. Однако дотошлив штабной работник. Атаковал он солдат, тех, чьи части находились недалеко от минного поля:

— Где, объясните, минное поле?!

Помялись, пожались, признались солдаты:

— Истопили мы в печках поле.

— Как истопили?!

Рассказали солдаты, в чем дело. Места под Сталинградом степные, безлесные. Ни пенька, ни сучка кругом. Вот и наловчились, оказывается, солдаты содержимое мин применять, как топливо. Научились и мины снимать. Не хуже любых саперов. Грелись в землянках минами.

Поразился штабной работник:

— Так это же мины!! Ну и души у вас отчаянные!

— Солдатские души, — смеются солдаты.

Поразмыслил штабной офицер, подумал: «Да что им, солдатам, какое-то минное поле...»

И солдаты ему о том же:

— Да что там какое-то минное поле — скоро всю сталинградскую землю от фашистов метлой расчистим.

«ЧТИТ И ПОМНИТ»

Идут последние дни Сталинградской битвы. Станица Садовая. На пути к Сталинграду. Почти от самых железнодорожных путей тянутся тут бараки. Когда-то здесь были склады. Сейчас госпиталь для раненых и обмороженных фашистских солдат.

Много их. Прибывают все новые.

Прибыли вместе с другими и солдаты Отто Шредер и Хуберт Пикер. Оказались рядом они на нарах. Ранен Шредер в живот осколком. Отморозил руки и ноги Пикер.

В столах и муках лежат солдаты. Обходят врачи бараки:

— Мужайтесь! Мужайтесь! Вы гордость рейха. Вы доблесть рейха. Читит вас родина. Читит и помнит.

Лежат солдаты. Однако у всех тревога. Что ожидает их впереди? Где-то рядом идут бои. Раскаты слышны орудий. Боятся солдаты русского плена. Наступает Советская Армия. Волнуются и сами врачи. Звонят они в штаб к начальникам.

— Не беспокойтесь, — отвечают начальники. — Не бросим больных, не бросим. Не попадут они к русским в плен.

Заверяют врачи солдат:

— Не попадете вы к русским в плен.

И снова:

— Мужайтесь! Мужайтесь! Вы гордость рейха. Вы доблесть рейха. Читит вас родина. Читит и помнит.

И верно. Слух прошел по баракам: едет полковник из штаба, везет ордена-кресты. Вручат храбрецам награды.

Повеселели солдаты. Поднялся солдатский дух. Не забыла их родина. Читит и помнит.

Прибыл полковник.

— Смирно! — команда идет по баракам.

Замерли все: и врачи и больные. Вручает полковник солдатам награды. Идет вдоль нар, никого не обходит. Косят Шредер и Пикер глазами. Скоро и к ним подойдет.

— Хайль Гитлер! — произносит полковник. И цепляет солдатам почетный знак.

— Хайль! — отвечают солдаты.

— Хайль! — прокричали и Шредер и Пикер.

Лежат солдаты в крестах, в наградах. Оценен их ратный труд.

И все же волнует солдат вопрос: как же с отправкой на родину? Кто-то полез к полковнику — не грозит ли солдатам плен?

— Не грозит, не грозит, — ответил полковник. — Не опасайтесь. Слово мое и фюрера.

Уехал полковник. Оставил какой-то приказ в пакете. Сказал — вскрыть, если прорвутся к Садовой русские. Прорвались русские. Вышли утром они к Садовой. Вскрыли пакет начальники. Читают приказ. В приказе черным по белому — сжечь, уничтожить солдат и солдатский госпиталь.

Сдержало начальство слово. Не попали солдаты в плен. Плеснули фашисты бензин на бараки. Взвились к небу огонь и дым. Утонули в пожаре несчастных крики.

ПОСМОТРЕТЬ НА ГЕРОЕВ

Добивает фашистов Советская Армия.

Молодые солдаты — башенный стрелок Степан Басов и механик-водитель Павел Костров — мечтали посмотреть на настоящих героев. Восхищались они мужеством защитников Сталинграда:

— Вот ведь люди какие! Как скалы стояли. Не сломили фашисты город. Вот бы глянуть на них, на героев!

Служили солдаты в составе Донского фронта, в танковой бригаде подполковника Якубовского. Наступил день, когда армия, в которой служили танкисты, перешла в наступление. Прорвали советские войска оборону противника. Идут к Сталинграду. Довольны Костров и Басов — вот повезло, своими глазами увидят они героев.

Во время прорыва танки Якубовского обходили слева поселок Мало-Клетский. Рядом с поселком сильно укрепленная высота. Разместились здесь огневые точки противника. Сдерживают отсюда фашисты наступление советской пехоты. На штурм высоты и пошли танкисты. Метко бьет Басов. Уничтожил две огневые точки. Ловко управляет Костров машиной. Две огневые точки гусеницами раздавил. Отличились в бою солдаты, медалями награждены.

Затем бригада подполковника Якубовского сражалась в районе Вертячего. Выскочили несколько танков, в том числе и танки Кострова и Басова, на крутой берег Дона. Далеко видно с высокого берега. Вот в атаку идет советская пехота. Бьют из-за укрытия по пехоте фашистские пушки. На фашистов, на пушки и ринулся танк Кострова. С первых же выстрелов подбил Басов два фашистских орудия. Еще два орудия Костров гусеницами раздавил. Отличились снова Костров и Басов. Заслужили и здесь награды.

Пробиваются танки дальше. Все ближе и ближе они к Сталинграду.

Рады Костров и Басов:

— Теперь уже скоро увидим героев. Теперь уже недалеко!

Тяжелые бои развернулись за Казачий курган. Трижды советские бойцы достигали его вершины. Трижды возвращали фашисты опять высоту.

Идет атака в четвертый раз. На помощь пехоте брошены танки. Лихо танкисты бьются. Любо на них смотреть. Залюбовалась пехота. И слева и справа несутся танки. Оторвался один от других. Первым на приступ лезет. Первым вошел на курган. Первым пехоте пробил дорогу.

— Ура героям!

— Так это ж Костров и Басов!

Вновь смельчакам — награды.

Двигутся, движутся вперед войска. Мужают в боях солдаты. И вот впереди Сталинград. Торжествуют Костров и Басов. Сбывается их желание. Еще день — и своими глазами увидят они защитников волжской крепости.

И вот этот день наступил — 26 января. В этот день танкисты Якубовского ворвались в Сталинград и в районе Мамаева кургана встретились с бойцами-гвардейцами из армии генерала Чуйкова.

Выскочили Костров и Басов из танка, уставились на сталинградцев — вот перед ними стоят герои!

Поражаются сталинградцы: что это два танкиста на них, как на расписные ворота, смотрят?

Объясняет командир танка: мол, молодые солдаты, мол, мечтали посмотреть на героев.

Усмехнулись сталинградцы. Однако самим приятно.

— Ясно, товарищ танкист. Понятно!

Вдруг вышел вперед старшина-сталинградец. Пригляделся к Кострову, к Басову: — Посмотреть на героев? Ну что ж, смотрите.

Вынул газету:

— Вот тут про героев.

Раскрыли танкисты газету. Глянул Басов — не верит своим глазам. Глянул Костров — тоже глазам не верит.

В газете напечатана фотография. На фотографии двое — Костров и Басов. А сверху надпись: «Слава героям Донского фронта!»

Растерялись танкисты, смутились, зарделись.

Улыбается старшина-сталинградец. Похлопал по плечу Басова, похлопал Кострова, смотрит и сам на фотографию:

— Хороши, хороши! Красивы!

Пошла по рукам газета. Все хотят на героев взглянуть.

«РУКИ КВЕРХУ, ФЕЛЬДМАРШАЛ ПАУЛЮС!»

Окружила Советская Армия фашистов. В мощных боях разбила. Те, кто остался цел, устремились теперь в Сталинград, в ту часть города, которая пока еще в руках у фашистов. Ищут фашисты среди стен городских спасение. Приходят в город все новые и новые фашистские части, а тут и своих полно.

Дома все разрушены. Щебенъ да камни.

Расползлись фашистские солдаты по подвалам разрушенных домов, по подземельям, погребам и траншеям. Залезают в любую щель.

В одном из глубоких подвалов, под зданием бывшего универмага, сидит и командующий окруженной фашистской армии генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс.

— Мужайтесь! Держитесь! — кричат из подвала фашистские генералы.

Здесь, в подвале, штаб окруженной армии или, вернее, того, что осталось от армии. Не много солдат добрело до города. Одни еще бьются. Другие махнули на все рукой.

— Держитесь! Держитесь! — приказ солдатам.

Однако все меньше и меньше тех, кто готов держаться.

И вот к центру Сталинграда прорвались советские танки. Подошли танкисты к подвалу, в котором скрывались фашистский штаб и фельдмаршал Паулюс. Спустились в подвал герои:

— Будьте любезны, руки кверху, фельдмаршал Паулюс!

Сдался фельдмаршал в плен.

Добивают солдаты фашистов. Из подвалов, подземелий, щелей, траншей выкуривают.

— Вылезайте на свет, голубчики!

Выходят фашисты. Руки, как пики, вверх. Головы — в плечи.

2 февраля 1943 года фашистские войска, окруженные под Сталинградом, окончательно сложили оружие. Все, что осталось от огромной 330-тысячной гитлеровской армии, сдалось в плен. Советскими войсками были разбиты или полностью уничтожены 22 фашистские дивизии. Пленена 91 тысяча фашистских солдат, в том числе 2500 офицеров. Помимо фельдмаршала, советские войска взяли в плен 23 гитлеровских генерала.

Фашистская армия, сражавшаяся под Сталинградом, перестала существовать.

Прошло два дня, и 4 февраля на центральной площади Сталинграда состоялся огромный митинг. Застыли в строю солдаты. Слушают слова о фашистской капитуляции. Несутся слова над площадью:

- Двадцать две дивизии!
- Двадцать три генерала!
- Девяносто одна тысяча фашистских солдат и офицеров!
- Фельдмаршал Паулюс!

Победа под Сталинградом была полной. Победа была великой. Не померкнет слава ее в веках.

Сталинград!

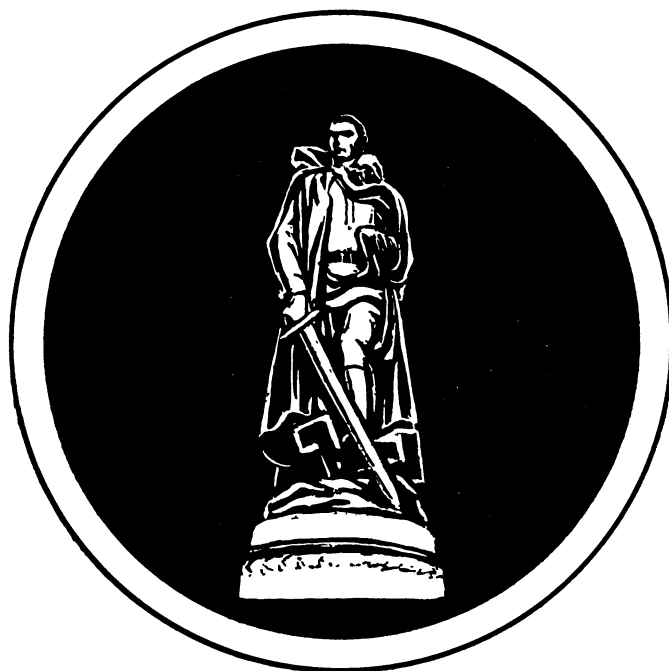
Крепость на Волге.

Город-легенда.

Город-герой.

Здесь люди стояли как скалы. Здесь жизнь победила смерть.

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА
БЫЛА ПОВОРОТНЫМ ПУНКТОМ
В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.
С ЭТОГО МОМЕНТА
НАЧАЛОСЬ ГРАНДИОЗНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ
СОВЕТСКОЙ АРМИИ НА ВСЕХ ФРОНТАХ.
ВРАГИ ОТСТУПАЛИ, НО ЯРОСТНО СОПРОТИВЛЯЛИСЬ.
МНОГО ЕЩЕ БЫЛО БОЕВ И СРАЖЕНИЙ.
ЗНАМЕНИТАЯ КУРСКАЯ БИТВА.
БИТВА ЗА ДНЕПР
И ЗА ГОРОД КИЕВ,
ОКРУЖЕНИЕ ФАШИСТОВ НА УКРАИНЕ
ПОД КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКИМ,
СНЯТИЕ ФАШИСТСКОЙ БЛОКАДЫ
ВОКРУГ ЛЕНИНГРАДА,
ОСВОБОЖДЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ И ОДЕССЫ,
ОГРОМНАЯ ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН»,
КОТОРАЯ ЗАВЕРШИЛАСЬ РАЗГРОМОМ
И ИЗГНАНИЕМ ФАШИСТОВ ИЗ БЕЛОРУССИИ.
СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА ВЫБРОСИЛИ ЗАХВАТЧИКОВ
ИЗ ПРЕДЕЛОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
И ПРОТЯНУЛИ РУКУ ПОМОЩИ
ПОРАБОЩЕННЫМ СТРАНАМ ЕВРОПЫ.
ОНИ ПРИНЕСЛИ СВОБОДУ
ПОЛЬШЕ, РУМЫНИИ, БОЛГАРИИ, ВЕНГРИИ.
ВЕЛИ БОИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ
ЧЕХОСЛОВАКИИ И ЮГОСЛАВИИ.
ВЕСНОЙ 1945 ГОДА СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА
ПОДОШЛИ К СТОЛИЦЕ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ
ГОРОДУ БЕРЛИНУ.
16 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА
НАЧАЛАСЬ ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ ГРАНДИОЗНЫХ БИТВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ —
БИТВА ЗА БЕРЛИН.
О БЕРЛИНСКОМ СРАЖЕНИИ И НАПИСАНЫ РАССКАЗЫ,
СОСТАВИВШИЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ
ЭТОЙ КНИГИ.

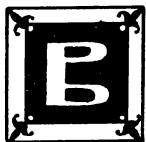
РАССКАЗЫ
О БЕРЛИНСКОМ
СРАЖЕНИИ,
ШТУРМЕ БЕРЛИНА
И ПОЛНОЙ
НАШЕЙ ПОБЕДЕ

Глава первая

НА БЕРЛИН ИДУТ МАШИНЫ

МОСКВА. СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Ставку Верховного Главнокомандующего 1 апреля 1945 года были вызваны Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и И. С. Конев. Оба они командовали в то время фронтами, которые ближе других подошли к Берлину.

Просторный кабинет. Большой стол. За столом члены Государственного Комитета Обороны и Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин.

Посмотрел Сталин на Жукова, на Конева:

— Садитесь, товарищи. Вопрос о Берлине.

И тут же товарищ Сталин стал задавать маршалам вопрос за вопросом. В каком состоянии войска? Степень их готовности к большим сражениям? Сколько дней понадобится для их окончательной подготовки? Что нужно для успеха в боях за взятие Берлина? Когда можно начать Берлинскую операцию? В какие сроки закончить: можно ли за 12—15 дней? Как настроение самих командующих?

— Ваше мнение, товарищ Конев? — спросил товарищ Сталин.

— Войска 1-го Украинского фронта, — ответил Конев, он как раз командовал этим фронтом, — готовы в ближайшие дни произвести всю необходимую подготовку, готовы к штурму обороны противника на Берлинском направлении. В нужные сроки, товарищ Сталин, уложимся.

— Ваше мнение, товарищ Жуков, — повернулся Сталин к маршалу Жукову.

— К штурму готовы, товарищ Сталин, — ответил Жуков.

На этом заседании маршалам Жукову и Коневу было поручено внести свои добавления и замечания к плану Берлинской операции и через день снова доложить Ставке.

Прошел день, и вот маршалы снова в кабинете у товарища Сталина.

— Слушаю вас, товарищи.

Доложили маршалы свои соображения. Ставка рассмотрела и утвердила план наступления на Берлин.

Вот этот план.

Прорыв фашистской обороны на Берлинском направлении осуществляют три фронта: 1-й Белорусский, им командует маршал Жуков, 1-й Украинский во главе с маршалом Коневым, 2-й Белорусский под командованием маршала Рокоссовского.

Основной прорыв на Берлин производят войска маршала Жукова. Армии маршала Конева действуют южнее 1-го Белорусского фронта. Войска маршала Рокоссовского — севернее.

— Ну как, все ясно? — спросил у маршалов товарищ Сталин.

— Все ясно, товарищ Сталин, — ответили маршалы.

— Вот и отлично. Вот и все, товарищи. Желаю успехов, — сказал Верховный Главнокомандующий.

НОЧЬ. ТРИ ЧАСА ПО БЕРЛИНСКОМУ ВРЕМЕНИ

16 апреля. Ночь. Три часа по берлинскому времени. Неожиданно мощный огненный шквал обрушился на фашистскую оборону. Это 1-й Белорусский фронт под командованием маршала Жукова начал прорыв на Берлин.

Укрылось, прижалось к земле все живое. Молчит, не отвечает фашистская артиллерия. Да и где тут ответить, тут голову трудно поднять, рукой, ногой, даже пальцем и то шевельнуть опасно.

Прижался вместе со всеми к земле и солдат Рушке. Лежит гадает.

Что такое? Ночь. Три часа по берлинскому времени. И вдруг артиллерийский обстрел. Будет прорыв?! Но какой же прорыв ночью? Как идти в темноте в атаку? Как справятся танки? Они-то и днем почти ничего не видят. Как будет стрелять полевая артиллерия? А как в атаку пойдут солдаты?

Как?

Силится, но не в состоянии ничего понять Рушке. Может быть, русские так — поугаать решили. Может, спутали просто время.

Ничего не могут понять и другие. В недоумении генералы.

А артиллерия бьет и бьет.

Загадочное что-то затеяли русские.

30 минут длился ураганный, испепеляющий все огонь. Но вот так же неожиданно как он начался, так и оборвался огненный шквал. Замерло все. Затихло. Тишина над позициями.

Высунулись из-за своих укрытий уцелевшие фашистские солдаты. Высунулись офицеры. Высунулись генералы. Смотрят.

Что случилось, поначалу никто не понял. В глаза фашистам вдруг ударили, брызнули, ослепили десятки невиданных солнц.

Закрыли глаза фашисты. Что такое?! Снова открыли. Светло впереди, как днем. «Что такое?» — в недоумении Рушке. Свет шел, жег, пепелил глаза. Забегали страшные тени. «Что же случилось?» — гадает Рушке.

Так и не понял солдат. Не узнал. Ударил в этот момент снаряд. Не осталось даже пятна от Рушке.

Сообразили наконец фашисты — так это же прожекторы!

Да, это были мощные советские прожекторы. На многие километры протянулись они вдоль линии фронта. И вот теперь, вспыхнув все разом, ночь превратили в день. Слепит неприятеля свет, бьет фашистам в глаза.

Помогает свет нашим войскам. Освещает дорогу танкистам, помогает артиллеристам, пехотинцам и всем другим.

В растерянности фашисты. Да, не бывало еще такого!

Катится на них несокрушимо победный вал.

А в воздух уже поднялись, уже гудят советские самолеты. Довершают они удар. Невиданной силы удар! Невиданной дерзости.

ДЫМЫ

Прорывают войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова фашистский фронт.

И в это же время чуть южнее прорывают фашистскую оборону войска 1-го Украинского фронта, которым командует маршал Конев.

Но если войска Жукова прорывали фронт ночью, ослепив фашистов светом прожекторов, то у маршала Конева все обстоит иначе, и даже наоборот.

Здесь линия фронта проходит по реке Нейсе. Чтобы прорвать гитлеровскую оборону, надо перейти Нейсу. Надо ее форсировать. Реку в минуту не перейдешь. Необходимо навести переправы, мосты. Дело это сложное, небыстрое. Незаметно для противника не создашь переправы. Поэтому не свет тут нужен, а нужна темнота.

— Есть темнота, — доложили маршалу летчики.

— Есть темнота, — доложили инженерные части.

Поднялись в небо советские самолеты. Вышли к берегу Нейсы инженерные роты. Поставили они над Нейсой дымовую завесу. Укрыли дымом и Нейсу и наш и неприятельский берег. Ясно фашистам — готовятся русские к наступлению. Но где, в каком месте? Когда?

Фронт перед войсками маршала Конева широкий — 390 километров. Вот и гадай, в каком месте начнется прорыв, где наводят мосты, куда подгоняют плоты и лодки.

Заметались фашисты. В напряжении гитлеровские генералы. Разослали вдоль всего фронта посыльных. Торопят с донесениями.

Звонят они на первый участок:

— Что там у вас?

Отвечают с участка:

— Дым и дым кругом.

Звонят на другой участок фронта:

— Что там у вас? Как противник? Что видно?

— Ничего не видно. Кругом дым.

Соединяются с третьим участком:

— Как обстановка? Как ведут себя русские? Доложите, что видите.

— Видим дым.

— Дым, — доложили с четвертого участка.

— Дым, — доложили с пятого.

«Дым, дым, дым...» — идут сообщения с шестого, седьмого... десятого.

Погода тихая, безветренная. Воздух почти не движется. Дым не колышется. Ви- сят над Нейсой дым, укрывают советские части.

Мечутся фашистские генералы, гадают, в каком же месте советские войска начнут атаку, где наводят они переправы, откуда ждать появления русских. Где сосредоточить главные силы. Будь вы прокляты, эти дымы!

Подготовились советские части к прорыву. Но прежде и здесь началась мощная артиллерийская атака. Час сорок минут стреляли, не умолкая, пушки. Затем войска бросились форсировать Нейсу. Затем снова сорок пять минут содрогалась земля от выстрелов. Это была помощь тем, кто уже переправился на западный берег Нейсы.

Помогли дымы. Только в месте главного прорыва наши войска навели 133 переправы.

Рванулись советские войска вперед. У фашистов было три полосы обороны.

Не устояла первая полоса — рухнула.

Не устояла вторая полоса обороны — пала.

Прорвали войска маршала Конева третью оборонительную полосу.

Позади фашистская оборона. Проплывают дымы над Нейсой.

ПОД ШТЕТТИНОМ

Войска маршала Рокоссовского — 2-й Белорусский фронт — не должны были идти на Берлин. Они лишь помогали армиям Жукова, прикрывали их правый фланг. Главная задача Рокоссовского — нанести удар по фашистам севернее Берлина и идти дальше на запад навстречу наступающим с запада американцам и англичанам.

У каждого из советских маршалов был свой план наступления. Маршал Жуков начал прорыв ночью, ослепив противника светом прожекторов. Маршал Конев, наоборот, приказал поставить дымовую завесу.

Был свой план и у маршала Рокоссовского. Стал он сосредоточивать войска у города Штеттина. Двигутся сюда дивизии.

Зорко следят за тем, что делается в наших войсках, фашисты. Ведут разведку.

Идут к Штеттину колонны советских войск. Видят — в небе появился фашистский самолет-разведчик. Хороший разведчик у фашистов. И с виду он необычный — два фюзеляжа у самолета. Когда смотришь с земли, кажется, летит в воздухе рама. «Рама» — так и называли фашистский самолет-разведчик наши бойцы.

Закружила над советскими войсками «рама». Высматривает, засекает, куда движутся войска, фотографирует.

— Что же нет истребителей? — заволновались солдаты.

Но вот появились в небе три советских истребителя. Довольны солдаты. Попалась «рама». Будут щепки сейчас от «рамы». Но что такое? Проходят истребители мимо.

— Эх вы, слепые, горе-соколы! — кричат солдаты. — Да вот же она, вот же, левее от вас!

Не видят «раму» советские истребители. Прошли стороной, скрылись за горизонтом.

Двигалась вместе с советскими войсками зенитная установка. Развернули солдаты пушку, решили сами покончить с «рамой». Только развернули, только прицелились, подъехал генерал.

— Отставить! — скомандовал генерал.

Поражаются зенитчики и солдаты.

Вскоре появилась вторая «рама». Вновь приготовили зенитчики пушку, и снова команда:

— Отставить!

«Что такое?» — разводят руками солдаты.

Доклаживают фашистские разведчики гитлеровским генералам:

— К Штеттину движутся советские войска.

Хорошо действуют фашистские разведчики. Не только докладывают, что движутся советские войска, но и уточняют, сколько их и какие части идут:

— Три танковых корпуса.

— Две общевойсковые армии.

— Очень много переправочных средств. (Рядом со Штеттином протекает широкая река Одер.)

Все ясно фашистским генералам. Вот где маршал Рокоссовский начнет прорыв — тут на Одере, возле Штеттина.

Собрали фашистские генералы поспешно с других участков фронта сюда войска. Приготовились. Ждут удара маршала Рокоссовского.

И Рокоссовский ударил. Только не тут. Не у Штеттина. А намного южнее Штеттина, там, где вовсе его не ждали.

Движение же войск под Штеттин — это был всего-навсего обманный маневр.

Прорвали войска 2-го Белорусского фронта оборону фашистов. Стремительным шагом пошли вперед.

ЗЕЕЛОВСКИЕ ВЫСОТЫ

Прошли при свете мощных советских прожекторов войска маршала Жукова первую оборонительную полосу противника. Поднялись перед ними Зееловские высоты.

Зееловские высоты — укрепленный район на пути к Берлину. Местность здесь возвышенная, всхолмленная, удобная для обороны. С той стороны, откуда наступают советские войска, у высот крутые скаты. Они изрезаны траншеями и окопами. Перед ними глубокий противотанковый ров. Кругом минные поля и огневые точки противника. Зееловские высоты — вторая полоса гитлеровской обороны.

Бросилась советская пехота на штурм высот. Не осилила обороны противника. Рванулись в атаку танки. Не смогли прорваться на новый рубеж. Целый день до глубокой ночи и даже ночью атаковали советские части Зееловские высоты. Крепко их держат враги. Безуспешны наши атаки. День не принес удачи. Не сломила фашистов ночь.

«Замком Берлина» назвали фашисты Зееловские высоты. Крепко держат здесь оборону. Понимают — тут, на этих высотах, решается судьба Берлина.

Атакуют советские части фашистов. В разгар сражения над атакующими войсками появился советский самолет. Самолет как самолет. Не обратили бы солдаты на него особого внимания. Только вдруг стал самолет кружить над нашими частями. Покружил, покружил, помахал крылом, затем от него что-то отделилось. Тут же раскрылся парашют. Видят солдаты — что-то спускается. Что — не поймешь. Ясно одно — не человек.

Спустился парашют ниже. Видят солдаты: на стропах — ключ.

Ключ огромный, старинный. Опустился парашют на землю. Подбежали солдаты. Видят, к ключу прикреплена дощечка. На дощечке слова написаны. Читают солдаты:

«Гвардейцы-друзья, к победе — вперед! Шлем вам ключ от берлинских ворот!»

— Вот это да!

— Эко ж придумали!

Толпятся солдаты вокруг ключа, каждому глянуть хочется.

Оказалось, что этот ключ сделали и послали своим друзьям-пехотинцам советские летчики.

Ключ был точь-в-точь такой, каким овладели русские войска в 1760 году, когда они уже однажды брали город Берлин.

Понравилась солдатам выдумка летчиков. Поняли пехотинцы намек авиаторов.

— Ну, если есть ключ, разомкнем и замок!

Действительно, на следующий день советские войска овладели Зееловскими высотами.

А еще через день армии маршала Жукова прорвали третью, последнюю оборонительную полосу фашистов.

Впереди за лесами лежал Берлин.

Берлин был рядом. Тем злее фашисты вели бои.

«ОХРАНА ФЮРЕРА»

Прорвав оборону фашистов на реке Нейсе, войска маршала Конева начали сокрушительный марш на Берлин. Вперед рвались танки.

«До Берлина 100 километров», — читали советские танкисты путевые указатели утром.

— Осталось 75, — говорили они днем.

Затем замелькало: 60, 55, 50...

И вдруг танки неожиданно свернули на юг от Берлина. У танкистов словно что-то внутри оборвалось: «Неужели обойдем стороной?»

— Да, обойдем, — понимают танкисты.

Отходят танки от Берлина все дальше и дальше.

— Не повезло!

До вечера, до темноты отходили танки.

— Э-эх, прощай Берлин!

И вдруг!

— Стой! Поворот на север, — прошла команда.

Оказалось, что отход танков на юг от Берлина был всего лишь военный маневр. Нужно было обмануть фашистов, заставить их думать, что танки движутся совсем в другом направлении. Так и решили фашисты.

В темноте, с потушенными огнями танки развернулись на север.

Как вихрь понеслись они вперед, туда, где за дальними перелесками и набухшими от весенней воды ручьями находился фашистский Берлин.

Ушли вперед танковые армии, а в тылу у советских войск под городом Шпрембергом еще оставались фашисты. Они нажимали на правый фланг войск маршала Конева, были хорошо вооружены и представляли большую угрозу. Здесь в числе других против нас сражалась и танковая дивизия «Охрана фюрера».

Дивизия «Охрана фюрера» была одной из лучших в фашистской Германии. Уже встречались войска маршала Конева с этой дивизией. Было это в первый день прорыва фашистской обороны на реке Нейсе. Немало тогда хлопот доставила нашим войскам эта дивизия.

И вот новая встреча.

Фашистов надо было окружить и уничтожить. И снова в боях солдаты. Сражаются, а сами: «Как там «Охрана фюрера»?»

Бьются солдаты: «Как там «Охрана фюрера»?»

Добились наши войска успеха. Окружили они фашистов. Окружили, зажали в стальное кольцо. Не уйти из кольца фашистам.

Командовал разгромом фашистской группировки генерал Лебедеенко.

— Ну, как «Охрана фюрера»? — поинтересовался после сражения маршал Конев.

— Уничтожена, товарищ маршал! — отрапортовал Лебедеенко.

— Ну что ж, — сказал Конев, — раз уничтожена охрана фюрера, значит, дело теперь за самим фюрером.

ПУСТОЕ МЕСТО

Быстро наступают наши войска. Битва идет на земле и в небе. Герхард Кюттель, летчик фашистского истребительного флота «Райх», вылетел в составе своей эскадрильи для отражения атаки советских бомбардировщиков на Берлин.

Кюттель в авиационном деле не новичок. Десятки воздушных боев за плечами у Кюттеля. Две фашистские награды — два Железных креста украшают грудь. Старшим летит он в группе. Прижались к командиру другие самолеты.

Одного лишь боятся фашисты — встречи с советскими истребителями.

Чего боялись, то и случилось.

Перехватили фашистов советские истребители.

Завязался короткий, но жаркий бой. Разбиты в бою фашисты. Целым лишь Кюттель один остался.

Возвращается летчик на аэродром. Вот и знакомый лесок. Вот и знакомое поле. Быстро идет на посадку. Коснулись колеса бетонной дорожки. Закончил пробег самолет. Развернулся Кюттель. Рулит на стоянку.

Рулит. Смотрит: то и не то — непривычное что-то на аэродроме. Увидел людей он в советской военной форме. Быстро наступали наши. Пока находились фашистские летчики в небе, пока сражались с советскими истребителями, заняли фашистский аэродром советские части.

Не растерялся Кюттель. Быстро нажал на газ. Благополучно поднялся в небо. Пришел в себя. Соображает.

Решил он лететь к соседям. Вот и знакомый изгиб шоссе. Вот и знакомый овражек у аэродромного поля. Вот и взлетная полоса. Зашел на посадку Кюттель. Убрал газ. Планирует. Коснулись колеса бетонной дорожки. Сбавляет машина скорость.

Смотрит Кюттель: то и не то. И верно — не то. Открыли с аэродрома стрельбу по Кюттелю. Понимает Кюттель: и здесь уже русские части.

Снова поднялся в воздух. К более дальним летит соседям. Но и эти соседи уже не соседи. И здесь обстреляли Кюттеля. Летал к четвертым, летал и к пятым — всюду один прием. Наступают советские войска. На родной, на немецкой земле нет для Кюттеля больше места.

Что же дальше случилось с Кюттелем?

Не известна его судьба. Возможно, зенитные части все же его подбили. Возможно, сдался он нашим в плен. А может, и так: израсходовав весь бензин, где-то на поле бедняга рухнул. Потерялась, короче, его дорога. Был такой летчик — и больше нет. Была эскадрилья — и тоже нет. Нет эскадрильи — пустое место.

Да что эскадрилья, да что там Кюттель! Плачевны дела у фашистов. Полыхает кругом земля. К Берлину идет война.

НА БЕРЛИН ИДУТ МАШИНЫ

Он стоял на перекрестке — русский труженик-солдат. На Берлин идут машины. У бойца в руках флажок. Взмах флажком:

— Сюда машины!

На Берлин идут машины, танки справа, пушки слева, пушки справа, танки слева. Час идут, второй и третий. Не предвидится конца.

Он стоял на перекрестке. Он смотрел на эту силу. И бывшее шло на память. Год за годом. Шаг за шагом.

Вот он первый — сорок первый. Год-страдалец. Год-герой. Сколько отдано земель. Сколько отдано друзей. Сколько слез страной пролито. Но и в этот первый год

не терял боец надежды. Верил он тогда в победу — быть победе над фашизмом. А сейчас стоит и смотрит: неужели под Берлином?!

Смотрит он, солдат Перфильев. Верит в это и не верит. Под Берлином! Под Берлином! Мощь идет. Гудят машины. Сотрясается земля.

Год за годом. Шаг за шагом. Сколько горя позади. Гнули, гнули нас фашисты. Все, казалось, шаг — и все. Но в минуты те крутые у Москвы, у Сталинграда не терял солдат надежды. Верил он тогда в победу — быть победе над фашизмом.

А сейчас стоит и смотрит. Неужели под Берлином?! Смотрит он, солдат Перфильев. Верит в это и не верит. Под Берлином! Под Берлином! Шаг один, и ты в Берлине!

Год за годом. Шаг за шагом. Устояли наши в битвах. Вся страна ковала силу. Фронтом был и фронт и тыл. Вся страна ковала силу, и настал момент счастливый — дрогнул враг. И перед силой затрещала, сникла сила.

Отшагало время сроки, отсчитало рубежи. И Перфильев под Берлином.

Вот стоит на перекрестке русский труженик-солдат. Взмах флажком:

— Сюда машины!

На Берлин идут машины. Пушки слева, танки справа. Слева танки, пушки справа. День и ночь шагает сила. Мощь идет. Под весом этим содрогается планета. Мощь идет. Под весом этим прогибается земля.

ХОФАКЕР

Городок их стоял на восток от Берлина. Был он маленький-маленький. Словно игрушечный. Городок с ноготок. Городок-горошина.

Прожил старик Хофакер здесь семьдесят лет. Песчинку любую знает.

Наступают с востока русские. Понимает старик Хофакер, не устоит перед русскими город. Если дунуть на этот город — кажется, он развалится.

И вдруг прибегают к Хофакеру внуки:

— Крепость! Крепость!

— Что такое? — не понял Хофакер.

— Наш город — крепость! — кричат мальчишки.

Пришли соседи и тоже про крепость ему сказали. Пришел бургомистр, то есть старший над городом, и тоже сказал про крепость.

— Какая же крепость?! — моргает старик глазами. Прожил здесь Хофакер семьдесят лет. Любую песчинку знает.

Развел бургомистр руками:

— Крепость, Хофакер, крепость! — Крикнул: — Хайль Гитлер! Фюреру лучше знать.

Да, таков был приказ фашистов. Все города, которые находились на восток от Берлина, объявили они крепостями. Был строгий приказ: советским войскам не сдаваться. Сражаться всем до последнего, и старикам и детям.

Приказ есть приказ. Стали готовиться жители к защите родного города. Пришли к Хофакеру. Забирают в солдаты внуков.

И вдруг Хофакер:

— Не дам я внуков.

— Да что ты, старый! Приказ же фюрера!

— Не дам! — уперся старик Хофакер.

Погибли все на войне у Хофакера. Было три сына. Было три зятя. Было, теперь не стало. Весь род как метлой смело. Остались одни лишь внуки.

— Не дам! — прокричал Хофакер.

Оказался старик упрямым. Рядом с городом — русские. Вывесил белый флаг. Посмотрели другие. Прав Хофакер. Зачем же всем погибать напрасно! Появились белые флаги и на других домах.

Узнали фашисты. Примчались в город. Убили Хофакера. Худо пришлось бы жителям. Да тут подошли советские части. Бежали фашисты.

В Анкламе, в Грейфсвальде, в Фрейбурге, в целом ряде других городов Германии поднялись тогда горожане. Воспротивились приказам они фашистов. Спасли города от гибели.

Погиб Хофакер, а внуки остались. Сохранился их давний род. Выросли внуки. И ныне живут в Германии. В свободной, в демократической, в современной Германии, в стране, которая называется ГДР.

НА ТРУБЕ

Армии маршала Конева продолжали идти на Берлин.

Артиллерия вела огонь по сосредоточению фашистов. Место южнее Берлина ровное, лесистое. Ни холма здесь, ни высоты, ни бугорочка. Трудно артиллерийским командирам управлять здесь боем. Наблюдать за тем, как точно ложатся снаряды в цель, вносить поправки и уточнения.

Продвинулись артиллеристы еще чуть вперед и вдруг вышли к заводу. Заводик, правда, маленький. Зато труба высоченная. Посмотрел на трубу генерал Корольков. Взяло его озорство. Детство к тому же вспомнил. Забрался он на трубу. Сидит там, как аист в гнезде. Хорошо на трубе. Далеко видно. Сидит он здесь с телефонной трубкой. Подает вниз по телефону команды. Там, внизу у трубы, оборудован центр управления огнем. Отсюда команды поступают на батареи.

Сидит генерал, увлечен артиллерийским боем.

В это время к артиллеристам приехал командующий фронтом маршал Конев.

Представились офицеры командующему.

— А где же генерал Корольков? — спрашивает маршал.

Смутились офицеры. Не знают, что и ответить. Понимают они, что как-то не солидно генералу сидеть на трубе. Однако что же тут делать, не начнешь же неправду докладывать маршалу.

— Товарищ маршал, на трубе генерал Корольков, — доложили офицеры.

— На трубе?!

— Так точно, товарищ маршал.

Поднял Конев голову — верно, как аист в гнезде, сидит на трубе Корольков.

Взглянул вниз генерал, увидел командующего фронтом. Стал поспешно спускаться вниз. Спустился, представился.

Посмотрел на Королькова Конев, покачал головой:

— И это советский генерал. Верхом на трубе.

— Да я ведь...

Однако Конев прервал:

— По-лейтенантски действуете, товарищ генерал.

Насупился Корольков, обиделся. Хотел было сказать, что ни холма кругом, ни бугра, ни высоты. И вдруг вместо этого:

— Так точно, товарищ маршал, поступаю, как предписано званием — действую по-лейтенантски.

Смутился Конев, не понял, в чем дело. Поднял глаза на генерала. Взглянул невольно и на погоны.

Взглянул. По две большие звезды на погонах у генерала. Был Корольков в военном звании генерал-лейтенант.

Рассмеялся Конев.

— По генерал-лейтенантски, — поправил.

— Так точно, — соглашается Корольков.

Сказал генерал про звание и тут же тише:

— Товарищ маршал, обстановка заставит — петухом запоешь.

Вновь рассмеялся Конев.

Принял Конев доклад генерала, уехал.

Понравилась маршалу находчивость генерала.

Возвращался Конев на машине в штаб. Вспоминал Королькова. Сидел улыбался. Приехал маршал к себе на командный пункт. Генерала Королькова другим даже в пример поставил.

ИЗ АНГЛИИ? ИЗ АМЕРИКИ?

Двигутся и движутся советские войска. Бесконечным потоком шагает техника. С удивлением смотрят немецкие жители на это железное шествие.

Разные ложные слухи распускали о нас фашисты. Внушили они немецким гражданам, что у Советской Армии нет хорошего вооружения. А если что и есть, то все это либо из Америки, либо из Англии.

Идут и идут войска. Наиболее смелые и любопытные немцы подходят к советским бойцам, задают им вопросы.

Как раз проходили танки.

Подходят жители, спрашивают:

— Из Америки?

— Что-что? — поразились танкисты.

— Из Америки? — переспросили жители.

— Нет, — отвечают танкисты.

— Из Англии?

Рассмеялись танкисты:

— Да нет же. Из Советского Союза. — И уточняют: — С Урала.

Поражаются жители. Косо, недоверчиво на советских солдат смотрят.

Прошли танки, движется артиллерия. Смотрят жители на грозные пушки, обращаются к артиллеристам:

— Американские?

— Что-что? — не понимают артиллеристы.

— Американские? — повторяют жители.

— Нет, — отвечают артиллеристы.

— Английские? — спрашивают жители.

— Нет, — отвечают артиллеристы.

— Из Австралии, из Канады?

— Да нет же, — отвечают артиллеристы. — Наши, советские пушки.

Отличные пушки имела Советская Армия. И грозные, стрелявшие на много километров. И противотанковые, и зенитные. И наконец, знаменитые «катюши». Много оружия нужно армии. Много первоклассных танков и много пушек. Создали советские люди такое оружие.

Двигутся войска, продвигается техника. А в небе эскадрилья за эскадрилей идут самолеты. Запрокинули немцы головы, смотрят на эту небесную мощь. Обращаются к советским солдатам:

— Американские?

— Что-что? — не поняли солдаты.

— Самолеты из Америки? — переспросили немцы.

— Нет, — рассмеялись солдаты.

- Из Англии?
- Нет, — отвечают солдаты.
- Из Австралии, из Канады?
- Да нет же, — отвечают солдаты.
- Из... из... — соображают немцы, какую бы еще назвать страну.
- Да нет же, — смеются солдаты. — Это наши, советские самолеты.

Отличной в годы войны стала советская авиация. Намного лучше она фашистской. Много заводов построили советские люди. Много новых машин придумали советские авиаинженеры. Нет недостатка советским асам в первоклассной советской воздушной технике.

Смотрят жители немецких городов на летящие самолеты, на пушки, на танки. Поражаются жители:

- Русские!
- Поправляют солдаты:
- Наши, советские!

В Берлинской операции мы намного превосходили фашистов силой своего вооружения. Уступали, не могли фашисты тягаться с нами.

ОЛЕНИ

Произошло это под городом Фюрстенвальде, недалеко от Берлина.

Места здесь красивые. Лес. Равнина. Лес слева. Лес справа. Широкое поле между, Укрывшись на обочине леса, советские батареи вели огонь. Уходили снаряды в небо. Возвращались из леса эхом.

Вообще здесь большие велись бои. У крайней пушки был старшим сержант Сорокин. Глянул Сорокин, что там такое. Вышло из леса оленье стадо. Вожак во главе. Богатырь. Красавец. Развесил рога, как ветви.

Остановились олени. Ясно: хотят перейти через поле. То ли к водопою их вел вожак, то ли спугнула война оленей. Застыли звери.

— Да ступайте! — кричит им Сорокин.

Стоят. Не решаются. Посмотрел командир орудия на солдат.

— Стой! — закричал заряжающему. — Отставить!

Прекратило огонь орудие.

Рядом с этой вторая стояла пушка. Слышат слева — не выстрелила пушка справа. Что такое? Видят — олени.

— Стой! — дал команду командир и этого орудия. — Отставить огонь!

Замолчало орудие.

Левее этой стояла третья пушка.

Видят артиллеристы на этой пушке — сосед не стрельнул. Что же такое? Повернулись. Видят — стоят олени.

Ясно солдатам, почему не стрельнула пушка. Здесь тоже дана команда. Замолчала и эта пушка.

Четыре орудия на батарее. Следом за третьей замолчала и четвертая пушка.

Прекратила огонь батарея. Смотрят солдаты на стадо. Стояло, стояло стадо. Тряхнул головой вожак. Двинулось стадо.

— Пошли! Пошли! — закричали солдаты.

Ступает стадо. Идет вожак. Голову держит, как царь в короне.

Левее первой батареи стояла вторая батарея. И на той батарее четыре орудия. Увидели на второй батарее, что на первой прекратили огонь, увидели и оленье стадо.

— Прекратить огонь! — прошла команда по батарее.

Замолчали орудия. Прекратила огонь батарея.

Левее второй батареи стояла третья. И на этой оленей видят. И тут команда — не стрелять!

Стихла канонада над лесом, над полем. Идут, как в строю, олени.

Стихла стрельба из орудий. Вдруг телефон затрещал на батареях. Звонили с командного пункта.

— Что там такое? Почему прекращен огонь?!

Отвечают:

— Стадо.

— Какое стадо?

— Олени.

— Что олени?

— Идут через поле.

— Олени? Да ну! Красавцы?

— Красавцы!

— Понятно, — ответил голос.

Пересекло поле оленьё стадо. Скрылись в лесу олени.

РАЗРЕШИТЕ ДОЛОЖИТЬ

Много армий шло на Берлин: 3-я гвардейская, 3-я Ударная, 5-я гвардейская, 5-я Ударная, 13-я армия, 33-я, 47-я. В составе трех фронтов, наступавших на Берлин, наступали 17 общевойсковых армий. А кроме этого, шли еще танковые армии, принимали участие в боях воздушные армии. Шли артиллерийские соединения, саперы, связисты, автомобильные части. Более миллиона советских солдат принимали участие в грандиозном наступлении на Берлин.

В числе других войск шла и 8-я гвардейская армия. 8-я гвардейская — это в прошлом 52-я. Та самая героическая, непобежденная, которая обороняла и отстояла Сталинград. Та самая, которой командовал прославленный сталинградский генерал Василий Иванович Чуйков.

Дальний путь прошагали солдаты 8-й гвардейской армии. После Сталинграда сражались они на Дону, освобождали Донбасс, изгоняли фашистов с Украины, освобождали Польшу.

Вот и снова идут солдаты. В последнем марше идут солдаты. Рядом совсем Берлин.

Шагают, идут солдаты. В последнем пути солдаты.

На одном из последних маршей догнал одну из стрелковых рот генерал Чуйков.

— Генерал... Генерал... Сам Чуйков! — зашептались солдаты.

Увидел Чуйкова ротный:

— Смирно!

Подтянулись солдаты, ударили в землю парадным шагом.

— Вольно! — сказал Чуйков.

— Вольно! — подал команду ротный.

Приказал генерал Чуйков остановить солдат.

Остановились солдаты. Смотрит на них генерал:

— Ну что ж, дошагали, выходит.

— Дошагали!

— Рядом Берлин.

— Рядом! — дружно в ответ солдаты.

Смотрит генерал на солдат, на лица, на ордена. К одному, к другому:

— Сталинградец?

— Сталинградец!

— Сталинградец?
— Сталинградец!
Снова солдат понравился:
— Сталинградец?
— Так точно, товарищ командующий.
Посмотрел на орден. Опять на солдата. Признал солдата.
— Никак, орден тебе вручал?
— Так точно, товарищ командующий.
Похлопал Чуйков солдата по плечу, посмотрел на него внимательно. Гимнастерка. Пилотка. Ремень. Строен солдат. Подтянут.
— Хорош, — хвалит Чуйков. — Хорош. Гвардеец. Сталинградский орел!
Сказал про орла, глянул на ноги. На гвардейские ноги. Истрепались, исхлестались на дальних дорогах солдатские сапоги. Вот-вот — и совсем развалятся.
Вслед за генералом Чуйковым посмотрел и ротный на солдатские сапоги, посмотрел и взводный. Старшина из хозяйственной части глянул: да, не гвардейские сапоги.
Обратился генерал Чуйков к солдату с укором:
— Что же это у тебя, брат, сапоги такие? Дрянь сапоги!
Повернулся к офицерам, к старшине и им:
— Дрянь сапоги.
— Так точно, дрянь, — ответили офицеры.
— Так точно, дрянь, товарищ командующий, — ответил старшина.
Все повернулись, смотрят на солдата. Вытянулся солдат по команде «смирно».
И вдруг:
— Никак нет, товарищ генерал.
— Что никак нет? Дрянь, говорю, сапоги.
— Никак нет. Отличные сапоги, товарищ командующий, — опять о своем солдат.
Подтянулся, руки по швам: — Сталинградские, — произнес.
— Так точно, товарищ генерал, — подтвердили ротный и взводный, — сталинградские.
— Не желает менять, — сказал старшина.
— Сталинградские?!Улыбнулся Чуйков, улыбнулись другие солдаты.
— Ну что ж, шагай, молодец, — произнес Чуйков.
— Слушаюсь, — ответил солдат, хлопнул рукой по голенищам сапог, сказал: — Разрешите доложить: до Берлина хватит.
Тронулась рота в путь. Посмотрел генерал Чуйков вслед солдатам, на бодрый вид, на твердый шаг, произнес:
— До Берлина? Если надо, дальше нашей силы хватит.

«АХ!»

Дюринсгоф — один из маленьких городков недалеко от Берлина. Не ожидают здесь русских, не верят в стремительный наш прорыв.

И вдруг, как снег на голову, оказались у городка советские танки. В короткой схватке разбили они зацепившихся здесь фашистов. Проходят по городу танки.

Отбросили танкисты бронированные люки, выглядывают, смотрят на улицы. В одной из машин лейтенант Андрей Мельник. Проходят танки по улицам вдоль домов. Читает Мельник вывески на зданиях и магазинах: «Аптека», «Хлеб», «Идеальное молоко». А вот и еще одна вывеска: «Телефонная станция».

Прочитал лейтенант, что-то в уме прикинул.

— Стой! — крикнул механику.

Притормозил тот танк, чтобы другим не мешать, отъехал чуть в сторону.

Вышел из танка лейтенант Мельник, побежал к телефонной станции. Бежит, что-то озорное, видать, придумал. Уж больно лукаво глаза блестят.

Вошел Мельник в помещение станции. У аппаратов сидят две девушки-телефонистки. Увидели телефонистки советского офицера. Обе:

— Ах!

И тут же упали в обморок.

— Не бойтесь! — кричит лейтенант. — Не бойтесь!

Подошел к одной, подошел ко второй, привел и одну и вторую в чувство. Открыли телефонистки глаза, смотрят искоса на советского лейтенанта.

Улыбнулся Мельник, говорит по-немецки. А надо сказать, что знал он немецкий язык отлично:

— Соедините меня, любезные медхен (то есть девушки) с Берлином.

Только сказал, как телефонистки снова:

— Ах!

И снова упали в обморок.

Пытается лейтенант Мельник опять привести их в чувство. Не получается. Не приходят телефонистки в себя. В глубоком лежат испуге. Подумал-подумал Мельник, решил сам вызывать Берлин. Попробовал, и сразу удача. Послышался в трубке голос:

— Слушает вас Берлин.

— Примите телефонограмму, — говорит Мельник.

— Готова к приему, — отвечает берлинская телефонистка.

Диктует Мельник:

— Коменданту Берлина генералу Вейдлингу. Записали? — спрашивает у телефонистки.

— Записала, — отвечает телефонистка.

— Ожидайте в Берлине. Скоро будем. Готовьте квартиры. Записали?

— Записала, — отвечает телефонистка.

— С гвардейским приветом, — продолжает диктовать лейтенант. — Телефонограмму передал командир взвода советских танков лейтенант Мельник.

Только произнес лейтенант эти слова, как в трубке:

— Ах!

И замолчала трубка.

— Алло! Алло!

Не отзывается трубка.

Ясно лейтенанту, что и в Берлине медхен тоже упала в обморок.

Сдвинул лейтенант на затылок танкистский шлем. Улыбнулся, побежал к выходу. Вернулся к своим.

— Что там? — обратились к нему с вопросами.

Улыбнулся танкист лукаво:

— Да так... Знакомой одной звонил.

ШТУРМОМ ОСИЛЯТ НЕБО

С запада, с севера, с юга движутся войска к Берлину. На десятки километров вокруг полыхает гигантская битва. В центре Европы сошлись две силы. Кипит земля, как огонь, как лава, клокочет, как сталь в мартенах.

От разрывов снарядов, от мин, от «катюш», от бомб загорелись кругом леса. Полыхает земля пожаром. Во многих местах фашисты и сами леса подожгли. Как

барьер, как стена, поднимается пламя. Дым застилает землю. Горным хребтом на пути встает.

Трудно в огне солдатам. И все же рвутся вперед солдаты. Наступают советские чудо-богатыри.

Места под Берлином ровные, низкие. Пересекли равнину ручьи и реки. Расчертили карту кругом каналы. Берега каналов и рек в железо, в бетон одеты. Стеной отвесной на два-три метра ушли к воде.

Возникли на пути у советских войск новой преградой каналы и реки. Пролегли нескончаемой западней.

Трудно солдатам. И все же рвутся вперед солдаты. Сокрушают они преграды. Штурмуют каналы, реки. Наступают советские чудо-богатыри.

На защиту Берлина бросили фашисты свои лучшие силы. В числе отборных фашистских войск личные дивизии Гитлера, дивизии «Викинг», «Бранденбург», «Богемия», «Мертвая голова».

В бой смертельный, в бой последний идут фашисты. За рядом погибших поднимается новый ряд.

— Все на защиту Берлина!

— Все на защиту Берлина!

В доты оделась земля под Берлином. В латах бетонных стоит Берлин.

Трудно солдатам. И все же рвутся вперед солдаты. Наступают советские чудо-богатыри. Нет для советских солдат невозможного, нет для солдат преграды.

Если надо — море пешком перейдут.

Если надо — землю насквозь пройдут.

Если надо — штурмом осият небо!

Глава вторая

ПОСЛЕДНИЕ МЕТРЫ ВОЙНА СЧИТАЕТ

В ИМПЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

В центре Берлина огромное мрачное здание. Целый квартал занимало здание. Это имперская канцелярия — ставка Адольфа Гитлера.

Сотни комнат находились в имперской канцелярии, сотни окон, множество лестниц, коридоров, просторных залов. Но не здесь, не в этих комнатах, этих залах, а глубоко под ними, в мрачном и глухом подземелье, в 16 метрах от поверхности земли, вдали от света, от солнца находился фюрер фашистской Германии.

Много фашистов набилось сюда, в подземелье. Тут и ближайшие помощники Гитлера: Геринг, Геббельс, Гиммлер. Тут и личный адъютант генерал Бургдорф, и личные летчики, и личные врачи, и личная охрана Гитлера, и личный шофер, и личная повариха, и даже любимая собака фюрера — овчарка Blondi. Не одна — с четырьмя щенятами.

Охраняло убежище Гитлера 700 отборных солдат. Тройным кольцом часовых была опоясана имперская канцелярия.

Здесь, в подземелье у фюрера, идут бесчисленные заседания и совещания. Шепчется он с приближенными, ищет путей, как продержаться дольше, как затянуть войну. На чудо надеется Гитлер: вдруг не хватит у русских сил, вдруг вообще случится что-то негаданное.

Тяжелые вести приходят с фронтов. Гитлер приходит в бешенство. Страшен фюрер в такие минуты. Глаза вот-вот, кажется, вылезут из орбит, на руках надуваются вены. Бегают Гитлер по комнате. Пробежит, остановится. Пробежит, остановится. И кричит, и кричит, и кричит. Эти крики словно удар хлыста. Цепенеют от них приближенные. Вжимают шеи в тугие армейские воротники. Готовы, как снег, растаять.

Особенно грозен был Гитлер тогда, когда пришло сообщение, что советские войска прорвали фашистскую оборону у Зееловских высот на Нейсе и на Одере.

— Измена!.. — кричал Гитлер.

— Труссы! Тупицы!.. — клял своих генералов.

— Расстрелять виновных! — Через минуту: — Нет, повесить! — Еще через минуту: — Нет, расстрелять, а затем повесить...

И снова:

— Предатели!..

— Труссы!..

20 апреля 1945 года в подземелье отмечался день рождения фюрера. Нерадостен этот день — все ближе и ближе подходят к Берлину русские. Сидит фюрер в кресле. Размяк, раскис. Опустил голову, не шевельнется. Приходят приближенные, поздравляют Гитлера. Удаляются, словно тени. Крутятся возле Гитлера слуги и адъютанты. Чем отвлечь от недобрых дум, чем угодить — не знают.

Вдруг оттуда, сверху, слышались залпы. Один, второй, третий. Это советская артиллерия открыла огонь по Берлину. Все подняли головы вверх, застыли.

Встребенул Гитлер. Тоже голову поднял:

— Что там?

Не хватает ни у кого мужества сказать, в чем дело. Стоят, друг на друга искоса смотря. А потом все вместе — на адъютанта Гитлера генерала Бургдорфа. Не растерялся Бургдорф, вышел вперед:

— Салют, мой фюрер! В вашу честь, мой фюрер!

Оживился Гитлер. Встал. Подтянулся. Руку за борт пиджака закинул.

Снова небо взорвали залпы.

Война подошла к Берлину.

«МЫ В БЕРЛИНЕ!»

21 апреля 1945 года советские войска штурмом ворвались в Берлин.

Родом они полтавские. Петр Кириенко и Стась Кириенко — отец и сын. Вместе ушли на войну из дома. В первые дни войны. Оказались вместе в части одной, в роте одной и во взводе. Вместе дороги и боли военные мерили. Вместе ходили в атаку, в разведку. Вместе мечтали о нашей победе.

— Быть нам, сынку, в Берлине. Быть нам в Берлине, — говорил Кириенко-отец.

А было это тогда, когда шагали солдаты от Берлина в обратную сторону. Тысячи верст до Берлина.

Под Сталинградом мечтали они о Берлине. Затем в боях под Курском. Затем — на Днепре.

Стась Кириенко молод, безус. Петр Кириенко солдат с заслугами. В первой мировой войне воевал. В гражданской войне воевал. Ранен. Контужен. Осколки снаряда в теле хранит как память.

Петр Кириенко и Стась Кириенко, словно орел с орленком. Поучает солдатской премудрости молодого солдата бывалый.

— Быть нам, сынку, в Берлине. Быть!

Ранило как-то Стася осколком в грудь. Вынес отец Кириенко сына из самого пекла боя.

Контузило как-то Стася. Привалило землей в окопе. Руками разгреб Кириенко-отец обвал. Снова сына унес от смерти.

Шагают солдаты путями войны. Мужает Стась Кириенко в боях и походах. Был молодым птенцом, а нынче и сам летает.

Медали заслужили отец и сын. Вскоре к медалям пришли ордена. С орденами почет и слава.

Наступает Советская Армия. Отвоевали Кириенки и Дон и Донбасс. Принесли свободу родной Полтавщине.

— Дойдем до Берлина! Быть нам в Берлине!

Перед бойцами широкий Днепр.

На Днепре при переправе совершилось непоправимое. Сразила фашистская пуля Петра Кириенко.

Помирает отец-солдат:

— Сынку, дойдем до Берлина. Сынку...

Дальше шел Кириенко Стась. Походом, боями прошел Украину, Польшу, и вот ворвались наши войска в Берлин.

Стоит солдат на берлинской улице. Смотрит на небо, на громады домов. Отвлекается солдат от боя. Неужели и вправду солдат в Берлине? Слышит отцовский голос:

«Сынку, дойдем до Берлина. Сынку...»

Вспоминает отца солдат. Шепчут солдатские губы:

— Батька, батька, ты слышишь меня? Я в Берлине. Я в Берлине... Мы в Берлине! — кричал солдат.

Лежит перед ним Берлин. Склонил перед ним колени.

Стоял недвижно минуту солдат. Затем встрепенулся. Подошел к стене соседнего дома. Штыком по известке вывел, словно печать поставил: «Петр Кириенко, Стась Кириенко, апрель, 1945 год».

КАЖДАЯ УЛИЦА ДЫШИТ СМЕРТЬЮ

Берлин огромный город. 600 тысяч домов в Берлине. Каждая улица дышит смертью.

Возвели фашисты на улицах баррикады, завалы, заграждения. Минные поля прикрывают подходы к завалам. Пулеметы простреливают каждый клочок земли. Каждый дом в Берлине стал настоящей крепостью. Каждая улица — полем боя.

На одной из берлинских улиц завал оказался особенно прочным. Из железа, из стали, из каменных плит возвели здесь завал фашисты. Штурмовала завал пехота. Не прорвались вперед стрелки. Лишь гибнут в атаках зазря солдаты. Подошли к завалу советские танки. Открыли огонь из пушек. Пытаются в завале пробить проход. Нет достаточной силы в снарядах, в танковых пушках. Стоит, как стена, завал. Препградил он дорогу пехоте, танкам. Застопорилось здесь продвижение.

Смотрят солдаты — пехотинцы, танкисты — на железо, на камни, на сталь:

— Подрывников бы сюда, саперов.

И вдруг словно бы кто-то подслушал солдатские речи. Видят солдаты, к завалу ползет сапер. Ползет, тащит взрывчатку, бикфордов шнур. Вот привстал. Переждал. Пригнулся. От дома к дому перебежал. Вот снова ползет по-пластунски.

Впились солдаты в него глазами. Каждый удачи ему желает. Подобрался взрывник к завалу. На одну из каменных плит поднялся. Лег на плиту. Кладет под плиту взрывчатку. Уложил. Шнур протянул бикфордов.

Следят за сапером солдаты. Что за чем последует, точно знают. Вот сейчас бикфордов шнур подожжет боец. Заспешит по шнуру огонек к взрывчатке. Быстро спрыгнет с плиты сапер. Отползет побыстрее от завала. Дойдет огонек до цели. Сотрясется завал от взрыва. Возникнет в завале брешь. Сквозь брешь и рванутся вперед солдаты.

Так и есть. Вот вынул спички боец из кармана. Вот высек огонь. Вот подносит огонь к шнуру. И вдруг... вскинул сапер руками. Упал на плиту и замер. «Убит!» — пронеслось.

Но нет. Шевельнулся солдат.

— Братцы, да он не убит. Он ранен.

Шевельнулся взрывник. Голову чуть приподнял. Посмотрел на плиту, на шнур. Что-то, видать, прикинул. Двинул рукой, потянулся к спичкам. Вот снова в руках у него коробок. Вот силится высечь огонь солдат. Чиркнул спичкой. Да силы мало. Не зажглась, не вспыхнула сера. Опустился вновь на плиту сапер.

Видят солдаты — плита краснеет. Теряет и силы боец и кровь. Но нет, не сдается солдат. Снова он потянулся к спичкам. Снова в руках у него коробок. Чиркнул спичкой. Ура! Горит! Тянет спичку к шнуру, дотянулся. Побежал к взрывчатке дымок, закурился змейкой.

— Прыгай, прыгай! — солдаты кричат саперу.

Лежит на плите сапер.

— Прыгай! Прыгай!

И только тут понимают солдаты — нет сил у сапера спрыгнуть.

Лежит на плите герой.

Грянул взрыв многотонной силой. Взлетели в небо плита и камни. Открылся проем в завале. Устремились в него солдаты.

Вечная память отважным. Вечная слава храбрым.

СЛУЧАЙ С ПАВЛОВЦЕВЫМ

Политработник майор Павел Лаврович Павловцев для бойцов и офицеров всегда и во всем являлся примером. А тут...

Случилось это в день, когда маршал Жуков отдал приказ войскам 1-го Белорусского фронта начать решительный штурм Берлина.

И вот тут-то... Лежал Павловцев в госпитале. Ранен не сильно, но и не слабо. Ранен в голову, ранен в ногу. Может ходить, но с палочкой. Раны не затянулись. Каждый день нужны перевязки. Лежать бы ему и лежать. А он взял и сбежал из госпиталя.

Сбежал и тем самым подал пример другим. Поредел госпиталь. Не лежится раненым. Все хотят принять участие в решительном штурме Берлина.

Ну и досталось же тогда врачам от армейского начальства!

— Как допустили! Куда смотрели! — громыхало начальство.

— А что мы могли поделать, — разводят врачи руками. — Не поставишь же к каждой койке часового с винтовкой.

И верно ведь. Не поставишь!

— Кто начал? — не утихает начальство.

— Майор Павловцев.

— В каком состоянии?

— Ходить может, но с палочкой.

— Ну вот мы до него доберемся!

И действительно, добралось начальство до Павловцева. Вернее, случилось так, что сам Павловцев на глаза попался начальству. Произошло это почти у самой границы Берлина. Голова у Павловцева в бинтах, одна рука на перевязи, другая опирается на палочку. Приметен среди других.

— С выздоровлением, Павел Лаврович! — окликнуло Павловцева начальство.

Смутился Павловцев, почувствовал ехидство в тоне.

— Так, так, — говорит начальство и достает список тех, кто бежал из госпиталя. Первым в списке — Павел Павловцев.

Надо сказать, что Павел Лаврович Павловцев человек заслуженный, старый член Коммунистической партии, герой гражданской войны. Да и в эту войну он не раз отличился. Отмечен не раз наградами.

Но все это не спасло Павловцева. Решили его за нарушение госпитального режима и дурной пример другим привлечь к строгой ответственности.

— Ну что ж, — сказал Павловцев, — если виноват, то готов принять любое наказание. Любое. Кроме одного...

— Какого же? — интересуется начальство.

— Не отправляйте назад в госпиталь.

— Так, так.

— Отправите — снова сбегу, — сказал Павловцев. — Могу заявить от имени всех раненых: лежать в такой момент невозможно. Откажут ноги — на руках в Берлин вползу. — И чуть тише: — Столько же лет ждали...

Посмотрело начальство на Павловцева. Понимает: отправишь в госпиталь — снова сбежит из госпиталя. Хоть на руках, да в Берлин вползет.

— Ладно, ступайте, — сказала начальство.

Махнуло на «случай» оно рукой.

Верно начальство сделало.

ДОСТУЧАЛСЯ

Был этот бой поразительным. Фашисты подбили советский танк. Застрял он на одной из берлинских улиц. Сбили у танка гусеницу. Рядом с кирпичным домом стоит калека.

Тем же взрывом были убиты командир орудия и командир боевой машины. Остался в живых лишь механик-водитель сержант Шашков. Закрылся в танке Шашков. Ведет по врагам огонь.

Атакуют его фашисты. Заходят слева, заходят справа.

— Сдавайся! — кричат фашисты.

Не сдается Шашков. Стреляет из пушки. Стреляет из пулемета.

Но вот подожгли фашисты танк. Загорелась машина. Ясно — конец танкисту.

— Аллес! Аллес! (то есть «все») — кричат фашисты.

Ясно любому — конечно, все. Отвоевался танкист. Отходил по белому свету.

Все сильнее, сильнее пламя. И вдруг бросился Шашков к рычагам. Включил не переднюю — заднюю скорость. Сзади был дом. Доползти до него танк мог и без гусеницы. Включил Шашков скорость. Тронулся танк. В стену ударил сталью. Не удержалась стена, обрушилась. Завалила танк кирпичами и штукатуркой. Завалила, прибила пламя.

Привален, придавлен танк. Однако конец пожару. На месте танка гора развалин. Только пушка торчит наружу, только пулеметное дуло видно сквозь камни.

Открыл танкист по фашистам опять огонь. То прозвучит пулеметная очередь. То из пушки снаряд сорвется.

Обозлились фашисты. Лезут на танк несмотря на огонь, несмотря на потери. Танк — не оружейный склад, не сундук со снарядами. Пущен последний снаряд по фашистам. Последняя свистнула пуля. Осмелели фашисты. Совсем поравнялись с танком. — Сдавайся! — кричат Шашкову. Подошли совсем близко. Вот видят башенный люк. — Сдавайся! Сдавайся! Приподнялась крышка люка. Вот и конец солдату. — Аллес! Аллес! — кричат фашисты. Ясно любому — конечно, аллес. Отвоевался танкист. Отходил по свету. — Сдавайся! Сдавайся! Приподнялась крышка башенного люка. И вдруг полетела оттуда граната. Отбежали фашисты. Кусается танк. Однако не бесконечен запас гранат. Израсходовал их танкист. Вновь фашисты приблизились к танку. Подошли совсем близко. На камни, на танк залезли. Стучат по броне: — Сдавайся! Аллес! Аллес! — кричат фашисты. Ясно любому — конечно, аллес. Отвоевался танкист. Отходил по свету. Не открывается люк. Какой-то настырный фашист нашелся. Стоит рядом с люком. Прикладом автомата по крышке бьет. Дубасит. Дубасит. Дубасит. Достучался фашист, представьте. Приподнялась крышка над люком. Метнулась рука из танка. Сразила ножом фашиста. И тут же опять захлопнулась. Продвигались наши. Вышли вскоре сюда на улицу. Освободили из плена советский танк. Посмотрел на друзей Шашков. — Вот теперь аллес, — сказал Шашков.

МАЙОРЫ

Ворвались войска в Берлин. Пробивают дорогу к центру. А в это время другие части с севера, с юга обходят город. Окружают они Берлин. Наступают навстречу друг другу два фронта — 1-й Белорусский и 1-й Украинский. Рвутся солдаты к победной встрече. В первых колоннах идут танкисты.

Бывшие лейтенанты Петр Еремин и Василий Дудочкин, те, которые принимали участие в окружении фашистов под Сталинградом, давно уже не лейтенанты. Майоры они теперь.

Повзрослели. Закалились. В боях окрепли. Не узнать их теперь по виду. Оба гвардейцы. Оба в наградах. Словом — бойцы бывалые.

Всякое было за эти годы. Сводила судьба друзей. Разводила. На госпитальные койки друзей бросала. Снова ставила в строй. Снова к больничным порогам гнула. Смерть проходила рядом, рядом совсем дышала. Нелегко их ратный путь. То вместе они сражались. То снова по разным фронтам и армиям.

Вот и сейчас. Служил Еремин во 2-й гвардейской танковой армии на 1-м Белорусском фронте у маршала Жукова. Служил Дудочкин в 4-й гвардейской танковой армии на 1-м Украинском фронте у маршала Конева.

Мечтали друзья вместе войну закончить. А нынче — ищи ты солдата в поле.

Обходят войска Берлин. Пробивают дорогу танки. С юга идет 4-я гвардейская танковая армия, с севера — 2-я гвардейская танковая. Все ближе, все ближе танки к заветной цели.

И вот 25 апреля в 12 часов дня сомкнулись войска за Берлином. Схвачен Берлин в мешок.

Бросились танкисты разных фронтов навстречу друг другу. Радость бушует в людях. Бежит вместе с другими Еремин. Бежит и Дудочкин. Бывают же в жизни порою встречи!

— Петя!

— Вася!

Метнулись оба. И жмут в объятиях один другого. До слез. До боли. Вот это встреча!

Сошлись в объятиях, расцеловались. Стоят и смотрят. А рядом двое. Совсем безусых. Два лейтенанта. Бегут друг к другу:

— Григорий!

— Паша!

— Как мы с тобою тогда, у Волги, — сказал Еремин.

И вдруг то поле под Сталинградом, тот снег пушистый, тот день великий встревожил память. Стоят майоры — и снег пушистый перед глазами.

Подбежали лейтенанты друг к другу, расцеловались:

— Григорий!

— Паша!

Вдруг оба видят: стоят майоры. Стоят и смотрят. Смутились лейтенанты. Зарделись оба.

И отвернулись тогда майоры. Зачем смущать им лейтенантов. Понять ли в эту минуту юным, какие чувства в сердцах майоров.

А слева, справа сюда сходились все больше силы, все больше стали.

Берлин отрезан. Фашизм в капкане.

«ДАНКЕ ШЁН»

На одной из берлинских улиц остановилась походная кухня. Только что откипели кругом бои. Еще не остыли от схваток камни. Потянулись к еде солдаты. Вкусна после боя солдатская каша. Едят в три щеки солдаты.

Хлопочет у кухни Юрченко. Сержант Юрченко — повар, хозяин кухни. Хвалят солдаты кашу. Добрые слова приятно сержанту слушать.

— Кому добавки? Кому добавки?

— Ну что ж — подбрось, — отозвался ефрейтор Зюзин.

Добавил Юрченко Зюзину каши. Снова у кухни возится. Вдруг чудится Юрченко, словно бы кто-то в спину солдату смотрит. Повернулся — и в самом деле. Стоит в подворотне ближайшего дома с вершок, с ноготок мальчонка, на Зюзина, на кухню глазами голодными смотрит.

Сержант поманил мальчишку:

— Ну-ка ступай сюда.

Подошел тот к солдатской кухне.

— Ишь ты, неробкий, — бросил ефрейтор Зюзин.

Взял Юрченко миску, наполнил кашей. Дает малышу.

— Данке шен, — произнес малыш. Схватил миску, умчался в подворотню.

Кто-то вдогонку бросил:

— Миску не слопай, смотри верни!

— Э-эх, наголодался, видать, — заметил Зюзин.

Прошло минут десять. Вернулся мальчишка. Тянет миску, а с ней и свою тарелку. Отдал миску, а сам на тарелку глазами косит.

— Что же тебе, добавки?

— Битте, фюр швестер, — сказал мальчишка.

— Для сестренки просит, — объяснил кто-то.

— Ну что же, тащи и сестренке, — ответил Юрченко.

Наполнил повар тарелку кашей.

— Данке шен, — произнес мальчишка. И снова исчез в подворотне.

Прошло минут десять. Снова малыш вернулся. Подошел он к походной кухне. Тянет тарелку:

— Битте, фюр муттер. (Просит для матери.)

Рассмеялись солдаты:

— Ишь ты какой проворный!

Получил и для матери мальчик каши.

Мальчонка был первым. Вскоре возле походной кухни уже группа ребят собралась. Стоят в отдалении, смотрят на миски, на кухню, на кашу.

Едят солдаты солдатскую кашу, видят голодных детей, каша не в кашу, в солдатские рты не лезет. Переглянулись солдаты. Зюзин на Юрченко, на Зюзина Юрченко.

— А ну, подходи! — крикнул ребятам Юрченко.

Подбежали ребята к кухне.

— Не толпись, не толпись, — наводит порядок Зюзин. Выдал ребятам миски. Построил в затылок один другому.

Получают ребята кашу:

— Данке шен!

— Данке шен!

Наголодались, видать, ребята. Едят в три щеки ребята.

Вдруг в небе над этим местом взвыл самолет. Глянули вверх солдаты. Не наш самолет — фашистский.

— А ну по домам! А ну по домам! — погнал от кухни ребят ефрейтор Зюзин.

Не отходят ребята. Ведь рядом каша. Жаль расставаться с кашей.

— Марш! — закричал ефрейтор.

Пикирует самолет. Отделилась бомба. Летит.

Бросились дети в разные стороны. Лишь Зюзин один замешкался. Ударил бомба — ни кухни, ни Зюзина. Лишь каша, словно живая, ползет по камням, по прилегающей улице.

ИОЗЕФ КЛАУС

Иозеф Клаус на фронте не был. Не убивал он русских. Не жег селений. Он мирный житель. Служил в тылу он. Ковал железо. Точил снаряды. Район Шпандау. Живет здесь Клаус. Спокоен Клаус. На фронте не был.

И фрау Клаус спокойна тоже. Иозеф Клаус на фронте не был. Не убивал он русских. Не жег селений. Он мирный житель. Служил в тылу он. Ковал железо. Точил снаряды. При чем здесь Клаус? Он мирный житель. Другие будут за все в ответе. И дети тоже совсем спокойны.

Иозеф Клаус на фронте не был. Не убивал он русских. Не жег селений. Он мирный житель. Служил в тылу он. Ковал железо. Точил снаряды. Он чист, как ангел.

Спокойны дети. Спокоен Клаус.

Кругом в Шпандау идет сражение. Стреляют немцы. Стреляют наши. Вдруг грохот рядом. Снаряд со свистом в окно ворвался. Взрыв дернул стены. Осели стены.

Уцелела чудом каким-то фрау. Сохранились чудом каким-то дети. А Клаус рухнул. Лежит, а рядом лежит осколок. Взял в руки Клаус. На срезы глянул:

— Из нашей стали... Из нашей пушки.

Сказал и умер.

Иозеф Клаус на фронте не был. Он мирный житель. Ковал железо. Точил снаряды.

За что ж, скажите, конец столь дикий?

Рыдают дети. Рыдает фрау.

Берлин в апреле. Район Шпандау.

«ЗА МОЖАЙ!»

Ворвались войска маршала Жукова и Конева в Берлин. А в это же время 2-й Белорусский фронт под командованием маршала Рокоссовского бьет врагов севернее фашистской столицы, отсекает их от Берлина, гонит на север к Балтийскому морю.

Наступают войска Рокоссовского. Прошли города Анклам, Грейфсвальд, Штральзунд. Прижали фашистов к морю.

На севере Германии в Балтийском море находится остров Рюген. Рюген самый большой из всех немецких островов. Сорок километров с запада на восток, пятьдесят с юга на север. Переправились фашисты сюда на Рюген. Решают: здесь мы удержим русских.

Не удержали.

Ворвались наши войска на Рюген. Снова гонят они фашистов. Пошли города и морские поселки Гарц, Берген, Засниц, Имманц, Глове. Теснят все дальше врагов солдаты. Загнали на самый север.

На острове Рюген имеется мыс Аркона. Мыс Аркона самая северная точка Германии. Конец здесь немецкой земли.

Загнали войска Рокоссовского фашистов к мысу Аркона, прижали к воде, опрокинули тех, кто не сдался, в море.

Довольны солдаты. Плещет перед ними Балтийское море. Вот и поход закончен.

Нашелся один. Сбросил пилотку. Вытер вспотевший от боя лоб. Окинул веселым взглядом. Посмотрел на друзей, на море:

— Ну, за Можай загнали!

«Загнать за Можай» — значит загнать далеко-далеко. Есть такая старинная русская поговорка. Вспомнил, выходит, солдат поговорку.

— За Можай! — повторил солдат.

— За Можай! — дружно поддерживали его другие. И они поговорку, видать, припомнили.

Можай — это означает город Можайск. Концом света казался Можайск когда-то.

В любом деле всезнайка всегда найдется. Сыскался и здесь такой. Знал он, что поговорка с городом Можайском связана. Посмотрел на солдат и с ехидством:

— За Можай! Ну и сказали! Так Можайск под Москвой. Всего-то час с небольшим на машине ехать.

Смутились солдаты. Смутился и тот, кто первым произнес поговорку. Оказался солдат в растерянности.

— Сто километров всего от Москвы до Можайска, — лезет опять всезнайка.

Постоял солдат, подумал, посмотрел на других, на всезнайку.

— И все ж — за Можай загнали, — упрямо сказал солдат.

— За Можай! Нет никаких сомнений! За Можай! — подтвердил Рокоссовский.

Возможно, по форме и устарела сейчас поговорка, да мысль в ней предельно четкая. Словно вода в роднике поговорка: все тут яснее ясного.

— За Можай! — повторил Рокоссовский.

МЕРЕЩИТСЯ

Приметил его Неверов. Да не заметить и трудно было. Бросался фашист в глаза. Скулы имел лошадиные. К тому же лычка на нем ефрейтора.

Приметил его Неверов еще в первом бою в Берлине. Потом потерял из виду. Думал, убит солдат. Однако когда битва втянулась совсем в Берлин и бились за каждый дом, за каждую улицу, снова Неверов его увидел.

«Ах, жив ты еще, выходит?» Стал он за ним следить. Не выпускает его из вида. Следил, следил. Однако бой есть бой. Отвлекся в бою Неверов. Утерял, как иглу, скуластого. Видно, убит, заключил солдат.

В это время в тылу у наших вдруг появилась фашистская группа. Неверов попал в отряд, который был брошен на отражение атаки фашистов с тыла. Как они тут? Откуда? — гадают солдаты. С неба, что ли, они упали. Там, где оказался фашистский отряд, еще вчера завершились бои.

Вступили солдаты с фашистами в схватку. Бьется Неверов и вдруг решает — мерещится. Видит Неверов того — ефрейтора. Присмотрелся. Конечно, он! Вот так военное диво! Как он, откуда здесь?

— Ну, не уйдешь теперь!

Окружили бойцы фашистов. Уже разбили совсем фашистов. Остался лишь этот и с ним немногие. Теснят их советские воины. И вдруг, как в сказке, исчезли куда-то фашисты. То ли взлетели в воздух, то ли под землю рухнули.

Обыскали солдаты округу. Нет ни ефрейтора, ни тех, что с ним.

Вернулись бойцы к своим. Доложили: мол, уничтожен в тылу противник. Бьются солдаты на новом месте. Бьется Неверов. И вдруг снова ефрейтор ему мерещится.

— Тьфу! Тьфу! — сплюнул солдат. — Тьфу! Тьфу!

Присмотрелся. Конечно, он — вон лошадиные скулы.

Как он здесь? Что за сила в солдате такая? Может, двойник? А может, как птица, солдат летает?

Вцепился Неверов в фашиста глазами. Узнаю я твой секрет. Сражается солдат, а сам не выпускает из вида фашиста. Когда отступали фашисты, бежали от дома к дому, Неверов шел по пятам за скуластым. Потом ефрейтор и вовсе один остался. Не отстает Неверов. Фашист за дом, и Неверов за дом. Фашист в подворотню, и Неверов за ним. Фашист в подвал, и Неверов в подвал. Словно веревкой, словно цепью к нему привязан. Спустился ефрейтор в какой-то люк. Переждал немного Неверов и тоже — в люк. Попал он в лабиринт подземных ходов и укрытий. Так вот в чем секрет, сообразил Неверов. Вот как фашисты переходят из одного места в другое. Вот почему то стоят они перед нами, то вдруг опять вырастают у нас в тылу.

Хотел Неверов догнать солдата. Однако исчез, растворился, как дым, ефрейтор.

Рассмеялся Неверов, махнул рукой.

— Ладно, живи, счастье твое — проворный! — Рад солдат, что подземный проход открыл. Доложил обо всем начальству.

Не только на улицах города идут бои за Берлин. По вертикали, в три яруса, в три этажа развернулось кругом сражение. Бьются на улицах, в квартирах и на крышах домов, глубоко под землей — в подвалах, укрытиях и переходах. Всюду идут бои.

Все ближе к центру гремят бои.

ТРИ АВТОМАТА

Солдат Ковригин в стрелковом взводе годами старший. Зовут во взводе бойцы солдата: «Отец», «Папаша». А чаще: «Батя».

Ему за сорок. И даже больше. Давно семейный. Давно женатый. Солдаты-дети есть у солдата.

Дивизия, в которой служил Ковригин, наступала на Берлин с севера. Пробились солдаты через Панков. Это берлинский пригород. Это большой район. Вышли на Фридрихштрассе — одну из центральных берлинских улиц. Особенно упорные здесь бои. Дрались за каждый дом. Поработала здесь артиллерия. Самолеты бомбили улицу. От многих домов остались лишь стены. И все же не сдаются фашисты. Огрызается каждый дом.

Ворвались солдаты в один из таких домов. Друзья устремились по лестнице вверх — оттуда велась стрельба. А Ковригин внизу остался. Задача — обследовать нижний этаж: нет ли внизу засады.

Прошел Ковригин из комнаты в комнату. Пройти не трудно. Стены во многих местах пробиты. Хотел возвращаться назад. Вдруг видит: в полу проем. Подвал сквозь проем чернеет. Глянул солдат в проем. Отпрянул. Застрочили оттуда пули. Бьют, как фонтан, как гейзер. Схватил Ковригин гранату. Опять к проему. Только думал швырнуть гранату, да затихла в этот момент стрельба.

Поберег он гранату. Шагнул к проему. Не ответил подвал огнем. Глянул Ковригин. Видит: в подвале сидят мальчишки. Трое. По автомату в руках у каждого. Смотрят, как из норы волчата. Прижались один к другому.

Знал о таких Ковригин. Не хватает солдат у фашистов. Призвали стариков и подростков в армию. Автоматы мальчишкам в руки:

— С вами бог! На врага, молодая Германия!

Не смотрит война на возраст. Гибнут в боях ребята.

Трое таких и попались теперь Ковригину. Засели они в подвале. Ясно солдату: расстреляли юнцы патроны. Держит солдат гранату. Гибнут в боях подростки. Вот и этим пришел конец.

Хотел Ковригин бросить в подвал гранату. Глянул опять на мальчишек. Сидят они трое. Прижались один к другому. Безусые лица. Птенцы зеленые. Не поднялась у солдата рука. Не бросил гранату. Целы ребята.

— Марш по домам! Нах хаузе! — крикнул в подвал Ковригин.

В это время наверху началась сильная перестрелка. Побежал Ковригин к своим на помощь. Удачно прибыл. Помог гранатой.

Взяли вскоре солдаты дом.

Уже потом, когда выходили они на улицу, снова Ковригин свернул к подвалу. Шел осторожно. Автомат на всякий случай держал на взводе.

Поравнялся с проломом. Остановился. Глянул. Нет мальчишек. Тихо в подвале. Пусто. Присмотрелся. Что-то заметил. Что там такое? Видит: три автомата в углу лежат.

— Ковригин! Ковригин! — позвали бойцы солдата.

— Тут я!

Вернулся к своим Ковригин.

— Что там такое?

Смолчал, не сказал солдат, посмотрел на стены, на перекрытия:

— Эх и крепка домина!

Солдат Ковригин во взводе годами старший. Зовут во взводе бойцы солдата: «Отец», «Папаша». А чаще: «Батя».

Ему за сорок. И даже больше. Давно семейный. Давно женатый. Солдаты-дети есть у солдата.

РОКОВАЯ ВСТРЕЧА

Танкист Евдокимов растворился в воздухе. И он, и его машина. Ехал на танке. Все видели танк. Вдруг рядом с танком раздался взрыв снаряда. Поднял он землю — создал завесу. Опустилась земля на землю. Глянули солдаты: там, где был танк, видят пустое место.

Кто-то вскрикнул:

— У фашистов оружие новое!

Кто-то бросил:

— Может, не было вовсе танка.

Кто-то сказал:

— Надо пойти, проверить.

Подошли бойцы к тому месту, где на их глазах испарился советский танк. Глянули — все понятно...

Фашистский солдат Ганс Кугельмихель больше всего боялся советских танков. Был он вовсе не трус. Мин не боялся. Бомб не боялся. А танков боялся очень. Странность имел Кугельмихель: при виде танков бросало солдата в ик. Увидит, услышит и сразу: «Ик!»

Попал однажды Ганс Кугельмихель — было это еще во время сражений южнее Курска — под страшную атаку советских танков. С той поры и родился ик.

Во время боев в Берлине судьба солдата сложилась так, что был он послан на оборону берлинского метро. То есть спустился солдат под землю.

Скажешь одно: повезло солдату. Укрыла судьба от танков.

Хорошо Кугельмихелю здесь в подземелье. До войны он как раз в берлинском метро работал. Знает все станции, все тоннели, пути, выходы, входы, все переходы. Незаменимым он здесь оказался. По тоннелям, по переходам метро перебрасывались в разные части города фашистские подразделения. Сопровождал их Ганс Кугельмихель. Был своеобразным проводником.

Вот и в эту минуту вел Кугельмихель группу фашистских солдат. Идут они по путям в тоннеле. Отдается гулко солдатский шаг.

И вдруг — что такое? Почудился солдату звук мотора. И в ту же секунду...

— Ик! — вырвалось у Кугельмихеля.

Остановился солдат:

— Ик!

Прислушался:

— Ик!

Остановился солдат. Ясно он слышит звук мотора. Так гудит лишь советский танк. Откуда здесь танк? Чепуха какая! Остановились и другие солдаты. Тоже услышали звук мотора. Решили: может, пустили по рельсам автодрезину. Дальше хотят идти. Смотрят на Кугельмихеля. Не может сдвинуться с места солдат. Одеревенел, остолбенел. Стоит, как к земле прибитый. Стоит и, как капли, роняет ик.

— Да что ты?! — кричат солдаты.

Стали Кугельмихеля ладонями бить по шее. Есть примета, что ик закончится.

Не помогает. Пока возились солдаты с Кугельмихелем, все сильнее, сильнее раздавался моторный звук. Вот и вовсе сюда приблизился. Посмотрели солдаты — спасайся! — танк. Прямо на них по тоннелю машиной движется.

Побежали солдаты назад по тоннелю.

Что же случилось? Как танк — в тоннеле?

Дело в том, что метро в Берлине неглубокого залегания, то есть тоннели и станции находятся близко к земной поверхности. Порой во время боев в Берлине случилось так, что снаряды и бомбы пробивали насквозь перекрытия берлинского метрополитена. Именно один из таких взрывов и произошел перед танком старшего лейтенанта Евдокимова. Не растворился танк в воздухе, не был подбит новым фашистским оружием. Просто рухнул в проем в метро. Там, в метро, и продолжил танкист Евдокимов бой с фашистами.

Это с ним, со старшим лейтенантом Евдокимовым, и произошла у Ганса Кугельмихеля в метро роковая встреча.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

Часть полковника Утихеева вела бой в центре Берлина на Гамбургераллее.

Дома здесь массивные, кладка прочная. Штурмовали солдаты одно из зданий. Уже несколько раз подымались они в атаку, но каждый раз открывали фашисты сильнейший огонь, и бойцы залегали снова. Во дворе здания за высокой каменной стеной, за железобетонными глыбами стояли у фашистов крупнокалиберные пулеметы. Стены и пулеметы преграждали дорогу нашим.

Попросили пехотинцы артиллеристов накрыть пулеметы. Направили пушки сюда огонь. Остались нетронутыми пулеметы. Не смогла их поразить артиллерия. Мешают высокие стены. Либо в них ударяют снаряды, либо перелетают и разрываются где-то дальше, не задевая огнем фашистов.

— Вот бы летчиков нам сюда, — кто-то сказал из советских бойцов.

Отложили солдаты на время атаку, передыхают. Вдруг видят — чуть в стороне над соседним кварталом появилось пять советских штурмовиков. Повисли они над каким-то зданием. Атакуют с воздуха здание. Залюбовались солдаты работой летчиков. Стали машины над домом в круг. Вот приблизился к зданию первый, носом, словно утенок, клюнул, задержался, вошел в пике. Бросил бомбы. Снова поднялся к небу. За первым второй — в пике. Затем то же сделали третий, четвертый.

— Вот бы и нам таких, — снова сказал тот, кто о летчиках первым вспомнил. Поддержали другие.

— Конечно, такие бы враз.

— Не стояли б у этих стен.

— Что им с воздуха — взял и плюнул.

И полковник Утихеев подумал о летчиках. Позвонил он куда-то в штаб. Пообещали ему авиаторов.

Продолжают солдаты следить за небом. Вот и пятый советский летчик зашел над домом. Вот-вот и войдет в пике. И тут — что такое! — вспыхнул в воздухе самолет. Ясно: подбили его фашисты.

— Эх ты, родимый! — с болью выкрикнул кто-то.

Падает самолет. И вдруг видят солдаты — отделился от самолета человек. Следом за ним второй. И тут же открылось два парашюта. Понимают бойцы, что это летчик и воздушный стрелок. Довольны солдаты:

— Не растерялись, огонь-ребята.

Наблюдают бойцы за летчиком. Видят: относит ветер летчиков, несет прямо сюда, к Гамбургер-аллее. Чем ниже летчики, тем яснее становится бойцам, что не сядут на нашей они территории. К грозному зданию несет их ветер, туда, к фашистам, во двор, за стены.

Вот оказались летчики прямо над головами наших. Вот понесло их туда, во двор. Понимают пехотинцы — там, за стеной, смерть ожидает летчиков.

Смотрели солдаты, и вдруг чей-то алмазный голос:

— Братцы, вперед, в атаку!

Рванулись бойцы в атаку. Перемахнули забор и глыбы. Минута — и на неприступном дворе солдаты. Вторая — и замолчали фашистские пулеметы. Вот и то место, где опустились советские летчики.

Бросились летчики к своим спасителям. Обнимают солдат, целуют:

— Спасибо, пехота. Помогли. Выручили.

Смотрят солдаты на летчиков, улыбаются:

— Это вам, небеса, спасибо. Вы нас в атаку подняли.

Поражались потом бойцы, откуда сила взялась такая. Как, каким чудом, за счет чего стену они осилили.

Каким чудом? За счет чего?

Солдатским братством называется это чудо.

Вскоре над упрямым зданием появились вызванные полковником Утихеевым советские штурмовики. Смотрят с воздуха авиаторы: взяли уже пехотинцы здание. Махнули крылом, развернулись, ушли помогать другим.

Дружно сражались войска в Берлине. Помогала пехота летчикам. Помогали пехоте летчики. Артиллеристы, танкисты, саперы, связисты общим шагом шагали в битве. Стояли бойцы, как братья. Локоть к локтю. Плечом к плечу.

БРОНЗОЙ ПОДНЯЛСЯ В НЕБО

Солдат не мечтал, не гадал, не думал. А вышла слава ему в века. На пьедестале к небу солдат поднялся.

Было это в последние дни войны. Уже не километры, а метры оставались до центра Берлина. Солдаты 8-й гвардейской армии готовились к последним боям. В числе их и солдат Николай Масалов. Был он знаменщиком 220-го гвардейского стрелкового полка. Приготовил к атаке знамя.

Ждут солдаты сигнала к бою. Перед ними один из каналов, отходящих от Шпрее. Рядом площадь. За площадью мост. Называется он Горбатым. Мост заминирован, под огнем у противника. Атаку на мост, на тот берег скоро начнут солдаты.

Притихли солдаты. Так всегда перед штурмом. Где-то гремят орудия, где-то идет стрельба. Но это не здесь. Это в других местах. Здесь тишина. Временная. Но тишина. И вдруг тишину — солдаты вздрогнули: было так неожиданно — плачем прорезал детский голос.

Было неясно, откуда он шел. С набережной? Со стороны площади? От моста? Из развалин неподалеку стоящего дома?

— Мутти! Мутти! Мамочка! — повторял голос.

— Девочка, — кто-то сказал из солдат.

Ищут солдаты глазами девочку. Где же она?

— Мутти! Мутти! — несетя голос.

Определили теперь солдаты. Детский плач шел от моста. Не видно ребенка. Камнями от наших, видать, прикрыт.

Вышел вперед сержант Масалов, подошел к командиру:

— Разрешите спасти ребенка.

Подождал командир минуту. О чем-то подумал:

— Разрешаю, сержант Масалов.

Пополз Масалов через площадь к мосту. И сразу же затрещали фашистские пулеметы, забили мины по площади. Прижался солдат к асфальту, ползет от воронки к воронке, от камня к камню.

— Мутти! Мутти! — не утихает голос.

Вот полпути прополз Масалов. Вот две трети. Осталась треть. Поднялся он в полный рост, метнулся к мосту, укрылся от пуль под гранитной стенкой.

Потеряли солдаты его из вида. И голос ребенка утих. И солдата не видно.

Прошла минута, вторая... пять. Волноваться солдаты стали. Неужели смельчак погиб? Неужели погибла девочка?

Ждут солдаты. С тревогой в сторону моста смотрят.

И вот увидели они Масалова. Шел от моста солдат. Нес на руках немецкую девочку.

— Жив! — закричали солдаты. — Жив!

Раздалась команда:

— Прикрыть Масалова огнем.

Открыли огонь солдаты. Гремят автоматы, строчат пулеметы. Ударили пушки — словно салют солдату.

Пришел Масалов к своим. Принес немецкую девочку.

Оказалось, убили фашисты у девочки мать. Перебегала вместе с девочкой площадь, наверное, женщина. Вот и попала под взрыв, под пули.

Держит девочку Масалов. Прижалась она к солдату. Года ей три. Не больше. Прижалась, всхлипывает.

Обступили бойцы Масалова. На девочку смотрят. Пытаются чем-то от слез отвлечь. На пальцах козу показывают:

— Идет, идет рогатая...

Посмотрела девочка на солдат. Казалось, хотела было сильней заплакать. Да вдруг взяла и улыбнулась солдатам девочка.

Отгремела война. В Берлине в одном из красивых старинных парков советским солдатам, всем тем, кто спасал и наш и немецкий народ от фашистов, был установлен памятник.

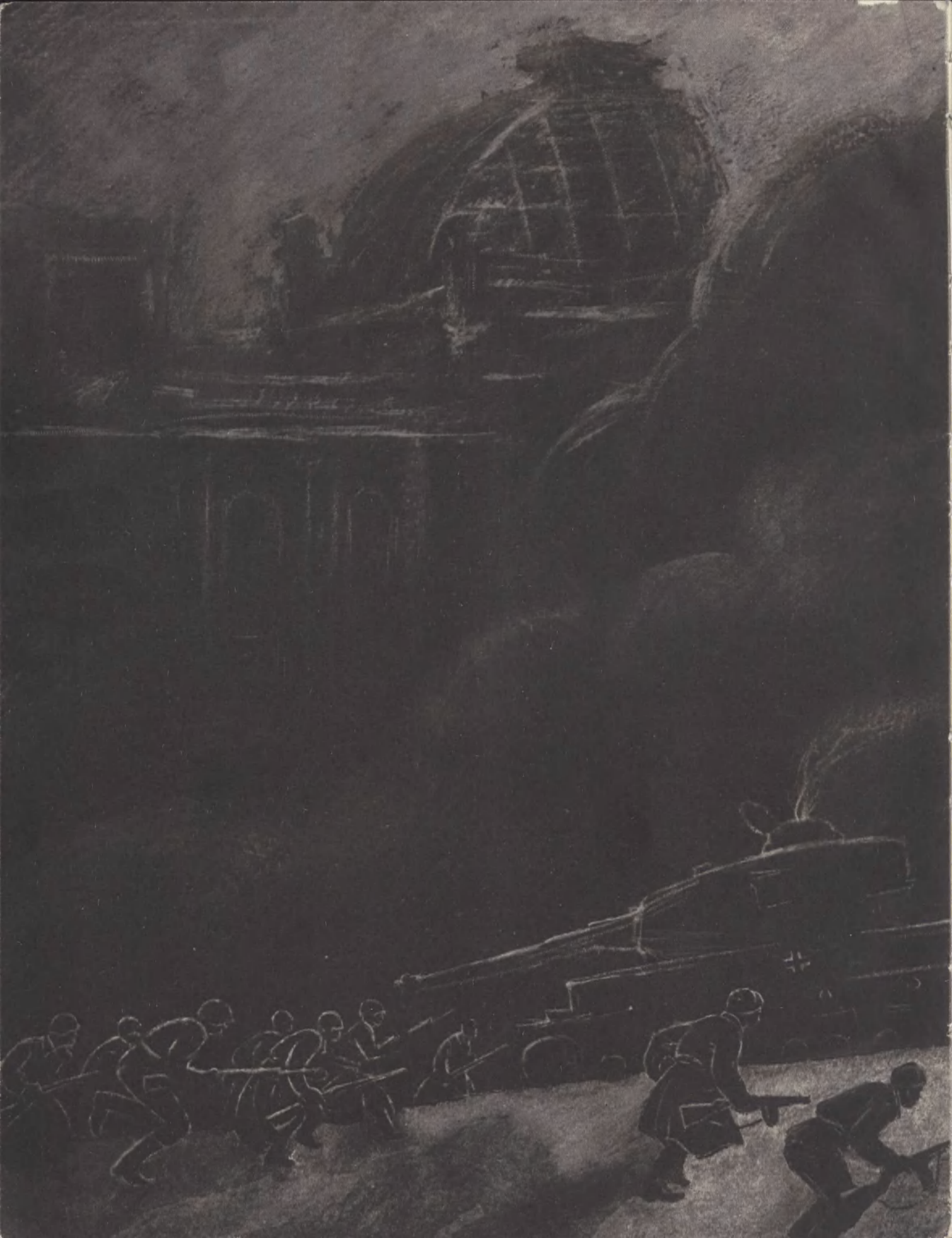
Холм. На холме пьедестал гранитный. На граните фигура солдата. Стоит он со спасенной девочкой на руках.

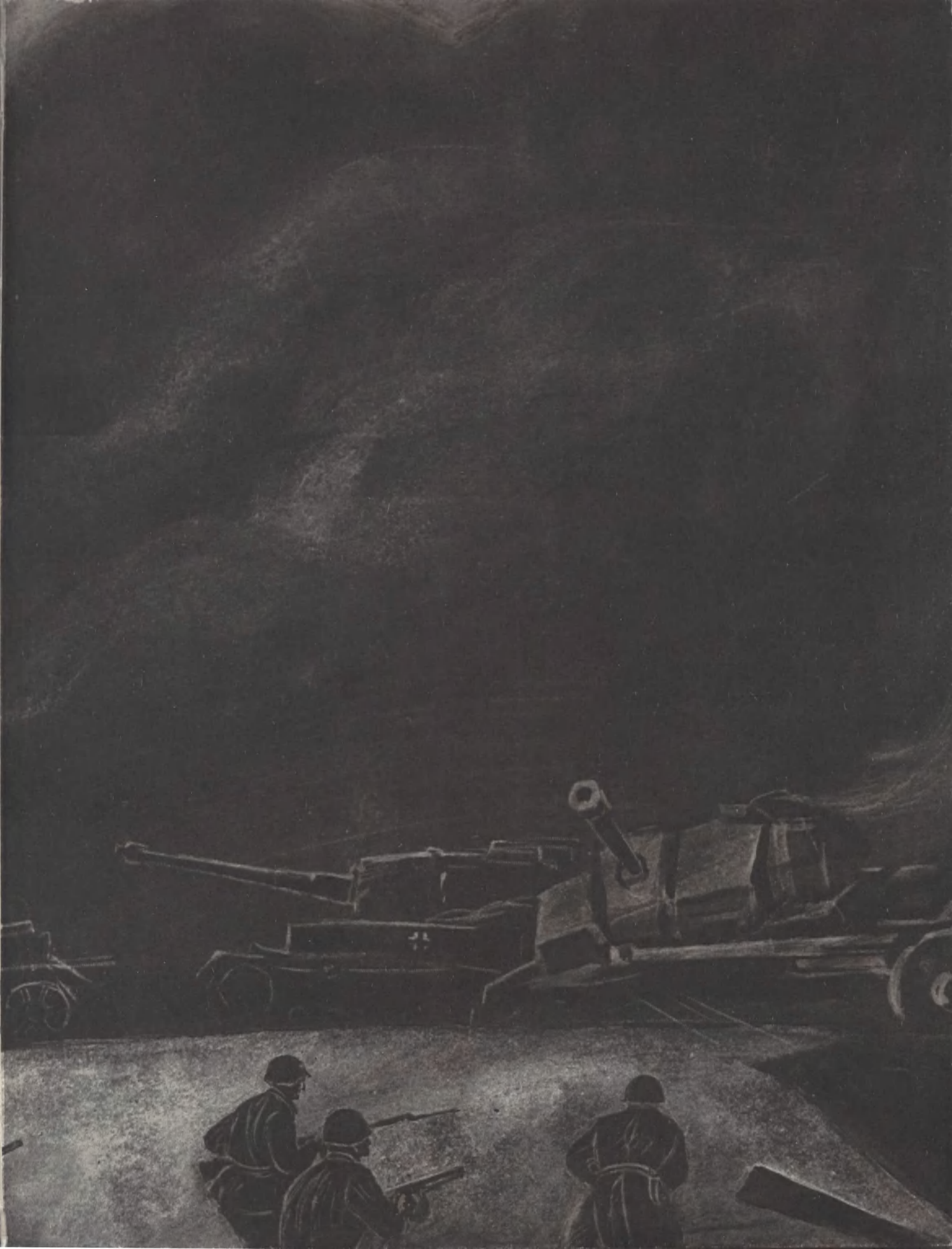
Не думал солдат, не ведал. А вышло — бронзой поднялся в небо.

«ТОПОР СВОЕГО ДОРУБИТСЯ»

Их дивизия пробивалась к рейхстагу. Рейхстаг — главное правительственное здание фашистской Германии. Впервые слова про топор Кузьма Рудокон услышал во время штурма Зееловских высот. Притормозилось чуть-чуть наше тогда наступление. Фашисты на высотах зарылись в землю, мы штурмовали, наступали с равнины, с открытого места.

— Скорей бы уж прорваться, — бросил кто-то из наших солдат.

Вот тут-то Степан Рудокоп услышал:

— Дай срок. Топор своего дорубится.

Повернулся Рудокоп на голос. Видит — солдат, артиллерист. Другие, что рядом с ним — молодые. А этот старый. Точнее, пожилой уже был солдат. В морщинках лицо. С усами.

Запомнил Рудокоп слова про топор. Запали надежно в память. И правда, вскоре прорвали наши фашистскую оборону на Зееловских высотах, прорубили дорогу себе к Берлину.

Потом уже под самым Берлином, когда штурмовали Шпрее, когда лезли на бетонные стены берега и, казалось, вот-вот не осият берег, солдат снова те же слова услышал:

— Топор своего дорубится.

Признал Рудокоп усача-артиллериста. Как знакомому, даже махнул рукой.

И вот в третий раз снова услышал те же слова солдат.

Для обороны Берлина во время уличных боев в разных местах Берлина фашистами были построены специальные укрепленные помещения — железобетонные бункеры. Это были своеобразные городские крепости. Высота их доходила до сорока метров. Толщина стен превышала два метра. В самых больших бункерах могло разместиться до тысячи фашистских солдат и тридцати орудий. Всего по Берлину таких бункеров было четыреста. Наиболее крупные из них находились в центре города, прикрывали имперскую канцелярию и знаменитый берлинский рейхстаг.

В штурме одного из таких бункеров, который как раз прикрывал выход к рейхстагу, и принимал участие Рудокоп.

Укрылись фашисты в бункере, как за семью замками.

Открыла огонь по бункеру полковая артиллерия. Не страшна она бункеру. Снаряды как горох от стены отскакивают.

Подошла тяжелая артиллерия. Дали орудия первые выстрелы. Бункер стоит, не дрогнул.

— Да, ничего орешек. Дудки его раскусишь, — кто-то сказал из солдат.

Сразу ответ последовал:

— Дай срок, топор своего дорубится.

Повернулся Рудокоп на голос. Снова, значит, усач повстречался. Хотел, как знакомому, снова махнуть рукой. Смотрит, а это совсем не тот, другой говорил солдат. И годами моложе. И брит под корень.

Обратился Степан Рудокоп к бойцу:

— Откуда слова такие?

— Так дядя один сказал.

— А где же дядя?

— Не стало дяди.

— Убит?

— Убит, — произнес солдат.

Снял Рудокоп с головы пилотку. Склонил голову в память бойца погибшего. Хоть и видел мельком человека, да жалко ему усача-солдата. Зацепила солдата память.

Добили наши бетонный бункер. Сдались фашисты в плен.

Снова шагнули вперед солдаты. Перед ними открылась площадь. Там над Шпрее стоял рейхстаг.

Смотрят бойцы на рейхстаг.

— Тоже не сладость, — кто-то полез к Рудокопу. — Тоже не враз осилим.

Посмотрел на бойца, на рейхстаг Рудокоп:

— Топор своего дорубится.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Рядовой Михаил Панкратов только-только был призван в армию. Провожали его родители.

— Не опозорь наш солдатский род, — сказал отец Павел Филиппович.

— Пусть храбрость в бою не покинет тебя, — сказала мать Прасковья Никитична.

Излишни родительские наставления. Горд за судьбу молодой солдат. Рвется скорее сразиться с фашистами.

Бежит эшелон на запад. Гудит паровоз на подъемах. Колеса стучат на стыках. Лежит солдат на вагонных нарах, о делах боевых мечтает. Вот гонит, вот гонит, вот бьет он врага, разит огненным автоматом. Вот смело идет в разведку, тащит назад «языка». Вот первым бросается в наступление, врывается первым в неприятельский город-крепость, гвардейское знамя вздымает к небу.

Мечтает солдат о подвигах. Скосит глаза на грудь — грудь в боевых наградах.

Торопит судьбу солдат.

— Быстрее, быстрее!.. — кричит паровозу.

— Быстрее, быстрее!.. — кричит вагонам.

Несутся один за одним километры. Пробегают мимо поля, леса, города и села.

Вот бы попасть под Берлин, на Центральное направление — лелеет мечту солдат. Улыбнулась судьба солдату — попал на Центральное направление, в армию, шедшую на Берлин.

Рад безумно Панкратов такой удаче. Срочно пишет письмо родителям. Пишет не прямо, время военное — прямо писать нельзя, — пишет намеком, однако понять нетрудно, что на Центральном солдат направлении. «Ждите вестей из Берлина», — кончает письмо Панкратов.

Отправил письмо. Опять о делах боевых мечтает. Вот вступает солдат в Берлин. Вот с победой дома его встречают.

Дождался Панкратов великого дня. Рванулись войска в наступление.

Но что такое?! Ушли войска. Однако задержалась рота Панкратова.

Панкратов и другие бойцы к старшине:

— Что же такое, Кузьма Васильевич?

— Тихо, тихо, — сказал старшина. Голос понизил, ладошку поднес к губам: — Особое будет для нас задание.

И верно. Прошел день, посадили бойцов на машины. Глотнули бензин моторы, покатали вперед машины.

Сидят в кузовах солдаты. Довольны судьбой солдаты. Честь им оказана — особое им задание.

Намотали колеса версты, подкатали машины к огромному полю. Сиротливо, безлюдно поле, изрыто воронками, истерзано ранами.

— Слезай! — прозвучала команда.

Спустились с машин солдаты. Построил бойцов командир.

— Товарищи... — кинул рукой на поле.

«Что бы такое? — гадают солдаты. — Может, секретный объект на поле? Может, завод или штаб подземный? Может, Гитлер здесь сам укрылся?»

— Товарищи бойцы, — повторил командир, — мы получили почетное задание — вспахать и засеять поле.

Все так и ахнули.

— Вот так почетное! Вот так задание!

Однако приказ есть приказ. За работу взялись солдаты. Но не утихает солдатский гул.

И Панкратов со всеми ропщет:

— Вот так попал на Центральное направление! Что же домой я теперь напишу? Что же сообщу родителям?

В эту минуту и оказался рядом с Панкратовым старшина. Посмотрел старшина на молодого солдата. Сказал не сдержавшись, грубо:

— Молод, того и дурак. Не там, — показал на запад, туда, где догорали бои за Берлин, — а тут, — указал на поле, — и есть Центральное направление. Не для смерти и боя родились люди. Жизнью и миром велик человек.

Притих, умолк Панкратов. Притихли другие солдаты.

Вонзились плуги в весеннюю землю. Радость жизни навстречу брызнула.

ЗОЛУ РАЗВЕЯЛ... РАССЕЯЛ ГАРЬ

30 апреля. После полудня. Бои идут рядом с имперской канцелярией.

Личный шофер Гитлера Кемпке получил приказ раздобыть 200 литров бензина. Принялся Кемпке искать горючее. Нелегкое это дело. Уже несколько дней, как перерезаны все дороги, ведущие к имперской канцелярии. Не подвозят сюда горючее. Носится Кемпке, выполняет приказ. Сливают бензин из разбитых машин, из пустых баков по капле цедит. Кое-как набрал 100 литров. Доложил.

— Мало, — сказали Кемпке.

Снова носится Кемпке. Снова по каплям цедит. «Зачем же бензин? — гадают. — Бежать? Так ведь поздно. Перерезаны все пути. Если проедем, так сто... двести — от силы — метров. Зачем бензин? Конечно, бежать! Удачлив фюрер. А вдруг провремся?!»

Обшарил Кемпке все, что мог, даже, рискуя жизнью, на соседние улицы бегал. Набрал еще 80 литров. Нет больше бензина нигде ни грамма — хоть кричи, хоть умри, хоть лопни.

Доложил Кемпке:

— Сто восемьдесят литров, и больше нигде ни грамма.

Во дворе имперской канцелярии находился сад. Приказали Кемпке в сад приносить горючее. Снес он сюда канистры. Стоит и опять гадают: «Зачем же в саду бензин?»

А в это время там внизу, в подземелье, у двери, ведущей в комнату Гитлера, стоят в молчании приближенные фюрера. Прильнули к закрытой двери. Ловят малейший звук.

Томительно длится время.

Сегодня утром Гитлер объявил свою волю — он уходит из жизни.

— Немецкий народ не достоин меня! — кричал на прощание фюрер. — Труссы! Падаль! Глупцы! Предатели!

И вот сидит на диване Гитлер. Держит в руке пиллюлю с отравой. Напротив усеялась овчарка Блонди. Преданно смотрит в глаза хозяину.

Ясно Гитлеру — все кончено. Медлить нельзя. Иначе завтра плен, и тогда... Страшно о плене ему подумать. Страшится людского гнева.

Поманил фюрер Блонди. Сунул пиллюлю. Глотнула Блонди. И тут же — смерть. Позвал щенят. Потянулись глупцы доверчиво. Дал им отраву. Глотнули щенята. И тут же — смерть.

Томятся за дверью приближенные. Переминаются с ноги на ногу. Ждут роковой минуты.

Камердинер Гитлера Линге посмотрел на часы. Половина четвертого. Тихо, замерло все за дверью. Открыли дверь приближенные. Фюрера нет в живых. Мертвы и щенки, и фюрер, и Блонди.

Тело Гитлера завернули в ковер. Тайным ходом вынесли в сад. Положили у края большой воронки. Облили бензином. Вспыхнуло пламя. Дыхнуло гарью. Пробышевал над ковром огонь. Горстка золы осталась. Дунул ветер. Золу развеял. Очистил воздух. Рассеял гарь.

А в это время, преодолевая последние метры берлинской земли, советские воины поднимались в последний бой. Начался штурм рейхстага.

ПОСЛЕДНИЕ МЕТРЫ ВОЙНА СЧИТАЕТ

Начался штурм рейхстага. Вместе со всеми в атаке Герасим Лыков.

Не снилось такое солдату. Он в Берлине. Он у рейхстага. Смотрит солдат на здание. Огромно, как море, здание. Колонны, колонны, колонны. Стекланный купол венчает верх.

С боем прорвались сюда солдаты. В последних атаках, в последних боях солдаты. Последние метры война считает.

В сорочке родился Герасим Лыков. С 41-го он воюет. Знал отступления, знал окружение, три года идет вперед. Хранила судьба солдата.

— Я везучий, — шутил солдат. — В этой войне для меня не отлита пуля. Снаряд для меня не выточен.

И верно, не тронут судьбой солдат.

Ждут солдата в далеком краю российском жена и родители. Дети солдата ждут. Ждут победителя. Ждут!

В атаке, в порыве лихом солдат. Последние метры война считает. Не скрывает радость свою солдат. Смотрит солдат на рейхстаг, на здание. Огромно, как море, здание. Колонны, колонны, колонны. Стекланный купол венчает верх.

Последний раскат войны.

— Вперед! Ура! — кричит командир.

— Ура-а-а! — повторяет Лыков.

И вдруг рядом с солдатом снаряд ударил. Гроном ухнул огромный взрыв. Поднял он землю девятым валом. Упала земля на землю. Сбила она солдата. Засыпан землей солдат, словно и вовсе на свете не был.

Кто видел, лишь ахнул:

— Был человек и нет.

— Вот так пуля ему не отлита.

— Вот так снаряд не выточен.

Знают все в роте Лыкова — отличный товарищ, солдат примерный. Жить бы ему да жить. Вернуться бы к жене, к родителям. Детей радостно расцеловать. Да только чудес на земле не бывает. Раз погребенный — не оживает. Пусть земля ему будет пухом.

И вдруг снова снаряд ударил. Рядом с тем местом, что первый. Немногим совсем в стороне. Рванул и этот огромной силой. Поднял он землю девятым валом.

Смотрят солдаты — глазам не верят. Поднял взрыв землю, а с ней и Лыкова. Поднял, подбросил, даже поставил на ноги.

Жив оказался солдат. Засыпал, отсыпал его снаряд. Вот ведь судьба бывает. Знать, и вправду пуля ему не отлита. Снаряд для него не выточен.

Снова Лыков в атаке, в лихом порыве. Все ближе и ближе колонны рейхстага. Купол в небе стеклом сверкает. Последние метры война считает.

- Сержант Егоров!
- Я сержант Егоров!
- Младший сержант Кантария!
- Я младший сержант Кантария.

Бойцов вызвал к себе командир. Советским солдатам доверялось почетное задание. Им вручили боевое знамя. Это знамя нужно было установить на здании рейхстага.

Бойцы взяли под козырек и ушли. Многие с завистью смотрели им вслед. Каждый сейчас хотел быть на их месте.

У рейхстага идет бой.

Пригнувшись, бегут Егоров и Кантария через площадь. Советские воины внимательно следят за каждым их шагом. Вдруг фашисты открыли бешеный огонь, и знаменосцам приходится залечь за укрытие. Тогда наши бойцы вновь начинают атаку, и Егоров и Кантария бегут дальше.

Вот они уже на лестнице. Подбежали к колоннам, подпирающим вход в здание. Кантария подсаживает Егорова, и тот пытается прикрепить знамя у входа в рейхстаг.

— Ох, выше бы! — вырывается вздох у наблюдающих бойцов.

И, как бы услышав просьбу товарищей, Егоров и Кантария снимают знамя и бегут дальше. Они врываются в рейхстаг и исчезают за его дверьми.

Бой уже идет на втором этаже. Проходит несколько минут, и в одном из окон, недалеко от центрального входа, вновь появляется красное знамя. Появилось. Качнулось. И вновь исчезло.

Забеспокоились солдаты. Что с товарищами? Не убиты ли?!

Проходит минута, две... десять. Тревога все больше и больше охватывает солдат. Проходит еще тридцать минут, но ни Егорова, ни Кантария, ни знамени больше не видно.

И вдруг крик радости вырывается у сотен бойцов. Знамя цело. Друзья живы. Пригнувшись, они бегут на самом верху здания — по крыше. Вот они выпрямились во весь рост, держат знамя в руках и приветственно машут товарищам.

Потом вдруг бросаются к застекленному куполу, который поднимается над крышей рейхстага, и осторожно начинают карабкаться еще выше.

— Правильно, туда его — к самому небу! — кричат солдаты.

— Выше, братишки, выше!

На площади и в здании еще шли бои, а на крыше рейхстага, на самом верху, в весеннем небе над побежденным Берлином уже уверенно развевалось Знамя Победы. Два советских воина, русский рабочий Михаил Егоров и грузинский юноша Милитон Кантария, а вместе с ними и тысячи других бойцов разных национальностей сквозь метель и непогоду войны принесли его сюда, в самое фашистское логово, и установили на страх врагам как символ непобедимости советского оружия.

Прошло несколько дней, и фашистские генералы признали себя окончательно побежденными. Гитлеровская Германия была полностью разбита. Великая освободительная война советского народа против фашизма закончилась полной нашей победой.

Вскоре в Москве на Красной площади состоялся грандиозный Парад Победы. Сводные полки, приехавшие с фронтов, проходили мимо Ленинского Мавзолея. Руководители партии, члены правительства на Мавзолее. Масса гостей на площади.

Проходят полки. Чекают солдаты шаг. И в каждом шаге звучит как эхо: «Победа! Победа! Победа!»

Идут солдаты. А вот и особая вышла рота. Зашевелилась, задвигалась площадь: — Что там несут солдаты?

Солдаты несли знамена поверженной фашистской Германии. Вот поравнялись бойцы с Мавзолеем. Вот повернулись резко. Шагнули вперед. Замерло все на площади. Полетели на землю знамена. К ногам стоящих, к подножию Мавзолея.

И снова идут полки. И снова в солдатском шаге, как крик, как эхо: «Победа! Победа! Победа!»

А вечером был салют.

Ликовали земля и люди. Гремели, гремели, гремели залпы. То радость огнями взлетала в небо.

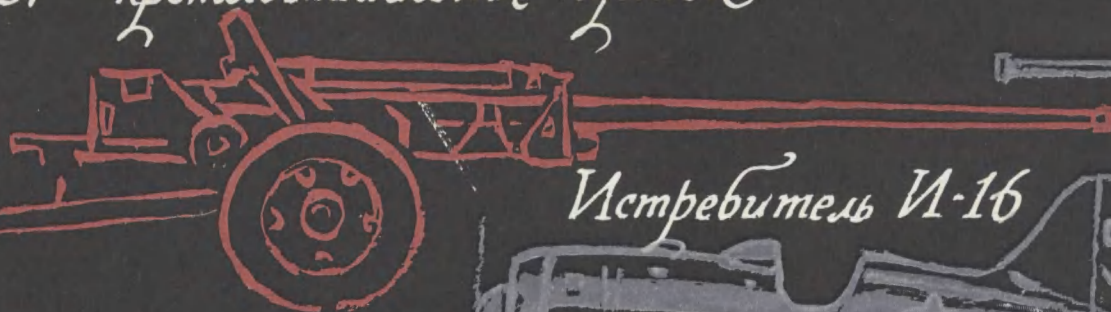
Победа!

Победа!

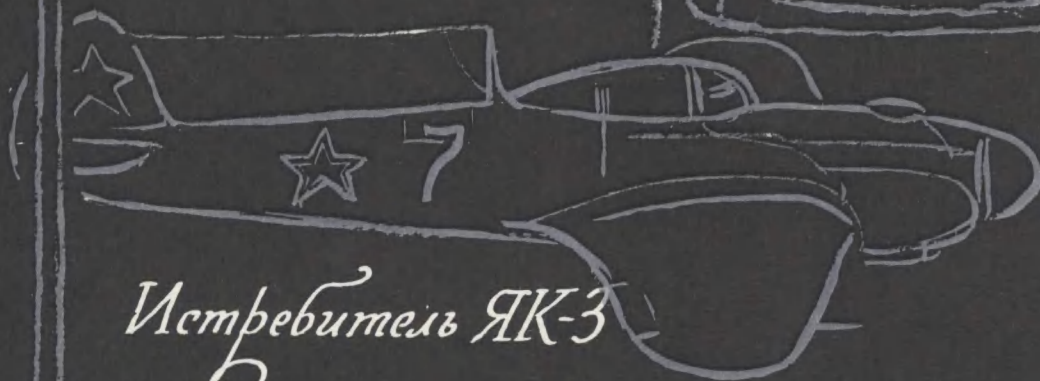
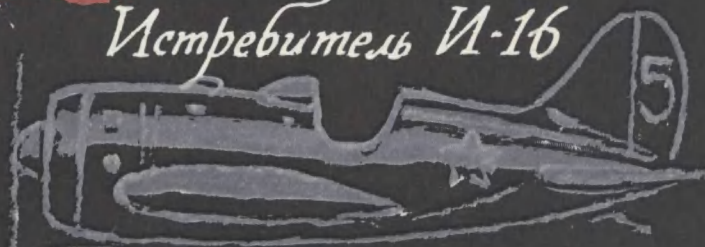
Победа!

57-мм противотанковая пушка

Истребитель И-16

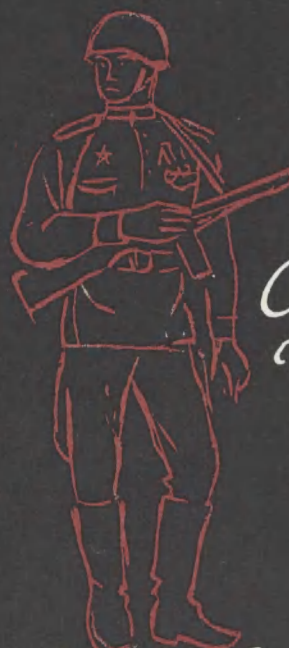

Истребитель ЯК-3

Противотанковое
ружье

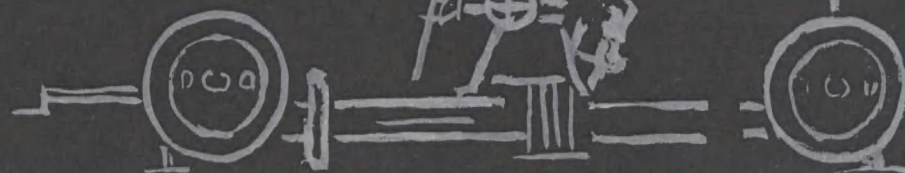
Медаль
"За взятие
Берлина"

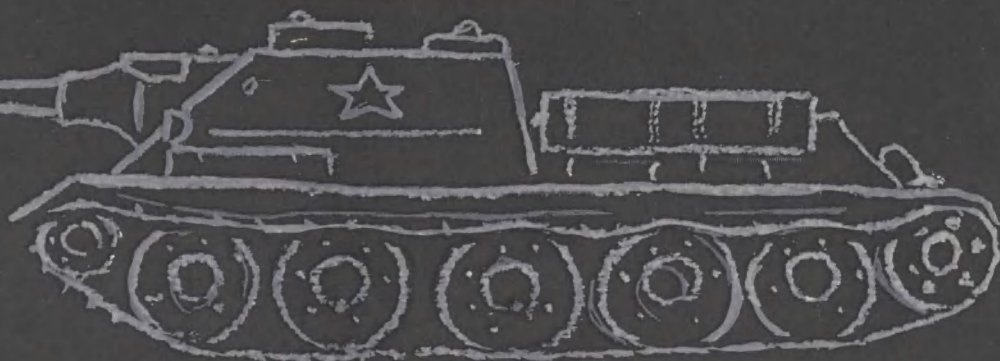
Советский
солдат

Зенитное орудие

Авиабомба

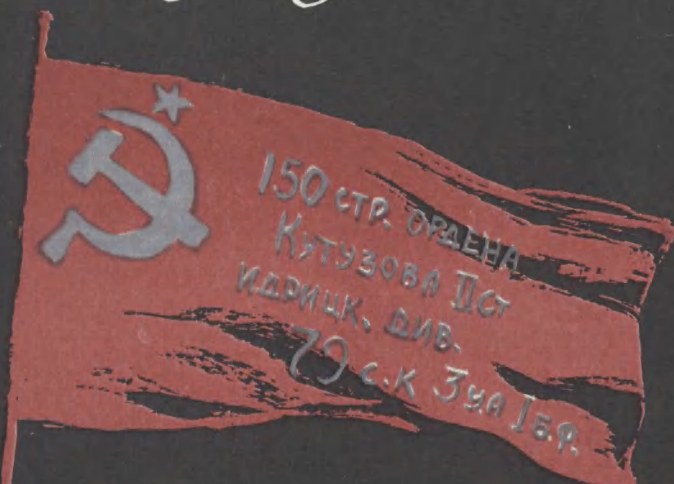

Самоходная артиллерийская
установка СУ-100

Знамя Победы

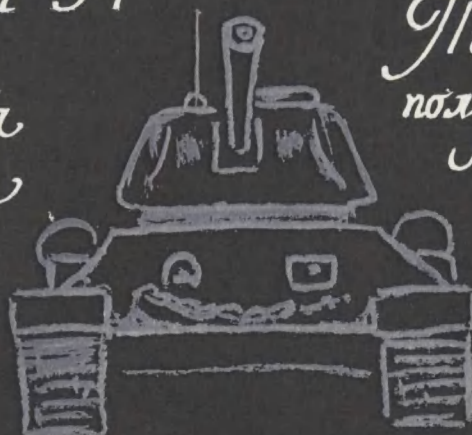
Реактивный
миномет БМ-13
"Катюша"

Пистолет
полуавтоматический

Танк Т-34

Полевая
сумка

Винтовка сист.
Мосина обр.
1891/30 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

РАССКАЗЫ О ПРОШЛОМ

НЕБЫВАЛОЕ БЫВАЕТ

- Глава первая.* НА РЕКЕ НАРОВЕ 9
- Глава вторая.* РАДУЙСЯ МАЛОМУ, ТОГДА И БОЛЬШОЕ ПРИДЕТ 20
- Глава третья.* НА РЕКЕ НЕВЕ 32
- Глава четвертая.* ОПЯТЬ НАРВА 42

РАССКАЗЫ О СУВОРОВЕ И РУССКИХ СОЛДАТАХ

- Глава первая.* ВСЮДУ ИЗВЕСТНЫ 53
- Глава вторая.* ПРИВЫКАЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕУТОМИМОЙ 77
- Глава третья.* ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД 97

ПТИЦА-СЛАВА

Рассказы об Отечественной войне 1812 года

- Глава первая.* ЛЬВИНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ 115
- Глава вторая.* НОВЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ 130
- Глава третья.* БОРОДИНО 142
- Глава четвертая.* КАКАЯ СЕГОДНЯ ПОГОДА 156
- Глава пятая.* НЕБО. ПОЛЕ. ПОЛОЗЬЕВ СКРИП 165
- Глава шестая.* ПОСЛЕДНИЙ КРИК НАПОЛЕОНА 181

Часть вторая

РАССКАЗЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

РАССКАЗЫ О ВЕЛИКОЙ МОСКОВСКОЙ БИТВЕ

Глава первая. АРИФМЕТИКА **201**

Глава вторая. «КАКОЙ РОД ВОЙСК СРАЖАЕТСЯ?» **233**

РАССКАЗЫ О ВЕЛИКОМ СРАЖЕНИИ НА БЕРЕГАХ ВОЛГИ

Глава первая. СЕМЬ ТЫСЯЧ ЯРОСТНЫХ АТАК **253**

Глава вторая. КАРАЮЩИЙ МЕЧ СТАЛИНГРАДА **274**

РАССКАЗЫ О БЕРЛИНСКОМ СРАЖЕНИИ, ШТУРМЕ БЕРЛИНА И ПОЛНОЙ НАШЕЙ ПОБЕДЕ

Глава первая. НА БЕРЛИН ИДУТ МАШИНЫ **299**

Глава вторая. ПОСЛЕДНИЕ МЕТРЫ ВОЙНА СЧИТАЕТ **315**

Алексеев С. П.

А47 Рассказы о русском подвиге. Худож. В. Ма-
кеев. М., «Сов. Россия», 1979.

344 с.

Книга рассказов писателя-историка о борьбе России с иноземными за-
хватчиками.

Главный герой книги — народ, который ценой великого подвига защи-
тил свою Родину, отстоял ее в тяжелой борьбе и завещал святое дело защиты
Отечества своим потомкам. От подвигов петровских солдат и суворовских
чудо-богатырей до битв Великой Отечественной войны — таковы хронологи-
ческие границы книги.

А 70803—234 175—78 4803010102
М-105(03)79

P2

Для детей младшего школьного возраста

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ АЛЕКСЕЕВ

РАССКАЗЫ
О РУССКОМ
ПОДВИГЕ

Редактор М. ДОЛОТЦЕВА

Художественный редактор М. ТАИРОВА

Технический редактор Л. САМСОНОВА

Корректоры Л. КОНКИНА и Л. ЛОГУНОВА

ИБ № 953

Сдано в набор 27.12.77. Подписано в печать 20.02.79. Формат 84×108/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ.
л. 36,12. Уч.-изд. л. 34,014. Тираж 100 000 экз. Зак. 119. Цена 3 р. 30 к.
Изд. инд. ЛД-426. Издательство «Советская Россия» Государственного ко-
митета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат дет-
ской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата
РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

